

Сергей М. Сухопаров (изд.)

Алексей Крученых
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
СОВРЕМЕННОИКОВ

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH. Sergej M. Suchoparov - 9783954791101
Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 03:16:17AM
via free access

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Wilfried Fiedler · Walter Koschmal · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 309

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
СОВРЕМЕННОИКОВ

**Составление, вступительная статья,
подготовка текста и комментарии**

Сергея Сухопарова

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

ISBN 3-87690-569-9
© Verlag Otto Sagner, München 1994
Abteilung der Firma Kubon & Sagner
D-80328 München

Vorbemerkung

Die Arbeits- und Publikationsmöglichkeiten für WissenschaftlerInnen, für PhilologInnen haben sich in den Ländern der ehemaligen Sowjetunion in den letzten Jahren für viele nachhaltig verschlechtert. Kooperationen mit westlichen WissenschaftlerInnen und Universitäten vermögen die Arbeit einzelner in dieser für sie schwierigen Situation oft zu fördern. Freilich bleiben es leider immer nur einzelne, mit denen solche Zusammenarbeit ermöglicht werden kann.

Im Falle von Sergej Suchoparov aus Cherson in der Ukraine ist dies gelungen. Die Deutsche Forschungsgemeinschaft bewilligte einen Antrag der Fachrichtung 8.4 Slavistik der Universität des Saarlandes auf einen dreimonatigen Forschungsaufenthalt von Sergej Suchoparov an der Universität. In diesem zeitlichen Rahmen sollte ein Projekt zum Abschluß gebracht werden, an dem der Autor schon viele Jahre gearbeitet hatte. Tatsächlich stand am Ende der knapp bemessenen Frist eine - fast - fertige Monographie, die hiermit einem größeren, interessierten Leserkreis zugänglich gemacht wird.

Sergej Suchoparov hatte bereits über Jahre hinweg Materialien und Zeugnisse von Zeitgenossen zu einem der wichtigsten Vertreter der russischen Avantgarde, Aleksej Kručenych, zusammengetragen. Mehr als die Hälfte dieser Materialien wurden bis heute nicht veröffentlicht. Viele wurden speziell für diese Publikation verfaßt. Ein anderer Teil der Materialien wurde zwar bereits publiziert, doch ist er heute nicht selten schwer zugänglich. Die Materialien umfassen ebenso Erinnerungen von Zeitgenossen an Kručenych wie Beiträge zu seinem dichterischen Werk.

Als besonderer Kenner des Werks von Aleksej Kručenych, als der er erst vor kurzem mit einer eigenständigen Monographie zu diesem Schriftsteller hervortreten konnte, hat Sergej Suchoparov diese Materialien zudem ausführlich kommentiert. Damit dürfte er einen wesentlichen Beitrag zu der nicht allzu umfangreichen Kručenych-Forschung geleistet haben.

Diese hat in Deutschland zweifellos schon eine besondere Tradition. Deshalb fügt sich die Publikation der vorliegenden Sammlung gut in eine deutsche slavistische Reihe ein. Es ist zu hoffen, daß die Veröffentlichung dieser Materialien der Kručenych-Forschung als ganzer Impulse zu geben vermag. Freilich stellt die Publikation russischsprachiger Studien

Herausgeber und Verlag auch vor besondere Probleme. Daß sich beide dennoch für die Veröffentlichung entschlossen haben, dafür sei Ihnen gedankt.

Dankend genannt werden sollen aber auch jene, die bei der technischen Bearbeitung und Fertigstellung des Bandes an der Fachrichtung 8.4 Slavistik der Universität des Saarlandes wesentlich mitgewirkt haben. Es sind dies Evelyn Treib und Dušan Hajduk-Veljkovič.

Saarbrücken, Februar 1994

Walter Koschmal

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Сухопаров.</i> В разных измерениях	9
<i>Борис Пастернак.</i> Взамен предисловия	30
<i>Сергей Бобков.</i> СПб., прогулка	31
<i>Бенедикт Лившиц.</i> Манифест	32
<i>Михаил Матюшин.</i> Мне были близки его идеи	34
<i>Александр Мгебров.</i> Смелый вызов	40
<i>Роман Яacobсон.</i> "Одной горчицей сыт не будешь"	43
<i>Александр Дейч.</i> "Насчёт коровы пусть говорит"	45
<i>Татьяна Вечорка.</i> Нечаянно. (Жизнь Кручёных)	48
<i>Юрий Долгушин.</i> Он был деятелен	50
<i>Игорь Терентьев.</i> Алексею Кручёных	52
<i>Василий Катанян.</i> "Об умереть не может быть и речи!"	53
<i>Велимир Хлебников.</i> Алёше Кручёных	57
<i>Велимир Хлебников.</i> "Кто-то дикий, кто-то шалый..."	57
<i>Велимир Хлебников.</i> "Замороженный Озирис..."	58
<i>Игорь Терентьев.</i> О зудеснике	58
<i>Давид Бурлюк.</i> Злобен и ядовит	59
<i>Велимир Хлебников.</i> Кручёных	60
<i>Андрей Шемшурин.</i> Слишком земной человек	61
<i>Алексей Чичерин.</i> Кручёных и Маяковский	64
<i>Николай Соколов.</i> 60 лет спустя	65
<i>Борис Пастернак.</i> Кручёных	67
<i>Борис Пастернак.</i> А.Е.Кручёных	68
<i>Игорь Терентьев.</i> К предисловию Пастернака	69
<i>Гарегин Бебутов.</i> Человек-легенда	70
<i>Мария Синякова.</i> Колоссальный успех был!	84
<i>Валентин Катаев.</i> Вьюн	85
<i>Николай Асеев.</i> Портрет А.Кручёных	86
<i>Николай Асеев.</i> Охота на гиен	87
<i>Елена Вялова-Васильева.</i> Васильев и Кручёных	92
<i>Павел Васильев.</i> Ей и Алексею Кручёных	95
<i>Михаил Скуратов.</i> Неугомонный речетворец	95
<i>Михаил Скуратов.</i> Алексей Кручёных	104
<i>Николай Асеев.</i> Отцы и дети	108
<i>Михаил Вершинин.</i> В грозную пору Москвы	111

<i>Леонид Вышеславский. Несколько слов об Алексее Кручёных</i>	114
<i>Яков Шведов. "Не зная сна и тишины..."</i>	119
<i>Борис Пастернак. Алексею Кручёных. (Вместо поздравления)</i>	120
<i>Виктор Шкловский. Письмо о любви</i>	120
<i>Михаил Светлов. Застольные шутки</i>	121
<i>Леонид Мартынов. "О, нет, Кручёных не зачах..."</i>	122
<i>Виссарион Саянов. Вечно в движении</i>	123
<i>Николай Старшинов. Последний из футуристов</i>	123
<i>Наум Коржавин. Опыт поэтической биографии</i>	124
<i>Владимир Корнилов. Лицо запоминающееся</i>	128
<i>Наталья Гончарова-Шведова. Воспоминания детства</i>	130
<i>Светлана Степанова. Письмо к В.А.Родченко</i>	132
<i>Андрей Вознесенский. Утренний рожок российского футуризма</i>	133
<i>Юнна Тугова-Сенькина. Мой сосед</i>	136
<i>Андрей Чернов. Генезис прозы и стиха</i>	141
<i>Лев Озеров. Селёдка в компоте</i>	143
<i>Борис Слуцкий. Такая книжечка</i>	152
<i>Юрий Денисов. Леопард футуристической армии</i>	153
<i>Дмитрий Молдавский. Алексей Кручёных</i>	160
<i>Евгений Евтушенко. Непонятым поэтам</i>	163
<i>Евгений Евтушенко. Он был автографом эпохи</i>	165
<i>Николай Никифоров. Что вспомнилось</i>	166
<i>Геннадий Айги. КРЧ – 80</i>	168
<i>Борис Слуцкий. Кручёных – 1966</i>	168
<i>[Б. п.]. Вечер в честь 80-летия Алексея Елисеевича Кручёных</i>	169
<i>Владимир Радзишевский. После юбилея</i>	171
<i>Борис Слуцкий. Кручёных</i>	173
<i>Вячеслав Нечаев. Вспоминая Кручёных...</i>	175
<i>Валентин Лавров. "Оригинальный был человек!"</i>	186
<i>Лидия Либединская. Алексей Елисей – всех поэтов словосей!</i>	197
<i>Ольга Сетницкая. Письмо к О.Ф.Кручёных</i>	206
<i>Михаил Матусовский. Алексей Кручёных у нас дома</i>	209
<i>Николай Харджиев. Он умел быть другом</i>	211
<i>Виктор Соснора. Алексей Кручёных</i>	211
<i>Николай Глазков. Будетляне</i>	214
<i>Евгений Рейн. Авангард</i>	215
П р и м е ч а н и я	217

В РАЗНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

1

История создания настоящего сборника восходит к памяtnому мне холодному московскому вечеру конца 1984 года, когда, под впечатлением от блистательного литературного вечера – тогда ещё опального – Вяч. Вс.Иванова, проходившего, естественно, не в официальном ЦДЛ, но в демократичном по традициям великолепном Доме Композитора, ко мне неожиданно пришла мысль составить книгу воспоминаний об Алексее Кручёных.

По окончании вечера я подошёл к Вячеславу Всеволодовичу, и он был первым, кому я не только рассказал об идее сборника, но и тут же предложил участвовать в нём. Выдающийся учёный поддержал идею и вежливо поблагодарил за приглашение, однако добавил, что у него отношение к Кручёных особое и он обещает написать о нём несколько страниц, но то будут жёсткие воспоминания...

И уже по тому вескому ответу, да к тому же неплохо зная литературу о Кручёных, я понял, что сборник его памяти не будет "ровным", сплошь уважительно-"юбилейным", и что надо готовиться к разным "неожиданностям". Так оно и случилось, когда я, по возвращении в Херсон, начал рассылать литераторам приглашения принять участие в сборнике, а вскоре стал получать ответы.

Первым, помнится, откликнулся Дм.Молдавский, приславший открытку от 15 марта 1985 года: "<...> Спасибо за любезное приглашение участвовать в сборнике, посвящённом А.Е.Кручёных. Я готов написать о нём несколько страниц (немного больше, чем в моих заметках о Н.Н.Асееве) <...> Знаю, с каким трудом проходят сборники вообще, а такого рода в особенности... <...>"¹. Ему вторил Г.Бебутов, также откликнувшийся одним из первых: "<...> Давно собирался написать об Алексее Елисеевиче, и материалы подобраны, но всё время откладывал <...> Интересно, из чьих воспоминаний Вы собираетесь составить сборник – ведь его поколения уже нет. Только

---

¹Здесь и далее впервые в печати цитируются письма, находящиеся в моём распоряжении

Каверин, Катаев и Харджиев могли бы, мне кажется, о нём рассказать <...> Отношения некоторых писателей к нему было двойственным <...>" (письмо от 23 марта 1985 года).

Конечно, я понимал, что издать сборник материалов о Кручёных, при устойчивой к нему официальной нелюбви, было делом почти безнадежным, но какая-то внутренняя сила побуждала меня к действию, не давая сосредотачиваться на вопросе о целесообразности траты сил.

Тем временем я продолжал получать ответы, и папка с материалами по сборнику стала пухнуть на глазах. А первый текст – да такой объёмный! – пришёл от Л.Либединской, остальные же или долго раскачивались и требовали постоянных напоминаний, а то и уговоров (впрочем, не все, не все!), или ещё не были мною разысканы, или же честно сообщали, что писать не будут. Считаю, стоит привести выдержки из некоторых писем тех литераторов, кто отказались участвовать в сборнике, поскольку в них нередко содержатся крупницы сведений о самом Кручёных.

Вот что сообщал прозаик Леонид Рахманов в письме от 31 марта 1985 года: "<...> К сожалению, я не могу написать воспоминания об Алексее Елисеевиче Кручёных – я его очень мало знал. Встречался только в 1943 году и то чисто эпизодически. Не раз обедал с ним в Доме литераторов в Москве, да однажды был у него дома, чтобы купить необходимую мне книгу. Невольно заметил, что в комнате был страшный беспорядок: рукописи, книги на столе, на окне перемешаны с продуктами, тут же стоял недопитый стакан чая – типичное холостяцкое жильё! Роста Кручёных был весьма среднего, худенький. Никаких разговоров о футуризме у нас не было <...>"

Отказался писать о Кручёных и автор замечательной новеллы о В.Татлине прозаик Даниил Данин, без сомнения, прекрасно разбирающийся в русском авангарде: "<...> К сожалению, я не могу откликнуться на Вашу просьбу. Причина до крайности проста: хотя я был знаком с Алексеем Елисеевичем, это знакомство сводилось к обмену ничего не значащими словами. Я был ему совершенно неинтересен и ни для чего не нужен. И, ясно ощущая это, я со своей стороны никогда не решался втягивать его в разговор о тех временах, когда он был близок с Хлебниковым, Маяковским, Пастернаком, а это только и волновало меня в его биографии. Признаюсь Вам, что

творчество Кручёных всегда оставалось для меня загадочным по своим истокам и никогда не представлялось серьёзным. Виноват, но что было – то было. Не улучшать же историю, да ещё свою собственную! А внешний его портрет так превосходно написал Андрей Вознесенский в воспоминаниях о Пастернаке, что мне прибавить решительно нечего. Простите меня, но это, в сущности, всё, что я могу написать в ответ на Ваше предложение. Желаю Вам удачи <...>” (письмо от 6 апреля 1985 года).

Литературовед Сурен Гайсарьян прислал не просто письмо, а небольшой пристрастный анализ некоторых основных положений поэтики Кручёных: “<...> С А.Е.Кручёных я не был знаком, но в конце 20-х годов, в дни моей молодости, он мелькал здесь и там, издавал разного рода брошюры, которые продавались за гроши. <...> Близко знавшие А.Е.Кручёных говорили, что он был добрый человек. Возможно. И это также большое достоинство. Что касается его литературной деятельности, она всегда мне представлялась сомнительной, лишённой реальных оснований. Кручёных писал, например: “Лилия – прекрасна, но безобразно слово *лилия*, захватанное и “изнасилованное”. Поэтому я называю лилию *еуы*, и первоначальная чистота восстановлена”. Всё это чепуха чистой воды! Поэзия имеет дело с языком, то есть, со словами, а не звуками, хотя и они в ней играют существенную роль. Для меня и цветок лилия, и его название одинаково прекрасны. В.Шкловский пристраивал к Кручёных Лермонтова, Фета и даже Гёте. Напрасно! Эти последние великие поэты говорили совсем о другом, ни на минуту не представляя, что может быть поэзия без общепринятых слов. Превратное толкование высказываний великих людей никому не делает чести. Хочу заметить в анекдотическом плане, что первый русский футурист-заумник появился в России задолго до Кручёных. Дельвиг как-то представил Пушкину двух своих маленьких братьев, 4 и 6 лет – романтика и классика, как он их называл. 4-летний романтик Иван тут же прочёл Пушкину сочинённое им двестишше:

**Индияди, Индияди, Индия!
Индияди, Индияди, Индия!**

При этом Пушкин "погладил его по голове, поцеловал и сказал, что он точно романтик"². Не случайно и то, что в Антологию "Русской поэзии XX века" И.Ежова и Е.Шамурина, куда вошли все действовавшие в то время (1925 год) поэты, не нашлось места для Кручёных. Право, незачем прекрасное слово *лилия* заменять неуклюжим сочетанием звуков *еуы!* <...>" (письмо от 4 июля 1987 года).

А вот любопытный эпизод, вспомнившийся поэту Олегу Дмитриеву: "<...> В 1958 году я впервые попал в ЦДЛ, куда нас привели руководители семинара 1-го московского совещания молодых литераторов. К ним за стол (то ли к Старшинову, то ли к Долматовскому) подсел Кручёных. Я запомнил его как неряшливо одетого старика (которых называют "старикашками"). Никакого ореола былой известности на нём не было – суетился, показывал, пуская по рукам, фото, где он рядом с великими <...>" (письмо от 28 января 1987 года).

Выдающийся искусствовед Ростислав Юренев знал Кручёных с 20-х годов, однако рассказал в письме не только об этом: "<...> Ваше увлечение А.Е.Кручёных – редкость, заслуживает уважения и поощрения. Я лично считаю его поэтом слабым, но эпоху он воплотил интереснейшую. В молодости (20-30-е годы) я писал стихи и в районе Домов Герцена и Печати, нередко встречал странного, неряшливо одетого человека, славного своим *дыр-бул-щел* и памфлетами на Маяковского и весьма интересно разговаривавшего. Жил он, по слухам, помощью писателей и продажей автографов. Даже у меня он взял автограф, сказав, что лет через 20 за него заплатят в Литературном музее рубля три... Его сборник "Говорящее кино" (М., 1928) где-то нашёл Д.С.Писаревский, мой коллега по И<нститу>ту киноискусства. Сделал несколько ксерокопий, одну из которых подарил мне. Была у нас идея напечатать хотя бы часть [этих] стихотворений в сборнике "Из истории кино", но сборник этот издаёт [издательство] "Искусство", крайне неохотно и нерегулярно, да и против публикации стали возражать "руководящие товарищи" и из Института, и из издательства. Борьба ещё не окончена. Мы ещё не

² Приведено в книге В.Брюсова "Мой Пушкин" (М.-Л., 1929). Интерпретация С.Гайсарьяна.

сдаёмся. <...> Несмотря на слабость стихов Кручёных³, они несомненно интересны. Верлибр в те годы был редок. Тематика – ещё реже. Оценки фильмов чаще всего неверны, однако свободная их оценка (давно позабытая нами) – приятна. Приезд изобретателей "Три Эргон"⁴ в 1926 году – факт. О нём (кратко) есть даже в моей популярной книге "Чудесное кино" (М., 1983, с.69), раньше есть в книгах Лебедева, Садуля. Знакомство с "Три Эргон" вызвало знаменитую "звуковую заявку" Эйзенштейна, Пудовкина и Александрова (1928) – см.: С.М.Эйзенштейн. Избр<анные> соч<инения>, т. 2, с.315. Сборников стихов о кино до Кручёных я не знаю, хотя вопросом этим не интересовался. Вероятно, он на русском языке – первый <...>" (письмо от 19 июня 1986 года).

С интересом прочёл я письмо поэта Александра Ревича от 23 июля 1988 года, пожалев, что он больше почему-то не откликнулся и не прислал воспоминания о Кручёных: "<...> Алексея Елисеевича я несколько раз встречал в доме нашего общего знакомого, профессора архитектуры Бориса Яковлевича Улинича, который был учеником Шехтеля и дружил с его сыном, художником Львом Жегиним, а также Чекрыгиным и Маяковским. Кручёных с этим домом был связан многолетней дружбой, ходил туда, не предупреждая телефонным звонком, "налётом", его там кормили-поили, собирали его весьма талантливые рисунки, которыми он задаривал хозяев. У меня о нём сложилось впечатление как о человеке неприкаянном. Или он старался производить такое впечатление. О нём ходила дурная слава: дескать, он ворует книги; но, насколько помню, в этом доме он ничего не украл. В году 1952-53, помнится, меня пригласил в Центральном Доме литераторов за ресторанный стол Михаил Светлов. Там сидели ещё несколько известных писателей – Ю.К.Олеша и ещё кто-то. К столу подсел Кручёных и стал просить каждого из нас оставить ему на память автограф. Я смутился, стал отказываться: мол, я молодой, начинающий, никому не известный. А<лексей> Е<лисеевич> ответил [на это]: "Дайте автограф. Кто вас знает, а вдруг станете знаменитым" <...>"

³ Речь идёт о сборнике "Говорящее кино".

⁴ Одна из первых звуковых систем в кино.

Понравилась и искренность поэта Марка Соболя, ответившего письмом от 13 ноября 1986 года: "<...> Что касается творчества Кручёных, то, по-моему, это скорее занятно, нежели талантливо. <...> Нищий, чрезвычайно неопрятный, но при этом великий хитрюга: собирая по клочку рукописи, он умел их – хотя бы клочками – ловко продавать. Даже рассказывал он что-либо лишь ради чего-то: денег, угощения и т.п. Мне казалось, что – как личность – он давно кончен. Впрочем, я был тогда молод и по молодости беспощаден. <...> Ещё помню, что Л.Ю.Брик говорила о нём с удивляющим меня уважением – стало быть, для этого уважения были поводы <...>".

Сборник собирался небыстро. На темпах сказывалось прежде всего откровенное недоверие немалой части авторов (потенциальных в том числе) в конечном успехе задуманного. Замедлялась работа ещё и потому, что я решил совместить под одной обложкой воспоминания и статьи о Кручёных. Из учёных быстро откликнулись только Татьяна Никольская и доктор искусствоведения Дмитрий Писаревский, приславшие специально написанные по этому случаю статьи.

Несмотря на разного рода трудности, корпус основных работ вскоре был собран, и на свет появился проспект сборника, который я стал рассылать авторам и вообще всем заинтересованным лицам.

Обширный проспект ясно свидетельствовал, что несомненной особенностью составлявшейся книги являлось разное, иногда прямопротивоположное отношение авторов к личности и творчеству Кручёных. Известно немало мемуарных сборников, однако рискну заметить, что вряд ли найдётся среди них хоть один, где оценки главного героя были бы столь разными, а порой и резко отрицательными. Но такова уж была фигура Кручёных! И ни минуты не сомневаюсь, что о нём мог состояться только такой, открытый, совершенно искренний разговор. Жаль только, что большинство критических стрел направлено всё же на личность Кручёных, как бы всё время отодвигая разговор о значимости его творчества, а то и просто подменяя этот разговор. Помнится, на возможность такого перекоса указывал мне много помогавший советами Г.Бебутов: "<...> судя по Вашему письму и оглавлению задуманной книги⁵, Вы взяли на себя непосильную ношу. Самое сложное, мне кажется,

---

⁵ Первоначальное название сборника: "Моя тема" (слова Кручёных).

заключается в предельной противоречивости личности Алексея Елисеевича, а ещё более противоречиво всё, что написано о нём. <...> На фоне многих противоречивостей возникает вопрос: как будут писать о нём перечисленные Вами мемуаристы? Если они завязнут в бытовщине, это получится нечто ужасное. Харджиев, наиболее потенциальный автор из всех перечисленных, отказался, конечно, не потому, что он "не мемуарист"... Есть, мне кажется, две возможности: или ограничиться анализом его поэзии от *дыр бул щыл* до "Рубиниады", попутно приводя высказывания современников именно о поэзии (наиболее искренние) и прибавить к этому строго отобранные статьи Кручёных (всё в одной книге), или, отбрасывая все преграды, создать фантастическую личность. Пожалуй, первый вариант для истории литературы предпочтительнее <...>" (письмо от 6 мая 1985 года).

Спустя несколько лет после начала работы над сборником, забрезжила вполне реальная возможность издать его: благодаря хлопотам литературоведа Станислава Лесневского, отдел критики и литературоведения издательства "Советский писатель" в лице его тогдашнего заведующего Б. поддержал идею книги и даже предложил предоставить рукопись.

Однако оказалось, что слова чиновника – это одно, а дела – совсем другое. Как только я уведомил Б. о том, что рукопись в основном готова и может быть представлена для рассмотрения в издательство, он ответил мне письмом (от 14 сентября 1987 года), которое, кажется, в комментариях не нуждается: "Уважаемый т<оварищ> Сухопаров! Вопрос об издании сборника А.Кручёных у нас оставался проблематичным, никаких определённых решений на сей счёт не было принято. А сейчас в редакции скопилось много заявок на подобные сборники первоочередной значимости (В.Ходасевича, Вяч.Иванова, Г.Иванова, О.Мандельштама, А.Белого и др<угих>). Так что на ближайшую перспективу не можем гарантировать издание А.Кручёных. Впрочем, если рукопись уже есть, мы готовы её рассмотреть. Опять же – без всяких обязательств её издания, даже если она вполне достойного уровня и необходимой степени готовности. С уважением <...>"

Скорее всего, этот сборник так никогда бы и не состоялся⁶, если бы не любезное приглашение Deutsche Forschungsgemeinschaft, предоставившего возможность подготовить книгу к печати.

2

По традиции сборники воспоминаний о писателе принято открывать рассказами о его детских и юношеских годах, о родителях, семье, родственниках. В данном случае это заведенное правило придётся нарушить, поскольку мои многолетние упорные поиски свидетелей жизни Кручёных херсонского и одесского периодов – вплоть до его окончательного отъезда из Херсона в 1910 году – не увенчались успехом. Известные же мне воспоминания родственников Кручёных при ближайшем их строгом рассмотрении и сопоставлении с другими источниками оказались настолько недостоверными, что не только не могут быть помещены в настоящем сборнике, но и вообще считаться мало-мальски серьёзным материалом для изучения биографии поэта⁷.

Поэтому до сего дня единственным источником сведений о "дофутуристическом" периоде биографии Кручёных, а особенно о его детских и юношеских годах, остаётся он сам. Имею в виду не только главы из до сих пор полностью не опубликованных воспоминаний "Наш выход" и "Жизнь будетлян", но и его позднейшие рассказы, точно записанные верным другом Ольгой Сетницкой. Именно благодаря ей мы имеем единственные достоверные сведения о

---

⁶ Стоит упомянуть и о моих настойчивых попытках создать при Союзе писателей СССР – в те же годы – Комиссию по творческому наследию Алексея Кручёных, на что также ушло немало сил и времени. В её состав согласились войти Л.Либединская, Вяч.Вс.Иванов, Г.Айги, Л.Озеров, А.Вознесенский и некоторые другие литераторы (Евг.Евтушенко отказался). Необходимые бумаги я подготовил и передал одному ответственному работнику Правления СП СССР, непосредственно занимавшемуся утверждением таких Комиссий, однако она, похоже, была занята совсем другими проблемами, а точнее сказать, попросту наплевала на ходатайство и Комиссия так и не была создана. Нет её и по сей день. Мне думается, что в определённой мере функции этой Комиссии исполняло и исполняет руководство ЦГАЛИ России, где хранится основная часть наследия поэта, что, конечно, совсем не отменяет необходимость в создании такой полноценной Комиссии.

⁷ Одни из них были опубликованы мною в специальном издании: Все про Олексія Кручоних. Херсон, 1990, 23 листопада, с.6-7 (на русском языке). Сейчас эту публикацию считаю поспешной, тогда же она казалась мне важной и необходимой.

родителях и родственниках Кручёных. Вот что записала Аль-Алиса в своём дневнике 20 августа 1959 года⁸:

"Рассказывал: "Дед по матери – поляк Мальчевский – был зажиточный крестьянин. Отец⁹ – сын писаря: красив, молодцеват. Считал себя интеллигентом, был ленив и склонен к лёгкой жизни. На снимке он в манишке и галстук. Ему дед выделил дом и земельный надел. Мать¹⁰ ворочала хозяйством. У неё было четверо маленьких детей¹¹. Бабушка давала мне кусок хлеба с маслом, я уходил в кусты и масло слизывал. Деда по матери отец ненавидел, кричал ему вслед ругательства, а затем подходил к иконе, крестился и кланялся, бормоча: "Пресвятая Богородица, прости мя"¹²". Однажды он ударил деда каким-то дрекольем, остался шрам. Дед был хороший хозяин, у него были лошади, коровы. Говорят, я похож на него. У него были ещё две дочери. Он их отдал в монастырь. Дед построил для них там дом¹². Настоятельница была сестрой Скадовского, предводителя дворянства, настоящая ведьма. Она хотела прославиться и для этого построить огромный собор. Монахини ходили собирать на строительство. Обе дочери деда простудились и умерли от чахотки. Одна из сестёр была очень миловидна. Она учила А<лексея> Е<лисеевича> стихам об отшельнике¹³. После их похорон игуменья не разрешила деду даже переночевать в этом построенном им доме, сказав, что неприлично мужчине ночевать в обители. Дед, понимая, что мой отец будет ему плохим помощником, решил продать своё имущество и переехать в город Херсон. Купил дом у шарлатана Юдки. Этот Юдка много раз продавал свой дом. Ему давали задатки, но не могли выплатить всю сумму, и задатки пропадали. А дед

⁸ Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Тренто, 1990, s.178-179.

⁹ Елисей Петрович Кручёных.

¹⁰ Епистимия Никифоровна Кручёных. См. о ней в дневнике О.Сетницкой (со слов Кручёных): "Когда его мать, Епистимия, умерла, открыли царские врата, – знак её праведности" (Указ. соч., с.197).

¹¹ Мне известно только о троих: Алексее (поэте), его брате Фёдоре (1883?-1920) и сестре Лукерье (1894?-?), в 1918 году эмигрировавшей в Грецию, где её след вскоре затерялся.

¹² См. запись О.Сетницкой в дневнике от 14 августа 1952 года: "Вспоминал монастырский сад под Херсоном, где жили его тётки. Река, заросли камыша, солнце, ни души, и змейка глотала рыбку" (Указ. соч., с.163).

¹³ Ср. со свидетельством Кручёных в его воспоминаниях "Жизнь будетлян" (1932-1934): "<...> Моя тётя-монашка обучала меня религиозным песням. Мне это, видимо, мало нравилось, и однажды я ей вупор выпалил: "Чтоб вы, тётя, сдохли!" Вообразите весь ужас всей набожной семьи! <...>" ("Донбасс", Донецк, 1991, с.138; публикация С.Сухопарова).

выплатил всё сполна. Это был большой дом, где нашей семье было предоставлено 4 комнаты. Отец занялся бакалейной торговлей. Во дворе был кран, жителям продавали воду по копейке за ведро. Сначала кран выходил на улицу, его открывали нарочно, и вода текла весь день. Незадолго до своей смерти бабушка сказала деду: "Продай дом, с ним столько хлопот". Дед мне в наследство оставил 100 рублей. Я тогда жил в Москве. Накупил в Училище живописи [ваяния и зодчества] красок и полотна на 50 рублей и работал всё лето. Заработал около 150 рублей. К этому времени я издал "Весь Херсон в карикатурах"¹⁴. Дед ходил и везде хвастался этим альбомом: сам неграмотный, а внук вот какая знаменитость! Когда бабушка умерла, мы с братом не пошли на её похороны. Дед обиделся. Сколько он оставил кому – не помню <...>".

Несколько больше мемуарных свидетельств сохранилось о двух фазах футуристического периода Кручёных – московско-петербургском и тифлисско-бакинском. Свидетельств могло быть намного больше, если бы прежде всего члены "Гилеи" оставили нам память о своём соратнике. Однако Елена Гуро, Маяковский, Николай и Владимир Бурлюки попросту не дожили до того возраста, в котором принимаются за мемуары, остальные же почему-то избегали писать о нём. Так, "отец российского футуризма" ограничился лишь развёрнутой характеристикой творчества Кручёных в своей позднейшей статье "От лаборатории к улице. (Эволюция футуризма)", полной больше цветистых эпитетов и междометий, чем конкретного делового анализа, а В.Каменский, автор нескольких объёмных книг воспоминаний о футуризме и своём месте в нём, посвятил недавнему соратнику всего лишь несколько сдержанных фраз: "<...> каждый из нас, будучи безудержно молодым, горячим, ретивым в битвах, старался показать себя самым левым, отчаянным изобретателем, невзирая на последствия. Тут рекорд остался, конечно, за Кручёных с его "заумным языком", с его бесконечными брошюрами кустарного

---

¹⁴ Вначале вышло несколько серий открыток "Всего Херсона..." (они продавались, в основном, поштучно), а в начале 1910 года, перед самым отъездом Кручёных из Херсона навсегда, он выпустил два альбома своих шаржей. Второй альбом – "Весь Херсон в шаржах и портретах" – полностью опубликован мною, см.: Сухопаров С. "Весь Херсон..." Олексія Кручоних". – "Трибуна", Херсон, 1990, № 43, 12 листопада, с.7 (вступительное слово на украинском языке с публикацией на русском языке полного текста "Письма в редакцию" Кручёных).

производства. Этот крайний анархист Кручёных "наводил страх на население" своими всяческими вариациями "вселенского языка". Но лаборатория "островитянина" Кручёных имела своё основание в общей системе культуры языка, поскольку заумный поэт проделывал опыты над функциями звуков человеческой речи, над взаимными отношениями и изменениями этих звуков. <...>"¹⁵.

Ещё один "гилеец" – соратник-попутчик Б.Лившиц, терпимо относившийся к Кручёных во времена "боевых" лет футуризма, спустя два десятилетия безжалостно резко расправился с ним: ни к одному из многих героев и просто действующих лиц "Полутораглазого стрельца" не проявил он столько отрицательного отношения, как к Кручёных.

Почти случайно попав в среду далеко не органичную ему, Лившиц, никак не случайно, вскоре распрощался с ней навсегда. И даже когда уже вовсю гремел московский Леф, а в Ленинграде пытался встать на ноги свой подобный "фронт", он не проявил к ним никакого интереса. Но прошлые битвы волновали Лившица всегда, подтверждение чему – появление "Полутораглазого стрельца", "одной из самых значительных и ценных книг по эпохе раннего футуризма"¹⁶. В этой замечательной биографии поколения новаторов, – впоследствии растерзанного историей, – со своей иерархией имён, событий, оценок, один эпизод, похоже, имеет нерядовое значение: "<...> мы <...> корчились от смеха, когда, мимоходом воздав должное гениальности Хлебникова, Чуковский делал неожиданный выверт и объявлял центральной фигурой русского футуризма... Алексея Кручёных. В будетлянском муравейнике, хозяйственно организованном Давидом Бурлюком, всякая вещь имела определённое назначение. Красовавшаяся перед воротами в становище речетворцев навозная куча, на вершине которой, вдыхая запах псины, нежился автор *дыр-бул-щела*, высилась неспроста. Это было первое испытание для всех, кого привлекали шум и гам, доносившиеся из нашего лагеря. Кто только не спотыкался об эту кучу, заграждавшую подступ к хлебниковским

¹⁵ Каменский В. Путь энтузиаста. (Автобиографическая книга). – Цит. по репринт. изд.: Каменский В. Сочинения. М., 1990, с.486.

¹⁶ Парнис А. Первая книга по истории русского футуризма. – В кн.: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. М., 1991, с.246-247.

грезогам и лебедивам! Чуковский растянулся во весь свой рост, верхний нюх Бурлюка ещё раз оправдал себя на деле, а бедный Кручёных, кажется, до сих пор не понявший роли, на которую его обрёл хитроумный Давид, возгордился пуще прежнего. Так создавалась внешняя история русского футуризма <...>¹⁷.

Столь нервная поздняя полемика Лившица с К.Чуковским и Кручёных одновременно наводит на мысль о её искусственности, надуманности даже. Ведь писалось это не по горячим следам события, а уже в ту пору, когда было очевидно, что в определённом смысле в творчестве Кручёных, и прежде всего заумном, концентрировалась суть российского футуризма. Эту мысль чётко сформулировал на излёте раннего авангарда проницательный И.Терентьев, буквально выкрикнувший: "Весь футуризм был бы ненужной затеей, если бы он не пришёл к этому [заумному] языку, который есть единственный для поэтов "мирсконца"¹⁸.

Частично речь об этом идёт и в воспоминаниях М.Матюшина, почитавшего талант Кручёных и с презрением относившегося к участию Лившица в футуристическом движении. Свою точку зрения М.Матюшин очень своеобразно и определённо сформулировал в неопубликованном едком фельетоне конца 1920-х годов "Памяти Елены Гуро. (Ретроспективная картинка футуризма с натуры)"¹⁹, ещё раз выразив в нём восхищение творчеством Кручёных и высмеяв несостоятельность Лившица-футуриста. И нет ничего удивительного в несовпадении оценок "Победы над солнцем", данных обеими мемуаристами (практически одновременно): как бесспорное достижение Лившиц выделял в "опере" исключительно её сценографию, с пренебрежением отзываясь о "на редкость беспомощном и претенциозно-крикливом"²⁰ либретто, тогда как Матюшин не уставал твердить о значительности созданной Кручёных вещи.

(Где-то между этими полюсами находится проникновенное свидетельство актёра А.Мгеброва, особо не проникшегося талантом

¹⁷ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания Л., 1989, с.441.

¹⁸ Терентьев И. А.Кручёных – грандиозарь. Т., 1918, с.7.

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1334, оп.2, ед. хр.323.

²⁰ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. (Воспоминания). М., 1991, с.142.

будетлянина, однако решительно отметившего, что и он, и Маяковский "не убоились бросить себя на растерзание грубой, дикой, варварской толпе, во имя овладевшего ими творчества", а вся "опера" вызвала у него – пусть "на одно мгновение" – предчувствие грядущих великих событий в истории России).

Никак не пытаюсь быть арбитром мнений двух видных участников раннего ("исторического") футуризма, приведу лишь мнение современного исследователя, с позиций уже нашего дня оценившего оперную постановку пьесы Кручёных как "главное событие в истории русского футуризма вообще"²¹.

Поэтику "Победы..." приветствовал и младший соратник Кручёных – Роман Якобсон, развивший её идеи в письме к нему от начала февраля 1914 года, т.е. в сущности вскоре после шумной премьеры "оперы": "<...> Ведь до сих пор поэзия была цветными стёклами (Glasbilder), как стёклами солнечный свет, ей оромантический демонизм придавал живописность сквозь. Но вот победа над солнцем и эф-луч (из ваших же произведений). Стекло взорвано, из осколков, иначе льдышек (это из сказки Андерсена), создаём узоры ради освобождения. Из демонизма, нуля творим любую условность, и в её интенсивности, силе залог аристократизма в поэзии (это я в пику вам) <...>"²². Письма Якобсона к Кручёным смелы в суждениях, дерзки даже, а его личное отношение к мэтру почти лишено пиетета, но несомненно уважительное. Позднейшая спокойная оценка "отца зауми", сделанная Якобсоном в беседах с литературоведом Б.Янгфельдтом, окончательно расставила всё по своим местам: на заре своей филологической карьеры, безмерно восхищённый Хлебниковым, он не проглядел и "очень неожиданные мысли, неожиданные сопоставления" Кручёных, а свидевшись с ним полвека спустя, радовался, как тот "всё ещё превосходно разыгрывал свои ненапечатанные произведения"...

Неизвестно, как сложилась бы судьба Кручёных – да и всего российского авангарда, – не начнись первая мировая война. Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения, и волею

²¹ Сигов С.В. О драматургии Велимира Хлебникова. – В сб.: Русский театр и драматургия 1907-1917 годов. Л., 1988, с.102.

²² Якобсон-будетлянин. Сборник материалов. Stockholm, 1992, с.73-74.

обстоятельств поэт был заброшен на Кавказ. Там, в основном в Тифлисе, а позднее и в Баку, этот странный для окружающих человек, вечно куда-то торопящийся, спешно разговаривающий отрывистыми фразами, вертящий худыми редкостными пальцами художника и поэта познал свой звёздный час. И ничего, что воспоминаний этого периода о нём не так много, зато есть ещё обращённые к нему стихи, среди которых – и попытка биографии поэта, вышедшая из-под эпического пера Т.Вечорки, и восхищённые аллогизмы И.Терентьева, и краткие, но такие ёмкие формулы-характеристики Хлебникова, одна из которых классически незабываема: "Вы очаровательный писатель".

Кажется, позднее при жизни о нём никто уже так не говорил. Пробовали многие, в том числе его неожиданный "шеф" новой литературно-художественной группировки – Маяковский, но как-то слишком уж предельно кратко, по-деловому, и всё в прозе, точнее, в статьях: "помощь грядущим поэтам", "опыт использования жаргонной фонетики для оформления антирелигиозной и политической тем" и под.

Впрочем, и другие соратники по, тогда уже, Лефу, также не спешили восхищаться Кручёных, который, в отличие от них, всё очевиднее не вписывался в новую историю и её новую литературу, сверх всякой меры заидеологизированную, забюрократизированную, с полугулаговскими правилами-порядками. Похоже, за всех собратьев тогда о нём откровенно сказал Н.Асеев в своей чудовищной по концентрации злобы "Охоте на гиен". Бросив походя странную двусмысленную фразу о своей "почти что" любви к Кручёных за обилие его "звериных биологических черт", Асеев принялся с необъяснимым сладострастием и мастерством выдёргивать из него по одной такой "чёрточке" и как бы неспешно разглядывать каждую под мощным микроскопом, сочно живописуя все детали и нюансы бытовых проявлений талантливой личности.

Не помнится, чтобы кто-то из левовцев печатно вступился за Кручёных, хотя бы отдалённым намёком. Не сделал этого и Маяковский, который, по свидетельству современников, всегда "относился к нему превосходно". Но может быть такого заступничества и не понадобилось по той простой причине, что в те годы выдержал несколько изданий – в стеклопечати – популярный в

московско-ленинградских литературных кругах кручёныховский альманах "Турнир поэтов", в котором печатался несколько панегирический асеевский "Порт-рет А.Кручёных".

А ещё спустя несколько лет все точки над "і" были расставлены окончательно и бесповоротно: главой "Отцы и дети" из отмеченной самим Сталиным поэмы "Маяковский начинается" Асеев канонизировал Кручёных как "замечательного мастера, замечательного знатока". Правда, для этого – с учётом особенностей эпохи – потребовалось кое-что приукрасить, кое-что "переписать", как в эпизоде о турне кубо-футуристов по городам России:

...А эти –
по ней вчетвером колесили
и видели
самый горелый испод...

Асеев наверняка хорошо знал, что в том памятном многим турне Кручёных участия не принимал. Не побоялся автор выставить весёлых футуристов и эдакими а la большевиками, якобы забиравшимися в глухие "серые уезды" "царёвой России" и наблюдавшие там её "самый горелый испод". Старые, дореволюционные, газеты для большинства в 30-е годы были уже недоступны, но правду можно было почерпнуть и из весьма легальных, свежих мемуаров В.Каменского "Путь энтузиаста" (М., 1931), а особенно – "Жизнь с Маяковским" (М., 1940). Но таковы были обстоятельства, и частичную неправду надо понимать не как зло, а как неизбежный и достаточно эффективный компромисс с обстоятельствами.

Однако возникает другой вопрос: в какой из своих работ о Кручёных Асеев определённо правдив – в "Охоте..."? в "Порт-рете..."? в "Отцах и детях"? Не является ли тема Кручёных у Асеева вообще надуманной? Внимательное изучение материалов приводит к мысли, что ни в одной из них он не покривил душой, не пошёл против собственной правды, а писал, как думал в данный момент времени, как воспринимал и самого "отца зауми", и его творчество. В той или иной мере об этом свидетельствуют и мемуары Дм.Молдавского, В.Сосноры, Л.Озерова, Г.Бебутова и других.

Свидетельства современников периода 20-30-х годов чётко зафиксировали неуклонное удаление Кручёных от официальной литературы, его сползание в какую-то новую, ещё неизвестную до того в русской литературе жизнь писателя, сравнительно не так давно блиставшего на всю Россию. И параллель с Рембо здесь, конечно, не годится. Кручёных был порождением старого мира и, как ни старался, советским человеком так и не стал. Не получился из него и советский писатель, даже при всём его желании, по словам С.Сигова, "выработать стилистику, с помощью которой можно было бы "въехать в рай" официальных публикаций. Обмен книг, торговля ими, собирание материалов для архивов и музеев, помощь некоторым состоятельным писателям в комплектовании их личных библиотек – этим, пожалуй, и исчерпывается перечень дел и забот Кручёных, которые, начиная примерно со второй половины 20-х годов, одновременно радовали и сносно кормили его до конца жизни. Своим же "дофутуристическим" прошлым Кручёных не жил – "Это мрачный период моей жизни, и я стараюсь забыть его", писал он литературоведу Арсению Островскому 17 июня 1929 года²³, – а пребывал в настоящем, в своих постоянных "окололитературных" заботах, делах и, как свидетельствовали современники, никогда ни на что не жаловался, не ныл "ни капельки".

А между тем пространство вокруг него редело, всё меньше оставалось соратников и вообще знавших и по-настоящему ценивших его талант. И Кручёных почему-то прикипел к Б.Пастернаку, когда-то принадлежавшему к "враждебной" "Центрифуге", а затем, на короткое время, уже к Лефу. "Божественный лицемер" (определение А.Ахматовой) хорошо относился к "литературному неудачнику", и у них завязалось подобие дружбы, отнюдь не равноправной (как, впрочем, и в случае с Асеевым), однако почему-то устраивавшей обоих.

Многое в последние 30-35 лет жизни у Кручёных было связано с Пастернаком. Сюда же нужно отнести и знакомство с Мариной Цветаевой.

---

²³ Wiener Slawistischer Almanach. Band 1. Wien, 1978, S.6.

В те, предвоенные, годы они даже и внешне были чем-то похожи между собой, два "неисправимых богемца". Современник свидетельствовал: "Я увидел старую женщину, неухоженную, видно, махнувшую на себя рукой, забросившую себя, с перекрученными чулками. Какая-то отчуждённая от окружающих, с очень замкнутым лицом"²⁴. Приводить портрет Кручёных, думается, нет необходимости, – его легко отыскать в материалах этого сборника, на вкус и выбор. Да и фото хорошо известно, то, где они сняты вместе 18 июня 1941 года под Москвой, с Муром и Л.Либединской. Щемящее фото...

Кручёных несколько приободрился к концу войны и в первые годы после неё. Впрочем, как и весь советский народ, вздохнувший тогда свободней и надеявшийся, что кошмары тридцатых годов никогда больше не повторятся²⁵. Именно в то время он выпустил немало машинописных сборников стихов – своих и чужих, и был творчески одержим и плодотворен, как и двадцать лет назад, в период "Литературных шу(ш)уток" и "Турниров поэтов". Многочисленные стихотворные здравицы в его честь и просто посвящения ему хорошо передают общую атмосферу подъёма и надежд на лучшее, царившую и в писательской среде.

Об этом периоде есть воспоминание Н.Коржавина, весьма щепетильную тему которого обойти никак нельзя. Смысл его сводится к тому, что Кручёных – во всяком случае в те годы – тесно общался с людьми из "органов" и косвенно был виновником их интереса к нему, к Коржавину, позднее арестованному и некоторое время пробывшему в тюрьме.

Надо сказать, что сложность рассмотрения этого прискорбного факта заключается в том, что он до сего времени был единственным

²⁴ Марина Цветаева. Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.YI.–3.YII. 1982). Bern, 1991, с.98-99.

²⁵ См. запись слов Б.Пастернака, сделанную драматургом А.Гладковым: "Я вернулся к работе над романом ["Доктор Живаго"], когда увидел, что не оправдываются наши радостные ожидания перемен, которые должна была принести война России. Она промчалась, как очистительная буря, как веянье ветра в запертом помещении. Её беды и жертвы были лучше бесчеловечной лжи. Они расшатывали владычество всего надуманного, искусственного, не органичного природе человека и общества, что получило у нас такую власть. Но всё же победила инерция прошлого" (цит. по кн.: Ивинская О. В плену времени. (Годы с Борисом Пастернаком). [Paris], 1978, с.94).

письменным свидетельством такого рода. Да и документальных материалов на сей счёт (пока?) никто не только не опубликовал, но и не видел. Единственный, на кого мог бы сослаться Н.Коржавин в подтверждение своих слов, это поэт и литературовед Юрий Карабчиевский. Точнее будет сказать, сослаться на его талантливое и небесспорное исследование "Воскресение Маяковского", в котором затронута эта тема: "<...> И конечно, интерес к карательным органам [у Маяковского] не был чисто академическим. У него было много друзей-чекистов, разумеется, самых высоких рангов. Как правило, он получал их из вторых рук, от вездесущего Осипа Брика, и в случае каких-либо разногласий они бы скорее приняли сторону Осипа, но в мирное время охотно дружили с Маяковским. Все они любили литературу (уже тогда!), многие пописывали. Чуть не на каждом собрании Лефа присутствовал кто-нибудь из этого ведомства. Года с двадцать седьмого они стали ходить уже пачками: близкие друзья, просто знакомые, поклонники Лили Юрьевны... Одному из таких друзей, комиссару Украинского ГПУ В.М.Горожанину и посвящено стихотворение "Солдаты Дзержинского". С ним вместе Маяковский путешествовал по югу, с ним в соавторстве написал сценарий – о наглых происках английской разведки, – так что, по крайней мере, в одном случае мы можем уверенно сказать: сотрудничал... В остальных же... Трудно утверждать с определённой уверенностью, но нельзя не предположить. <...>"²⁶.

Как видим, о Кручёных речь не идёт. А ведь если бы были какие-то факты, то нет сомнений, что дотошный оппонент футуристов их обязательно привёл бы. Речь о Кручёных и не могла идти в силу его весьма незначительной роли и места в структуре Лефа, а позднее – и окончательной задвинутости в глухой угол советского "литературного процесса" в качестве мальчика для бесконечного битья. Ну, а те, кто присутствовали "чуть не на каждом собрании Лефа" и ходили в Гендриков "пачками", не могли не знать Кручёных и пользоваться (однако, повторяю, фактов нет!) какими-то его "невредными", литературными услугами, наподобие тех, о которых несколько двусмысленно рассказал Н.Коржавин. С другой стороны, можно привести свидетельство Ирины Ивинской об

²⁶ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. Мюнхен, 1975, с.191-192.

обстоятельствах ареста её матери, Ольги Всеволодовны, осенью 1949 года: "<...> На стуле, опустив голову, сидел наш дворник с длинными усами, в ватнике и в фартуке. Это был неизбежный представитель власти. Тут же на маленьком диванчике сидел Кручёных, завсегдатай маминых приёмов, до смерти напуганный<...> Кручёных же, который строго соблюдал режим дня (для него это был просто пункт помешательства), в 11 часов во что бы то ни стало захотел домой, где у него снотворное и где он привык спать. Его не отпускали, он очень настаивал, кричал, потом, наконец, принял таблетку и лёг у нас на крохотном диванчике <...>"²⁷. Кажется, комментарии здесь излишни.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что много воспоминаний посвящены последним 10-15 годам жизни Кручёных: он прожил долгую жизнь, и до конца своих дней был общественно активным, коммуникабельным, охотно посещал литературные студии, выступал с лекциями, неумолимо собирал материалы для архивов и музеев, занимался книгообменом. Удивительного нет, но примечательно, что некоторые из мемуаристов претендуют на окончательную оценку его личности и творчества, что само по себе закономерно. Не всегда, однако, такие оценки находили понимание в среде литераторов. Так, А. Вознесенский известен как поэтический ученик Кручёных и, в определённом смысле, продолжатель его традиции (за что неоднократно был бит советской критикой). И тем неожиданной для многих было прочесть в его воспоминаниях "Мне четырнадцать лет...", как он смачно обыгрывает худшие характеристики Кручёных из "Охоты на гиен". Литературовед Г. Бебутов, автор умных и деликатных – но без уступок правде – воспоминаний о поэте, негодовал в письме ко мне от 6 мая 1985 года: "<...> А что написал о нём Вознесенский, по существу, его не знавший <...>? Он называет его "старьевщиком литературы", Плюшкиным, "плесенью времени", оборотнем, "слоем пыли", "вкрадчивым упырём", попрошайкой, воришкой, спекулянтом. Не слишком ли много определений для одного человека?! Я удивляюсь бестактности Вознесенского, к тому же пытающегося утверждать, что Пастернак остерегал его от

²⁷ Ивинская О. В плену времени. (Годы с Борисом Пастернаком). [Paris], 1978, с. 101-102.

знакомства с Кручёных, который принохивается ко всем будущим знаменитостям <...>".

Суровая и справедливая оценка. В связи с этим вспоминаются и другие слова Г.Бебутова в ответ на мой рассказ ему о больших трудностях в проведении мероприятий в честь 100-летия Кручёных: "<...> Мне вообще кажется, что барьеры возникли в какой-то степени под впечатлением от журнального выступления Вознесенского. Он хотя и мальчишка (по возрасту) перед Кручёных, но захотел урвать для себя хоть кусочек "славы" от прошлого <...>" (письмо от 15 ноября 1986 года).

А вот когда я послал Г.Бебутову копию не во всём приемлемого для меня предисловия Евг.Евтушенко к готовившемуся, но не состоявшемуся сборнику "Избранного" Кручёных, он, со свойственными ему прямоотой и принципиальностью, так охарактеризовал эту небольшую статью в ответном письме от 19 июля 1986 года: "Скучно и сухо, но правильно".

Наряду с оценками Вознесенского и Евтушенко попытки других мемуаристов разобраться в творчестве и личности Кручёных выглядят более определённо и "щадяще", а весомая фраза, обронённая В.Соснорой, – "Если поэт, назначенный из молодёжи, смеётся над заплатами великого, – тут конец цеху, поэтическому", – заставляет глубоко задуматься над вопросами, казалось бы, давно решёнными и понятными. Примечательно, что даже такой сугубо традиционный поэт как М.Матусовский не стал упрекать Кручёных за "разрушение литературы" и другие "грехи" футуризма, а посмотрел на его судьбу умеющего понимать и сопереживать человека.

Коллективный портрет Кручёных, созданный пятьюдесятью пятью авторами сборника, заставляет вспомнить его весёлую "Автобиографию дичайшего", где он, вероятно, в подражание Маяковскому, попытался дать канву своей жизни и творчества, не доверяя будущим исследователям. Конечно, то был всегдашний рассчитанный полемический выпад. Иначе незачем было бы в течение многих лет по крупицам собирать память о легендарном поэте, дерзнувшем писать "не так", и готовить настоящий сборник, который я склонен рассматривать прежде всего как собрание

систематизированных и откомментированных материалов для его будущей полной биографии.

Ну, а вслед за этим томом, по-видимому, должен последовать другой, посвящённый научным проблемам творчества Алексея Елисеевича Кручёных .

В заключение хочу выразить свою глубокую признательность всем тем, кто на разных этапах подготовки сборника неизменно любезно оказывали мне многообразную помощь материалами, советами, консультациями: Г.Н.Айги, Г.В.Бебутову, Ю.Л.Болдыреву, Ю.В.Денисову, Ю.А.Долгушину, В.В.Катаняну, В.Г.Комиссарову, В.Н.Корнилову, Л.Б.Либединской, Н.А.Никифорову, Л.А.Озерову, В.А.Родченко, Ю.И.Солнцевой, В.А.Сосноре, В.В.Фесенко, Н.И.Харджиеву, Л.С.Шепелевой, С.И.Юткевичу, *Marzio Marzaduri*, *Valeri Scherstjanoi*, Душан Хайдук-Вельковић, работникам ЦГАЛИ России, Отдела Рукописей Государственной Библиотеки России, Отдела Рукописей Государственного Литературного музея (Москва), Отдела Рукописей Государственного Музея В.В.Маяковского (Москва).

В многолетней работе над составлением настоящего тома я всегда получал помощь и поддержку моей жены, Людмилы Александровны Сухопаровой-Ватули.

Особенную признательность выражаю профессору *Wolfgang Kasack*, профессору *Walter Koschmal* и *Deutsche Forschungsgemeinschaft*, без инициативы и содействия которых издание этой книги было бы невозможным.

Сергей СУХОПАРОВ.

3-14 июля 1993 г.,
Saarbrücken .

Борис ПАСТЕРНАК

ВЗАМЕН ПРЕДИСЛОВИЯ

Милый Кручёных, на что тебе это предисловие? В рекомендации ты не нуждаешься. Убеждать людей, которые этого ещё не знают, поздновато. Дело это не моё, да оно бы меня и утомило. Ты из нас самый упорный, с тебя пример брать. Вот похвала тебе. А вот новогоднее напутствие твоей книжке. Припоминая состоянья, в каких мы её слушали¹, можно пожелать твоим читателям той неомрачённости, которая открывала нам множество вещей, в каноническом искусстве невозможных.

Исчезала видимость литературы. Память о смысле отмирала, как воспоминание о смешной и быстровзятый назад претензии. Чуть-чуть отдавало театром, но как отраслью цирковой. Все категории ускользали. Оставалась лишь острота общей замечательности, натуралистической, двухминутной, как у талантливых имитаторов. Беглая разорванная наблюдательность заставляла смеяться в местах, лишённых прямого комизма, и сквозь этот смех широкие типические картины природы, одна за другою, вплывали в сознание, вызванные резким, почти фокусническим движением, родственным основной очковтирательской стихии искусства.

Несколько слов о последнем. Роль твоя в нём любопытна и поучительна. Ты на его краю. Шаг в сторону, и ты вне его, т. е. в сырой обывательщине, у которой больше причуд, чем принято думать. Ты – живой кусочек его мыслимой границы. Даже грубейшая его формула, формула эффекта (сражающего воздействия), шире той области, которую ты себе отвёл. Мгновенность рискованной бутафории и мгновенность неподготовленного воодушевления друг от друга неотделимы в лирическом приёме. Это одно молниеносное целое. Но даже и оно кажется тебе недостаточно узким, и ты из этой элементарной пары совершенно выбрасываешь вторую, одухотворяющую часть.

Если положение о содержательности формы разгорячить до фанатического блёска, надо сказать, что ты содержательнее всех. Есть множество примеров, и это, конечно, все, кого ты поносишь, равно как и все те, кого ты по дружбе не трогаешь, в том числе

Не для меня твой гений на коне!
 Твои романы, линии, порталы
 И до зевоты каменную речь
 На будущее взорвалю, пожалуй,
 Пристанет – жаднопламенной! – прожечь! –
 Худой, чернявый, странный человек
 (Ему Кручёных имя), спотыкаясь,
 По набережной брёл, в лице меняясь,
 Покуда длился розмысла пробег.
 Да он художник!.. и в литературе,
 Песьеголовец, близок к торжеству, –
 В орде по-русски самовитых “Бури
 И натиска” он слышен за версту!
 “...Губа заката – как у битюга!” –
 Метнул мечтатель в сторону Кронштадта,
 Как сплюнул. И в момент пропал куда-то,
 Где добровольно к чёрту на рога
 Несутся междометий арапчата:
 е!
 мь!
 мь

< 1980-e>

Бенедикт ЛИВШИЦ

МАНИФЕСТ

В день моей первой встречи с Хлебниковым он, как и я, пришёл на Песочную¹, чтобы принять участие в составлении манифеста ко второму “Садку Судей”². Когда позднее явились Николай Бурлюк³ и Кручёных, Матюшин⁴ предложил приступить к обсуждению. Текста в тот вечер мы так и не выработали: формально – из-за отсутствия Давида⁵ и Маяковского, по существу же – потому, что сговориться оказалось невозможным. Каждый из нас тянул в другую сторону.

Под хлебниковскими положениями я готов был подписаться, не возражая: и утверждение, что мы “уже не рассматриваем

словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам и видим в буквах лишь направляющие речи"⁶, и вскрытие подлинного значения приставок и суффиксов⁷, и призыв уничтожить знаки препинания, чтобы выпятить роль словесной массы⁸, – всё это, несмотря на некоторую нечёткость мысли и шаткость терминологии, было достаточно убедительно и веско.

Точно так же соглашался я с Николаем, говорившим о слове как о мифо-творчестве: о том, что слово, умирая, рождает миф и наоборот⁹. Вспоминался Потебня¹⁰, но, право же, это было неважно: гораздо более существенным было связать научную теорию, обращённую взором к истокам человеческого бытия, с практикой сегодняшнего искусства.

Зато крикливые заявления вертлявого остроносого юноши в учительской фуражке¹¹, с бархатного околыша которой он тщательно удалял всё время какие-то пылинки, его обиженный голос и полувопросительные интонации, которыми он страховал себя на случай провала своих предложений, весь его вид эпилептика по профессии действовал мне на нервы¹².

– Ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности – вот содержание новой поэзии!¹³ – истерически выкрикивал он, неуверенно обводя глазами присутствующих.

– Долой славу! Мы презираем её! Нам доступны чувства, до нас неизвестные!¹⁴ – диктовал он Матюшину, тщательно записывавшему этот вздор¹⁵.

Мне стало невмоготу. Я распрощался и ушёл, выведенный из себя глупейшим балаганом, в который превратилось наше совещание.

"Чёрт с ним! – решил я. – Пускай Давид снова стряпает крошку из наших, ничего общего не имеющих друг с другом положений: мастерства для этого не нужно, хватит бурлячей торопливой всеядности и добродушного наплевательства".

Так оно и произошло. Давид по обыкновению свалил всё в одну кучу. Второй раз мои расчёты на чёткую формулировку объединявших нас принципов оказались обманутыми: манифест, предпосланный "Садку Судей", был так же сумбурен и механически сколочен¹⁶, как и предисловие к "Пощёчине общественному вкусу".

<Ленинград, 1933>

Михаил МАТЮШИН

МНЕ БЫЛИ БЛИЗКИ ЕГО ИДЕИ

В марте 1913 года группа поэтов-футуристов "Гилея"¹ (Хлебников, Е.Гуро, Маяковский, Кручёных, Д. и Н.Бурлюки, Б.Лившиц) примкнула к "Союзу молодёжи"² для совместной идеологической и практической работы. Первое, что мы предприняли, – это выпуск третьего номера журнала "Союз молодёжи"³, который был довольно беден в своих первых двух номерах.

В третьем номере мы дали ряд статей, стихов и рисунков. Перед этим нашей группой был выпущен второй сборник "Садок судей"⁴ (Хлебников, Гуро, Маяковский, Кручёных, Б.Лившиц, Д.Бурлюк, Н.Бурлюк, Е.Низен⁵, рисунки Ларионова⁶, Гончаровой⁷, В. и Д.Бурлюков, Е.Гуро).

Мы настаивали на приглашении в журнал "Союз молодёжи" левых художников-москвичей, но эклектики во главе со Шлейфером и Спандиковым протестовали, и Жевержеев⁸ их поддержал.

Два публичных диспута, устроенные "Союзом молодёжи" 23 и 24 марта в Троицком театре, особенно интересны тем, что вскрывали суть нашего направления.

На первом диспуте "О современной живописи" – я председательствовал. Выступили с докладами Давид Бурлюк и Казимир Малевич⁹.

Малевич доказывал, что натурализм и фотография – одно и то же.

Со словами: "Вот что делает Серов...", Малевич проектирует на экран обыкновенную картинку из модного журнала – "Женщина в шляпе и манто".

Поднялся скандал, пришлось объявить перерыв, но Малевичу так и не дали договорить.

На втором диспуте "О новейшей русской литературе" в качестве докладчика выступали Давид и Николай Бурлюки, Кручёных и Маяковский. Сначала всё шло довольно гладко, но когда выступил Давид Бурлюк и сказал, что Толстой – "светская сплетница",

поднялся страшный шум. С какой-то старушкой случился обморок, и её унесли. Тогда выступил Кручёных и заявил, что он расскажет один поучительный случай:

– В английском парламенте выступил член собрания со словами: "Солнце восходит с Запада" (*смех в зале*). Этому члену парламента не дали договорить, и он ушёл с трибуны. На следующий день он явился снова с теми же словами, и его опять лишили слова, но вот, наконец, его решили выслушать, и он начал и докончил: "Солнце восходит с Запада, так сказал один дурак".

Тут поднялась буря аплодисментов, и нас выслушали, не перебивая. Но прения не могли состояться из-за позднего времени.

На этом диспуте Николай Бурлюк должен был прочесть стихотворение Елены Гуро¹⁰, характеризующее творческую работу всей нашей группы:

Ветрогон, сумасброд, летатель,
создатель весенних бурь,
мыслей взбудораженных ваятель,
гонящий лазурь!
Слушай ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносись, нескованный
опьянитель бурь.

Оно могло бы великолепно закончить диспут, но Николай Бурлюк в сутолоке забыл или не успел прочесть стихотворение. В тот вечер Гуро мне сказала, что получила "пощёчину" от своих.

Я поехал к Бурлюкам. Они уже ложились спать, и мой встревоженный вид их очень испугал. Я с горечью обратился к ним, требуя объяснения их нетоварищескому поступку. Давида Бурлюка забывчивость брата очень взволновала. Николай был страшно смущён и ничего не мог сказать в своё оправдание. <...>

Объединённый комитет "Союза молодёжи" и "Гилей" решил организовать футуристический театр "Будетлянин".

Летом 1913 г. мы решили собраться в Усикирко, чтобы наметить дальнейшую совместную работу.

Приехали Малевич и Кручёных¹¹. Хлебников не приехал. Он уронил кошелёк в купальне и таким образом остался без денег на дорогу. Ловля кошелька сеткой и крючками была безуспешной. В результате я получил из Астрахани его сообщение о том, что "поездка откладывается до осени".

Мы составили план действия, втроём написали манифест¹² и стали усиленно работать над оперой "Победа над солнцем". Я писал к пьесе Кручёных музыку, Малевич рисовал эскизы декораций и костюмов. Мы закончили работу в Петербурге к декабрю, когда и состоялись постановки "Победы над солнцем" и трагедии "Владимир Маяковский" (2, 3, 4 и 5 декабря 1913 г.).

Эти спектакли показали, как мало принимали и публика и критика то новое, о котором мы так много говорили на диспутах и в наших изданиях.

В "Победе над солнцем" мы указывали на выдохшийся эстетизм искусства.

Два будетлянских силача поют:

Толстых красавиц
Мы заперли в дом
Пусть там пьяницы
Ходят разные нагишом
Нет у нас песен
Вздохов наград
Что тешили плесень
Тухлых наяд!..

Солнце старой эстетики было побеждено:

Мы вырвали солнце со свежими
корнями
Они пропахли арифметикой
жирные
Вот оно смотрите.

Цензура почему-то не обратила внимания на бунтарские слова оперы¹³.

За заумными словами Забияки скрыт призыв к рабочим – не оставляй оружия!

Сарча саранча
 Пик пить
 Пить пик
 Не оставляй оружия к обеду за
 обедом
 Ни за гречневой кашей

Музыка для хора – бодрая песня победителей старого мира.

Мы вольные
 Разбитое солнце

Никто из поэтов не поражал меня своим творчеством так непосредственно, как Кручёных. Мне и Малевичу были близки его идеи, запрятанные в словотворческие формы¹⁴.

Мы часто говорили при какой-либо неудаче: "Пахнет дождевым провалом" (из "Победы над солнцем").

Когда я писал музыку на его слова, там, где потревоженный толстяк оглядывает "10-й стран" и не понимает нового пространства, мне с убедительной ясностью представлялась новая страна новых возможностей. Мне казалось, я вижу и слышу пласты правильно ритмующихся в бесконечности масс. Думаю, что мне удалось выразить это в музыке.

Есть у меня связанное с Кручёных неоконченное дело: после "Победы над солнцем" он начал работать над текстом другой оперы – "Побеждённая война"¹⁵. Но мне удалось сделать только черновой набросок музыки к первому акту. Ряд замечательных набросков (карандашом и углем) сделал Малевич.

Я помню слова Кручёных, обращённые ко мне на одной из репетиций:

– Дорогой Матюшин, объясните студентам-исполнителям суть непонятных слов.

Дело в том, что студенты, исполнявшие роли, и хор просили объяснить им содержание оперы. За словесными сдвигами они не

видели смысла и не хотели исполнять, не понимая. Я сказал приблизительно следующее:

– Мы не всегда замечаем перемены в языке, живя в своём времени. Язык же и слова постоянно меняются. Если культура народа велика и активна, то она отбрасывает отжившие слова и создаёт новые слова и сочетания.

Далее я прочёл стихотворение величайшего русского поэта XVIII века Державина¹⁶ и сказал:

– Я думаю, что стихотворение Державина вам так же непонятно, как и наша опера. Я нарочно ставлю вас между двумя эпохами, новой и старой, чтобы [вы] убедились, как сильно меняется способ выражения. Но условиться о чём-либо – значит понять. Читая Ломоносова¹⁷, Хераскова¹⁸, Державина, вы должны с ними условиться о понимании, так же точно и здесь вы должны понять, что такое слово.

Читаю любимые мною стихи Кручёных¹⁹ и объясняю пропуски:

Дверь	Удар
свежие маки	нож
расцелую	ток
пышет	посинело
закат	живи
мальчик	живёшь
умираешь...	
собачка	
поэт	
младенчество лет	

Затем я объяснил, что старая форма стала настолько доступной, что даже штабные писаря умеют писать стихи классическими размерами и что прежний способ рассказа или описания так искажён ненужными предложениями, высокопарными словами, что в настоящее время кажется нелепым:

– Вот один пример: недавно я встретил старика, очень культурного по своему времени, и он начал рассказывать мне, как он забыл калоши. Он начал о травосеянии на юге и том, какие платья

носили в то время, когда ещё не было калош, а цены на масло были очень низкие.

Это вызвало шумные одобрения слушателей.

Я объяснил, что опера имеет глубокое внутреннее содержание, что Нерон и Калигула в одном лице – фигура вечного эстета, не видящего "живое", а ищущего везде "красивое" (искусство для искусства), что путешественник по всем векам – это смелый искатель, поэт, художник-прозорливец, и что вся "Победа над солнцем" есть победа над старым романтизмом, над привычным понятием о солнце как "красоте".

Объяснение со студентами мне удалось вполне. Они мне аплодировали и сделались нашими лучшими помощниками.

Средства на постановку субсидировал издатель "Союза молодёжи" Жевержеев и Фокин, содержатель "Театра миниатюр" на Троицком. Наши первые репетиции в "Театре миниатюр", вероятно, воодушевили наших меценатов. Фокин, прослушав первый акт оперы, весело закричал:

– Нравятся мне эти ребята!

Снят был театр Комиссаржевской на Офицерской. Но наши меценаты не очень раскошались. Не пожелали достать хороший рояль и с опозданием привезли какую-то старую "кастрюлю". Хористов наняли из оперетты, очень плохих, и только два исполнителя – тенор и баритон – были приемлемыми.

Репетиций было всего две, наспех, кое-как.

Малевич написал великолепные декорации, изображающие сложные машины. Он же придумал интересный трюк. Чтобы сделать громадными двух будетлянских силачей, он поставил им плечи на уровне рта, головы же [сконструировал] в виде шлема из картона – получилось впечатление двух гигантских человеческих фигур.

В день первого спектакля в зрительном зале всё время стоял "страшный скандал". Зрители резко разделились на сочувствующих и негодующих. Фокин был смущён скандалом и сам из директорской ложи показывал знаки негодования и свистел вместе с негодующими.

Кручёных играл удивительно хорошо две роли: "неприятеля", дерущегося с самим собой, и "чтеца". Он же читал пролог, написанный Велимиром Хлебниковым²⁰.

Жевержеев был так напуган, что на мою просьбу вернуть Малевичу рисунки костюмов и декораций (не купленные меценатом, он был экономен), отказался наотрез, говоря, что у него нет никаких рисунков и что вообще он с нами никаких дел иметь не желает.

Вскоре произошёл распад общества художников "Союз молодёжи". Четвёртый номер журнала так и не вышел: Жевержеев перестал [его] субсидировать. Удалось только издать пьесу "Победа над солнцем" с кусочками музыки²¹.

Первые шаги в искусстве всегда трудны и тяжелы. Тот, кто видел Малевича с большой деревянной ложкой в петлице, Кручёных с диванной подушечкой на шнуре через шею, Д.Бурлюка с ожерельем на раскрашенном лице, Маяковского в жёлтой кофте, не подозревал, что это пощёчина его вкусу. Его веселье перешло бы в ярость, если бы он уразумел, что мы осмеиваем пошлость мешанско-буржуазного быта.

<Ленинград, 1932-1934>

Александр МГЕБРОВ

СМЕЛЫЙ ВЫЗОВ

В те дни мне удалось увидеть два, отнюдь не мейерхольдовских¹, спектакля, однако, крайне интересных для эпохи. Эти спектакли были организованы футуристами, которые вдруг откуда-то появились в жизни, и у меня сохранились заметки о них, хотя я не имел к ним никакого отношения. <...> Они были моими последними, помимо Мейерхольда, впечатлениями о театральной России перед вихрем грандиозных событий, которые потом разыгрались. В сохранившихся у меня записях звучит предчувствие этих грядущих событий, как грустный аккорд, порождённый впечатлением от спектаклей футуристов. <...>

Итак – о спектаклях футуристов. Это были: трагедия "Владимир Маяковский" Маяковского же² и опера Кручёного "Победа солнца"³. Я был на обоих.

Поразили ли, возмутили ли, разочаровали ли, разозлили ли меня эти спектакли? Нет. Понравились ли они мне? – не знаю. Я не

был восхищён, но я был ими взволнован. Чем и отчего? На этот вопрос нелегко ответить, но тогда я пережил такое состояние, как будто кто-то вдруг коснулся самой глубины моей души и наполнил её тоской и страхом, радостью и жутким и сладостным одновременно предчувствием... Грядущее вдруг встало передо мною; быть может, на одно мгновение, только как предчувствие, но это дало мне внутреннее право с какой-то иной точки зрения взглянуть на всё вокруг и, в частности, на такое, совсем необычное, явление как футуризм.

До этих спектаклей я мало был заинтересован футуризмом, и даже моё отношение к нему было, в сущности говоря, отрицательным; я знал о нём только из газет и из сравнительно немногочисленных частных распросов некоторых близко стоящих к нему. Когда же поднялся разговор о предстоящих двух представлениях футуристов на Офицерской в бывшем театре Комиссаржевской⁴, я твёрдо решил их не смотреть. Зачем видеть ужас человеческого падения, как казалось мне, и быть свидетелем неминуемого скандала, который, конечно, должен произойти там? Всё это было тем более неприятно, что в этом самом театре когда-то я имел счастье выступать на одних подмостках с незабвенной Верой Фёдоровной, – ведь с тех пор я даже не бывал там... А скандал не мог не разыгаться: билеты брались нарасхват, и люди, покупавшие их, по крайней мере, многие – заранее шли на скандал и для скандала. Но так или иначе футуристам несли деньги, их поддерживали. "Зачем же поддерживать тех, кто достоин лишь осмеяния? – Увы, таково уже время", – с грустью думалось мне. Впрочем, во всём этом был, пожалуй, своеобразный привкус. Это – жестокость и грубость, открытая и беззастенчивая. Я не хотел ни издеваться над футуристами, ни быть просто зрителем. До последнего мгновения я не собирался идти и лишь за несколько минут до спектакля вдруг странно почувствовал, что идти нужно во что бы то ни стало. Какая-то сила неудержимо потянула меня... <...>

После первого спектакля я почувствовал, что футуристы провалились. Они не выдержали экзамена перед современным зрителем. Зритель ушёл разочарованный. Были слабые аплодисменты и слабое шиканье. Публика вызывала автора, но больше для смеха. Пожалуй, хуже всего, что скандала большого не было, да и смеха особенного. Просто было что-то, не совсем то, что ожидала праздная

толпа, и вот потому она стала шипеть: шипели хорошенькие личики женщин; шипели изящные мужчины во фраках и смокингах; многие отмахивались, некоторые снисходительно острили и шутили. На рецензентских лицах была разлита приятность чуть-чуть снисходительная, но особенного возмущения не чувствовалось. <...>

Не менее довольна была и полиция. Её было очень много; разумеется, полиция ничего не понимала во всём этом, но почему-то что-то сторожила. После конца спектакля, улыбаясь протестующей публике, пристав снисходительно, как добрая нянька, разгонял толпу, а толпа всё стояла недовольная и чего-то ждала. Потом она разошлась. Вот и всё. <...>

На улице, в трамвае все говорили только о футуристах и хоронили их⁵... <...>

Наступил вечер второго спектакля⁶.

Теперь висел в воздухе настоящий скандал. Занавес взвился, и зритель очутился перед вторым [занавесом] из белого коленкора, на котором тремя разнообразными иероглифами изображались сам автор, композитор и художник. Раздался первый аккорд музыки, и второй занавес открылся надвое. Появился глашатай и трубадур⁷ – или я не знаю кто – с кровавыми руками, с большим папирусом. Он стал читать пролог. "Довольно!" – кричала публика. "Скучно... уходите!"

Пролог кончился. Раздались странно воинственные окрики, и следующий занавес снова разодрался надвое. Публика захохотала. Но со сцены зазвучал эффектный и красивый вызов. С высоты спустился картон, который был весь проникнут воинственными красками; на нём, как живые, были нарисованы две воинственные фигуры: два рыцаря. Всё это – в кроваво-красном цвете. Вызов был брошен. Теперь началось действие. Самые разнообразные маски приходили и уходили. Менялись задники и менялись настроения. Звучали рожки, гремели выстрелы. Среди действующих картонных и коленкорных фигур я различил петуха в символическом петушинном костюме...

Тут уже окончательно никто ничего не понял; но недоумения было много. Были споры, крики, возбуждение. Вызов был брошен, борьба началась. Кого же с кем? – Неведомо. Где и зачем? – Скажет будущее. Быть может, на смену нынешним футуристам придут иные,

более талантливые, более яркие и сильные. Будут ли это футуристы или другие, – не всё ли равно... Но эти, наши, теперешние, всё же что-то почувствовали; они были более чутки, чем мы; они не постыдились, не убоились бросить себя на растерзание грубой, дикой, варварской толпе, во имя овладевшего ими творчества. Вот их заслуга, вот их ценность в настоящем.

Мои заметки о спектаклях футуристов я окончил такими словами, обращёнными к ним: "Будьте мудрыми и сильными. Сохраните себя до конца дней своих теми, кем вы выступили сегодня перед нами. Да не смутит вас наш грубый смех и да не увлечёт вас в вашем шествии, – вместо искреннего искания духа, – дешёвая популярность и поза. Люди, рано или поздно, оценят вас как подлинных пророков нашего кошмарного и всё же огромного времени, неведомо к чему ведущего. Добрый путь!"

<1932>

Роман ЯКОБСОН

"ОДНОЙ ГОРЧИЦЕЙ СЫТ НЕ БУДЕШЬ"

С Хлебниковым я познакомился в конце декабря тринадцатого года. Я решил, что необходимо встретиться и побеседовать. У меня перед ним было восхищение, не поддающееся никаким сравнениям. <...>

Хлебников снимал комнату где-то у чёрта на куличках, именовавшихся чем-то вроде каменноостровских Песков. <...> У автора "Смехачей" телефона не оказалось, и я пришёл, не предупредив. Его не было дома, я просил передать, что зайду завтра утром, и на следующий день, тридцатого декабря тринадцатого года, я с утра заявился к нему и принёс с собой для него специально заготовленное собрание выписок, сделанных мною в библиотеке Румянцевского музея, из разных сборников заклинаний – заумные и полузаумные. Часть была извлечена из сборника Сахарова¹ – бесовские песни, заговоры и вдобавок детские считалки и присказки. Хлебников с пристальным вниманием стал немедленно всё это

рассматривать и вскоре использовал эти выписки в поэме "Ночь в Галиции", где русалки читают Сахарова².

Между тем вошёл Кручёных. Он принёс из типографии первые, только что отпечатанные экземпляры "Рява!"³. Автор вручил мне один из них, надписав: "В.Хлебников. Установившему родство с солнцевыми девами и Лысой горой Роману О. Якобсону в знак будущих Сеч". Это относилось, объяснял он, и к словесным сечам будетлянским, и к кровавым боям ратным. Таково было его посвящение.

Я спешил поделиться с Хлебниковым своими скороспелыми размышлениями о слове как таковом и о звуке речи как таковом, то есть основе заумной поэзии. Откликом на эти беседы с ним, а вскоре и с Кручёных, был их совместный манифест "Буква как таковая"⁴.
<...>

С Алексеем Елисеевичем Кручёных у нас сразу завязалась большая дружба и очень живая переписка. К сожалению, много писем погибло, в том числе все его ко мне письма. Часто писали мы друг другу на теоретические темы⁵. Помню, что раз он написал мне насчёт заумной поэзии: "Заумная поэзия хорошая вещь, но это, как горчица, – одной горчицей сыт не будешь". По-настоящему он ценил только поэзию Хлебникова, но не всё. Маяковским не интересовался.

Кручёных ко мне приезжал в Москву. Снимал он в то время комнатёнку где-то <...> и как-то он меня позвал. Жил он бедно, хозяйка принесла два блина. А он отрезал половинку для меня: "Попробуйте, кажись невредно? Знаете, как говорят, баба не вредная".

Потом мы с Кручёных выпускали вместе "Заумную гнигу"⁶ (гнигу – он обижался, когда её честили "книгой"). Впрочем, неверно, что она вышла в шестнадцатом году. Кручёных поставил шестнадцатый год⁷, чтобы это была "гнига" будущего. А вышла она раньше, во всяком случае, в работу всё было сдано в четырнадцатом году, и писал я это до войны.

У Кручёных бывали очень неожиданные мысли, неожиданные, озорные сопоставления и колоссальное чувство юмора. Он замечательно декламировал и пародировал. Когда я был у него в Москве, незадолго до его смерти, когда ему было уже под восемьдесят, он всё ещё превосходно разыгрывал свои

ненапечатанные произведения, манипулируя стулом, меняя интонацию, меняя произношение, громоздя забавные словесные игры. Он очень радовался нашим встречам; видно было, что он дорожил своим бюджетлянским прошлым и его соучастниками.

<1970-e>

Александр ДЕЙЧ

“НАСЧЁТ КОРОВЫ ПУСТЬ ГОВОРИТ”

Одной из интереснейших фигур старого Петербурга начала века был Николай Иванович Кульбин. Определить его сущность в нескольких словах не так-то просто. По профессии он был медик, приват-доцент Военно-медицинской академии, поэтому часто ходил в военной форме. У него была необычайная внешность: лоб древнегреческого философа, живые, лукаво весёлые глаза, рыжая борода клинышком, придававшая ему обличье фавна. Негромким и вкрадчивым голосом Кульбин втолковывал своим собеседникам теоретические построения нового искусства. Медицина была только профессией и средством к существованию, а литература и искусство – его настоящим призванием¹.

Кульбин занимался живописью, сам был художником и сильным, острым рисовальщиком. Несколькими резкими штрихами он создавал портреты поэтов и других деятелей левого искусства, иллюстрировал книги графикой и акварелями.

Он стремился быть энциклопедистом в области новых исканий и почитался вождём кубофутуристов². Чуть ли не с первого дня нашего знакомства он проявил ко мне какую-то нежную внимательность, и всегда, когда я появлялся в Петербурге, он был моим добрым чичероне, благодаря которому я проникал и в писательские дома, и в театры, и в знаменитую “Бродячую собаку”³, где он был своим человеком.

Кульбин переписывался со мной, и до сих пор у меня хранятся листы почтовой бумаги с характерным крупным почерком и неизменной подписью, своего рода криптограммой: он рисовал

треугольник, внутри которого помещалась нехитрая монограмма – Н.К.

Однажды он написал, что собирается в лекционную поездку и готов посетить Киев вместе с поэтом-футуристом А.Кручёных⁴. Кульбин просил переговорить с кем-нибудь из киевских импрессарио, и я отправился к Ящевскому. В Киеве была знаменитая библиотека Леона Идзиковского. Помещалась она в самом центре, на Крещатике, дом 35, против Прорезной улицы, и занимала одноэтажный дом. Там находился книжный магазин с нотным отделением, а в глубине была библиотека с многотысячным собранием книг по всем отраслям знания, с читальным залом под стеклянным потолком. На столах были разложены русские и иностранные журналы и газеты. Ящевский, родственник Идзиковского, поляк, высокий, седой, всегда с чёрной повязкой на щеке, был неутомимым организатором концертов и лекций под маркой библиотеки Идзиковского. Он не очень дружелюбно отнёсся к моему предложению, бросив на лету, что от футуристов всюду одни неприятности и скандалы. Я постарался уверить его, что это футуристы вполне солидные, и сослался на чин и звание Кульбина. Он взял предполагаемую программу вечера и обещал мне сообщить результаты. Через некоторое время я уже мог дать телеграмму Николаю Ивановичу, что вечер назначен, и спросил подтверждения.

И вот гастролёры приехали. Кульбин, хорошо знавший моего отца и меня, привёл к нам в дом Кручёных. Это был ещё молодой человек, смуглый, казалось, несколько застенчивый. Его облик не вязался с представлениями о нём как о дерзком "нарушителе общественного порядка". Он был кубофутуристом, речетворцем и прославился "поэтическими опусами", написанными на заумном языке. Особенно нашумели строки⁵:

Дыр–бул–щыл
убешщур
скум
вы–со–бу
р–л–эз.

К таким "поэзам"⁶ подводилось теоретическое обоснование: "Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и как Адам даёт всему свои имена". Для вящего доказательства Кручёных приводил пример. Лилия прекрасна, но безобразно затасканное слово "лилия". Он спасает язык, называет лилию "еуы" и заявляет: "Первоначальная чистота восстановлена". Кручёных говорил, что Пушкин, Гоголь и прочие классики омертвели по языку и стали менее понятны, чем египетские иероглифы⁷. Его сборники "Возропщем" и "Взорваль", вышедшие в 1913 году, были набраны разными шрифтами, без знаков препинания и состояли из такой же зауми.

О словесных открытиях кубофутуристов у нас шла речь за обеденным столом. Мой отец, воспитанный на классической литературе, возмущался этим, но, разумеется, тактично, как полагалось хозяину дома. Кручёных упрямо повторял, что футуристы правы: "Так оно и есть", а Кульбин хитро посмеивался и пояснял, что он будет говорить о новом искусстве с научной точки зрения, вполне объективно и отрицая крайности футуризма. Таким образом, получится нечто вроде диспута с Кручёных.

На всякий случай мои родители воздержались от посещения вечера, я же, конечно, присутствовал. Народу собралось много⁸, но такой давки, как на поэзоконцерте Маяковского, Каменского и Бурлюка, не было⁹. Очевидно, киевляне уже разочаровались в недавних выступлениях футуристов.

Кульбин развесил на эстраде множество футуристических рисунков, в том числе и своих, разложил для обозрения книги футуристов. Были они отпечатаны литографским способом на грубой серой обёрточной бумаге, некоторые – с сохранением почерка авторов и с их иллюстрациями.

Перед самым началом вечера ко мне подошёл обеспокоенный Ящевский и сказал, что пристав Дворцового участка, присутствующий на вечере, осведомляется – не собираются ли "господа футуристы" учинить скандал? Я зашёл в артистическую комнату и сказал об этом Кульбину и Кручёных. Кручёных тут же ответил, что ничего противозаконного он не сделает, но будет доказывать, что "корова" и "театр" – рифма, потому что в обоих словах есть буква "р"¹⁰.

Пристав успокоился, примирительно сказав:

– Насчёт коровы пусть говорит.

Вечер прошёл скучно, ожидаемого скандала не произошло, и многие уходили разочарованные¹¹. Повторить выступления уже не удалось, и кубофутуристы поехали дальше. За два-три дня, что Кульбин пробыл в Киеве, мы с ним много и серьёзно беседовали о новых веяниях в искусстве. Он не обижался, когда я говорил, что наш футуризм скоро выродится в "скандализм". Кульбин возражал, что как раз кубизм и смежные с ним направления несут новизну в восприятие художника, а все шутки, к которым прибегают теперь наши футуристы, – только способ обратить на себя внимание. "В век конкуренции иначе и быть не может, – лукаво добавил Кульбин. – Классики не знали такой конкуренции, они были монополистами. Зачем Эхилу или Пушкину нужно [было бы] придумывать "заумный язык", когда их общечеловеческий язык ещё хранил свежесть[?]".

<1969>

Татьяна ВЕЧОРКА

НЕЧАЯННО
Жизнь А.Кручёных

I
 Выдернув перо
 Из фонтана зелёной шляпы
 Божественной гусарки¹,
 Слюною вместо чернил,
 Обругался публично²:
 Хо – бо – ро –
 Зю – цю – э – спрум!..
 В этот день ему подмигнула
 слава
 В цветущем трико³!..

В заумный ящик
И гулять по проспекту
Только в
дождь,
дождь.

1919

Юрий ДОЛГУШИН

ОН БЫЛ ДЕЯТЕЛЕН

Я знал Алексея Кручёных лет 70 тому назад – в Грузии, в Тифлисе, где я тогда жил и работал после окончания там гимназии.

В 1921 году, когда в Закавказье установилась Советская власть, я переехал в Москву и с тех пор с Алексеем Елисеевичем не встречался.

В те годы – 1917-18-19 – литературная и вообще культурная жизнь в Тифлисе "била ключом". Там была и действовала сильная группа грузинских поэтов – "Голубые роги"¹ (Гр.Робакидзе², Тициан Табидзе, Паоло Яшвили и др.), художники: Ладо Гудиашвили, Бажбеук-Меликов, Шарлеман, Кирилл и Илья Зданевичи³; композитор Черепнин⁴; писатели и поэты: Анна Антоновская, Сергей Городецкий, С.Рафалович⁵, Т.Вечорка, Ю.Деген⁶, И.Терентьев, Б.Корнеев⁷, Н.Семейко⁸, Вас.Каменский⁹ и многие другие. Был организован даже Союз русских писателей в Грузии под председательством С.Рафаловича. Издавались литературно-художественные журналы: "Феникс", "Куранты", "Агс", были созданы и успешно трудились литературные клубы: "Фантастический кабачок", "Цех поэтов", "Кольчуга".

Точно не помню, когда А.Кручёных появился среди нас, во всяком случае, в 1918 и 1919 годах он был в Тифлисе. Приехал, помнится, из Петрограда. С виду это был молодой, худощавый, тонкий человек с усиками, небрежно и не слишком опрятно одетый. Брюки у него, видимо, спадали, и он то и дело их поддерживал¹⁰, при этом подшморгивал носом. В руках у него всегда была пачка книг

или журналов. В общем, он производил впечатление чудака-оригинала, "не от мира сего". Что-то было в его фигуре ассиметричное, ломанное, как бы оправдывающее его фамилию. По улице он шёл не по прямой, как обычно идут прохожие, а зигзагами, ничем не оправданными. Говорил быстро, как бы отдельными пулемётными очередями, но свободно, за словом в карман не лез.

Он был деятелен, печатался в журналах¹¹, выступал на наших литературных собраниях¹². Помню одно его выступление в "Фантастическом кабачке" - он говорил о "сдвигах", которые будто бы обнаруживают истинный, неосознанный самим автором (главным образом, эротический) смысл и подоплёку его стихов. Выступления его были интересны и обнаруживали значительную литературную эрудицию. Принимали его тифлисцы как мэтра – ведь он был известен нам и раньше как один из зачинателей русского футуризма. Выступал он, главным образом, как литературный критик, выступал остро, интересно и убедительно.

В 1919 году в журнале "Феникс" он поместил статью "Язвы Аполлона"¹³, по которой можно судить о литературном кредо Кручёных. Там он вдребезги разнёс "Двенадцать" Блока¹⁴ как произведение путаницы, сумбура и растерянности не только автора (Блока), но и "русской совести" – литературы вообще. Приводит цитату из Фёдора Сологуба¹⁵ и характеризует её как "гимн на мотив кэк-уока":

Да славится Россия,
Да здравствует она,
Великая Россия,
Непобедимая страна!

Там же он обнаруживает свою неприязнь к новому правописанию. Издание Брюсовым сочинений Пушкина Кручёных характеризует отрицательно: тот "напяливает на него новое, американизированное (сокращённое) правописание. Пушкин без "і", "ѣ" и "ъ" – то же, что Венера в пэнсне и американских башмаках"¹⁶.

Ни одного его художественного произведения я не помню, кроме знаменитого "Дыр бул щир" да "Весны не будет, и не надо, мы в этом климате дюбяво расцветём..."¹⁷. Не знаю, чего стоят эти

“перлы”, но вот что Кручёных был интересным художником, – это мало кому известно. Об этом можно судить по помещённым в номере 3-4 журнала “Куранты” за 1919 год двум женским портретам¹⁸, вполне реалистичным. Один из них изображал Дуню, сестру Раскольниковова¹⁹, по описанию Достоевского. Уже сам замысел этот интересен, а исполнение говорит о недюжинных рисовальческих способностях автора. Но это было давно, ещё в 1909 году. Потом Кручёных увлёкся модернизмом, футуризмом. Появляется на выставке с Бурлюками²⁰, открывает совершенно новый вид живописи – “наклейки”, он их сделал до тысячи. Об этом рассказал в статье о Кручёных Кирилл Зданевич в “Курантах” за 1919 год²¹. В 1918 году в редакции журнала “Ars” была устроена выставка картин и “наклеек” Кручёных²². Мне так и не удалось увидеть их: в это время я уезжал из Тифлиса.

Как бы ни относиться к творчеству Кручёных, совершенно несомненно, что он был человеком весьма одарённым, ищущим и искренне увлечённым своими творческими устремлениями.

Февраль 1987,
Москва.

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ

АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ

Кручёных ай кваканье
Ай наплевать мне на
сковородке
Футуризма как они
Лица льстят от икотки
Скварятся и футуреют
Лица роз ожирение
Плюньте юньте по юнице¹
По улице в пуговицы
За угол в забор

Бейте медью с отпрыгом²
 Рабиндра Нат Тагор³

<1918>

Василий КАТАНЯН

"ОБ УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ!"

Я вспоминал одну из первых лекций Кручёных в Тифлисе в "Фантастическом кабачке"¹, в начале 1918 года. Она называлась "Любовная приключель Маяковского"². Круч говорил там о провидении – пророчестве поэта, угадавшего свою любовь в одном из ранних стихов³:

Морей неведомых далёким пляжем
 идёт луна –
 жена моя
 Моя любовница рыжеволосая...

Алексей Елисеевич совершенно изумительно – как мне казалось тогда, впрочем, я и теперь убеждён в этом, – держал речь. Он поднимал и опускал голос, убыстрял и замедлял произношение, выкрикивал отдельные слова и проговаривал или, лучше сказать, проглатывал целые фразы. Если говорить словами музыкальной терминологии, тесситура⁴ была максимально широка, далёкие тональности эксцентрически сближались, неожиданные модуляции⁵ удивляли, легатто⁶ сменялись острым стакатто⁷, его режущие "а р о" были коротки и убедительны. Если перейти к кинематографической терминологии, ритм смены общих и средних планов с устрашающе крупными держал в постоянном напряжении.

Помню рассказ Ильи Зданевича об одной реплике Круча на диспуте "Бубнового валета"⁸, которая вызвала взрыв аплодисментов. Во время речи Тугенхольда⁹, в паузе, когда докладчик потянулся к графину, Кручёных громко, можно сказать демонстративно и

оглушительно з е в н у л, может быть даже щёлкнул зубами, как собака в жару, полупроснувшись, сглатывает муху.

– Надо уметь! А он умел.

...Морей неведомых далёким
пляжем
идёт луна...
Моя любовница рыжеволосая.

Сделав несколько язвительных замечаний в адрес шепелявого ручного дикаря Бальмонта¹⁰, которому, конечно, и присниться не могла "рыжеволосая луна", он повысил голос:

– Милостивые государыни и милостивые государи! Надеюсь, вы понимаете – над кем мы издеваемся, говоря о паутине страусовых перьев лунных лучей...

Алексей Елисеевич берёт свой голос и, выкрикнув несколько фраз и периодов, умолкал и садился.

И тогда вставал я. Мне было 15 лет, на мне гимназическая куртка без пуговиц и пояс, повёрнутый бляхой за спину. Я вставал и читал куски, иллюстрирующие "Любовную приключель" – иными словами, цитаты из "Флейты-позвоночник".

Ох, эта
ночь!
Отчаянье стягивал туже и туже
сам.
От плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась
ужасом.

– Дальше, – суфлировал мне снизу Кручёных.

И видением вставал унесенный
от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре
его,

будто вымечтал какой-то новый
 Бялик
 ослепительную царицу Сиона
 евреева.

Потом к возвышенному поэтическому образу прибавлялись кое-какие бытовые детали, которые передавал или присочинял мой старший друг, неутомимый выдумщик и изобретатель "Фантастического кабачка" Юрий Деген¹¹. Он встречался с Маяковским и Лилей в Петербурге в 1917 году в "Привале комедиантов"¹², когда проектировалась там "Женитьба" в декорациях Анненкова (?). Маяковский собирался играть Яичницу¹³ и утверждал, что в этой роли главное – артистическое шипение. Если Яичница, – она шипит! Об "ослепительной красавице" Юрий говорил, что у неё на каждом ноготке от лунки шли расходящиеся лучи, как от солнца... Представляете?

Круч кончил свою "приключель" на самой высокой ноте:

"Эй, иди! Время настало!!!"¹⁴

Так не раз выступали мы вместе с Алексеем Елисеевичем в "Фантастическом кабачке" и, конечно, не потому, что я прямо со школьной скамьи так уж хорошо читал Маяковского или Блока, или Тютчева¹⁵, а потому, что горлу докладчика требовался отдых. В газете "Республика", в хронике "Сегодня вечером", писали: "Вечере примут участие артистка С.Г.Мельникова, В.Катанян..."¹⁶ (иногда даже просто "Вася Катанян").

Вообще Круч выступал тогда часто, издавал книжки, пил красное вино, не разбавляя тёплой водой, и хотя знаменитое четверостишие, написанное им в содружестве с Лермонтовым¹⁷, относится к более позднему времени, у меня оно почему-то упрямо отодвигается к той, во всех отношениях весенней весне.

Я нынче утром натошак хватил стаканчик грога.
 На воздухе мои раздались плечи.
 Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...
 – Об умереть не может быть и речи!

Да, конечно, и дальше об этом не было речи (может быть, уже по инерции?), но он всё больше и больше в ы х о д и л из фокуса и дичал.

И хотя он продолжал еще писать замечательные стихи и вообще знал – где раки зимуют, и случались ещё счастливые минуты, когда, например, он узнавал, что в новом учебнике русской литературы есть и он, Кручёных, и хихикал, что какой-нибудь балбес получил двойку за то, что не выучил наизусть “Дыр бул щыл”, но в общем он отходил всё дальше и дальше, и его речь, которая никогда не была пресной, бесформенной, лишённой углов и шипов, увядала и расплывалась в болтовню.

Недавно я раскопал у себя плёнку телефонного разговора Лили Юрьевны с Н.Н.Асеевым. Не уподобляясь президенту Никсону, не сделаю из неё какого-то секрета¹⁸. После чтения стихов, которые Николай Николаевич написал ночью, и которые он читает нам обоим, и ещё после всякой всячины, речь заходит о Круче.

– Он стал совершенной развалиной, – замечает Николай Николаевич. – Он говорит только о том, что он съел, сколько он выпил и куда он ещё пойдёт.

Л.Ю. – У него очень сильный склероз.

Н.Н. – Это я знаю, что склероз... Он теперь стал говорить только о себе, и всё глупости. Как он шёл по улице, кто-то его толкнул, “я обернулся, он хотел мне сказать, а я ему ответил, а он...” и начинается длинный эпизод, который ну ни хера не стоит! Или вчера он хотел принять ванную, ванна перекипела и перелилась, длительный разговор о ванне, которая не перелилась... И вообще ничего не случилось... Я обыкновенно прекращаю такие разговоры, а он на другой перескочит...

Л.Ю. – Грустно!

Москва, 1974

Велимир ХЛЕБНИКОВ

АЛЁШЕ КРУЧЁНЫХ

Игра в аду¹ и труд в
раю –
Хорошеуки² первые
уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время?
Сим победиши!³

26 октября 1920

Велимир ХЛЕБНИКОВ

* * *

Кто-то дикий, кто-то шалый,
Время в осень задышало.
Эти серые коробки,
Где решёткою глаза,
Вопль дикий и не робкий,
Что последняя гроза.
И его-то кистью детской
Чертит ворог Городецкий¹.
Тра-та-та-та!
Грохот вешанья кота!

10-летний "праздник лжи"².
25 декабря 1920

Велимир ХЛЕБНИКОВ

* * *

Замороженный Озирис
 Зыбой мёртвою уснул.
 Голой воблой голос вырос,
 В глухом городе блеснул.
 Голошанный,
 Голоумный,
 Голоногий,
 Дышет небу диким стадом,
 Что восходит звука атом.

<Конец 1920>

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ

О ЗУДЕСНИКЕ

I

Его зиятельство¹
 Зударь² земли
 Вождь заумцев
 Алексей Кручёных
 З – з – з – з!..

II

Кручёных
 Ногу втыкаешь ты
 В мяхкаво евнуха!
 Цветут как аисты³
 Брёвна смехом!..

III

Мильон я твою чушь⁴

вот как тебя люблю!
 монетой звонкой колочу
 пластами золотно графлю
 создателю поюзг⁵!

А вот ещё лучше:
 удалый будала⁶
 фабула кабула
 Карчи⁷, слушай!
 Пок! пок! пугамёк⁸.
 Трык
 Тра-ла-ла...

<1922>

Давид БУРЛЮК

ЗЛОБЕН И ЯДОВИТ

Футуристы полюбили слово. Они, минуя прямых своих предшественников, обратились непосредственно к работе над ним, а это привело к самым первоначальным образующим языка.

Любить родную речь до того, чтобы увлечься созданием узоров не из слов, образов, как делали это все, а барахтаться в баюкающих, скачущих волнах гласных, – это ли преступление? Почему же это заслуживало(-ет) эшафота, изгнания, ненависти?

Алексей Кручёных был смелым экспериментатором, он писал "рассказы", где целые страницы были подобны рассыпанному типографскому набору, но то, что делал Кручёных, было нужно и полезно. Чересчур уж к слову установилось безразличное отношение. На слово стали смотреть только как на алгебраический значёк, – забыли, что слово само по себе живой организм. И слово омертвело в устах и символистов, и бесконечных делателей "рассказов под Чехова с панталонами и без".

Ал<ексей> Кручёных в лаборатории [слова] занимает целый угол – он злобен и безмерно ядовит. Когда же вокруг лаборатории

раздаётся вой чересчур близко, назойливо, он бросает головешку – памфлет “Чёрт и речетворцы”¹, где дух Аретино водит его пером.

Это он плескал с эстрады опивками своего чая в первые ряды, в лицо московской сытой буржуазии, пришедшей “посмеяться” над футуристами, в лицо учёным, пришедшим с миной превосходства процедить сквозь зубы своей скуки: “Ничего нового”.

Заранее и безапелляционно.

Это он утверждал, что лучшая рифма к слову “театр” – “корова”. А если он читал стихи, то шокировал публику “грубыми” народными словами.

Ещё бы! После одеколона и рисовой пудры Бальмонта, после нежных кипарисового дерева вздохов Ал.Блока!.. Вдруг:

И влагой той, что ведьма мыла
Свою морщинистую плоть,
Они, бежа от меди пыла,
Пытались скуку побороть.
  ([А.]Кручёных,
  [В.Хлебников]. “Игра в аду”)

Дворянско-административно-обеспеченная французившая Русь, дожившая до начала века и окончательно сломленная лишь к 1918 году, конечно, была в ужасе от такого поэта – от таких “слов на свободе”, как назвал их Кручёных, но она приходила и смотрела на творчество поэта, как смотрят на ядовитого зверя сквозь решётки зверинца, ограждённая от ядовитых всплесков его воплей жандармской цензурой и своей толстокожестью.

<1920>

Велимир ХЛЕБНИКОВ

КРУЧЁНЫХ

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет¹, в
воротничках,

Острый, задорный, юркий,
 Бледного жителя серых камней²
 Прилепил к сибирскому зову на
 "чёных"³.
 Ловко ты ловишь мысли чужие,
 Чтоб довести до конца, до
 самоубийства.
 Лицо англиза⁴, крепостного
 Счетоводных книг,
 Усталого от книги.
 Юркий издатель позорящих писем⁵,
 Небритый небрежный, коварный,
 Но девичьи глаза,
 Порою нежности полный.
 Сплетник большой и проказа,
 Выпады личные любите.
 Вы очаровательный писатель –
 Бурлюка⁶ отрицательный двойник.

Осень 1921

Андрей ШЕМШУРИН

СЛИШКОМ ЗЕМНОЙ ЧЕЛОВЕК

Если Д.Д.Бурлюка считают отцом российского футуризма, то
 Кручёных должен считаться [его] матерью. Кручёных – настоящий
 футурист. Ему принадлежит знаменитое

Дыр, бул, щур,

обошедшее все газеты и все журналы. Хлебников и Кручёных – вот
 два футуриста, державшие на своих раменах небосвод российского
 футуризма. Маяковский – ребёнок в сравнении с ними. Маяковского
 всегда тянуло в сторону содержания, потому его футуристическая
 форма и бедна. Хлебников и Кручёных были формалисты.

По образованию Кручёных – художник, и искусство неоднократно утягивало его в сторону от футуризма даже во время самого его расцвета¹. Так одно время он увлекался наклейками из цветных бумажек² и даже издал особый альбом с наклейками³. Средства Кручёных были ограничены, и ему приходилось всю жизнь бороться за существование. Отчасти этим объясняется его нервозность. Это был ходячий клубок нерв. Он не терпел возражений и преград своей воле. Я помню, что в одно из первых свиданий со мною⁴, он увидел у меня на столе футуристические издания, ему ещё незнакомые. Повертевшись несколько на стуле, он вдруг попросил меня удалиться из комнаты, чтобы он мог заняться книгами. Не дожидаясь даже моего согласия, Алексей Елисеевич стал раздеваться, чтобы остаться в одной рубашке. Я оставил его на час. Когда я вернулся, книги мои оказались исчёрканными разными надписями и пометами. У Кручёных была черта библиографа, и он мог бы стать, при иных условиях своего воспитания, учёным. Эта черта не покидала его всё время: только библиограф изменился в нём [на] биографа. Он стал заниматься сбором материалов для биографий видных писателей советского времени.

Говорят, что нужда научит калачи есть. Кручёных нужда научила как издавать футуристические книги⁵. Конечно, недостаток средств был причиной того, что Кручёных не мог печатать своих книг как петербургские футуристы⁶, т.е. обыкновенным образом. Однако, кроме денег, печатание зависело ещё и от воли типографов: они не хотели печатать Кручёных, считая его вещи белибердой. И вот Кручёных пришлось прибегнуть к ручному способу печатания. Большинство его книг изданы литографией, причём, работу на камнях производил сам поэт и его приятели-художники. В этих изданиях – всё футуристично. Я не говорю уже о форме слов, но строчки оказались растерзанными и разъехавшимися по всей странице: одно слово – здесь, другое – там. По примеру Кручёных стали издавать свои вещи и другие футуристы⁷. Часто бывало, что одно и то же издание имело все экземпляры совершенно разные.

Кручёных прославился столько же своими стихами, сколько и своими публичными выступлениями, которые сопровождались почти всегда скандалами. У Кручёных был тенор, в минуты возбуждения становившийся визгливым и крикливым. Эта деталь также

способствовала скандалу. Из наблюдений над Алексеем Елисеевичем у меня сложилось убеждение, что он не понимал скандальности своего поведения. На мой взгляд, ему всё казалось у себя правильным, в то время как публика думала, что он издевается над нею, желая из скандала сделать себе популярность. В существе дела, разумеется, это так и было, но делалось всё это бессознательно. Так бывает с игрой на рояли: виртуоз настолько осваивается с техникой, что уже не думает о ней, и трюки, поражающие публику, выходят у него бессознательно. Но я не хочу сказать, что Кручёных изощрялся в скандале. Нет, но он выходил у него сам собою. В данном случае действовал естественный отбор. В футуристы шли люди с такой развинченной нервной организацией, что скандал для них был всё равно, что водка для алкоголиков или вода для рыбы. Обыкновенно нервные люди теряют в отправлениях своего мозга, т.е. их здравый смысл не понимается, и они походят на глупцов. У Кручёных этого не было. Этот человек обладал здравым смыслом в высшей степени. Про него нельзя было сказать, что это – человек не от мира сего. Кручёных – слишком земной человек. Во время революции он быстро понял, что время чудачеств кончилось, и что нужно уступить место другим людям. Кручёных отошёл в сторону, но не пропал. Он всё время вертелся на виду у нужных людей и жил припеваючи. Он очень поздоровел, несмотря на то, что много пил и проводил бессонные ночи за игрою в карты. Игра шла среди писателей, особенно у Асеева. Во время революции Кручёных продолжал издавать свои книги⁸, но заряд был не тот. Почему-то он ополчился на Есенина и выпустил множество книжек против этого писателя⁹, тогда уже мёртвого. Мне показалось, что [эти] книги были написаны какою-то гимназисткою. Зная, что от Кручёных можно ожидать всего, я как-то спросил его вупор: сам ли он написал книги о Есенине? И Кручёных мне ответил, что там многое идёт от его секретаря.

Во время германской войны Кручёных попал на Кавказский фронт, да ещё в тыл, где работал по устройству железной дороги¹⁰. Всюду, куда ни попадал Кручёных, всюду он отыскивал футуристов¹¹. Вернувшись с войны, он привёз произведения новых футуристов¹², эпигонов, разумеется.

1928

Алексей ЧИЧЕРИН

КРУЧЁНЫХ И МАЯКОВСКИЙ

Интересно <...> отметить парадоксальное отношение Вл<адимира> Вл<адимировича> к Кручёных. Маяковский относился к своему "футуристическому езуиту"¹ с какой-то стыдливою нежностью... Не знаю, как раньше, но с 1921 года² он отзывался о своём давнем соратнике с большим одобрением. Плохих отзывов о Кручёных я от Маяковского не слышал. Публично он всегда защищал Алексея Елисеевича от всевозможных нападков. Словом, относился к нему превосходно... Так, вероятно, Адам относился к той глине, из которой он сам, по божественным сказкам, был сделан когда-то.

В конце 1921 года редактор журнала "Печать и революция" В.П.Полонский³ устроил в "Доме печати" творческий вечер Кручёных⁴. Маяковского на этом вечере не было. Я, несогласный с творческим методом Кручёных, подверг его произведения принципиальному разбору, острота моего выступления объяснялась тем, что к тому времени мною были уже сформулированы, вчерне, основные положения Конструктивизма, коренным образом отличавшиеся от основных положений футуризма⁵, кот<орый> поддерживался Кручёных. Кручёных обиделся. Маяковскому сообщили о моём выступлении. После этого он изменил своё отношение ко мне: при встречах был сух, ограничивался мимолётными приветствиями и односложными репликами... Так продолжалось до выхода в свет "Мены всех"⁶.

Маяковский ценил Кручёных и заботился о его творческом и материальном благополучии. Он даже сумел уговорить своего антрепренёра устроить большое выступление Кручёных. Расчётливый предприниматель замялся. Для того, чтобы оградить его от убытков, Вл<адимир> Вл<адимирович> разрешил сообщить в афишах о том, что "предварительную экскурсию по Кручёных присутствующие совершат под руководством В.В.Маяковского"⁷. <...> Афиши Маяковского отражали весь его жизненный и поэтический облик, никакой "саморекламы" в них не было. Между прочим, за

упомянутое выступление Маяковский с Кручёных получили по 500.000.000 (по пятьсот миллионов) рублей, вдвоём – миллиард. Валовой сбор [же] достиг с лишком трёх миллиардов (3.000.000.000) рублей – по тогдашним ценам, конечно.

1939

Николай СОКОЛОВ

60 ЛЕТ СПУСТЯ

Как юголефовцы¹ относились к Кручёных?

Его поэтическое творчество было известно нам по выпускам (номерам) журнала "ЛЕФ"². Наибольшее впечатление производили стихи Маяковского, затем Хлебникова, Асеева, Каменского³. Рядом с этими блистательными мастерами Кручёных несколько отодвигался в тень. Но это не мешало тому, что его произведения воспринимались нами, юголефовцами, доброжелательно и положительно. Он прочно занимал место среди лидеров (вождей) новаторской советской поэзии. Отдельные строки и отрывки его произведений были популярны. В том числе, и строки его зауми. Их эмоциональное содержание воспринималось ясно и полно. Кроме того, привлекал мир образов, характерных для его стихов. Это был суровый, противостоящий всякой слащавости мир трудной городской жизни, урбанизма, индустрии, рабочего класса, а в идейном отношении – мир беспощадной антирелигиозности⁴, что в те годы было актуально.

Об отношении юголефовцев к "отцу зауми" легко судить по тому факту, что в поэзии Кирсанова⁵ видно влияние Кручёных. Я не занимался таким специальным исследованием, но думаю, что такое влияние легко обнаружить и в выборе тематики, и в поэтике. В раннем Кирсанове даже больше Кручёных, чем Маяковского. А от зауми Кручёных у Кирсанова на всю жизнь сохранилась любовь и умение изобретательно работать со звуковой фактурой языка. Я бы сказал, что поэзия Кручёных и Кирсанова – это поэзия звучащего слова (в отличие от читаемого глазами слова, письменного). Звучность слова есть и в поэзии Маяковского, но в меньшей степени

и, пожалуй, звучность другого рода, более традиционная. Кирсанов в этом смысле как бы между Кручёных и Маяковским.

Кирсанов был в некоторой мере учителем Вознесенского. Можно думать, что от Кирсанова Вознесенский унаследовал и искусство звукописи. Тем самым, протягивается нить культуры, литературной культуры, от Кручёныха до Вознесенского. Хотя, конечно, Вознесенский мог и самостоятельно читать Кручёныха и чему-то научиться у него. Кручёных – первооткрыватель, внук – Вознесенский⁶.

Специального же обсуждения произведений Кручёныха в Юго-Лефе не проводилось⁷.

То, что я написал, – моё личное мнение, но оно сложилось на основании впечатлений от эпизодических бесед с товарищами-юголефовцами, на основании знания интеллектуальной атмосферы тех дней.

Знал ли я лично Кручёныха? Сказать – “знал” было бы слишком много. Но я его где-то встречал раз или два. То ли во время разговора с Родченко⁸, то ли просто на лестнице дома на Мясницкой. Сохранился в памяти образ стройного человека выше среднего ростом. Подвижной, заурядно одет, лицо без особых примет. Внешне его можно было принять за электромонтёра или токаря (квалифицированный рабочий средних лет). Умная улыбка, спокойный, внимательный взгляд. Никакой аффектации, осознанная прозаичность.

К сожалению, я тогда не догадывался, что, спустя десятилетия, мне предстоит писать о Кручёных, и не воспользовался случайными встречами для углубления знакомства. Да и он не подумал, что видит на своём пути человека, который мог бы рассказать о нём потомкам, перешагнув через “горы времени”⁹. Мы разминулись, как два обычных прохожих, и интуиция не подсказала нам, мы прошли через эпизод, но принадлежащий истории родной культуры.

13 октября 1984,
Москва.

Борис ПАСТЕРНАК

КРУЧЁНЫХ

Стоит столкнуться с проявлением водянистого лиризма, всегда фальшивого и в особенности сейчас, в период постановки Плодов Просвещения¹, как вспоминаешь о правоте Кручёных и прощаешь ему не только его вероятное пренебрежение к тебе и тебе подобным, но и к поэтам, перед которыми преклоняешься. Его запальчивость говорит о непосредственности. Большинство из нас с годами примиряется с торжеством пошлости и перестаёт её замечать. Что ценного в Кручёных? По своей неуступчивости он отстаёт от Хлебникова² или Рембо³, заходивших гораздо дальше. Но и он на зависть фанатик и, отдуваясь своими боками, расплачивается звонкою строкою за матерьяльность мира.

Чем зудесник⁴ отличается от кудесника? Тем же, чем физиология сказки⁵ от сказки.

Там, где иной просто назовёт лягушку, Кручёных, навсегда ошеломлённый пошатыванием и вздрагиванием сырой природы, пустится гальванизировать существительные, пока не добьётся иллюзии, что у слова отрастают лапы.

Если искусство при самом своём зарождении получило из логики единицу, то именно за это движение, выдающее его с головой.

Слабейшая сторона Кручёных – его полемика. Не говоря о том, что единоборство с академизмом банально до женственности и отягощено рутинной куда более обветшалой, чем академические традиции, Кручёных замечателен тем, что ведёт борьбу либо бесплодную, либо с победами, инсценированными до подтасовки. Его изучение Пушкина⁶ или спор с Брюсовым⁷ приводят в недоумение. От поэта, поражающего сознанием в тех положеньях, когда поэзия всего чаще его теряет, ждешь ума если не исключительного, то хотя бы последовательного. Мир, облюбленный Кручёных, составляет обязательную часть всякого поэтического мира. Этот элемент часто добровольно оттесняется художником. Кручёных это знает, но его знание носит малярийный и перемежающийся характер.

В пароксизме остроты и в поисках союзников он открывает заумь у Сейфуллиной⁸. Когда же из каких-то противоположных соображений он перестаёт слышать Пушкина⁹, в его глухоту не веришь и она кажется неумелой симуляцией. Двойственность тем более удивительная, что во всём остальном это вполне цельный и по-своему последовательный человек.

27 мая 1925

Борис ПАСТЕРНАК

А.Е.КРУЧЁНЫХ

Пока мне рифмы были в первоучину,
 Я бил крюшон из них и пёк драчёны.
 Былой мучитель их и ныне мученик,
 Скорблю о них: спина к спине
 прикрученных,
 И не затем тащу их из рекрутчины,
 Чтоб в рекруты сдавать тебе,
 Кручёных!
 Да и к чему? Негибкое и ломкое
 Всеми сибирское прозвание¹
 помхою.*/
 Допустим, я с десятков "чёнков"
 скомкаю,
 Пущу "барчёнка", приплету
 "девченок"...

Нет, тут (а каковы то были бронхи!)
 Задохся б сам бессмертный
 "арапченок"².
 Притом не хитрость мир зверей
 затронувши
 Ручных, равно как и неприрученных,

Пройтись с тобой по линии
детёнышей.
Тогда, исчерпав скотники до
донышек,
На "конюхе" сошлись бы мы,
Кручёных?

5 января 1928

---

*/ Помхою – помехою (диалектн.).
(Примеч. Б.Пастернака).

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ

К ПРЕДИСЛОВИЮ ПАСТЕРНАКА

Потому что
КАНРЕТСАП
свободней ему,
чем наоборот,
и он, борясь,
как лебедь, рвётся в облака:
ЧУР ХЫНО
ХЫНОЧУРК –
и всякий раз поэт ему
один Кручёных
именно поэтому.
Натуральный Кручёных
вкусней лучшёных.

<1930>

Гарегин БЕБУТОВ

ЧЕЛОВЕК–ЛЕГЕНДА

С Алексеем Елисеевичем Кручёных я познакомился в Москве в 1927 году, когда некоторое время представлял при Госиздате РСФСР от Закавказского издательства. Ему было уже под сорок, а я только начинал трудовую жизнь. Нас сблизил интерес к книгам и тем, кто их пишет и создаёт.

О нём я знал тогда, что он поэт и художник, теоретик "зауми" – звукосочетаний, не имеющих логической связи, но как бы оправданных субъективной логикой своего возникновения. Поэтому он писал в автобиографии, что "знаменитый" его "Дыр-бул-щыл" "говорят, известнее меня самого"¹.

Кручёных стал приобретать новую известность со всеми парадоксами, кажущейся противоречивостью, анекдотическими версиями о его привычках, образе жизни, бытовых странностях. Он становился человеком-легендой. Всякое наслоение на черты его личности с годами и десятилетиями всё более увеличивалось, и поэтому пришло время говорить, что было в действительности, отбросив всё вульгаризаторское и наносное.

Алексей Кручёных принадлежал к числу тех писателей, которые начинали в десятые годы, и потому Б. Пастернак в предисловии к его "Календарю"² вопрошал: "Милый Кручёных, на что тебе это предисловие? В рекомендации ты не нуждаешься. Убеждать людей, которые этого не знают, поздно. Ты из нас самый упорный, с тебя пример брать. Вот похвала тебе".

"Ты из нас" означает, что Борис Леонидович причислял Кручёных если не к своим единомышленникам, то, во всяком случае, к одному поколению. Осип Мандельштам признавал Кручёных "интересным как личность"³.

В первые месяцы нашего знакомства Алексей Елисеевич, как бы желая ввести меня в курс совсем недавнего прошлого, с упоением рассказывал о своём выступлении в октябре 1921 года в аудитории Политехнического музея на вечере всех поэтических школ и групп и,

в особенности, о состоявшемся в той же аудитории своём литературном вечере, на котором, говоря языком афиши, "экскурсией по Кручёныху" руководил Маяковский⁴.

Творческая деятельность Кручёных в ту пору имела свою кульминацию в 1925 году, когда издательство Всероссийского союза поэтов выпустило шесть его книжек⁵. Он щедро одарил меня ими, а в 1928 году на своей книжке "15 лет русского футуризма", выпущенной тем же издательством, написал: "Гар.Бебутову от раздвоенно-расчетверённого и четвертованного врагами, но, кажись, живого и скромного А.Кручёных. 27/1–28 г."

Эти строки (в преувеличенной форме) отчасти говорят о тех естественно возникавших трудностях, с которыми сталкивался Кручёных, стараясь укрепиться на своих старых литературных позициях. Между тем, в аннотации к книге "15 лет русского футуризма" редколлегия издательства, оговорив своё несогласие с печатаемым материалом, всё же отметила, что считает "возможным печатание труда под маркой Союза: во-первых – потому, что автор является одним из основоположников и характернейшим выразителем футуризма и, во-вторых – потому, что Кручёных – активный и равноправный товарищ, действительный член Всероссийского Союза Поэтов".

Активность, отмеченная в этой характеристике, пожалуй, нагляднее всего выразилась в обозначенной в книге цифре: "Продукция № 151". Продукция не издательства, а автора. В последующем Кручёных, продолжая проставлять порядковый номер на своих работах, перешёл, в основном, на авторские издания, печатавшиеся в стеклографии, а затем и машинописные.

Уже после отъезда из Москвы, я получал от него выпуски "Неизданного Хлебникова"⁶, "Турнира поэтов", "Живого Маяковского"⁷ и других изданий, выходявших в количестве 100-150 экземпляров – нумерованных и именных. Вторая страница одного из выпусков "Турнира" отчасти даёт представление о широком круге знакомств Кручёных. На ней в алфавитном порядке перечислены фамилии тех, кому "будут вручены" экземпляры этого издания. Меня, признаться, удивило, что в числе пятидесяти фамилий была поставлена и моя (после Асеева). Хотя я не входил в "Группу левовцев" и в "Группу друзей Хлебникова"⁸, от имени которых

Кручёных издавал свои "тетради", но вполне разделял их литературные интересы.

В августе 1928 года я со всей искренностью писал Алексею Елисеевичу: "Изумительна ваша энергия, с которой вы издаёте одну книжку за другой. Книгоиздательская работа Ваша в целом – работа творческая, оформление книг обязано Вашему вкусу и Вашей литературной позиции". Уже полушутя, я продолжал: "Для современности, мне кажется, назревает тема: Кручёных и его книгоиздательская деятельность". Теперь вполне серьёзно считаю, что такая тема весьма оправдана.

В этом отношении надо учитывать его постоянное базденежье и несовершенство технических средств, которыми он пользовался (в лучшем случае – стеклопечать). Несколько раз я отправлял ему посылками писчую бумагу формата его "тетрадей" и написал в ответ на его благодарность: "Не стоит благодарности – примите в знак приветия".

Вернусь к встречам в Москве. Наши беседы, разговоры чаще всего касались книг. Обычно я видел его с портфелем, туго наполненным и зажатым подмышкой. О, каких только редких и интересных книг, фотографий, рисунков и автографов не было в его портфеле!

Ими его одаривали знакомые писатели и художники, а он не отказывался даже от черновиков и эскизов. Мог разглядеть помятый рисунок или подобрать клочёк разорванного письма. Так, он уступил мне конец письма Айседоры Дункан⁹ к Сергею Есенину с таким примечанием на отдельном листе: "Нижеприлагаемое письмо от Айседоры Дункан к С.Есенину (она всегда писала ему не собственноручно) получено мною от самого Есенина, оторвавшего и разорвавшего верхнюю часть письма (как особенно интимную?). Было это в конце 1921 г. (или в начале 1922). Что подтверждаю. А.Кручёных. 6/1–28 г.". Много лет спустя, 12 марта 1960 года, И.И.Шнейдер¹⁰ заверил на обороте отрывка его достоверность.

Всеволод Иванов¹¹ дарит Алексею Кручёных свою новую книгу с автографом: "Кручёных! Благодарю за принос древностей! "Партизан" и "Бронепоезда" в 1-ом изд<ании>! Очень смешно видеть себя на 10 лет моложе". А скольким ещё писателям и библиофилам доставлял Кручёных такую радость, зная или угадывая их

читательские интересы, вкусы, творческую направленность. Не случайно его в шутку прозвали "начальником автографов писателей СССР".

Не все писатели, художники, артисты, композиторы, чьи автографы собрал Кручёных, были лично знакомы с ним. Некоторые материалы переходили к нему от третьих лиц – его друзей. Так, в его коллекции оказалась нотная запись Д.Д.Шостаковича¹². Как удачно заметил Виссарион Саянов¹³, "чтобы описать портфель Кручёных, нужно основать новую натуральную школу".

Кручёных усиленно пополнял своё собрание фотографиями. В начале 1934 года Алексей Елисеевич прислал мне свою стеклографированную тетрадь "Книги Бориса Пастернака за 20 лет" с такой сопроводительной надписью: "Гарри Бебутову. С Новым годом! Жду 2 групповых фото Б.Пастернака. Газету и портрет получил. Привет!! А.Кручёных. 31/ХII–33 г.". На групповом фото были – Пастернак, Корнеев¹⁴, Гатов¹⁵, Тихонов¹⁶, Каверин¹⁷, Павленко¹⁸ и я. Мы снимались в редакции закавказской литературной газеты "На рубеже Востока", начавшей выходить в декабре 1933 года в связи с подготовкой к первому Всесоюзному съезду писателей (снимок помещён в моей книге "Отражения", 1973). Отдельный портрет Б.Пастернака – рисунок художника В.Кроткова, воспроизведенный в газете вместе с кратким интервью Бориса Леонидовича. Об этом художнике Б.Пастернак писал мне: "<...> тов. Кротков настоящий рисовальщик и, за вычетом одного отца, сделал меня лучше многих прочих".

В свою очередь Кручёных уступил мне редкое фото: С.Есенин и Г.Колобов, опять-таки, со своим примечанием на отдельном листе.

Многое из собираемого Кручёных оседало в задуманных им именных и тематических альбомах, которых насчитывалось несколько десятков. Эти альбомы постоянно пополнялись при участии самих писателей, которым были посвящены. Остальные автографы, снимки, книги из портфеля Кручёных совершали круговорот...

На приобретенном мною у него и хранящемся до сих пор у меня экземпляре редкой книги Кручёных и Алягрова "Заумная гнига"¹⁹ с цветными гравюрами О.Розановой, Алексей Елисеевич сделал пояснительную надпись: "Алягров – это Ром<ан> Якобсон. Издано в 1915 г. Тираж не более 100 экз. А.Кручёных. 6/1–28 г."

Но не всё удавалось достать и Кручёных. Позже, когда открылась выставка Маяковского "20 лет работы" и я просил выслать мне её каталог, он ответил: "Каталога выставки Маяковского у меня нет". Каталог был отпечатан в стеклографии и сразу стал редкостью, недоступной даже Алексею Елисеевичу.

Про волшебный портфель Кручёных, как и про него самого, распространялись небылицы. Николай Асеев писал: "Приходя в дом, он снимает жилетку, чтобы ему не было жарко. Калоши носит в портфеле на случай дождя. Подходя к кинематографу, он их также прячет туда же, чтобы съэкономить на вешалке, тщательно обёрнутыми в газету"²⁰. Мне кажется, – это пародийный вымысел, хотя Алексей Елисеевич был очень стеснён в средствах и действительно экономил, как только мог. В портфеле его я видел не калоши, а книги и другие материалы, приносящие обладателю портфеля скромный заработок или удовлетворявшие его собирательскую страсть. Одевался он скромно, одежда была хотя и не отутюжена, но цела, и я поразился, прочитав в одной книге, что он "одевался в отрепья". И ещё меня удивило, что он "скупал всё. Впрок"²¹. Не на что ему было "скупать". Как я уже отметил, писатели охотно отдавали ему свои книги, рукописи, даже черновики и щедро одаряли автографами, стихотворными экспромтами... Одних только книг с автографами Б.Пастернака у Кручёных собралось двадцать шесть²². Вот две характерные надписи на [этих] книгах: "Чудаку Алёше, которого я начинаю робеть после его сегодняшних введений и предисловий. И – главное – отбирания подписей. *Б.П.*" и "Коллекционеру глупых положений – для полноты. *Б.П.*".

Печатаемая в количестве 50 экземпляров тетрадь "Книги Н.Асеева за 20 лет"²³, Кручёных указал в предисловии: "Большинство книг Н.Асеева с автографами, черновиками и вариантами сданы мною в Центральн<ый> Литературный музей при Наркомпросе". А ведь Асеев несколькими годами раньше писал: "Таков он – герой практических никчемностей, крохотных выгод..."²⁴. Но ведь эти никчемности и крохотные выгоды служили его пропитанию, а теперь порой рассматриваются как ценный вклад в нашу культуру.

Алексей Елисеевич передал мне в рукописи ответ Н.Асеева на один анкетный вопрос, и это же – вырезкой из газеты "Читатель и

писатель". Интересно, как правилась рукопись, не нуждавшаяся в исправлениях.

Ещё о "крохотных выгодах". В письме от 9 ноября 1929 года Кручёных просил меня выслать "какие-нибудь газеты, журналы, где печатался Маяковский (он устраивает выставку "20-летие деятельности")". К сожалению, у меня в то время не оказалось архивных номеров газет. А через несколько десятилетий В.Катанян, не зная об этом случае, к слову пришлось, писал мне: "Когда Маяковский собирал материалы для выставки, он платил Кручу по три рубля за газету, в которой есть его стихи". Вот обстоятельства, когда понадобилась помощь Кручёных, хотя и носившая меркантильный характер.

В контактах Кручёных с писателями была, мне кажется, ещё одна сторона, кроме чисто практической. Это – стремление заручиться мнениями и суждениями о себе наиболее авторитетных литераторов. Так был создан сборник "Жив Кручёных!", изданный Всероссийским союзом поэтов в 1925 году²⁵. В подзаголовке сборника стояло: "Жив, курилка, жива надежда моя! (Народная поговорка)". Но особенно это выразилось в выпущенных им самим трёх тетрадях "Турнира поэтов" с конкурсом на подыскание рифм к фамилии Кручёных. Началось со строк Маяковского: " – Учи учёных! – сказал Кручёных". Конкурс рифм объявил В.Катаев, записавший в альбоме Кручёных следующую шутку:

"Аукцион рифм.

Утонувший в крюшонах

Алексей Елисеевич Кручёных.

Редчайшая рифма!.. Кто лучше?"

В предисловии Кручёных предусмотрительно оговорил: "Разумеется, возводимые на меня многократные обвинения есть только игра слов".

15 сентября 1929 года Б.Пастернак подарил Кручёных книгу Гёте²⁶ "Тайны" в своём переводе с надписью: "Общественному обличителю Алёше Кручёных. Не отпираюсь: согрешил. *Б.П.*". Этот автограф долго оставался для меня загадочным, пока я не прочёл у Александра Блока, как он в 1920 году, будучи членом редколлегии издательства "Всемирная литература" и ведая сектором немецкой литературы, дал

отзыв о переведенных Борисом Пастернаком "Посвящении" и "Тайнах" Гёте. Для сопоставления с переводом Пастернака Блок привёл в отзыве отдельные октавы "Посвящения" в буквальном переводе, а потом пришёл к заключению, что старый перевод Сидорова, изданный в 1914 году, "производит впечатление более гётевское". Как отнёсся Б.Пастернак к такому решению? Не знаю, но в 1922 году его перевод был выпущен издательством "Современник" отдельной книжкой. Её и подарил Борис Леонидович Алексею Кручёных со столь странным автографом...

Из писателей, наиболее благосклонно относившихся к Кручёных, ценивших его как незаурядную личность, ближе всех стоял к нему Борис Пастернак. Алексей Елисеевич часто виделся с ним. Об одном посещении Пастернака он писал мне 11 декабря 1931 года:

"Кое-что обо мне и о Ваших друзьях. 7/XI сего года я вечером зашёл к Борису Пастернаку. Скоро туда же ввалились Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, – только что с поезда²⁷. Б<орис> П<астернак> вызвал по телефону троих друзей – и состоялась встреча и новоселье (в освободившейся комнате брата Б<ориса> П<астернака>). Присутствовала и Зин<аида> Ник<олаевна> Нейгауз²⁸. Был ужин, была выпита "порция Тициана"...

Б<орис> П<астернак> просил меня читать стихи. Я прочёл несколько своих "коронных". Приняли горячо, просили ещё. К слову, я заговорил о фантастичности нашей эпохи, о том, что самое прекрасное – самое фантастическое.

Читал отрывки из предисловия Б<ориса> П<астернака> к моему "Календарю".

– Но однажды Б<орис> (Леонидович) написал ещё более фантастическое, именно в первую нашу встречу у Брика (1922 г.): "Я всегда*/ мечтал писать, как Кручёных".

Тициан заметил:

– Да, это правильно, об этом следует мечтать!

Б<орис>.П<астернак>.:

– Не всякая мечта сбывается!

Я был на верху...

Если к этому прибавить ещё, что до ужина Б<орис> П<астернак> написал мне на экземпляре "Спекторского": "Тонкому

эстету Алёше Кручёных от одного из боборыкинствующих 7/XI–31 г. *Б.Пастернак* и на экз<емпляре> "Поверх барьеров": "Алёше Кручёных трогательному и милому на добрую память. *Б.Пастернак*".

И ещё чёрточка: никто не решился читать после меня. Все были поражены, ошеломлены, растроганы.

Зин<аиде>е Ник<олаевне> стихи тоже очень понравились. Она очень интеллигентная и трогательная женщина".

Здесь я прерву повествование Алексея Елисеевича, тем более, что описание вечера, проведенного у Б.Пастернака, на этом завершается, и замечу, что интерес к чтению мог быть вызван и общепризнанным искусством Кручёных-чтеца. Кстати, об этом замечательно сказано в воспоминаниях В.А.Катаняна²⁹. <...>

Продолжу письмо Алексея Елисеевича:

"После этой поэтической встречи состоялись ещё не менее замечательные. В ноябре же было новоселье у С.Гехта³⁰. Присутствовали Н.Асеев, Е.Габрилович³¹, Л.Славин³² с жёнами, Б.Лапин³³ и другие мн<огие>. Н.Асеев читал мои фонетические романы "Ванька-Каин" и "Случай в номерах"³⁴. Последний читает он особенно хорошо. Все были потрясены, и никто не решался читать что-нибудь другое.

---

* В моём, присланном Кручёных, машинописном экземпляре "Чрево Пастернака. Проект книги" напечатано: "Я сегодня" и исправлено рукой Кручёных на: "Я всегда". (*Примечание Г.Бebutова. – С.С.*)

Приезжала ещё сюда Ю.Солнцева³⁵. Был вечер – Н.Асеев читал ей и [её] подруге мои фонетические романы и стихи Б<ориса> П<астернака>.

Так кипит и гремит моя поэтическая стихия.

Б<орис> П<астернак> очень тепло вспоминал о Вас и ещё раз сожалел и извинялся, что в своё время не ответил Вам...".

За год с лишним до этого письма, 24 марта 1930 года, Кручёных писал мне: "Б<орис> П<астернак> получил Ваши книги, собирался написать Вам письмо, не знаю, сделал ли он это, я его давно не видел".

Припоминаю, что я посылал Борису Леонидовичу, по его просьбе, высказанной через Кручёных, книгу "Мимиямбы", а также,

по моей инициативе, книгу поэта Вячеслава Иванова³⁶ "Дионис и прадионисийство", вышедшую в Баку в 1923 году, когда автор занимал пост ректора Бакинского университета.

Борис Пастернак послал мне книгу Гёте "Тайны" в своём переводе и передал через Кручёных просьбу достать, если есть, отзывы в местной печати о [книге его стихов] "Поверх барьеров".

Очередную свою продукцию – № 244, "Выброшенный Пастернак" – Кручёных прислал для меня "для сверки и дополнений". В предисловии Кручёных пояснил: "Выброшенный кем? Самим собою! Это не значит, что плохой". И дальше: "Причину изъятия строф из кавказских стихов Пастернак объясняет так: "Середина, показавшаяся мне потом надуманной и искусственной, выброшена". Это относилось к стихотворению "Пока мы по Кавказу лазаем...", помещённом сперва без сокращений в газете "Темпы" (Тбилиси), а затем, с изъятием отдельных строф, в книге "Второе рождение". Через двадцать пять лет, составляя книгу "Стихи о Грузии..."³⁷ (последнюю прижизненную книгу Б.Пастернака) и совсем забыв о приведенной в книжке Кручёных мотивировке сокращения, я поместил стихотворение "Пока мы по Кавказу лазаем..." по сохранившейся у меня рукописи автора полностью. И вот что писал мне Борис Леонидович 7 августа 1957 года: "Страшно обрадовался выпущенным строфам из "Пока мы по Кавказу...". Какой Вы молодец, что их где-то нашли, – без конца Вам благодарен". Так, с течением времени, изменился взгляд поэта на собственные строки, высказанный Алексею Кручёных.

Хотя с некрологом о Велимире Хлебникове Маяковский выступил не только от своего имени, но и от имени друзей – поэтов Асеева, Бурлюка, Кручёных, Каменского, Пастернака, – отношение его к ним было не однозначным. Проявляя доброжелательное, дружеское отношение к Алексею Кручёных, Маяковский в отдельных случаях высказывался о нём критически, даже с иронией, например, о его книжках о Есенине. По словам Л.Ю.Брик, Маяковский считал Кручёных "одарённейшим поэтом для поэтов"³⁸.

Нельзя не заметить, что в числе записок, посланных Маяковскому на его вечерах, встречались относящиеся к Кручёных.

Так, в Харькове, 21 ноября 1927 года была подана записка: "Как вы терпите в вашей организации Кручёных [?]. Ведь [он] не только "заумный", но и безумный. По-моему, футуристы – свои в доску парни, но только немного сумасшедшие" (ЦГАЛИ, ф.336, оп.5, ед. хр. 30, № 59). В том же году, в Баку, был задан вопрос: "Товарищ Маяковский. Никак не пойму я, что общего между тобой и Кручёных?" (ГММ). На такие вопросы можно было [бы] ответить словами Маяковского, что Леф объединял более двенадцати групп различных оттенков. При этом могу сказать, что Кручёных гордился своей близостью с Маяковским и тем, что первую книгу о нём написал именно он в 1914 году³⁹.

Однажды мне довелось быть очевидцем выступления Кручёных в поддержку Маяковского. Это было 20 октября 1927 года. В зале Политехнического музея Маяковский читал свою новую поэму "Хорошо!". Когда он дочитал последние строки, в проходе перед эстрадой появился какой-то человек и, помахивая тонкой книжонкой, стал требовать слова. Никто или почти никто не понимал, что происходит.

Коснусь предистории. Накануне, на вечере В.В.Каменского, в фойе, некий Альвек с руки продавал свою брошюру "Нахлебники Хлебникова" (издание автора), содержащую нелепые выпады против Маяковского и Асеева. Мы – Кручёных, В.Катанян и я – купили по одной книжке. Маяковский был предупреждён о возможной на его вечере провокации. И когда появился Альвек, он решительно заявил ему: "Вечер мой, и я не даю вам слова!". Потом достал записную книжку и, в двух словах изложив суть вопроса, зачитал список рукописей Хлебникова, сданных им Г.О.Винокуру для хранения в Московском лингвистическом кружке. Затем он прочёл свои стихи и стихи Хлебникова, приведенные Альвеком в качестве образца "заимствования". В зале – смех. Не попирая принципа демократии, Маяковский ставит на голосование вопрос: дать или не дать Альвеку слово? Дружно проголосовали: не давать. Тогда Алексей Кручёных подошёл к Альвеку и стал отнимать у него книжонку, а самого автора подталкивать к выходным дверям. В удалении нарушителя порядка помог вышедший из рядов публики и слушавший весь вечер поэму милиционер, а не "наряд милиции", как расписала на другой день газета "Вечерняя Москва". Выступление Альвека не смогло омрачить

вечер, отвлечь внимание публики, восхищённой новой поэмой Маяковского и бурно аплодировавшей ему⁴⁰.

А вот один эпизод общения Кручёных с Маяковским. 10 декабря 1928 года Алексей Елисеевич писал мне: "Вчера приехал из-за границы Маяковский, и на радостях мы сражались до утра. Вася К<атан>ян тоже сражался". Это "сражение" было модной в то время игрой "маджонг". Однажды мне довелось присутствовать при этой игре. Ставки были самые низкие, но спортивный азарт высокий. Не обошлось, однако, без забавного казуса. Кручёных, когда у него иссякли скудные средства для расплаты при проигрыше, выпустил, с согласия игравших, мелкую монету, условно обозначенную на клочках бумаги, чтобы потом рассчитаться. Но когда эти клочки возвратились к нему в виде выигрыша, он стал отказываться принимать их за деньги. Это вызвало взрыв хохота, а он соблюдал полную серьёзность. Так я и не узнал, была ли это мистификация или убеждённость в своей правоте.

В 1930 году, вскоре после смерти Маяковского, Алексей Кручёных начал выпускать сборники "Живой Маяковский". В предисловии к первому сборнику он отметил, что это первая попытка собирания материалов (существенных и несущественных), предназначенных для будущих исследователей, а потому печатаемых "крошечным тиражом". Тираж первых двух выпусков, отпечатанных в стеклографии, – 300 экземпляров, третьего – сто. На обложках – портреты Маяковского работы Игоря Терентьева, Давида Бурлюка (1912 г.), И.Клюна⁴¹.

Для третьего сборника и последующих машинописных некоторые материалы предоставил и я, в частности, записал по просьбе Кручёных воспоминания поэта Николая (Колау) Чернявского⁴², знакомого Алексею Елисеевичу по годам пребывания в Тифлисе.

Нельзя не учитывать, что в самом начале тридцатых годов Маяковского явно замалчивали, ещё не были опубликованы наиболее значительные воспоминания о нём, и попытка Кручёных показать "живого Маяковского на трибуне и в быту" по записанным и собранным им разговорам, репликам и беседам поэта имела

определённый смысл. В подборе материалов для сборников принимали участие Юрий Олеша⁴³, Валентин Катаев и другие.

Друзья по Лефу относились к Кручёных и к его инициативе в составлении сборников неоднозначно. Виктор Борисович Шкловский 26 апреля 1933 года, только вернувшись в Тбилиси из поездки со мной в Багдади, родное село Владимира Маяковского, провёл вечер в гостях у литератора Бориса Корнеева и, по нашей просьбе, долго рассказывал о Маяковском, начиная с первой встречи с ним. С явной горечью он произнёс такую фразу: "...За ним молодым шакалом шёл Кручёных и уже подбирал куски для живого и мёртвого Маяковского". Слова эти прозвучали сурово, хотя Кручёных издавал сборники "Живой Маяковский" от имени "Группы друзей Маяковского"⁴⁴.

Обозначая на выпускавшихся на протяжении ряда лет тематических сериях книжек – издание "Группы левовцев", "Группы друзей Хлебникова", "Группы друзей Маяковского" – Алексей Кручёных, конечно же, хотел придать своим начинаниям общественный характер. Издание "Неизданного Хлебникова" (24 тетрадей) почти совпало по времени с началом выпуска в Ленинграде Собрания произведений Велимира Хлебникова в пяти томах под редакцией Ю.Тынянова и Н.Степанова⁴⁵. Тем не менее Крученых отважился на свой вклад в это важное начинание. Я определённо недооценил оперативность ленинградских издателей, когда писал Алексею Елисеевичу: "Серия "Неизданный Хлебников" – Ваш великий почин, когда ещё раскачается "Ленинградское товарищество писателей". Конечно, и масштабы изданий были несопоставимы.

Кручёных не ограничивался перепечаткой старых, прижизненных изданий Хлебникова. Он писал мне 2 апреля 1931 года: "У меня тьма работы. Нашёл две неиздан<ные> поэмы В.Хлебникова и много [его] стихов. Всё [это] надо перепечатать... Одну поэму хотят напечатать в "Лит<ературной> газете". Сейчас, когда ведётся работа по уточнению текстов произведений Хлебникова, сличению их с черновиками, усилия Кручёных в текстологическом отношении могут оказаться несовершенными, но всё же выпуски "Неизданного Хлебникова", мне кажется, привлекают внимание отдельными редакционными примечаниями,

страничками воспоминаний, высказываниями, которыми сопровождаются некоторые тексты и, в особенности, предисловием, которое написал Юрий Олеша к 19-му выпуску "Неизданного Хлебникова" и к отдельному изданию поэмы "Зверинец"⁴⁶. Важна для исследователей изложенная Алексеем Кручёных история впервые публикуемого им письма-протеста Хлебникова по поводу издания его рукописей "путём хитрости" без ведома автора⁴⁷.

Имя Хлебникова часто возникало в нашей переписке. Например, я писал Кручёных: "Возможно, Вас заинтересует следующая библиографическая справка: в 1928 году в Харькове издана книга "Радиус авангардовцев". Литературный сборник. Издание авторов. В этой книге опубликованы два стихотворения Хлебникова. Второе заканчивается строками:

Ты набрано косым набором,
Точно издание Кручёных".

Я выписал два экземпляра этой книги и один переслал Кручёных.

Однажды Кручёных рассказал мне, как им была написана критическая книга "Почему любят Есенина", но издательство, не помню какое, отклонило её, не согласившись с его суждениями. Мне он не дал прочесть эту работу. В 1926 году стали выходить книжки А. Кручёных о Есенине. Первая была выпущена Всероссийским союзом поэтов⁴⁸, а все последующие – самим автором. Здесь тоже сказались несогласие издательства. Учитывая это и отклики печати, Кручёных писал: "Зачинатели всегда гонимы". Но и Маяковский назвал его книжки о Есенине "плохо пахнувшими"⁴⁹.

На подаренном мне экземпляре книжки "Гибель Есенина" Кручёных написал: "Г. Бебутову не на погибель. А. Кручёных". Я первый угробил Есенина, да!". Последовал тяжёлый разговор. Ещё тяжелее вспоминать об этом сейчас, но то, что было, – было, и не следует об этом забывать.

Почувствовав шаткость своей позиции, Кручёных прибёг к оговорке в самой книжке: "Пусть не подумает читатель, что я свожу какие-нибудь личные счёты с Есениным... и н и к о г д а у нас [с ним] не было никаких личных недоразумений, стычек или чего-

нибудь подобного". В подтверждение этого странного самооправдания Кручёных приводит написанное ему Есениным на память "заумное стихотворение"⁵⁰ и две есенинские записи в альбом.

Двойственность Кручёных в отношении к творческому наследию Есенина вспоминается мне ещё в одном случае.

В конце двадцатых годов я увлёкся подготовкой сборника материалов памяти Есенина, располагая некоторыми рукописями и автографами поэта, фотоснимками и иллюстрациями, несколькими воспоминаниями. И Алексей Елисеевич, что и поразило меня, узнав о моём начинании, стал усиленно помогать мне в подборе материалов и торопить с изданием сборника. Он присылал мне: редкую фотографию Сергея Есенина, авторские оттиски с гравюр А.Гончарова к "Пугачёву" Есенина, рукопись наброска плана задуманного Есениным журнала, уже упомянутый мною отрывок письма Айседоры Дункан, стихотворные строки Есенина, написанные перед памятником Пушкину, портретные зарисовки [Есенина работы различных] художников. Кручёных писал мне тогда: "С нетерпением жду Ваше издание – альбом. Из есенинского у меня ещё имеется несколько неизданных фото". Задуманный сборник не удалось выпустить, а в тридцатые-сороковые годы тем более это было затруднительно. Некоторые материалы [из этого, неосуществлённого, издания] я приводил в моих публикациях в разные годы, в частности, в статье "Полгода творческого взлёта" в журнале "Урал"⁵¹.

В последнем письме, полученном мною от Кручёных, есть строки: "...Здоровье моё – переменное, но через день чувствую себя бодро, главная работа: читаю на магнитофон и сдаю и готовлю материалы для ЦГАЛИ". Это уже завершение пути, большой легендарной жизни – май 1964 года. А в 1968-ом он умер.

<Осень 1985, Курган>

Мария СИНЯКОВА

КОЛОССАЛЬНЫЙ УСПЕХ БЫЛ!

<...> В.Перцов¹: А Кручёных Вы знали?

М.Синякова: Я в то время вдруг получила от него письмо. Мои вещи были на выставке "Союза молодёжи"² в Ленинграде³, и вот он прислал мне письмо, спрашивал о моих работах⁴. Это [был] первый период футуризма. А познакомилась я с ним позднее, в 1923, примерно, году.

Это интересный тоже человек, сложный страшно. По-моему, он интересный поэт. Он всегда пользовался колоссальным успехом у аудитории, это был гром аплодисментов, и это не в первый период футуризма, а уже когда был Леф. Он выступал самостоятельно со своими стихами в клубах, в университете. Я бывала на этих вечерах. Просто колоссальный успех был!⁵

Вот Хлебников никак не выступал. Когда он говорил стихи, никто ничего не слышал, потому что он только бормотал.

Кручёных – человек странный. И практицизм его очень сомнительный. Ведь комната его недалеко ушла от комнаты Хлебникова, это комната какого-то алхимика. Это стопроцентный фантазёр, несмотря на его делячество.

И как он держится в жизни – это ведь тоже прямо из анекдота. Абсолютно ни с кем не связан, как будто висит в воздухе. И при этом он не теряет собственного лица, он страшный индивидуалист, замкнутый очень человек. И вместе с тем он и советский человек. Вот вы поговорите с ним: он никогда ни на что не жалуется, у него нытья ни капельки нет.

И он себя не переоценивает. Он о себе говорит, что "я не такой гениальный, как Маяковской". А это человек того футуристического периода, когда все себя провозглашали гениями.

Он не опустился, у него очень много жизненной энергии; разные романчики у него там, но он всё это держит на расстоянии. Такое впечатление, что он прежде всего сохраняет себе свободу от всяких обязательств.

Это страшно интересный тип. Внешне он производит неприятное впечатление, с ним трудно говорить: он кричит. Он – барахольщик, у меня подбирает всякий мусор. Он ходил ко мне годами, забирал всякие ненужные рисунки, и ко всем он так ходил. Он ни на что не обижается, что бы ему ни говорили. Он ходит к каждому писателю и забирает всякие книжечки, автографы.

Он знаток и в поэзии, и в рисунке. Он мне иногда очень помогает своими замечаниями. Как-то я делала для него иллюстрации⁶, и я поняла, что это большой интуит, безусловно, если не знаток в рисунке. Он сам, кажется, был учителем рисования⁷.

Вот Хлебникова сейчас любит и знает молодёжь студенческая. Им даже больше интересуются, чем Маяковским, – известный круг. Маяковский, безусловно, ценил Кручёных. Это было ядро – Маяковский, Бурлюк, Хлебников, Кручёных и Каменский. И сейчас Бурлюк в своих статьях и воспоминаниях всё время упоминает Кручёных⁸.

Кручёных изумительно читает свои стихи. Они образные, рассчитанные на впечатление, но они очень яркие, резкие, не заметить их нельзя. Своё стихотворение "Вьюга"⁹ он страшно читает – как вьюга завывает, как щенок скулит, замерзает. <...>

<17 ноября 1939, Москва>

Валентин КАТАЕВ

ВЬЮН

...во дворе Вхутемаса, куда можно было проникнуть с Мясницкой, через длинную тёмную трубу подворотни, было, кажется, два или три высоких кирпичных нештукатуренных корпуса¹. В одном из них находились мастерские молодых художников. <...>

Тут же, рядом, гнезился левейший из левых, самый непонятный из всех русских футуристов, вьюн по природе, автор легендарной строчки "Дыр, бул, щир". Он питался кашей, сваренной впрок, на всю неделю, из пайкового риса, хранившейся между двух оконных рам в десятифунтовой стеклянной банке из-под варенья. Он охотно кормил этой холодной кашей своих голодающих знакомых.

Вьюн² – так мы будем его называть – промышлял перекупкой книг, мелкой картёжной игрой, собирал автографы никому неизвестных авторов в надежде, что когда-нибудь они прославятся, внезапно появлялся в квартирах знакомых и незнакомых людей, причастных к искусству, где охотно читал пронзительно-крикливым детским голосом свои стихи, причём, приплясывал, делал рапирные выпады, вращался вокруг своей оси, кривлялся своим остроносом лицом мальчика-старичка³.

У него было пергаментное лицо скопца⁴.

Он весь был как бы заряжен неким отрицательным током антипоэтизма, иногда более сильным, чем положительный заряд общепринятой поэзии.

По сравнению с ним, сам великий бюджетянин⁵ иногда казался несколько устаревшим, а Командор⁶ просто архаичным.

1977, Переделкино.

Николай АСЕЕВ

ПОРТ-РЕТ А.КРУЧЁНЫХ

Числясь в поэтах
 полузапрещённых,
 резок и меток
 Алёша Кручёных.
 Дрыгнув ножкой
 на платы и сметы,
 бродит кошкой
 меж луж Сантимента.
 В уши тычется,
 остр и юрок,
 электричеством
 дыбля шкурку.
 Не пытайтесь
 маханьем ручёнок
 затушить

прово́док Кручёных.

Бросьте рыться
в старинном хламе, –
согревайтесь
об это пламя.

Литераторы,
кислы и чванны,
ждут вдохновенья
небесной манны.

А он –

любой
обхлёстанный

веник

превратит

в букет вдохновенья.

Кто его понял –

тот его помнит,

кто его топит –

САМ УТОНЕТ!

<1928>

Николай АСЕЕВ

ОХОТА НА ГИЕН

Ставь на них капканы, читатель. Их много крадётся вокруг тебя шкодливой неуверенной походкой. В капкан следует класть приманку: твоё простодушие, доверчивость, ротозейство. Ты увидишь, как тотчас вороватая лапа просунется между зубцов. Тогда, если капкан не заржавел, если сталь крепка, а пружина упруга, – в твоих руках очутится ещё одна потрёпанная шкура, шкура паразита, существующего за счёт твоей неосмотрительности, твоего верхоглядства.

Мне знакомы они, многие, изгнавшие себя из общества, живущие у него на отлёте, в стороне, молчаливо не признающие его

пути. Правда, они пользуются услугами МКХ¹, ездят на трамваях и автобусах, подчиняются внешним правилам общественного распорядка, – но этим и кончается их связь с общественностью. Дальше идёт расчёт на собственный нюх, когти, зубы, на умение пробраться незаметно, пролезть в щель незаделанного палисада, обойти внушающую тревогу приметку. Я пишу о них не из злобы к ним, а из удивления, что в обществе, как бактерии в организме, живут и разлагают его частицы, ему враждебные, ему вредоносные. Живут, неся на себе почти невероятные черты противообщественных задатков, фантастические особенности отрицания этого общества.

Я попытаюсь рассказать об одном из них, талантливейшем человеке, который поражает меня обилием своих звериных биологических черт, которого я почти что люблю за редкость и неповторимость их проявлений. Их нигде нельзя найти так густо собранными в комок, как в нём. Профессию его не назовёшь иначе, как угадывание выгодных моментов в жизни, как ни странно это звучит.

По специальности он певец, хотя давно бросил это занятие. Он смакует всё, что даёт ему жизнь. Кажется, он всё берёт в рот: деньги, славу, любовь, дружбу, зрительные и слуховые впечатления и, обсосав, выплёвывает их как бы для того, чтобы не испортить тонкости вкусовых ощущений. Он всё как будто пробует на язык: горячо это или холодно, кисло или горько. Но есть предметы для него безвкусные: общество, организованность, солидарность: они хранят для него деревянный вкус. Он не протестует и не осуждает. Но он не признаёт это съедобным и питательным для себя. Он не порвал со старым строем и не поверил в возможность существования нового. И остался одиночкой, не верящим ни во что, кроме собственных глаз, собственных рук, собственного языка. Под сомнением остаётся – верит ли он вообще в самостоятельное существование окружающих? Может быть, они – как это ни странно – кажутся ему, как и зверю, только препятствием или вспомоществованием для утоления его appetitов. По крайней мере, множество мелочей говорит за это.

Раз его застали на лестнице дома неподвижно стоящим над разбитым яйцом. Встретивший его был художник. Когда этот художник спросил, что приковало его к месту, тот, оживившись, рассказал ему, что нёс яички к завтраку и одно уронил и разбил. И

здесь же предложил художнику, которому для растирания красок требуется ведь яичный желток, купить у него это разбитое яйцо за полцены. "Для вас это удача, – говорил он, – а мне хотя бы наполовину покрыть убыток".

Но он вовсе не так скуп, как может показаться из этого примера. Он человек, подверженный страстям и искушениям. Но и страсти и искушения свои он хочет использовать до конца, руководясь ими в той мере, в какой они, подчиняясь ему, ублажают его инстинкты. Он хочет контролировать их в миг зарождения, хочет видеть немедленный результат их действия. Он обращает их в дрессированных ищеек, помогающих пробираться сквозь чашу. И, если дрессировка не доведена до конца, он, не смущаясь, переучивает свою страстишку здесь же, на людях, приучая её нести поноску только в его руки. Однажды он играл в карты. Ставки были мелкие, дешёвые: денег у всех было мало. Проиграв бывшую у него наличку мелочь, он предложил пустить в оборот какую-то подозрительную монету, называемую турецкой лирой, к тому же продырявленную и долго звеневшую, должно быть, на чьём-нибудь ожерелье. А может быть, это был просто жетон давно прошедшего спортивного состязания. Но его уважили, приняв её больше как меновой знак за небольшую плату, скажем, в рубль ценой. С этой монетой он отыгрался и обыграл другого партнёра. Когда обыгранный хотел возратить ему жетон по такой же цене, по какой он был принят в игру, Всеядный затревожился, засуетился и отказался принять эту монету.

– Нет, нет! – фыркнул он обиженно и возмущённо. – Я её не могу принять за рубль!

– Да как же у вас её приняли?! – укоряли его.

– Ваша воля, ваша воля, а я не согласен. Меня не спросили. Я беру её только за двугривенный!

Тогда мне стало страшно, что он, всучив мне себя так же за рубль, примет обратно только за двугривенный. И я, относившийся к нему как к обычному человеку, хотя и с некоторыми странностями, – стал рассматривать его с тех пор как зверя, мелкого, хищного, которому нельзя доверить своей мысли, своей воли, своего ключа от жизни, потому что он проглотит его на лету, не разобрав, не посмотрев, на что он пригоден, кроме глотательной судороги.

Он живёт высоко, на пятом этаже, одиночкой выходя в мир на добычу, отделённый от этого мира тысячью примет, заклинаний, привычек.

Он носит чужие ботинки, я уверен, не только от скупости, но и с тем расчётом, чтобы оставлять после себя отгиск чужих следов.

Он ест, как кошка, придавливая еду лапой к земле, жмурясь и урча; причём, после сладкого может есть мясо, если оно осталось на столе недоеденным.

В этом – смесь мужицкой бережливости со странной жадностью одинокого человека, не упускающего своей животной выгоды, пользы для уплотнения своего тела, хотя бы вопреки уже наступившей сытости – на запас, впрок, на всякий случай.

Женщина, близкая ему, сидела в одной с ним компании. Всеядный заторопился уходить, но ему не хотелось показать остальным, что она уйдёт вместе с ним. И вот он несколько раз напоминал ей о позднем времени, об уходящих трамваях. Наконец, она попрощалась и вышла. Он продолжал ещё сидеть около часа. Поздний гость, поднимавшийся по чёрной холодной, неосвещённой лестнице, ведшей в эту квартиру, наткнулся на зябкую, ожидающую фигуру, жмущуюся в одном из пролётов; осветив её спичкой, он узнал в ней женщину, близкую Всеядному. Она ожидала час на холодной лестнице, пока её повелитель не найдёт срок времени между её и его прощанием достаточно убедительным для того, чтобы его не заподозрили в общем уходе с ней.

Он пьёт каждый день жирные, сладкие сливки, мешая их с холодной кипячёной водой. Он пьёт сладкое вино с горячим чаем. Какой ещё мешанины не устраивает он ради пользы и выгоды?! Приходя в дом, он снимает жилетку, чтобы ему не было жарко. Галоши носит в портфеле на случай дождя. Подходя к кинематографу, он их также прячет туда же, чтобы съэкономить на вешалке, тщательно обёрнутыми в газету. Так живёт он, занятый микроскопической технологией своего быта, отпрыгивая и снова приближаясь к своей маленькой выгоде, не связанный с обществом ничем, кроме цвета своего пиджака. И вместе с тем он член этого общества, он числится в квартирных списках жильцов, он снимает дачу и в прыгивает на ходу в трамвай, он почти тень, почти дух, почти ничто по фантастике своего существования.

Но главное его занятие – присосеживаться к какой-нибудь компании. Делается это так. Он садится на боковой край стула – без униженности и подхалимства, но так, как будто он присел на минутку, будто он готов сорваться и улететь. Он может так просидеть и час, и два, всё ещё не зная – оставаться ли ему здесь, есть ли в этом выгода, или уйти, почуяв бесполезность сидения. Будет ли это компания литераторов, убийц или революционеров – ему безразлично. Факт уместности нахождения в этой компании расценивается им с точки зрения выгоды пребывания в этой компании. Он настолько третирует все человеческие занятия, кроме ношения галош в портфеле, что ему безразличен состав присутствующих, кроме того, что – могут ли быть они ему полезны. Он присосеживается к ним ровно на столько времени, чтобы улучшить момент ощущения пользы или, наоборот, невыгоды своего пребывания здесь, хотя бы эта польза и заключалась в лишнем стакане выпитого молока. Конечно, он избегает компании противозаконной, так как в ней оставаться невыгодно. Но на всякую компанию он смотрит так, как Чичиков смотрел на глупую Коробочку², способную послужить ему на пользу.

Фантастика всех наиболее изощрённых в ней авторов – Гоголя, Шамиссо³, Гофмана⁴, По⁵ – стоит за его плечами. Он собирает подписи, наброски, черновики, фотографии всех мало-мальски известных режиссёров, наклеивая их, составляя из них альбомы, собирая огромный архив отбросов, также присосеживаясь к каждой отдельной славе с краю стула, готовый ежеминутно сняться с места. Он владеет этим архивом, как скупой рыцарь своими сундуками, передвигает альбомы, как полководец батальоны, уверенный в том, что владение мёртвыми душами даст ему когда-нибудь выгоду. Таков этот человек-выдумка, человек-старьевщик, копающийся в связках рецензий, оборванных записок, неотосланных писем, как шакал на свалке скелетов. Таков он, герой практических никчемностей, крохотных выгод, присаживающийся, как крупная муха, на запах сладкой прели, на отброс, на липкую лужу крови.

Он живёт среди нас абсолютно законный и реальный, этот призрак больной фантазии былого; он идёт падающими шагами мимо наших окон, малоопасный по своей природе, привыкший не рисковать, странный в своей уверенности, что весь мир создан для его

потребления. Почти фантом, почти призрак в своей недостоверности; почти неотличимый, неуловимый в своей обычности и похожести с первого взгляда на тысячи других людей. Вот откуда пошло в народе поверье о вурдалаках и упырях. Очевидно, типические свойства его наблюдались опытом множеств и раньше, сгущаясь и уплотняясь в достоверную легенду, в ходячий образ этих красных сосущих, причмокивающих губ, этих судорожных взмахов цепких пальцев, этой падающей походки расслабленного на вид зверя, берегущего свои силы для прыжка, для удара, для нападения!

1929

Елена ВЯЛОВА-ВАСИЛЬЕВА

ВАСИЛЬЕВ И КРУЧЁНЫХ

Впервые я увидела Алексея Елисеевича году в 1926 или в 1927 в Ленинграде, когда была ещё школьницей. Как-то, проходя мимо Дома Печати, я увидела большую афишу, возвещавшую о вечере футуристов¹. Когда я вошла в зал, он был полон, все с нетерпением ожидали выхода участников вечера. Вдруг в широко распахнутую дверь с шумом и громко топая между рядами прошло несколько человек. Впереди шёл Маяковский, и, что меня поразило, – в его нагрудном кармане торчали две морковки с зеленью, а на шее, вместо галстука, болталось нечто вроде женского чулка. Началось выступление. И вдруг за кулисами раздался громкий свист, и на сцену, топоча ногами и размахивая руками, вышел человек среднего роста и начал читать. Это был Кручёных. Что он читал – для меня было совершенно непонятно, из зала я вышла совершенно растерянная, в полном недоумении...

Личное же моё знакомство с Кручёных произошло уже в 30-е годы, и познакомил меня с ним мой муж, Павел Николаевич Васильев. Сам он с Кручёных познакомился, видимо, в конце 1932 или в начале 1933 года, так как уже в 1933 году Кручёных бывал у нас частым гостем в доме на Палихе. Начиналось с чаепития, причём, Кручёных всегда доставал из своего неизменного портфеля свою

кружку. Потом они садились за стол и начиналась игра в преферанс. Бывало, между ними возникал разговор об искусстве или поэзии, вообще на животрепещущие темы. Однажды я попросила Кручёных прочесть что-либо из его стихов. Он долго не соглашался, а потом прочёл строчки: "...И красные и голубые юйца, что вам полюбится, то и глотайте..."², а затем своё известное: "Дыр бул щыл..." и стал уверять меня, что в последнем больше русского, национального, чем во всей поэзии Пушкина³.

Я смотрела на него в недоумении и не могла понять: серьёзно ли он об этом говорит?..

Была ли между Павлом и Алексеем Елисеевичем дружба? Нет, дружбой их отношения я бы всё же не стала называть, а просто хорошими, добрыми отношениями двух поэтов. Павел по натуре был человек общительный, этими же свойствами обладал и Кручёных. Вероятно, это и сблизило их, несмотря на разницу в годах⁴.

Внешний облик Кручёных запомнился мне таким: человек среднего роста, сухощавый, суетливый и непоседливый, вечно в движении, походка быстрая, мелкими шажками, немного подпрыгивающая. Когда он начинал говорить, то слова лились потоком, голос у него был громкий и резкий. Начиная говорить об одном, он перескакивал на другое и неожиданно заканчивал каким-нибудь каламбуром. А если начинали спорить с Павлом о чём-нибудь, то поднимался такой шум, что, как говорят, "выноси святых из избы".

Двух поэтов связывал не только преферанс. Иногда они совместно начинали сочинять стихи, такие, например⁵:

От ревности девушки хорошеют
их жарче играют глаза.
Их белые в смуглую шею
впиваются зубы, снежня.
– Удар! Завертелся казак.

А после, в беспамятной, долгой
ночи, голубой от вина,
мерещатся ветер над Волгой,
удушье иртышского полога

и шеи речная длина.

Рот бледный, брови синицами
и птичьи тени ресниц в облаках...

Потяжелела татарка Голицына
на атаманских

спящих руках...

У меня имеется фотография, единственная, кажется, где Павел и Алексей Елисеевич сняты вместе. Это 1934 или 1935 год⁶.

...В 1956 году я разыскала Кручёных с надеждой, что у него смогу найти что-либо из рукописей Павла. Почему не раньше? Павел Васильев был арестован в 1937 году, а вскоре после него была арестована и я, как жена. Все рукописи, находившиеся в доме, были изъяты при аресте. Только в 1956 году, снова вернувшись в Москву после 19-летнего отсутствия, – тюрьма, лагерь, ссылка, – я начала хлопоты о посмертной реабилитации Павла и восстановлении его в членстве Союза писателей⁷. Когда все документы были оформлены, тогда я обратилась к Кручёным.

Про Алексея Елисеевича говорили обычно: пусть перед ним будет лежать куча денег, он не возьмёт ни копейки, но если увидит автограф или листок рукописи, или фотографию – это уже не минет рук его. Иногда авторы сами отдавали Алексею Елисеевичу свои отработанные рукописи, текст которых был уже опубликован. Благодаря такому его скрупулёзному собиранию материалов, в ЦГАЛИ накопился один из крупнейших и ценных фондов – фонд Алексея Елисеевича Кручёных⁸.

У Кручёных же я нашла довольно объёмистую папку, куда входили рукописи Павла, эпиграммы и несколько фотографий. Всю эту папку я купила у него.

Декабрь 1986 – январь 1987,
Москва.

Павел ВАСИЛЬЕВ

ЕЙ И АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ

“От ревности девушки хорошеют”¹.

Глаза твои шире речных карасей.

Восславил твои зубы

и мою шею

ревностный заступник наш,

выдумщик цветастый

Алексей.

Восславил тебя, длинноногую,

бескрылую птаху,

на струны комнат

пятирусных

положил персты.

Струны же сами тебе

славу рокотаху² –

бычьи струны,

натянутые

на гусли

в четыре

версты.

Май 1934,

Москва.

Михаил СКУРАТОВ

НЕУГОМОННЫЙ РЕЧЕТВОРЕЦ

Я проникся мыслью о своеобразности Алексея Кручёных. Уж очень он был непохож на других. Даже и внешне. Этаким живчик. Недаром же Сергей Митрофанович Городецкий называл его метким словом – “непоседа”¹. И действительно: он, бывало, не посидит на месте, вскочит и куда-то рванётся, с тесно прижатым под локотком

портфельчиком, туго набитым. А уж что там набито? – только не пустяки: редкостные литературные “уникумы”...

Я был наслышан о нём ещё в начале 20-ых годов – в моём прекрасном иркутском далеке²... И мог ли я представить, что когда-то с ним буду встречаться – с живым, огнемётным – и слышать его язвительные речи (а уж он-то мастер был на них!..). В Иркутске мы, юные советские поэты, входившие в иркутское литературно-художественное объединение (сокращённо ИЛХО, отсюда – “илховцы”) – Иосиф Уткин³, Джек Алтаузен⁴, Иван Молчанов-Сибирский⁵, Валерий Друзин⁶ и я в том числе, в ту пору под псевдонимом Михаил Бельский⁷, знавали издали Алексея Кручёных как заядлого футуриста и, прежде всего, его знаменитое:

Дыр бул щыл
убешщур...

Нас дивило, а то и покоряло его “заумное слово”, его громко шумевшая в ту пору “заумь”...

И вот я приехал с берегов Ангары в 1924 году учиться в Москву, поступил в Высший Литературно-художественный институт (ВЛХИ), который носил имя Валерия Яковлевича Брюсова⁸ ещё при жизни этого поэта, и меня принимал в “свой” институт сам Валерий Яковлевич Брюсов!.. Тогда же я вступил в литературное содружество “Перевал”⁹, одним из вожakov которого был уже прославленный прозаик Артём Весёлый¹⁰, этакий могутный волгарь, косая сажень в плечах, чья проза – вольная, раздольная, как его родная Волга-река, была овеяна течениями новой речи в писательском ремесле, и в чём-то он близок был по языку и поискам своей, незатоптанной борозды в прозе с лэфовцами.

Именно у Артёма Весёлого я и встретил впервые Алексея Кручёных. Дело было так. Жил тогда Артём Весёлый на Тверской улице, где-то поблизости кинотеатра “Арс” и Музея Октябрьской революции. Артём Весёлый пригласил меня зачем-то к себе – “перевальца” и студента-брюсовца как своего младшего соратника по ремеслу, он и сам был ещё молод (и все мы тогда были молоды!), – и я рад был тому, что буду у него гостем. Прихожу. Обширная, но

довольно пустая комната. В гостях у Артёма Весёлого уже был поэт Владимир Заводчиков, тоже студент Брюсовского института, с которым я жил в одной многолюдной комнате студенческого общежития в Борисоглебском переулке (ныне улица Писемского). И ещё один гость был, мне незнакомый, этакий на взгляд щупленький, быстренький, подвижной, как ртуть, ну, прямо, как говорят в народе, "дыру вертит на одном месте", и постоянно размахивал руками, своеобразно, врзлёт, когда что-то говорил.

Артём Весёлый меня знакомит:

– Алексей Кручёных!

Ба! Тот самый, который написал "Дыр бул щыл убешшур..."

Я прямо так и впился в него глазами.

А он той порой язвительно отчитывал Владимира Заводчикова, который только что прочитал ему свои стихи.

– Где поиски слова, живого, изобретенного? Нельзя же в наше время писать по-старинке, слагая советские стихи на унылый надсоновский¹¹ лад? – допекал поэта Кручёных.

И продолжал жалить и источать свой яд:

– А ещё студент Литературного института имени Валерия Брюсова! Да и комсомолец к тому же! На что это похоже? – такие стишонки, где заезженные рифмы, затасканные слова, никакого словоизобретательства. За такие вирши Владимир Маяковский выдерет вам волосы: а если он уж что припечатает к кому-нибудь, то ничем не отмоешь никогда!..

Словом, Кручёных так "пронял" Заводчикова, что у того брызнули слёзы, задрожали губы. Так мог Кручёных отбрить стихотворцев, согласно своим убеждениям поэта-новатора, чьё "заумное слово" тогда "помутило" многих; и не только начинающего и не шибко-то броского на поэтические словесные находки Заводчикова (впоследствии он выпустил лучшую свою книгу стихов "Горький мёд"). Соратником самого Маяковского ходил тогда Кручёных, которому суждено было стать "последним из футуристов"¹²!..

Больше всего язвительностью своей речи, нет – жёлчностью! – и поразил меня тогда этот небольшой росточком человек: язык у него был острый, действительно, как бритва... "Так вот он какой –

Алексей Кручёных на близком расстоянии!" – подумалось мне тогда у Артёма Весёлого...

И удивительно: вот нынешние поэты, например, Николай Старшинов, если и вспоминают, то называют его "старичком"¹³; а в моей памяти он сохранился навсегда как человек, не имеющий возраста, – как он был "живчиком" в 20-ых годах, щупленький, сухонький, стремительный в движениях, с вечно подпрыгивающей походкой, таким он и сохранился на всю жизнь. Мне кажется, он не менялся, по известному выражению: "Истинная поэзия не знает возраста и не стареет, как севрский фарфор!" А он, Алексей Кручёных, был истинный одержимый поэт, но особого склада, и в рамках общепринятых понятий о литературе не укладывался – ершистый, непокладистый, и тем самым как бы делал вызов литературным староверам всех мастей, недаром же он был одним из застрельщиков создания манифеста и книги "Пощёчина общественному вкусу"¹⁴. Можно с ним не соглашаться и сегодня, но уж не признавать его своеобразности никак невозможно.

"Заумное слово"... А ведь его истоки – в народной изустной поэзии. Вспомнить хотя бы детские считалки:

Рази-двази,
Тризи-ризи,
Пята-лата,
Софа-мята,
Тюри-юри,
Тюк-на крюк!

Ведь понять тут почти ничего невозможно, ум за разум заходит, а ведь действует не только на ребятишек... Таким был порой стих и "заумное слово" Алексея Кручёных. И это понимали и читали его соратники и собратья – и великий Маяковский, и словопроходец Хлебников.

Он был до некоторой степени разрушитель косных утвердившихся эстетических взглядов в русской поэзии. Не каждый с этим мирился. Были тут, конечно, и завихрения, и неоправданные наскоки на Сергея Есенина¹⁵ – это был неверный шаг, многие ему этого не прощают (в том числе и я!); это был запальчивый выпад (а

запальчивость была ему свойственна! Он её пронёс через всю сознательную жизнь, исповедуя до конца своё "заумное слово").

Но ведь за этим была и большая осведомлённость, большие и углублённые познания движения и развития русской поэтической речи. Недаром же Кручёных утвердился в моём сознании ещё и как дотошный библиофил, книжник в высоком смысле этого слова, и, когда нужно, мог добыть редкостную книгу как из-под земли, на это у него был особенный нюх, как ни у кого. К тому же, это свойство его природы было для него и верным источником добывания куска хлеба насущного. Чего греха таить? – и это нисколько не порочит Кручёных – он ничего не издавал и почти не печатался с конца 20-ых годов, занимался из-за нужды, одолевшей его, книжным комиссионерством, и среди писателей, в этой области, он не имел соперников, равных ему. Я испытал это сам. Могу рассказать.

Спустя год-два после Великой Отечественной войны мне потребовалось разыскать собственную мою книгу стихов "Сибирская родословная", вышедшую в Москве в 1937 году. Редактором её был мой соратник по перу, ещё в Иркутске, поэт Иосиф Уткин. У меня оставался единственный экземпляр. Союз писателей попросил его для каких-то целей, и там, в недрах его, книгу "зачитали", она затерялась, да так, что и следов не осталось. Затерялись и мои книги, изданные в Новосибирске, одна – "Вьюжные дни", где были мои стихи, другая – сборник "Художественная литература в Сибири: 1922-1927 годы", в котором обо мне была статья Вивиана Азаревича Итина¹⁶ – собирателя поэзии в журнале "Сибирские огни"¹⁷, моего литературного крёстного батюшки и дядьки, и опекуна, под красноречивым заглавием: "Скромный разбойник"...

Я обратился за помощью к Алексею Кручёных.

Был какой-то праздничный, возможно, воскресный день. Мы сидели с ним в садике перед старым зданием Московского университета на бывшей Моховой улице. Уж не знаю, почему мы очутились рядом на одной скамеечке; позади нас возвышался бюст Михайлы Ломоносова¹⁸.

– Можете достать мне эти книги? – спросил я у Кручёных. – Дозарезу нужны. Вся надежда на вас. Я обегал всю Москву, все книжные магазины и киоски – увы! – днём с огнём не сыщешь теперь этих книг. Помогите.

– Помогу! Но только с условием. Сколько вам нужно?

– По две штуки каждой из этих книг.

– Хорошо. Поиски будут трудные. Я не сквалыжник. Но дешево вы не отделаетесь.

Тогда был другой курс денег. Он запросил за каждый экземпляр что-то по сто рублей.

– И сверх того, – прибавил он, – вы ещё дадите мне по новой книге на каждый экземпляр какого-нибудь классика, только что изданного "Художественной литературой".

Я пошёл на все эти условия. И что же? Он действительно выкопал эти, казалось, навсегда пропавшие для меня сборники, как из-под земли, – и я до сего дня благодарен ему... Ведь это же говорит о том, что он был великий знаток книги и непревзойдённый книжный следопыт. У него у самого были собраны бесценные книжные сокровища, и многие ему дарственные.

– Знайте, – поучал он меня, – у букинистов книга с автографом ценится дороже, чем без автографа.

Это я навсегда запомнил.

Я думал, что он – мой земляк, сибиряк, крепко обмосковившийся, как и я впоследствии. Ведь его фамилия звучала чисто по-сибирски, "по-чалдонски"¹⁹!.. В Сибири старики часто спрашивали: "Чеевич вы будете по изотчеству?" А им отвечали: "Непомнящих", "Седых", "Задворных". Моя мать – коренная сибирячка из рода русских старожилов Сибири, в девичестве носила фамилию – Сизых. А оказывается, Алексей Кручёных родился и вырос на Херсонщине²⁰, а потом и зажился навсегда в Москве. Тут что-то роднило нас, хотя я вовсе не был последователем его "заумного слова", но его приверженность к русской народной речи, нашему фольклору мне тоже не чужда и тоже у меня в крови.

Что-то его сближало с поэтами-словотворцами разных возрастов, и особенно тяготел он к молодым, и немудрено, что он сдружился с Павлом Васильевым²¹, поэтом широкого буйного размаха, моим сверстником и земляком. И я часто встречал у него, на Потылихе, Алексея Кручёных. По возрасту они были далеко друг от друга, а вот по своеволию, по самобытности, по любви к

речетворчеству – близки, и это их роднило. Но они были живые люди, и любили жизнь со всеми её соблазнами.

Ночевал я как-то у Павла Васильева на Потылихе, где он получил с женой, Еленой Александровной Вяловой, комнату. Всю неделю перед тем он играл на крупные деньги в карты с Алексеем Кручёных. И кто в них кинет камень за это? Ведь и сам Александр Сергеевич Пушкин²² был страстный картёжник и даже проиграл однажды рукопись своих стихов Н.В.Всеволожскому²³...

Вот и Павел Васильев сражался в карты с Алексеем Кручёных, и про них можно сказать словами того же Пушкина:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули – бог их прости! –
От пятидесяти
На сто.
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом...

Ну, может мела и не было, а картёжные бдения были, и Кручёных неизменно обыгрывал Васильева вчистую.

И Васильев, не моргнув глазом, доказывал мне, что Кручёных – бес в образе человека.

– Как дело-то было? – рассказывал Павел Васильев. – Уложил я его у себя спать. Ночью мне захотелось прикурить. А спички на столе, перед окном. А рядом кровать, на которой спал Кручёных. Светила луна – и отбрасывала отблеск на кровать. Взглянул я ненароком на Кручёных – мать ты моя честная! Гляжу, а у него на лбу, из-под волосиков, явственно проступают – что бы ты думал? – чёртовы рожки... Да, да, да, рожки!.. рожки... И тогда мне стало ясно, что я имел дело с нечистой силой!..

Говорил это Павел Васильев "на полном серьёзе", он умел это делать неподражаемо, как никто другой, и продолжал в том же духе:

– Ага, думаю, вот почему я проигрывал всю неделю... а меня обыграть трудно... я картёжный игрок ого-го!.. Но разве можно с нечистой силой сладить?.. Ну, чему ты смеёшься? Ты думаешь, я тебе говорю бабкины сказки? С тобой решительно нельзя говорить всерьёз. Я тебя уверяю, Алёшка Кручёных – бес, чёрт в образе человека... Не веришь? Да погляди ты на все его повадки... А Николай Клюев²⁴ – чернокнижник, в этом я тоже мог самолично убедиться... Не смейся, пожалуйста! В тебе живёт Достоевский²⁵, такая в тебе надломленная интеллигентская душонка, ничего ты не принимаешь на веру, – и никакой ты не варнак²⁶ сибирский...

Павел Васильев передохнул маленько – и совсем огорошил меня дальнейшей байкой.

– Ну, ладно... Слушай дальше... В другой раз, когда Алексей Кручёных, отвернувшись к стенке, стал отслюнивать выигранный у меня большой денежный куш, я подкрался сзади – и перекрестил его трижды широким православным крестом, – и тогда Кручёных повели корчи – он не выдержал креста. Мне стало окончательно ясно, что он столько же заядлый футурист, сколько самый допотопный чёрт. И я перестал с ним играть в карты...

Это, конечно забавно. Но и достаточно рисует взаимоотношения обоих этих недюжинных людей... И я счастлив, что судьба одарила меня знакомством с ними, а и даже дружбой...

Ещё одна встреча... Было это уже у другого поэта, тоже молодого, – у Джека Алтаузена, с которым мы начинали свою писательскую судьбу в Иркутске и продолжали её в Москве. Кручёных часто погашивал у Алтаузена, на почве, главным образом, собирания книжных сокровищ – у того и у другого были замечательные и богатые личные, домашние библиотеки. У Алтаузена даже висела предупреждающая надпись на книжных полках: "Книги на дом у меня не выдаются никому, даже самым закадычным приятелям". Кручёных иногда снабжал Алтаузена редкостными книгами.

Мы сидели за обеденным столом. Джек – довольно привередливый в домашней обстановке – говорит своей милой жене, Клавдии Ильиничне:

– Клава, опять у тебя сегодня сосиски какие-то задубелые и чем-то пованивают! Есть нельзя!

– Ну, что ты, Джек! – заступился Кручёных. – Клавдия Ильинична прекрасно у тебя готовит. И эти сосиски ничем не пахивают. Зря это ты.

– Ну, ты, Алексей, известный примиренщик. И что не подай, тебе всё кажется съедобным, – немного грубовато отрезал Джек, совсем и не по возрасту и без малейшей почтительности, даже оскорбительно.

– Да нет, Джек, – огрызнулся Кручёных, – ты же отлично знаешь, я много несъедобного не принимал и в нашей поэзии, и в жизни, и воюю с этим до-сегодня. Так и знай... А сосиски отличные!..

Из этого можно заключить, что Алексей Кручёных был запросто с более "молодшими" его по возрасту поэтами, и они чувствовали себя с ним как на равной ноге, но иной раз излишне панибратски и неуважительно...

Но бытовые особенности (порой и теневые!) не заслоняют значительности образа Алексея Кручёных как несомненно своеобразного явления в нашей отечественной поэзии, оставившего в ней свой, неизгладимый след. За ним навсегда остаётся "Сдвигология русского стиха". Но в мои задачи сегодня не входит обязанность углубляться в его писательские свойства и качества – это сделают и делают уже за меня лучше и обстоятельнее другие. Да он и сам прекрасно рассказал о себе.

Мне же хотелось дать несколько зарисовок, так или иначе воссоздающих живой образ Алексея Кручёных. Уж очень своеобразный и противоречивый был человек, уж очень своеобразна и трудна была его жизнь!..

Как-то Максим Горький²⁷ сказал: "Чудаки украшают мир!"

Вот таким прекрасным чудаком, охваченным раз навсегда всепоглощающей его большой идеей – новаторством в нашей поэзии, поисками нового, "заумного", слова – и был "последний футурист" – Алексей Елисеевич Кручёных!

17 июля 1987,

Москва.

Михаил СКУРАТОВ

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ
(Дополнение к моим воспоминаниям
о нём в виде письма-ответа
литературоведу Сергею Сухопарову)

4 августа 1987 г.
Москва.

Мой доброхот, Сергей Михайлович (смею Вас так называть)!

Не ждите от этого моего письма отточенного слога. Отстукиваю его на машинке второпях, вразброд...

Итак, Алексей Кручёных... На мой взгляд, он был несколько суетлив. На "фотолике", присланном Вами, где он заснят рядом с поэтом Павлом Васильевым¹, он, по-моему, слишком заретуширован, лицо его сглажено, благообразно, спокойно, а мне, насколько позволяет память, помнится: лицо его было в каких-то постоянных нервных подёргиваниях, и даже, мне казалось, измождённым. Я ещё к этому вернусь не однажды, ещё будет у меня словесная круговерть... Ну, правда, в 30-х годах, в пору его встреч с Павлом Васильевым, он был моложе, но и тогда, мне думается, он уже производил впечатление этакого, как я уже говорил, "живчика", это сказывалось и на его обличье. А на "фотолике", который Вы мне прислали, он как-то уравновешен, умиротворён, что ли, и даже он моложе выглядит Павла Васильева или его сверстником, – а разве это так было?! Не похож тут Кручёных на самого себя, на тогдашнего. Ей-же-ей!..

В жизни облик его отвечал скорее тому определению, которое язвительно давал ему его друг Павел Васильев: "бес в образе человека". Что-то и в его обличье, и в его походке, – а ходил он всегда выпирая одно плечо, боком, – и во всей его подвижности, вечно суетящейся походке было поистине "бесовское", и всегда можно было от него ожидать и в речах, и в поступках какого-нибудь выпада, нечто резкого, колкого, саркастического, вызывающего,

воинственного... Таков он был и в 20-х, и в 30-х и в последующих годах, до конца своей неуёмной жизни...

Я его часто встречал и видел, помимо писательских сборищ и московского Клуба писателей, на Мясницкой, против Главного почтамта, во дворе усадьбы, где он, вероятно, жил в одном из глубинных каменных пятиэтажных или шестиэтажных домов². Я нередко там бывал в годах 40-х и 50-х... <...>

Мне очень нравится словоопределение Лидии Либединской: "Алексей Елисей – всех поэтов Словосей!"³. Чудесно! Откуда она это взяла, графинюшка (ведь она отпрыск рода графа Льва Николаевича Толстого!)? Сама придумала, али как?!.. Вот такое бы заглавие я взял для себя, да жаль – оно не моё. Но я всецело подписываюсь под ним. В этой строке – весь Алексей Кручёных!.. <...>

Из всех Ваших вопросов, заданных мне, больше всего меня затрудняет и больше всего неясен: "дать, пожалуйста, максимально подробный портрет Кручёных (с указанием года)"... Как же я могу это сделать? Ведь я в своём очерке (да и сейчас!) высказал, в меру сил, каков он был, на мой взгляд. А что я могу больше сказать?.. К тому же, у Вас есть его "фотолики", а у меня их нет: он мне не дарил; мы были не настолько близки с ним, чтобы он мне их дарил или вообще чем-нибудь меня одаривал, даже своими беседами не жаловал, они у нас были вскользь, мимоходом, и я больше наблюдал его со стороны...

Повторяю, он в своём обличье, во всей своей внешности и порывистости, не менялся или мало менялся, как бы надолго застыл в неопределённом возрасте... Вот – опять-таки говорю – на "фотолике" с Павлом Васильевым он такой упитанный, гладенький, сытенький, чистенький, а мне думается, уже и тогда он на лицо (а ещё и раньше, при первой моей встрече с ним у Артёма Весёлого в 1925 году), был испитой, сухопарый (под стать Вашей фамилии!)... Я удивляюсь: на "фотолике", присланном мне Вами, очень уж, на удивление, он как-то "зализан" и даже красивый, просто – "хорошенький". А он был ни красивым, ни хорошеньким. Прибавьте к тому: он всегда был тщедушен, словно навеки заморён, и росточком не шибко-то велик, пониже Павла Васильева, хотя и тот был среднего роста, только более статный, стройный, молодецкий, удалецкий. А Алексей Кручёных, при всей его "напористости", при всех его "наскоках" на всех и вся,

никогда не был на вид "удалецким", "молодецким", не был "добрым русским молодцем", как Павел Васильев, скорее – этаким заморышем...

Вот Вам мой ответ на Вашу просьбу дать "максимально подробный портрет" Алексея Кручёных. Конечно, это моё восприятие его обличья и внешности. Учтите и это. У каждого свой взгляд на вещи, на лица и на людей. Я сужу со своей колокольни, увы! Что поделаешь?.. Иначе я не могу. Если говорить правду, мою правду... Да и многое из памяти выветрилось...

Моё отношение к книжонкам Кручёных о Сергее Есенине? Дело давнее... Они у меня даже были в руках, но куда-то "заховались" в моих бумажных недрах и завалах. Был бы большой труд их разыскивать... Насколько помню, Кручёных издавал их на свой счёт. Никакое бы издательство не стало их печатать... Не буду высказывать своего мнения: я, конечно, не одобрял выпадов Кручёных против Есенина, но вслух этого ему не выболтывал, особенно в ту пору, когда я с ним был только шапочно знаком, а в беседы я с ним особенно-то не вступал, тем более, по этому поводу. Сам я с ним о том не говорил, и не имел случаев, но я отлично помню отношение к этим книжонкам Кручёных многих поклонников и даже не поклонников Сергея Есенина из числа писателей. По-моему, общее мнение их об этих книжонках Кручёных было как о чём-то "гадливом", многие называли эти книжонки просто "пакостными", ну, а другие прибегали к более интеллигентски-обтекаемым определениям: что это-де – дурные пасквили, – было, дескать, в них нечто даже глумливое... Да иначе их, пожалуй, и не назовёшь. Это был ложный, неверный шаг Алексея Кручёных, совершённый им в запальчивости, свойственной ему вообще – ведь он же был застрельщиком давать "пощёчину общественному вкусу"... Но и то надо понять и принять во внимание: ведь это было при жизни Сергея Есенина или вскоре после его кончины⁴, уже не помню, ведь это была и борьба литературных взглядов, а не просто огульное отношение со стороны Кручёных: его позиция, не получившая всеобщего признания и сочувствия, набросившая тень на него, и он тут очутился в положении одиночки. Скажу даже более: за наскоки на Есенина Кручёных в ту пору сильно уронил себя во мнении других

писателей, даже и не причислявших себя к почитателям Есенина. По-моему, и сам Владимир Маяковский молчаливо не одобрял этого шага своего ратоборца и единомышленника⁵, чьи стихи он определял как "помощь грядущим поэтам"⁶, которого он называл: "истинный поэт, разрабатывающий слово"⁷. Мне сдаётся, что и сам Кручёных потом раскаивался, вспоминая свой наскок на Есенина, с которым его многое и связывало. Просто Кручёных тогда оступился – и, возможно, сам себе не прощал этого проступка впоследствии, когда "одумался". Но ведь это только мои догадки, предположения, я не копался в его душе, но смею предполагать так: с течением времени Кручёных мог допускать для себя и некоторые пересмотры⁸, хотя, в целом, он был неистово непримирим, человек воинствующего закала и запала. Было в нём что-то от таких же неистовых старообрядцев, самосжигавших себя на кострах, нечто от протопопа Аввакума⁹, хотя Кручёных и не обладал богатырской мощью этого "огнепального" вожака тёмного и косного ещё народа...

Вот и все мои "уточнения". Я их высказывал тоже с маху, с рыву, с пылу, с жару – "Раззудись, плечо! Размахнись, рука!..", сразу после получения Вашего пакета, взволновавшего меня и посеявшего во мне разные думы... <...> Я до-сегодня не знаю, никогда этим и не интересовался: был ли женат или холост Кручёных, имел ли он когда семью?¹⁰ <...> Во всяком случае, я помню: Кручёных в обществе, на литературных сборищах и слётах, в московском Клубе писателей никогда не показывался ни с какими женщинами или детьми: я этого не видел и не знавал за ним. Производил он впечатление одинокого человека, вечного холостяка. Но, может, я ошибаюсь? <...>

Я много рассказал сгоряча, но, может, мало путного. Но буду рад, если это моё послание станет добавочным для вставок к моим воспоминаниям об Алексее Кручёных, для пополнения их. На большее меня, ей-ей, уже не хватит!.. <...>

Да, я много наговорил об Алексее Кручёных в этом письме. Надеюсь, однако: всё это не умаляет значения его, не порочит. Он оставил свой неизгладимый след и вклад в нашей русской отечественной литературе, провёл в ней свою назатоптанную борозду.

<...> Вообще, распоряжайтесь моим материалом в полную Вашу волю...

Кончаю... Скоро полночь, и мои глаза, говоря по-народному, уже просятся на сѣдало, как у куриц на насесте.

Жду скорого Вашего ответа!

Всё тот же

Михайло Скуратов.

Николай АСЕЕВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Теперь
начать о Кручёных главу бы,
да страшно:
завоет журнальная знать...
Глядишь –
и читатель пойдёт на убыль,
а жаль:
о Кручёных надо бы знать!
Кто помнит теперь
о царёвой России?
О сером уезде,
о хамстве господ?
А эти –
по ней вчетвером колесили¹
и видели
самый горелый испод.
И въелось в Кручёныха
злое лихо
непомнящих роду
пьянчуг,
замарах...
Прочтите
лубочную "Дуньку Рубиху"

и "Случай с контрагентом
в номерах"².
Вы скажете –
это не литература!
Без суперобложек
и суперидей.
Вглядитесь –
там прошлая века натура
ползучих,
приплюснутых,
плоских людей.
Там страшная
простонародная сказка
в угарном удушье
бревенчатых стен;
попынная жалоба
ветра-подпаска
с кудрями,
зажатыми промеж колен.
Там всё:
и осторожная сентиментальность,
и едкая,
серая соль языка,
который привешен,
не празднично болтаясь,
а время свидетельствовать
на века.
Наклеят:
"Он мелкобуржуазной стихии
лазейку тайком
прорывает в марксизм..."
Плохие чтецы вы,
и люди плохие,
как стиль ваш ни пышен
и вид – ни форсист!
Вы тайно
под спудом

смакуете Джойса³:
и гнил, дескать, в меру,
и остр ананас...

А то,
что в Кручёных
жар-птицею жжётся,
совсем не про это,
совсем не про нас.

Нет, врёте!
Рубиха вас разоблачает,
со всем вашим скарбом
прогорклым в душе.
Трактир ваш дешёвый
с подачею чая,
с приросшею к скважине
мочкой ушей.

Ловчите,
примеривайте, считайте!
Ничем вас не сделать
смелей и новей –
весь круг мирозданья
сводящих к цитате –
подросших
лабазниковых сыновей.
Вы, впившиеся
в наши годы клещами,
бессмысленно вызубрившие азы,
защитного цвета
литые мещане,
сидевшие в норах
во время грозы.
Я твёрдо уверен:
триумф ваш недолог;
закончился круг
ваших тусклых затей;
вы – бредом припомнитесь,

точно педолог,
расти не пускавший
советских детей.

1936-1939

Михаил ВЕРШИНИН

В ГРОЗНУЮ ПОРУ МОСКВЫ

Полулегендарное имя этого человека пришло к нам ещё в школьные годы. Особенно оно заинтересовало нас в 1936 году, когда только что открытую литературную студию Дворца пионеров в Москве, в переулке Стопани, ошеломили рассказы Льва Кассиля¹ о Владимире Маяковском.

От трагической смерти Маяковского нас отделяли всего-то шесть лет, и всё более возрастал интерес молодёжи к этому Атланту Поэзии. Мало было подражать Маяковскому, писать стихи "лестничкой", мало было твердить почти что наизусть его стихи, поэмы, автобиографию и статью "Как делать стихи?" Надо было досконально знать его 37-летнюю жизнь, его увлекательную и героическую судьбу.

И, конечно, имена Бурлюка, Каменского, Кручёных, Осипа² и Лили Бриков, Катаняна и других людей, причастных к судьбе Маяковского, вызывали у нас острейшее юношеское любопытство.

Лев Кассиль, тогдашний кумир детворы и юношества, с охотой рассказывал нам страницы жизни Маяковского. Рассказчик он был прекрасный, и потому многое сразу же запоминалось.

Шли годы, и грянул роковой сорок первый.

Дети стали юношами. Юноши стали воинами.

Осенью сорок первого фронт приблизился к Москве.

Облик древней и всегда молодой столицы неузнаваемо изменился. Москва ошетинилась перед лицом смертельной опасности.

Большинство интеллигенции было эвакуировано.

Но с ещё большей активностью работала мастерская военно-оборонного плаката "Окна ТАСС", прямая наследница знаменитых "Окон РОСТА" Маяковского времён гражданской войны³.

Во главе её стоял замечательный художник-трибун Павел Петрович Соколов-Скала⁴.

Двадцать два художника, трафаретчики и несколько поэтов. Это была творческая фронтовая бригада, которая группами выезжала делать антифашистские плакаты непосредственно на передний край, совсем неподалёку от Москвы, по сути дела, в её предместьях.

Вернувшись однажды из такой поездки, я застал в маленькой комнатке мастерской "Окон ТАСС" Павла Петровича в беседе с худющим, чуть сутулым немолодым человеком, что-то горячо ему говорившим. Соколов-Скала подмигнул:

– Садись и слушай...

Я молча присел и прислушался. Говорили о Маяковском, страстно и влюблённо.

– Помню свою первую встречу с ним в "Окнах РОСТА"! Он усадил меня за стол. Дал тему, и я стал рисовать, – вспоминал Соколов-Скала, – а потом, когда я встал из-за стола, Маяковский озорно улыбнулся и заметил Черемных: "А он в меня! Здоровый!" – По длине мы с ним могли соперничать!..

– Да, Володя вас полюбил сразу же. Несмотря на разницу в возрасте! – проговорил собеседник Павла Петровича. Он повернулся ко мне и мягко произнёс своё имя:

– Кручёных...

Я даже не поверил:

– Сам Кручёных?!

– Он самый! – рассмеялся Павел Петрович...

С тех пор я его видел в Мастерской часто. Он не уехал из Москвы, несмотря на болезнь. Но, не зная, куда себя деть, стал почти ежедневно бывать в Мастерской, где кипела бурная работа. Плакаты один за другим заполняли огромные стенды, вывешенные на стенах фасада Мастерской в доме № 22 на Кузнецком мосту, где сейчас находится один из выставочных залов.

Тиражировались не все плакаты, из-за ограниченного числа трафаретчиков и ограниченного количества бумаги.

Но вывешивались "плакаты-отклики" на злобу дня.

Нумерации у них не было, а помечались они датой создания.

Кручёных тоже делал стихотворные подписи под такими плакатами⁵, как и Михалков⁶, Захарченко⁷, Кульчицкий⁸. О судьбе этих нетиражированных плакатов трудно говорить. Часто после того, как эти плакаты сменялись другими, художники брали их домой...

Может быть, и в архиве Кручёных сохранился какой-либо из этих уникальных плакатов, как и у других авторов, склонных к тому, чтобы беречь реликвии прошлого.

Кручёных был очень трогательным человеком, его волновала и судьба Родины, которую он беззаветно любил, и судьбы отдельных людей. Меньше всего он говорил о себе, отмахивался с присущей ему застенчивостью и скромностью. Говорили мы с ним часто и в ту пору, и позднее, когда мне приходилось прилетать в Москву, в командировки с фронта.

Почти всегда я забегал в Мастерскую и почти всегда видел его там, то у Соколова-Скала, то у Денисовского⁹, то у Осипа Брика, прибывшего из эвакуации и ставшего одним из литературных редакторов "Окон ТАСС".

Было интересно слушать всех вместе, вспоминающих, спорящих. Всех их перекрывал раскатистый смех Демьяна Бедного¹⁰.

– Что Кручёных, что Брики, все вы тени Маяковского, – добродушно, но с подначкой говорил Ефим Алексеевич. – Так его и не уберегли, а теперь хвалитесь...

– Я не хвалюсь, – коротко отвечал Кручёных. – Я казню себя, как и других, что проглядели мы Володю... Да и вы не уберегли, – возразил он Демьяну Бедному.

– Мне бы впору себя убересть, – произнёс Демьян Бедный.

...После войны я часто встречал Кручёных у его дома, на улице Кирова, он был всё тот же, в поношенном пальто, с сумкой в руках, полной книг. Это был фантастический книголюб. И то, что мы сейчас называем "книгообменом", было у него, что называется, в крови. Он мечтал о том времени, когда книги не будут оседать мёртвым грузом в домах читателей, а будут в постоянном обращении. Об этом я часто думаю, когда захожу в Книжную Лавку писателей и другие книжные

магазины той поры, где и по сей день витает дух этого удивительного, загадочного литератора и одержимого книголюбца.

<Апрель 1985, Москва>

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АЛЕКСЕЕ КРУЧЁНЫХ

Иного человека можно ни разу не увидеть в жизни, а он, тем не менее, будет знаком и близок.

Алексея Елисеевича Кручёных я видел всего один раз и настолько мельком, что встреча эта не может служить материалом для воспоминаний. Но, когда я его увидел, то сразу понял, что смотрю на человека весьма знакомого, отлично знакомого буквально со школьных лет. Кручёных! Да ведь имя это слито с именами Маяковского и Бурлюка, Хлебникова и Петникова¹, Асеева и Пастернака! Сколько я читал его и о нём! Помню, до войны была у меня книжечка Кручёных, изданная по-футуристически, на плохой бумаге, с предисловием Бориса Пастернака. "Милый Кручёных, – писал Пастернак, – ну, зачем тебе моё предисловие?.." Книжечка называлась, кажется, "Голодняк"².

И вот я увидел автора книжечки на вечере автора предисловия. Случилось это зимой с 1942-го на 1943-ий год в холодной, голодной, затемнённой, прифронтовой Москве. Единственным местом, где можно было немного отогреться и кое-как утихомирить голод, был Центральный дом литераторов на улице Воровского. Там собирались писатели, – большинство из них носило военную форму. Находясь в резерве Главного политического управления, туда нередко заходил и я и однажды попал на творческий вечер Пастернака. Поэт читал стихи из книги "На ранних поездах", тогда ещё не вышедшей в свет⁴. Стихи об инее, о соснах, о рождественской ёлке, о переделкинских кострах на огороде.

После чтения Лев Рубинштейн⁵ провёл аналогию между стихами Пастернака и цветочным магазином в Лондоне, который демонстративно открыт в часы воздушной тревоги, а критик Лейтес⁶

в том же духе говорил о бобровом заповеднике где-то в прифронтовой полосе. Пастернаку такие речи крайне не понравились, и в своём заключительном слове он сказал, что отдаёт цветочный магазин Рубинштейну, а бобров – Лейтесу⁷. А потом Пастернака окружила большая группа молодёжи. Мне было не протиснуться к поэту, и я невольно обратил внимание на человека, что-то говорящего другой группе молодёжи. Прислушался. "Пастернак пишет, не думая о том, что важно, а что не важно. Сила его – в его детской непосредственности. Вот увидел иней – написал об инее, по-своему, конечно..." Мне сказали, что фамилия этого человека Кручёных. Одет он был в плохое пальто (в зале все были в верхней одежде, потому что зал не отапливался), казался усталым, но во всей его фигуре и словах невольно угадывалось что-то учительское, наставническое, а то даже пророческое. Я смотрел на него во все глаза, но подойти и познакомиться не решился.

Зато уже после войны я очень часто встречался (если так можно выразиться) с духовной личностью Алексея Елисеевича в кабинете замечательного русского поэта – Николая Николаевича Ушакова⁸. Он постоянно жил в Киеве, мы были соседями по писательским домам, расположенным рядом. Ушаков был одержим поэзией. У него имелась весьма богатая коллекция поэтических книг. Особенно хорошо были представлены поэты начала века. Он с большой любовью говорил о Кручёных и демонстрировал мне его редчайшие книги, какие сейчас, по-моему, нигде не увидишь. Я, приходя домой, записывал беседы с Ушаковым (потом эти записи пригодились мне для мемуаров о нём⁹), записывал и книги, какие посчастливилось держать у него в руках.

Так, в одной из записей я уделил внимание книге А.Кручёных "Собственные рассказы и рисунки детей". На обложке: "Собрал А.Кручёных. 1914 г."¹⁰.

Книга удивительная. Это теперь много внимания уделяется детскому творчеству, устраиваются большие выставки детских рисунков, а тогда, до революции, такими вещами почти не занимались. Кручёных был одним из первых, кто вместе с Чуковским обратил на это пристальное внимание¹¹. Книга открывается рисунками семилетней М.Э. и восьмилетней Нины Кульбиной – прекрасно нарисовавшей типы представителей разных народов; целая

история, связанная с волком, представлена в рисунках семилетнего П.Бахарева и т.д. В этой же книге Кручёных собрал стихи и рассказы детей. Интересно, что он записывал многие рассказы детей под их диктовку, сохраняя лексику ребёнка, а если переписывал какой-либо рассказ, то сохранял пунктуацию и все оттенки стиля.

Книга была выпущена издательством "ЕУЫ" и отпечатана в лито-типографии на Невском, 136.

Отлично помню, как Николай Николаевич Ушаков вытащил из шкафа две книги в плотных, чёрных переплётках.

– Как вы думаете, судя по внешнему виду, какой писатель?

– Мне кажется, Тургенев¹² или даже Писемский¹³...

– Как бы не так! Откройте!

Я открыл первую книгу и – ахнул. На плотной бумаге лишь с одной стороны страницы литографским способом отпечатана "Игра в аду" А.Кручёных и В.Хлебникова¹⁴! Та же литография "Свет", Невский, 136. Множество иллюстраций О.Розановой. Поэма весёлая, озорная, фантастическая, но тем не менее – реалистическая¹⁵...

Вот кусочек из описания ада:

Покой и мрачен и громоздок
деревья – сероводород
здесь алчны лица спёртый воздух
тех властелинов весел сброд...

Другая книга была ещё удивительнее¹⁶. На первой странице – отпечатано от руки набором печаток: "ПОДОБЕНЬ А.КРУЧЁНЫХ РИС. КУЛЬБИН". Далее – портрет Кручёных работы Кульбина. Далее – опять печатки: "ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬ СЯ // ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ // НА КОРАБЛЕ ПОЛЕЗ ЛИ КТО // ХОТЬ БЫЛ ПЕРЕД НОСОМ". Много стихов с рисунками Розановой Например:

Взорваль
огня
печаль
коня
рубль ив
в волосах див

Много рисунков К.Малевича.

На одной из страниц: "Переживание не укладывается в слова (застывшие понятия) – муки слова – гносеологическое единство. Отсюда стремление к заумному свободному языку (см. мою декларацию слова), к такому способу выражения прибегает человек в важные минуты... Привожу свои стихотворения на заумном и вселенском – из гласных – языках". Много рисунков О.Розановой.

Жижа сквернословий
мои крики самозванные
не надо к ним предисловия
– я весь хорош даже бранный!

На одной из страниц – авторское предисловие к циклу стихов:

"27 апреля в 3 часа пополудни я мгновенно овладел в совершенстве всеми языками. Таков поэт современности. Помещаю стихи на японском, испанском и еврейском языках".

А в конце книги, опять-таки литографическим способом, – объявление:

"ВЗЛЕТЕЛИ НОВЫЕ КНИГИ –

"Утиное гнёздышко" А.Кручёных, рисунки О.Розановой, ц<ена> 40 к<опеек>. "Бух лесиный" – Кручёных, Хлебников. Рис<унки> Розановой, Кульбина и Кручёных. Ц<ена> 30 к<опеек>.

"Взорваль" Кручёных. Рис<унки> Н.Кульбина, Н.Гончаровой, Малевича, Розановой. Ц<ена> 60 к<опеек>.

Склад: Максимилианов пер., д.16, кв.6".

Крайне интересны – тоненькие книжки издания Ленинградского театра Дома печати¹⁷ (1928 г.) и издания "Группы левовцев"¹⁸ (1929). Это – литературные шутки, эпиграммы, "секреты". Издавалось на правах рукописи. Редактор – А.Кручёных. Обложки К.Зданевича и И.Герентьева. Одна из таких книжечек называется "Турнир поэтов"¹⁹. В ней – рисованный портрет А.Кручёных. В турнире участвуют Асеев, Пастернак, Катаев,

Инбер²⁰, Сельвинский²¹, Хлебников, Маяковский, Третьяков. К "Турниру поэтов" – предисловие А.Кручёных²²:

"У нас имеются всероссийские (и даже всемирные) шахматные и шашечные матчи... и только поэтам не везёт – соревнования тут не идут дальше измызганного буримэ... Хотелось бы повернуть колёсики истории и открыть ряд блестящих триумфов рифм, соревнований речетворцев!" И далее идут образцы блестящих рифм-экспромтов:

**– УЧИ УЧЁНЫХ! –
СКАЗАЛ КРУЧЁНЫХ.**

Маяковский, 1922.

"Конкурс рифм объявил В.Катаев, записавший в моём альбоме, соревнуясь с Маяковским, следующую шутку:

**УТОНУВШИЙ В КРЮШОНАХ
АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕИЧ КРУЧЁНЫХ**

Редчайшая рифма! Величайшие зубры сломали себе на этом деле зубы... Кто лучше?"

Дальнейшие записи-экспромты явились ответом на этот вызов:

**БЫЛ У КУРИЦЫ КУРЧОНОК
ПОД НАЗВАНИЕМ КРУЧЁНЫХ.**

С.Курсанов

**ЕСЛИ БУДЕШЬ ПЕЧЬ СТИХИ –
ПОПАДЁШЬ В КРУЧЁНЫХИ.**

В. Инбер

**БАЛЕРИНЫХ ИКР УЧЁНЫХ
БЫЛ НЕ ЧУЖД И А.КРУЧЁНЫХ.**

С.Третьяков

МЧАТ В ЛИТЕРАТУРУ ЧОН'ОМ²³

Борис ПАСТЕРНАК

АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ

Вместо поздравления

Я превращаюсь в старика,
А ты день ото дня всё краше.
О боже, как мне далека
Наигранная бодрость ваша!

Но я неправ со всех сторон.
Упрёк тебе необоснован:
Как я, ты роком пощажён:
Тем, что судьбой не избалован.

И, близкий правилам моим,
Как всё, что есть на самом дале, –
Давай-ка орден учредим
Правдивой жизни в чёрном теле!

Позволь поздравить от души
Тебя и пожелать в награду
И впредь цвести. Мечтай, пиши
И нас своим примером радуй.

21 февраля 1946

Виктор ШКЛОВСКИЙ

ПИСЬМО О ЛЮБВИ

Дорогой Алексей Кручёных!

Почтительно поздравляю тебя с твоим непохожим
шестидесятилетием.

Ты не заработал за эти шестьдесят лет ни каменного дома, ни каменной болезни, ни седины, ни морщинистой кожи, ни лысины.

К сожалению, ты не заработал и премии, но это вознаграждается тем, что в дыхании русского искусства есть часть воздуха, который принесен твоим ветром.

Желаю тебе чистить выворотные твои сапоги ваксой с примесью воска, что сделает тебя вообще совершенным.

Желаю твоей библиотеке расти и превзойти, как это уже есть, древнехранилище Погодина¹ на столько же, насколько наше время превосходит погодинское.

Желаю тебе, чтобы это было бы, как у Погодина, приобретено правительством, а ты был бы оставлен прижизненно библиотекарем, казначеем и бухгалтером этого предприятия.

Кроме того, желаю тебе счастья и отсутствия одышки.

С глубоким уважением, почтением и преданностью

Виктор Шкловский.

20 февраля 1946

Михаил СВЕТЛОВ

ЗАСТОЛЬНЫЕ ШУТКИ

А. Кручу

Мы с тобой не зря
Дожили до января.

Оптимистом по земле
Будешь топтать в феврале.
Будет к середине марта
Джокером¹ любая карта.

Мы добьёмся, чтоб в апреле
Все партнёришки взопрели.

Фантазирую, что к маю

Где-нибудь аванс поймаю.

А иначе, милый, к июню
Потекут возжою слюни.

Интересно, я смогу ли
Хорошо питаться в июле?

Будет жиром наш пилав² пуст,
Как настанет месяц август.

В золоте и в серебре
Щегольнём мы в сентябре.

Мы напьёмся на заре
В золотистом октябре.

На границе ноября
Крикнем пьяное: "Ур-ря!"

Все блаженства повторю,
Приближаясь к декабрю.

Так, глядишь, и протечёт
Плодотворный этот год.

1 января 1947

Леонид МАРТЫНОВ

* * *

"О, нет, Кручёных не зачах,
Он весь в загаре и лучах", –
Так говорит Кручёных сам,
Стремясь подняться к небесам.
Но я

Кручёныху

ворчу:

– Кручёных,
Твою новую чудесную я книгу
Видеть, ах, хочу!

11 августа 1947

Виссарион САЯНОВ

ВЕЧНО В ДВИЖЕНИИ

Кручёныху легче всего далось то, что всего ценнее в писателе: оригинальность. Он вечно в движении. Поэтому он не успел состариться. Чтобы описать портфель Кручёныха, нужно основать новую натуральную школу¹. Но Алёша в неё не войдёт: он всегда останется с футурнёр².

Я ценю его за ум его зауми. Люблю за смелый росчерк его души. Ведь даже в фамилии его есть завиток: Кручёных.

<1946, Москва>

Николай СТАРШИНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ФУТУРИСТОВ

В здание Политехнического музея, где в 1944-1945 годах проходили занятия литературного объединения при издательстве "Молодая гвардия", которым тогда руководил Дмитрий Кедрин¹, нередко приходил один из последних футуристов – Алексей Елисеевич Кручёных. Подвижный, сухонький, с разросшимися бровями старичок, необыкновенно внимательный ко всему молодому и новому.

Он всегда носил с собой огромный портфель, набитый рукописями и старыми поэтическими брошюрами.

Во время занятий объединения он вечно что-то рисовал, чаще всего молодых поэтов, мгновенно набрасывая довольно похожие их облики.

Писал он и посылал им записки, которые нередко вызывали у них недоумение.

Так, после своего выступления Юлия Друнина² получила такое его странное послание:

Юлия, огненная вода,
О, когда же, когда?!

Алексей Елисеевич и сам иногда выступал со своими произведениями. Помню, как читал он стихи о петухах. При этом он, словно крыльями, хлопал руками по своим бокам, вставал на носки и, закатывая глаза, кукарекал.

До глубокой старости, как и в пору молодости, он оставался большим любителем чудачеств и парадоксов.

Как-то, после того, как я прочитал свои стихи, меня участники объединения дружно принялись ругать за то, что я невнятно их исполнил, бормотал что-то совершенно неразборчивое, чего и понять было невозможно.

Алексей Елисеевич решительно встал на мою защиту:

– Кто сказал, что Старшинов плохо читает свои стихи? Неправда! Конечно, вы правы – он читает их так, что понять ничего невозможно. Но ведь зато по-своему!..

И он аплодировал мне дрожащими узкими ладонями и одобрительно улыбался...

<1987>

Наум КОРЖАВИН

ОПЫТ ПОЭТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

<...> Я подошёл к периоду, едва ли не самому трудному и серьёзному в моей биографии. Действительно, тогда, в Москве, – я прожил там четыре года: 1944, 1945, 1946 и 1947, в самом конце которого, а

именно 20-го декабря, в День чекиста, я был арестован – началась моя по-настоящему духовная и интеллектуальная жизнь. В этот период я встретил многих из тех, с кем дружил всю жизнь; исповедовал разные – иногда прямопротивоположные – взгляды, совершил большинство тех поступков и передумал большинство тех мыслей, которых стыжусь до сих пор. Но всё-таки я был одним из очень немногих представителей моего поколения, находившихся с этим страшным временем в личных отношениях. Это, конечно, не могло не отразиться и на моих стихах, что и привело меня на Лубянку в январе 1945 года. Впрочем, тогда со мной ничего страшного не случилось. Я потому употребляю слово “привело”, потому что меня не арестовали и даже не вызвали. Вышло так, как будто я сам напросился. Вот как это произошло.

Почти с первых дней своего появления в Москве я начал усиленно посещать литературные объединения и читать на них стихи. Производили они тогда впечатление взрыва, ибо резко отличались от всего, что было вокруг. Собственно, дело было даже не в политических позициях, а, скорее, в пафосе правды и смысла, в пафосе судьбы поколения, окончание детства которого совпало с годами чисток. Позиции мои были разные, иногда я даже эти чистки оправдывал или прощал, но я говорил о них вслух, с трибуны, а это было неслыханно¹. Почему я это делал – не знаю, самому страшно вспомнить, однако это было. Вряд ли я понимал, чем это должно кончиться, но меня – несло. Результаты не замедлили сказаться. Месяца через два-три после начала этой деятельности вокруг меня начала образовываться пустота. Люди, которые ещё вчера интересовались мной, были со мной приветливы, вдруг начинали избегать меня, комкать разговоры, отменять встречи. Несмотря на всю свою неопытность, я не мог не почувствовать, что происходит. Можно сказать, что я уже примирился со своей судьбой. Но вдруг на одно из занятий объединения при издательстве “Молодая гвардия” явился Кручёных с молодым человеком и попросил, чтобы каждый из присутствующих прочёл по стихотворению. Началось чтение. Когда первые два-три человека уже отчитали, Кручёных неожиданно спросил: “А кто здесь Мандель?” Я польщённо отозвался. “Прочти про декабристов!” – приказал он². Когда вечер кончился, ко мне подошёл его спутник, познакомился, дал свой телефон и попросил заходить. Я

пообещал и тут же забыл об этом. Однако через некоторое время пришлось вспомнить.

Дело в том, что тучи надо мной продолжали сгущаться, я это чувствовал и нервничал, хотя как будто ничего не происходило. В один из таких дней я опять встретил Кручёныха. На этот раз действительно случайно – на улице. На дежурный вопрос: "Как живёшь?" – я прямо ответил: "Плохо". И пояснил: "Скоро посадят". Дело в том, что я уважал Кручёныха как бунтаря и футуриста и поэтому доверял ему. Кручёныха мой ответ не удивил. Он не стал меня разубеждать, только посоветовал позвонить Х (т.е. тому молодому человеку, с которым он был в издательстве). "Может быть, он тебе поможет", – сказал он. Я так и сделал – позвонил и пришёл. Х, выслушав меня, сказал, что помочь мне может только Сталин, если убедится, что я человек действительно талантливый. Так что мне надо переписать все свои лучшие стихи – независимо от направленности, а он, Х, уже найдёт способ их передать по назначению. Не думаю, чтоб я очень поверил в это, но терять мне было нечего – и я согласился.

Впрочем, такое моё поведение диктовалось не одним только страхом, хотя и его хватало. Дело было и в радостном чувстве победы, которое объединяло меня с другими и, казалось, многое и объясняло, и списывало, и в смутном ощущении, что ценность революционных традиций, с точки зрения которых я сужу современность, весьма относительна, и во многом другом. Во мне уже медленно, но верно начался поворот к сталинизму. Обстоятельства, о которых я рассказываю сейчас, только ускорили его.

Через несколько дней после первого разговора я отдал Х-у тетрадь со стихами. При следующем разговоре он куда-то позвонил по телефону, а потом передал трубку мне. "Скажи, что ты запутался", – прошептал он мне. Нечто подобное я и пролепетал. Мне была назначена встреча. Оказалось, что на Лубянке³. Впрочем, нечто подобное я и подозревал.

Ничего особенно плохого из этой встречи для меня не вышло. Наоборот, люди, которые со мной разговаривали, помогли мне получить документы (свои документы я потерял и жил в военной Москве 11 месяцев без всяких документов), "посоветовали" Литфонду выдать мне костюм и пообещали, что на этот раз меня примут в Литературный институт⁴, куда я до этого не был принят по

политическим причинам его либеральным директором Гавриилой Романовичем Федосеевым*/⁵. Я же обещал, что больше ничем подобным заниматься не буду, и обещал искренне. Меня действительно начали интересовать другие вещи.

Почему они ко мне тогда так отнеслись, сказать не могу. За стеной этого дома, куда меня вызывали, в камерах, сидели люди, имевшие за собой гораздо меньшие грехи, чем я. И не только сидели, а и получали большие сроки. А обо мне – “заботились”. Но это было именно так. Может, у МГБ была графа: “воспитательная работа”, и они проводили меня по этой графе, – не знаю. А может быть, действительно Х похлопотал.

Поразительно то, что если последнее верно, то и сел я через два года в тюрьму тоже по причине хлопот. Сын генерал-полковника Телегина⁸, Константин Телегин, которого тогдашний директор института⁹ ни за что, несмотря на хлопоты влиятельного тогда отца, не хотел принимать в институт, возненавидел за это почему-то не Гладкова, а меня. В институт он был принят, но в отсутствие Гладкова и на заочное отделение, и это его оскорбляло. “Меня не принимают, а Мандель – антисоветчик, но его приняли!” – жаловался он. И, пользуясь связями, – теперь я знаю это достоверно, – привёл машину в действие. А ведь в его показаниях обо мне, на вопрос, был ли он со мной знаком, дан ответ: “Мы были очень хорошо знакомы. Иногда даже здоровались”. Что отнюдь не помешало ему сказать, что я ему известен как хитрый и скрытный враг, а конкретных фактов этому своему утверждению он привести не может только потому, что как хитрый враг свою враждебность я очень хорошо умел скрывать.

<...>

Август – сентябрь 1968,
Москва.

---

*/Принят я действительно был, но лично Фёдором Гладковым⁶ по его собственному произволу и письму Паустовского⁷. Ему советовали меня не принимать, но он заявил: “Раз талантлив – примем”. МГБ только не препятствовало этому.

ЛИЦО ЗАПОМИНАЮЩЕЕСЯ
(Письмо поэта Владимира Корнилова)

3 августа 1988 г.

<Москва>

Уважаемый Сергей Михайлович!

Постараюсь ответить на Ваши вопросы. Конечно, куда лучше меня мог бы это сделать мой старший друг Борис Слуцкий, но его уже нет. Он почитал Кручёных, поскольку самого себя называл футуристом¹. Он выбил Кручёныху пенсию (а может быть, не пенсию, а пособие, точно не знаю). Он устроил Кручёныху вечер в ЦДЛе, а после вечера заказал банкет. У него были книги Кручёныха – раритеты. Подозреваю, что он их купил у автора.

Я же Кручёныха лично не знал, хотя видел его не меньше сотни раз². Один раз дома у Асеева. Кручёных был у Н<иколая>Н<иколаевича> чем-то вроде секретаря: ставил ставки на бегах, куда Асеев уже не ездил. Боюсь, что я пишу не то... Для Вас Кручёных дорог, а у меня он вызывал некоторую (по молодости лет) неприязнь. Году в 75-ом я прочёл в зарубежном русском журнале (там была напечатана моя повесть, следовательно, это номер 1 или 2-ой) автобиографические заметки поэта Наума Коржавина (Манделя), где есть кое-что о Кручёныхе, о связях Кручёныха³... <...>

Опишу Кручёныха, как его помню. Он был худ, лицо даже испитое, но запоминающееся. Волосы серые, последние годы была заметна плешь, которая почему-то вызывала удивление. Походка быстрая, словно человек куда-то спешно пришёл и куда-то торопится. Некая была смешная важность, видимо, сохранный ещё из 10-х годов. Вечно таскал с собой какие-то раритеты – он ими торговал. Ростом был невысок⁴, но костист и силён. В подворотне мог бы накостылять бандитам. Что-то в нём было Достоевское, словно он где-то на вторых-третьих ролях у Рогожина⁵. Одет был как-то потрёпанно, всегда в одно и то же. Ботинки, а не туфли, грубые ботинки. Тона серо-коричневые брюк и пиджака. Рубашка тоже темноватая. Не скажу, что выглядел грязно, но несвеже. Таким был и в 40-е, и в 60-е. Когда умер, не знаю. Какие-то о нём ходили

рассказы, но их не помню. Что-то о том, что у него есть какая-то старуха, но не жена, что они то ли дерутся, то ли милуются. Вид был скареда, но ведь и денег у него никаких не было. Речь была быстрая, но какая-то тоже Достоевская, с зигзагами⁶.

Помню, он выступал в апреле 45-го года на обсуждении стихов Манделя (Коржавина). Сам Мандель об этом не пишет, но я запомнил, как он, футурист, называл Манделя последователем футуристов, хотя Мандель так же походил на футуристов, как Дмитриев (пушкинский)⁷. Председательствовавший на вечере (дело было в актовом зале "Московского большевика" – ныне "Московской правды"⁸) оборвал Кручёных, и тот как-то жалостно попятился на своё место. В начале 1947 года Кручёных продал моим двум друзьям и мне три снимка Пастернака за какую-то фантастическую сумму (что-нибудь за пол-стипендии за каждый снимок)⁹. Мы втроём пошли к Пастернаку, сидели у него часа три (он рассказывал о "Докторе Живаго", которого недавно начал писать), а потом спросил, откуда у нас такие фотографии. Мы сказали, что нам продал Кручёных. Пастернак помрачнел, потом улыбнулся, но ничего не сказал.

На похоронах Пастернака я Кручёных не припоминаю¹⁰. Асеев, единственный раз, когда я был у него (за пять месяцев до смерти Пастернака), ругал при Кручёныхе Б<ориса> Л<еонидовича Пастернака>, а Кручёных Пастернака не защищал¹¹. Защищал его я, и на этой почве мы и поругались с Асеевым. Что же до запрета ездить на пастернаковские похороны, то ничего подобного не было. Кто хотел, поехал, а кто остался дома. Да и кто мог что-то запретить Кручёныху или кому-то другому? Я помню на похоронах Булата Окуджаву, который тогда работал в "Литгазете"¹², хотя негласно в "Литгазете" кто-то из начальства говорил, мол, ездить не стоит. Некоторые сотрудники поехали, а другие не рискнули.

Году в 1975-ом, в ЦДЛе, кто-то меня познакомил с аспиранткой (австриячкой или немкой, не помню), которая тоже писала диссертацию о Кручёныхе и говорила о нём в превосходной степени¹³. Она удивилась моему сдержанному отношению к её кумиру. Очевидно, я не прав. Очевидно, Кручёных действительно чем-то замечателен. Но я кроме *дыр-бур-щир*¹⁴ ничего его не читал, как-то не тянуло. Видимо, я ползучий реалист, хотя Пастернака обожаю.

Вот, пожалуй, всё, что могу Вам рассказать о Кручёныхе. Думаю, должны быть его живописные портреты. Лицо у него было для масла и для карандаша богатым.

Думаю, я был слишком юн, когда его впервые увидел, а затем слишком косным, чтобы пересмотреть своё к нему отношение. Кроме того, то, о чём писал Мандель, вызывало у меня брезгливость, видимо, я что-то подозревал. А мне надо было понять страшную (опять же достоевскую) жизнь Кручёныха, его забытость и забитость. Полсотни или больше лет носить в себе прошлое, которое куда ярче повседневности. Что за жизнь, когда слава позади? Я этого не понимал, а надо было!..

Всего Вам доброго. Если письмо Вам в чём-то поможет, буду рад. А если оно Вас огорчит, порвите его. <...>

С уважением

Вл. Корнилов.

Наталья ГОНЧАРОВА–ШВЕДОВА

ВОСПОМИНАНЬЯ ДЕТСТВА

Я родилась после войны, и, по моим понятиям, когда мне было 6-10 лет, Кручёных был глубоким стариком, которым можно было пугать детей. Помню странного неуютного старика, который часто приходил в дом № 2 по Проезду Художественного театра, где наша семья проживала до 1963 года. Он приходил к отцу или к Н.Асееву, или, если тот был трезв, к М.Светлову¹.

В моём детском воображении Кручёных чем-то напоминал лешого: высокий, худой, иногда сутулился, руки засовывал глубоко в карманы демисезонного поношенного пальто, а под мышкой вечно держал свой незабываемый коричневый портфель. Из-под кустистых бровей его зорко блестели слегка синие глаза.

Наверное, он был человек озорной. Сейчас, по истечении стольких лет, мне так кажется потому, что проходя мимо нас, детей, игравших во дворе, или при встрече с ним на лестничной площадке нашего дома, он ещё глубже засовывал руки в карманы, поднимал плечи, сводил брови и кричал. Да как кричал! Это производило на

нас, малышей, жуткое впечатление. При виде нашего испуга глаза его начинали смеяться, и он ещё раз кричал, но уже не "угрожающе", а удовлетворённо².

Приходя к отцу, Алексей Елисеевич не обращал на меня никакого внимания. Вместе они уходили в папин кабинет, где из недр своего портфеля Кручёных извлекал какие-то бумаги, рукописи, фотографии. Голос у него был густой, но разговаривал он негромко. Порой Кручёных что-то забирал у папы и поспешно, как бы боясь, что тот передумает и заберёт отданное назад, запихивал в портфель и уходил.

Из домашних разговоров я поняла, что Кручёных бедствует и тогда, в конце 50-х годов, обращался к отцу как члену бытовой комиссии СП СССР за оказанием материальной помощи. Он ничего не писал в то время и не издавался, материальное положение его было нелёгким. Вот он и приторговывал архивными материалами, а то и целыми собраниями. Так, у него находились некоторые собрания отца, в том числе – материалы о Сергее Есенине. Папу занимала смерть этого гениального поэта, и он собирал всё слышанное и напечатанное по той поре об этом трагическом случае, со своими комментариями.

Помню, Кручёных предлагал некоторые архивные материалы о Маяковском. Так в нашем семейном альбоме появились тогда две фотографии поэта, где он снят вместе с Лилей Брик.

В один из своих визитов к нам Кручёных предложил папе купить у него сугубо интимные письма Маяковского. Такое предложение вызвало у отца резко отрицательную реакцию. Хотя он и понимал, что материальные трудности толкнули Кручёных на "пошлую авантюру", но разговор у них был крутой. Это был последний визит Кручёных в нашу квартиру*/...

В последние годы жизни папа напечатал воспоминания о встречах с разными людьми, в разные периоды своей жизни: о Багрицком³, Твардовском⁴, Фатьянове⁵, Голодном⁶ и других литераторах. Часто в разговоре он возвращался к прожитым годам, к людям, с которыми прошли эти годы, но о Кручёных говорил без энтузиазма, всегда уходил от этой темы, хотя рассказчик он был великолепный, память его хранила массу подробностей.

Дружили ли они? На этот вопрос могу ответить определённо: нет, дружбы между отцом и Кручёных не было и быть не могло – по отношению к жизни это были диаметрально противоположные люди. Деловые отношения у них были: на почве книг, собирательства, но не больше. Да и те кончились враз, резко.

<1992, Москва>

---

*/ Из последующих разговоров отца с приходившими к нему литераторами, я узнала, что Кручёных всё-таки продал материалы Маяковского – разным людям, по частям.

ПИСЬМО С.Г.СТЕПАНОВОЙ К В.А.РОДЧЕНКО

19 февраля 1984 г.,
Кострома.

Милая Муля!¹

<...> Я, конечно, помню, как приходил Кручёных. Но дату я не могу тебе сказать точно. Пусть это восстановит Коля², потому что он тогда снимал. Должны [были] сохраниться плёнки, и по ним легко установить дату. Помню только, что это было или летом, или осенью, он ведь пришёл в пиджаке и в тубетейке на голове – седой и старый. Мы за столом пили чай, и был покупной торт в коробке, а Кручёных куски торта клал прямо в чай и ел потом ложкой всё это мессиво³ – так неэлегантно, на мой взгляд.

Разговор, помнится, шёл литературный – о Гоголе, в частности, о "Ревизоре"⁴, и вот о чём. Кручёных спросил: "Знаете ли вы, что за рыба *лабардан*, которую ели чиновники?" Мы ответили отрицательно. И тогда он сообщил нам, что это – треска! Так её называли тогда, в том веке.

Он тогда шутил и был в весёлом настроении. Из гостей ещё была Алина, с которой ты тогда тесно дружила.

Попив чаю, мы сели втроём на диванчик (помнишь старый коричневый диванчик, на котором спала Варвара Фёдоровна⁵?) – я и Кручёных в середине и Алина. Кручёных, сидя с дамами, дурачился, обнимался... А Коля наводил на нас камеру фотоаппарата и снимал. Но, как потом он мне объяснил, он почему-то или потерял эти негативы, или забыл, где они находятся. Так мы этих исторических снимков и не увидели. А вообще, пусть поищет. Куда они делись, если он снимал? Я ведь это точно помню. И Алина должна помнить.

Ну, а ту, первую, встречу с ним, в году 38-ом, ты сама прекрасно помнишь. Нас с тобой к нему зачем-то послали... Были у него недолго, только ты почему-то вдруг захотела пить, и он дал тебе мутный от грязи гранённый стакан. Ты пила воду на кухне из крана. А потом мы у него расписывались в книге "Почётных гостей". Хороши гости!

Вот эти, очень скудные, сведения. Ходил он к вам редко. Всего-то вот только один раз и запомнился. Где он работал, что делал – для меня было неясно, но начитан он был, конечно, и много всяких знаний хранил. Куда-нибудь [он их] использовал или нет? Или так, под спудом, [всё это] и осталось? <...>

Света.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

УТРЕННИЙ РОЖОК РОССИЙСКОГО ФУТУРИЗМА

<...> Асеев – катализатор атмосферы, пузырьки в шампанском поэзии.

"Вас, оказывается, величают Андрей Андреевич? Здорово как! Мы все выбивали дубль. Маяковский – Владим Владимыч, я – Николай Николаевич, Бурлюк – Давид Давидыч, Каменский – Василий Васильевич, Кручёных..." – "А Борис Леонидович" – "Исключение лишь подтверждает правило".

Асеев придумал мне кличку – Важнощенский, подарил стихи "Ваша гитара – гитана, Андрюша"¹, в тяжёлое время спас статьёй "Как быть с Вознесенским?"², направленной против манеры критиков

“читать в мыслях”. Он рыцарски отражал в газетах нападки на молодых скульпторов, живописцев. В своей панораме “Маяковский начинается”³ он назвал в большом кругу рядом с именами Маяковского, Хлебникова, Пастернака имя Алексея Кручёных.

Тут в моей рукописи запахло мышами.

Острый носик, дёрнувшись, заглядывает в мою рукопись. Пастернак остерегал от знакомства с ним. Он появился сразу же после первой моей газетной публикации⁴.

Он был старьевщиком литературы.

Звали его Лексей Елисеич, Кручка, но больше подошло бы ему – Курчонок.

Кожа щёк его была детская, в пупырышках, всегда поросшая седой щетиной, растущей запущенными клочьями, как у плохо опалённого цыплёнка⁵. Роста он был дрянного. Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдаем модных салонов. Носик его вечно что-то вынюхивал, вышныривал – ну, не рукописью, так фотографией какой разжиться. Казалось, он существовал всегда – даже не упырь земли, нет, плесень времени, оборотень коммунальных свар, упыриных шорохов, паутиных углов⁶. Вы думали – это слой пыли, а он, оказывается, уже час сидит в углу.

Жил он на Кировской в маленькой кладовке. Света не было. Единственное окно было до потолка завалено, загажено – рухлядью, тюками, недоеденными консервными банками, вековой пылью, куда он, как белка грибы и ягоды, прятал свои сокровища – книжный антиквариат и списки.

Бывало, к примеру, спросишь: “Алексей Елисеевич, нет ли у вас первого издания “Вёрст”?”⁷ – “Отвернитесь”, – буркнет. И в пыльное стекло шкафа, словно в зеркало, ты видишь, как он, ловко, помолодев, вытаскивает из-под траченного молью пальто драгоценную брошюрку. Брал он копейки⁸. Может, он уже был безумен. Он таскал книги⁹. Его приход считался дурной приметой.

Чтобы жить долго, выходил на улицу, наполнив рот тёплым чаем и мочёной булкой. Молчал, пока чай остывал, или мычал что-то через нос, прыгая по лужам. Скупал всё. Впрок. Клеил в альбомы и продавал в архив. Даже у меня ухитрился продать черновики, хотя я

и не был музейного возраста. Гордился, когда в словаре встречалось слово "заумник"¹⁰.

Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправлял их на столе, разглаживал, как закройщик. "На сколько вам?" – деловито спрашивал. "На три червонца". И быстро, как продавец ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи – ровно на тридцать рублей¹¹.

В своё время он был Рембо¹² русского футуризма. Создатель заумного языка, автор "*Дыр бул щыл*", он внезапно бросил писать вообще, не сумев или не желая приспособиться к наступившей поре классицизма¹³. Когда-то и Рембо в том же возрасте так же вдруг бросил поэзию и стал торговцем. У Кручёных были строки¹⁴:

Забыл повеситься
Лечу
Америку

Образования он был отменного, страницами наизусть мог говорить из Гоголя, этого заповедного кладезя футуристов.

Как замшелый дух, вкрадчивый упырь, он тишайше проникал в вашу квартиру. Бабушка подозрительно поджимала губы. Он слезился, попрошайничал и вдруг, если соблаговолит, вдруг верещал вам свою "Весну с угощеньцем"¹⁵. Вещь эта, вся речь её с редкими для русского языка звуками "х", "щ", "ю", "была отмечена весною, когда в уродстве бродит красота".

Но сначала он, понятно, отнекивается, ворчит, придуряется, хрюкает, притворяшка, трёт зачем-то глаза платком допотопной девственности, похожим на промасленные концы, которыми водители протирают двигатели.

Но вот взгляд протёрт – оказывается, он жемчужно-серый, синий даже! Он напрягается, подпрыгивает, как пушкинский петушок, приставляет ладонь ребром к губам, как петушинный гребешок¹⁶, напрягается ладошка, и начинает. Голос у него открывается высокий, с таким неземным чистым тоном, к которому тщется стремятся солисты теперешних поп-ансамблей.

"Ю-юйца!" – зачинает он, у вас слюнки текут, вы видите эти, как юла, крутящиеся на скатерти крашенные пасхальные яйца.

“Хлюстра!”, – прохрюкает он вслед, подражая скользкому звону хрустала. “Зухрр”, – не унимается зазывала, и у вас тянет во рту, хрупает от засахарённой хурмы, орехов, зелёного рахат-лукума и прочих сладостей Востока, но главное – впереди. Голосом высочайшей муки и сладострастия, изнемогая, становясь на цыпочки и сложив губы как для свистка и поцелуя, он произносит на тончайшей бриллиантовой ноте: “Мизюнь, мизюнь!..”¹⁷. Всё в этом “мизюнь” – и юные барышни с оттопыренным мизинчиком, церемонно берущие изюм из изящных вазочек, и обольстительная весенняя мелодия Мизгиря и Снегурочки¹⁸, и, наконец, та самая щемящая нота российской души и жизни, нота тяги, утраченных иллюзий, что отозвалась в Лике Мизиновой¹⁹ и в “Доме с мезонином”²⁰, – этот всей несбывшейся жизнью выдохнутый зов: “Мисюсь, где ты?”²¹

Он замирает, не отнимая ладони от губ, как бы ожидая отзыва юности своей, – стройный, вновь сероглазый принц, вновь утренний рожок российского футуризма – Алексей Елисеевич Кручёных.

Может быть, он стал барыгой, воришкой, спекулянтом²². Но одного он не продал – своей ноты в поэзии. Он просто перестал писать. Поэзия дружила лишь с его юной порой²³. С ней одной он остался чист и честен.

Мизюнь, где ты?²⁴

<1980>

Юнна ТУТОВА-СЕНЬКИНА

МОЙ СОСЕД

Алексей Елисеевич Кручёных был нашим соседом по площадке. Жил он в квартире 51. Это была такая же, как и наша, коммунальная квартира. Его соседями были Древин и Удальцова¹ и ещё какие-то люди.

Я хорошо помню Алексея Елисеевича с детства. Открывалась дверь соседней квартиры и сначала выползал портфель, а потом уже его хозяин – Алексей Елисеевич. Выходил он боком. Портфель под

мышкой, а на другом плече висел пиджак или плащ, смотря по погоде. Круч (так он сам себя величал) спускался тринадцать ступенек. Оказывался на площадке, садился там на подоконник и читал. Потом, надев как следует пиджак, спускался ниже. Если у него было время, он ещё присаживался на окне между вторым и третьим этажами и снова читал. Затем отправлялся по своим делам.

Мы были девчёнками, бегали за Кручем и, как нам казалось, дразнили его:

...Ю-ю-юк, ю-ю-юк
дыр бул щур
убещур рлыс...

Это были переделанные нами, детьми, слова мещанской песенки из оперы "Победа над солнцем" на стихи Алексея Елисеевича². Я не читала её в детстве (эта книга с нотами была у отца), хотя вряд ли что в ней понимала. Тем не менее, текст оперы читала и даже запомнила некоторые стихи из неё, как, например, мещанскую песенку.

Но больше всего я помню Алексея Елисеевича в послевоенные годы вплоть до его смерти. Жил он, как мне казалось, прошлым. Себя считал футуристом, любил вспоминать то легендарное для него время, когда он часто выступал на эстраде вместе с Велимиром Хлебниковым, Владимиром Маяковским, Василием Каменским и братьями Бурлюками³. Может быть, предаваться воспоминаниям Алексей Елисеевич любил часто ещё и потому, что уже с 30-х годов, как известно, его нигде не печатали и не издавали, он нигде не работал. Заработки, конечно, находил – ведь у него было очень много знакомых литераторов и художников. Он ходил к ним, собирал черновики их работ и таким образом подбирал материал, который затем систематизировал и передавал в ЦГАЛИ и другие архивы. Кроме того, он рисовал портреты писателей и также относил в архив. Часто его просили разыскать редкие книги, собрать кому-нибудь библиотеку⁴. За работу ему, разумеется, платили.

У коллекционеров бывают разные причуды. Вот Алексей Елисеевич полученные деньги клал в книги и часто забывал об этом. А потому очень не любил давать книги: а вдруг? Часто сидел без денег, а найти не мог – забывал, куда положил.

Я не знаю, кто над ним сжалился⁵, но в войну он мог пользоваться столовой Дома писателей.

Несмотря на все свои чудачества, Кручёных не лишён был какой-то мягкости, что ли. Когда я окончила институт и по распределению была направлена на работу в Ташкент, мои родители, особенно папа, очень переживали моё отсутствие. В тот период часто-часто вечерами приходил к ним Алексей Елисеевич что-то рассказать, либо приносил редкую книгу. Вообще-то, Алексей Елисеевич поначалу бывал у нас не очень часто, но когда в 1963 году умер папа, опять стал приходить... Посидит, выпьет чашку чая, расскажет что-нибудь. Особенно когда стал старым и ходить ему было уже трудно. Приходил к нам с разными книгами и рассказами, иногда приносил редкие рукописи, а летом сидел на балконе. Так он читал нам неизданную прозу Марины Цветаевой⁶ – у Алексея Елисеевича было много её рукописей. Ещё у него был шкаф, где хранилось самое ценное: рукописи, книги, письма. Он как-то показывал мне, где в шкафу хранится его паспорт. Не знаю, почему мне было оказано доверие, но я впускалась в комнату, меняла электрические лампочки, проверяла электропроводку, кровать, вместе с ним, переставляла на другое место...

Очень трудно было выпросить у него книгу, но всё же несколько книг он мне подарил, и даже с автографом. Я долго просила, чтобы он сходил в Лавку писателей и купил для меня "Маленького принца". И вот под Новый, 1964-й, год он принёс мне эту книгу с надписью: "Юнне Ту-то-вой, книга тута и не вой. Тоже автор – А.Кручёных. Канун 1964 г. Москва"⁷.

Комната у Алексея Елисеевича была небольшая и вся заставлена стеллажами. Она была удивительна... Кроме того, что много последних лет в ней не делался ремонт, очень большое окно было затянато какой-то тканью – чтобы книги не выгорали. Из всей площади этого окна был оставлен только маленький квадратик для света. Вдоль всей комнаты были полки и стеллажи с книгами. Часть стеллажей покосилась, некоторые книги попадали на пол. Стеллажи тоже были покрыты тканью, бумагой и пылью. Книги были везде. Пола видно не было, хороня под собой вещи и одежду, висились горы книг. Была проложена тропинка от двери до окна, на ней слой книг был меньше. Был столик, за которым он когда-то ел, но в разное

время к нему приходили разные знаменитости, и он превратил всё это в музей: "Вот здесь сидел такой-то, вот тут ел и пил тот-то". Хотела я как-то убрать на этом столике, но Алексей Елисеевич в ужасе закричал: "Нельзя, нельзя! Вот здесь сидел и ел такой-то, а из этой банки ел... а из этой чашки пил..."

В результате, самому ему места в комнате не осталось. Жить там было совершенно невозможно. Он вынужден был или сидеть в кухне, если дома никого не было, или, летом, на лавочке во дворе с книгой, или ходил в Ленинскую библиотеку. Алексей Елисеевич превосходно знал литературу, а под старость увлекался приключениями и старинными детективами. Девушкам, которые в библиотеке обслуживают читателей читального зала, рассказывал, что надо читать, и они ему за это моментально доставали нужное.

Иногда о нём вспоминали зарубежные литераторы. Кто-то приехал из-за границы и привёз ему книги о футуризме, изданные там ("Русское искусство как великий эксперимент"⁸ и другие), а также красный мохеровый шарф, с которым он не расставался до своей смерти.

Однажды Алексей Елисеевич пришёл к нам в гости и рассказал, что днём у него в гостях был Роман Якобсон с женой. Очень хорошо зная обстановку, в которой он живёт, я удивилась, как же он решился пустить их в свою комнату. На это Алексей Елисеевич ответил очень весело: "В квартире никого не было, и я принимал их на кухне". Говорил, что жена Якобсона, очень молодая и красивая, всё порывалась попасть в комнату, но он объяснил ей, что женщинам туда входить нельзя, да и мужчинам не следовало бы.

Когда в Москву приезжал Бурлюк⁹, Алексей Елисеевич ходил к нему в гостиницу "Националь". Остался очень доволен посещением.

В день своего восьмидесятилетия, 21 февраля 1966 года, Алексей Елисеевич пришёл утром к нам и попросил его сфотографировать. Я сняла его, и он остался доволен карточкой.

31 мая 1966 года в Доме литераторов состоялся вечер, посвящённый 80-летию Алексея Елисеевича. Самое активное участие в его организации принимала Лидия Либединская. Вечер должен был вести Семён Кирсанов, но он "заболел". Я не помню, кто был ведущим¹⁰, помню только, что первым выступил Андрей Вознесенский, который очень смело и хорошо сказал об Алексее

Елисеевиче. Было много выступлений. Помню, выступал Борис Слуцкий и сказал, что пора бы простить (?) Алексея Елисеевича и издать его произведения. Кручёных читал свои стихи, но очень тихо. Я не знаю, чья это была инициатива, но перед вечером были записаны на магнитофон стихи Алексея Елисеевича и его рассказ. Эта запись хорошо звучала в зале. В фойе была выставка книг, документов и фотографий, небольшая, но интересная. Весь вечер был записан на магнитофон.

В последние три-четыре года жизни Алексей Елисеевич почти ежедневно бывал у нас. Помню, он сильно изменился, вдруг как-то постарел, ему стало трудно ходить. Он не выглядел дряхлым – наверное, даже в эти годы сказалась привычка всегда держаться молодо. Однако старость брала своё. Так, у Алексея Елисеевича стала пересыхать кожа, и, чтобы вернуть ей эластичность, он смазывался детским кремом, отчего был очень "душистым".

Когда Алексею Елисеевичу стало совсем трудно ходить, он просил мою маму покупать продукты и готовить. Очень любил финики, изюм, яблоки. Но ел их ещё и потому, что твёрдо был уверен во всемогуществе витаминов. Он, конечно, не хотел умирать и всегда платил за квартиру на много месяцев вперёд, считая, что если уплочено, то смерть за ним не придёт...

В последние годы он стал многое оценивать по-иному. Так, очень гордился тем, что Анна Андреевна Ахматова получила премию Петрарки¹¹. Думаю, в признании таланта Анны Андреевны Алексей Елисеевич видел нечто большее – может быть, признание той грандиозной эпохи, к которой принадлежал сам...

Умер Алексей Елисеевич 17 июня 1968 года в больнице имени Склифосовского. Его кремировали в старой крематории¹², там же захоронена урна с его прахом.

Мама моя много раз уговаривала Алексея Елисеевича завещать его книги музею или кому-либо лично, но он всегда отмахивался и говорил, что успеет это сделать потом. Так и не сделал. После его смерти скульптор Андрей Древин позвонил Харджиеву¹³, и тот опечатал комнату. Спустя некоторое время пришли какие-то люди, разбирали книги, нужные забирали куда-то. Соседи говорили, что

очень много книг выбрасывали¹⁴. К сожалению, меня в то время в Москве не было.

<1985-1986, Москва>

Андрей ЧЕРНОВ

ГЕНЕЗИС ПРОЗЫ И СТИХА

Трактат и в прозе и в стихах

<...> ...человеческая речь
 Да сумеет ритм сбечь
 На своей тропинке торной.
 Ведь в былые времена –
 Я открыл – была она
 Стопроцентно стихотворной!
 Вы представляете:
 Слово-слог!
 Даже первый монолог
 Был не просто ритмизован –
 Метризован!*/

Ну, скажем – так:
 АК! БРР!
 БРР! ХРА!
 БРР У–УУ!
 БРР ХРРР...

Так возник
 Язык.

Форма стихоподобна.
 Вместо слов – звукоподражания,
 Вместо синтаксиса – пантомима...

Вот –
Объяснительный перевод:

Ах! Зверь! К нам!
Я Зверь Бей!
Зверь Взвыл!
Зверь Сдох...
Ам!
Бык. Бог. Бег?!
Дыр. Бул. Щыл?
(Это незнакомца я перебил.)

– Верно. Алексей Елисеич Кручёных
Безмерно опередил остальных учёных.

Вам,
Конечно, понятно:
Это лишь конструкция.
Время обратно
Повторить невозможно.

Дознаться нельзя.
Догадаться можно. <...>

Сентябрь, 1981

---

*/ Мой визави увлёкся и сказал, что, кроме того, прасинтаксис был двучленным: трудовое действие + объект + нетрудовое действие. Значит, любая речь звучала чем-то вроде четырёхстопного ямба. – А.Ч.

Лев ОЗЕРОВ

СЕЛЁДКА В КОМПОТЕ

"А вам Кручёных надо бы знать..."

Н.Асее

Об эпиграфе¹. У Николая Асеева в окончательной редакции: "О Кручёных надо бы знать!" Одна из первых редакций – отчётливо помню: "А вам Кручёных надо бы знать!" Помню не только текст, но и решительность, с которой это Николай Николаевич читал, как бы внушая собеседнику: "надо бы", то есть всенепременно, во что бы то ни стало.

Почему пишу о Кручёных?

У нас в литературном обиходе любят установившиеся "закругленные" – пусть и ложные – репутации. Без поправок. Слушали – постановили.

На имя Алексея Кручёных условный рефлекс определился: *дыр бул щир*. Заумь. Дальше этого сознание и воображение современника не хотят продвигаться. Некогда.

Но версии нуждаются в исправлении и дополнении. А подчас и в коренном пересмотре.

Второе – исправленное и дополненное – издание версии об Алексее Елисеевиче Кручёных сейчас рождается.

Кто же он, Кручёных, которого "надо бы знать"?

Он напоминал одновременно и Гоголя, и его героев.

Бекеша², папка с бумагами под мышкой, сутулость, стояние под дверью, хохолок, подпрыгивающая походка (он называл это "острым проскоком"³), голова вобрана в плечи, плечи горделиво подняты... Он был постоянно рассеян и одновременно сосредоточен. Можно было бы сказать такое: рассеяно-сосредоточен. Мыслимо ли это? В данном случае – с Кручёных – не только мыслимо. Это реальность.

Фонема для Кручёных – феномен. Не строка, не слово, а звук. Слог. Кручёных предложил новый жанр – *фонетический роман*⁴. Дерзко. Вспомним название романа Всеволода Иванова – “У”⁵, повесть Андрея Вознесенского – “О”⁶.

Для близких у него был свой язык, своя абракадабра. Помнится, в детстве моя мать с нами, с детьми, разговаривала на языке, ею придуманном. Мы её понимали. Заумь? Почему бы не вспомнить детские считалочки, игры, рассказы?

Интерес к детству человека, искусства, мира был у Кручёных велик и постоянен. Он первый в России издал детские рисунки. В наше время – это обычное дело. В пору Кручёных – ошеломляющая дерзость.

С ним интересно было передвигаться по городу. Он отлично знал Москву и открывал в ней всё новые и новые стороны. Необходимо было только отказаться от своих привычных маршрутов и покорно следовать за Алексеем Елисеевичем.

Он умел читать вывески и комментировать их.

– Остановитесь! Вы видите? Плиссе, гофре. Это афишка старинного балета, который мы напишем с вами под общим именем Гофре. Шарль Гофре... Звучит? Франция, семнадцатый век. Герой балета – Плиссе. Падекатр из балета “Плиссе”.

Другая улица. Кручёных с портфелем под мышкой замирает.

– Остановитесь! Смотрите: “Венерические болезни на втором этаже”. А что на первом?

Он владел улицей, как собственным рабочим столом. Улица владела им.

Проходил мимо литературных нуворишей, выскочек, людей казённого, карьеристского склада с чувством пренебрежения, как бы заткнув нос. Не достаивал их внимания.

Ему давали порой обидные прозвища.

Его называли сокращённо:

– Круч.

Он добавлял:

– Кручёный паныч. Растение.

Его называли и так:

– Круча.

Он добавлял:

– Кавказ подо мною. Один в вышине...

Я встречал его в разных местах: книжные лавки, архивы, Асеев, Пастернак, Кирсанов, Шкловский, клуб писателей, парикмахерская, улица. Он был примечательным пешеходом. В толпе всегда можно было его отличить. Он был отвлечён, будто ничего не слышал, не видел. Но это было само внимание. Он всё в себя впитывал, как губка.

Мы ссылались на Маяковского, памятуя о томе XII, страница 88: "Стихи Кручёных: аллитерация, диссонанс, целевая установка – помощь грядущим поэтам". Маяковский предлагал задуматься над трудами поэтов переломной эпохи. О Кручёных у него сказано: "разрабатывающий слово". Это сказано весомо. Человек поисковой стати. Он мог бы писать гладко, благополучно – умел. Но отказался от гладкописи. Пошёл на эксперимент, многими осмеянный. Но кому-то должен понадобится этот эксперимент?!

Конец войны. Обедаем в Центральном Доме литераторов, в Дубовом зале.

Приносят закуску и компот, начальное и конечное. Алексей Елисеевич нетерпелив. Он кладёт селёдку в компот.

– Что вы делаете? – не столько спрашиваю, сколько восклицаю.

– Делаю правильно: в животе они всё равно перемешаются – селёдка и компот. Я опережаю события. Это опережение – долг каждого уважающего себя художника. Ещё точнее: я пред-вку-шаю. Вдумайтесь в слово, попробуйте дёрнуть его за корень. Выдернуть с корнем! Этим мы и занимались в юности.

Он никогда не паясничал, хотя что-то озорное жило в нём. Что-то детское. Это был ребёнок, дитя. Игрун. До старости лет. Он не вырослел. С годами это озорство стало заметным. Бедствовал и озорничал.

Как дитя, он тянулся только к тем, кого любил. С ними он мог разговаривать. Охотно. Для других он был чудаком, загадкой, нелюдимым, отшельником. Эти другие его отрицали начисто.

Начиная с тридцатых-сороковых он менял свои обычаи футуриста на нечто новое, ему неведомое, для меня не во всём приемлемое. Много молчал. Он чувствовал: поезд ушёл.

– Читайте стихи! – говорит.

Читаю. Помалкивает.

– Зауми не нашли? Не ищите, у меня её нет...

– Тем хуже для вас.

– Почему?

– Думать надо...

Кручёных посещает людей, которые знают его с молодых лет.

В доме Асеева он свой человек. Ходит по квартире в своей бекеше с карманами, похожими на детские сачки для бабочек. Ксения Михайловна, Оксана⁷, следует за ним по пятам.

Николай Николаевич наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Вот вы сейчас будете свидетелем того, как сей господин смахнёт в свой сачёк лежащую на столе книгу.

Предсказание сбывается. Все молчат.

Прощаясь, Алексей Елисеевич говорит Асееву:

– Мой дорогой, книга будет вам возвращена. У Достоевского, кроме имеющегося у вас одного тома "Дневника писателя", есть ещё два тома в издании Маркса, год 1895. Они у вас будут целиком...

По квартире Пастернака Алексей Елисеевич порхает. Он смотрит работы отца, узнаёт у Бориса Леонидовича, нет ли новых стихов или прозы. Перепишет каллиграфически и сбережёт. Так сбереглись пятнадцать писем Цветаевой к Пастернаку из ста затерянных. Если б не забота Кручёных, и они были б нам неведомы.

Как настаивал Асеев, чтобы глава о Кручёных осталась в поэме "Маяковский начинается"! Вместе с главой о Кручёных сняли главу о Хлебникове⁸. Маяковский без окружения. "Как бы чего не вышло..." Вот ничего и не выходит.

Забыто, что первая книга о Маяковском написана Кручёных и издана в 1914 году. В ней предсказано то, что для новых поколений уже давно стало историей литературы⁹.

Забыто, что в 1923 году вышло исследование Кручёных "Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова". Впервые дан анализ новому способу поэтического воздействия на людей, показана поэтика агитки.

Идём дальше. В 1925 году Кручёных издал книгу "Язык Ленина"¹⁰, которую рассматривал в качестве плана будущей большой работы. План осуществить не удалось. Зато книга вышла вторыми изданиями в 1927 и 1928 годах под новым, более точным названием "Приёмы ленинской речи".

Он любил обмен рукописными копиями. Я дарю ему копию стихотворения Дмитрия Кедрина¹¹ и Александра Кочеткова¹². Он в ответ протягивает переводы Бориса Пастернака из Клейста¹³, из Бараташвили¹⁴.

Дети власть имущих родителей позволяли себе такую роскошь, этакое отступление от общепринятого. Они слёзно просили Алексея Елисеевича, за определённую плату, достать, скажем, рукопись Пастернака. Кручёных упрашивал Бориса Леонидовича переписать на хорошей бумаге несколько его стихотворений. Уступая старому другу, нуждающемуся в заработке человеку, Пастернак делал рукопись – красивую, привлекательную, размашисто подписанную. Сколько таких рукописей осело в домах знатных людей!

Он жил среди книг и рукописей, которые берёг – не для себя, конечно, для других, для культуры. Издательство выбрасывало вёрстку, ставшую книгой. Кручёных эту вёрстку подбирал и хранил. Со временем она оказывалась во много раз ценнее книги. В ней были поправки автора, которые трусливый редактор не принял. Приняли внуки редактора, которые были одного мнения с Кручёных.

Он знал классиков. Мог цитировать их. Сочувственно брал в руки книги авторов XIX века. Ещё более сочувственно – XVIII и XVII веков. Но душу влекли только футуристы, только левые течения в искусстве нашего века. Это молодость. Это – начало. Это определило всю его жизнь. Так же было и с Татлиным¹⁵. Был новостью – стал древностью, чтобы ещё раз через полвека снова стать новостью. Самое

молодое поколение расспрашивает нас о Кручёных. Ничего не знает. Только верит молве: чудака чудаком.

Он видел меня в гневе. Я не люблю, когда меня видят в гневе. Через три дня он сказал мне:

– Вы меня удивили. Тихий человек, вы ругались громко и долго. Мне не понравились ваши ругательства.

– Почему? – неожиданно возмутился я, словно ругательства должны нравиться, как стихи или новеллы.

– Неизобретательно! – произнёс Кручёных едко, мне показалось, даже презрительно.

Во всём ему нужен был дух изобретательства.

Лабиринты, сталактиты¹⁶, навалы породы в крохотном жильё Кручёных. Только он один мог в этом хаосе видеть лад и склад, даже гармонию. Я его принимаю. Он был хранителем духовных ценностей, и вскоре люди увидят масштаб им сохранённого. Сохранённого ценой лишения себя самого необходимого.

– Ну, галерный раб, как дела? – спросил меня Кручёных, встретив на улице. До этого на одном из вечеров поэзии я говорил о том, что каждый истинный художник – это не отдыхант (так и сказал) на палубе в удобном шезлонге, а раб, прикованный к галере искусства, раб, чьи руки мозолями прикипели к веслу.

Кручёных описывает Хлебникова¹⁷:

Художник, бродяга, босяк,
стройный тюльпан пустыни,
без страха,
без денег
скользишь по камням,
одетый в лучи и овчину.

Это характерно для Кручёных: он даёт вначале три слова, три штриха, три мазка. Так и в "Камере чудес"¹⁸ он говорит о Гоголе:

Нелюдим, смехотвор и затворник...

Этого для меня достаточно. Дальнейшее не обогащает начальной строки, и она – одна – оказывается больше целого сочинения.

Новое искусство – по мысли Кручёных – должно быть жизнеутверждающим и, более того, жизнедейственным. Он высмеивал стихи символистов (статья "Новая психология новых писателей"), воспевающие смерть. Строки Зинаиды Гиппиус²⁰ ("Приветствую смерть я с бездумной отрадой...") развенчиваются с ликующей лёгкостью и решительно.

Умение в двух строчках дать характер:

Добродушный эрудит,
никому не повредит.

Это – о Давиде Бродском²¹, поэте и переводчике, которого я хорошо знал. Книголюб, домосед, обладатель обширной памяти на стихи. Кручёных закрепил его характер в коротком двустишии.

Обращает на себя внимание то, что почти все футуристы были художниками. Бурлюк, Каменский, Маяковский, Кручёных. Алексей Елисеевич – уроженец Херсона – учился в Одессе. Работы его пропали: войны, революции, переезды. А среди них были карикатуры столь ядовитые, что "пострадавшие" звали Кручёных к барьеру.

Он рисовал. Цикл "Весь Херсон в карикатурах" имел огромный успех. Он любил музыку. Но превыше всего ценил слово. Слово звучащее, рвущееся со страницы книги в душу.

Не могу забыть, с какой издевкой, с какой злобой говорили о Кручёных рапповцы и их последователи. Не только о Кручёных – об Асееве, Третьякове, Пастернаке, Брике, Шкловском и других. Останавливаюсь потому, что велик, непокорно велик перечень тех, кто был нерапповцем²³. На них не завершились издевки и злоба. Она, злоба, принимала другие, всё новые формы. Маяковский избежал общей участи только благодаря высказыванию Сталина²⁴ – лучший, талантливейший и пр. Поспешная канонизация

Маяковского привела к тому, что недавние его противники стали лучшими его друзьями. Появились липовые ораторы с липовыми воспоминаниями. Остановить этот поток до нынешнего дня невозможно. Кручёных молчал и не поддерживал разговоры на эти темы. Его духовно поддерживал интерес молодых к литературным начинаниям десятых-двадцатых годов.

Если взглядеться повнимательней, то обнаружится, что он был связан с лучшими людьми нашей литературы, нашего искусства, дружил с ними, они ценили его: Хлебников, Маяковский, Цветаева, Асеев, Пастернак, Довженко²⁵, Солнцева²⁶, Шкловский, Антокольский²⁷, Кирсанов... Далеко не полный список.

Он не страшился безвестности, забвения, бесславия: "силён ведь тот, кого не знают!"²⁸ (это – из поэмы, написанной совместно с Хлебниковым).

Во многом антипод А.Е.Кручёных, человек иных традиций и иной судьбы, В.В.Вересаев на одной из своих книг сделал надпись: "Вы меня поражаете и привлекаете упорною честностью, которой идёте по намеченной Вами дороге"²⁹.

Это определение ("упорною честностью"!) о многом говорит. Заставляет задуматься.

К книге Кручёных "Календарь" (М., 1926) Б.Пастернак написал предисловие. Это уникальное предварение книги начинается с вопроса: "Милый Кручёных, на что тебе это предисловие?" Здесь запечатлён кусок разговора двух старых друзей на пороге Нового года (предисловие датировано 25 декабря 1925 года).

Тремя строками ниже Б.Пастернак от вопроса переходит к утверждению: "Ты из нас самый упорный, с тебя пример брать". Здесь надо остановиться и набрать в лёгкие воздух.

На строках Б.Пастернака ответы времени и стиля поэта середины двадцатых годов. Замечания о "содержательности формы" и "широковещательной банальности" остаются актуальными.

Говорят, в молодости он был порывист. Я встретил Алексея Елисеевича, когда его порывистость стала сдержанностью, сжатой до отказа пружиной. Это было видно по глазам и движению губ.

Это заметил Пастернак: "Его запальчивость говорит о непосредственности". Он назвал ещё и другую черту: неуступчивость.

Это верно. Это Кручёных доказал жизнью. Ещё две черты добавляет Пастернак к портрету друга: цельность и последовательность.

Не поленился и выстроил в один ряд характерные черты Кручёных, отмеченные Пастернаком: упорный, запальчивый, непосредственный, неуступчивый, цельный, последовательный.

Портрет готов и нуждается в раме.

В заревую, начальную пору звукового кино, когда многие от него шарахались и объявляли миру, что кинематографу пришёл конец, Кручёных в кино горячо приветствовал звук, слово. Он видел будущее кино³⁰.

Он общался с молодёжью, с теми из начинающих, в кого верил. Вводил их в свою мастерскую. Приобщал к богатствам русского фольклора, языка поэзии. "Лисей Лисейч" постепенно становился легендой.

В духе этой, создаваемой нашими современниками, нынешней молодёжью, легенды Евгений Евтушенко написал стихотворение "Непонятым поэтам"³¹. Там есть такие строки:

Я формалистов обожал,
глаза восторженно таращил,
а сам трусливо избежал
абракадабр и тарабарщин.

Жестоко был бы наказан автор этого стихотворения, написавший его в тридцатые-сороковые годы. Читаем далее:

...я себя, как пыткой, мучил –
ну, чем же я недоборщил
и ничего не отчибучил
такого,
словно "дыр... бул... щир..."?

Автор не скрывает своей зависти к "непонятым поэтам" ("О, непонятные поэты! Единственнейшие предметы белейшей зависти моей..."). Думаю, что Алексею Елисеевичу, доживи он до 1985 года

(когда в "Юности" были напечатаны эти стихи Евтушенко), было бы приятно узнать, что ему завидует поэт, добившийся непомерной (как теперь говорят, "глобальной") славы.

Приходит время и, став прошедшим, даёт нам возможность взглянуть на пережитое с новой вышки.

В футуризме, зауми, озорстве Алексея Елисеевича Кручёных, как я теперь понимаю, было что-то добротнo-старомодное, почти патриархальное.

<1985-1990, Москва>

Борис СЛУЦКИЙ

ТАКАЯ КНИЖЕЧКА

Изобретатель слова "заумь"
(а сам он ударял "заумь")
в молитвенном восторге замер.

Подвижный, шустрый, устарелый,
породы вымершей птенец,
но звонкий, словно бубенец.

Какую книжечку нашёл
он, после длительной прополки,
на этой грядке, этой полке!

С Парнаса, словно с крыши снег,
когда-то сброшенный поспешно,
издал свой неприличный смех.

Смех, неприличный, словно звук,
который в обществе не принят,
и мне (не выпустив из рук)

протягивает томик тощий,
кладёт (прижав рукой) на стол:
– Какую книжечку нашёл!
Да, для низверженных с Парнаса,
который всё-таки гора,
не худший вариант с утра

до вечера по букинистам
бродить, гулять и по пути
такую книжечку найти!

<1960-е>

Юрий ДЕНИСОВ

ЛЕОПАРД ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ АРМИИ

Стою под сенью густых, развесистых тополей во дворике Литературного института имени А.М.Горького в Москве. Сегодня защита очередных дипломных работ. По дворику дефилируют студенты, нет-нет да и пройдёт мимо какой-нибудь известный в литературном мире профессор или руководитель творческого семинара.

Вот с несколько отрешённым, углублённым в себя взглядом прошествовал поэт Евг.Винокуров. Видимо, он принимает участие в торжественном акте – защите студентами дипломных работ как оппонент или в качестве руководителя семинара.

Вспомнилось: это ему принадлежат сочувственные строки, посвящённые Алексею Елисеевичу Кручёных, изданием сочинений которого я озабочен в настоящее время¹:

Проберёт до печонок,
Хоть темно чересчур,
Если крикнет Кручёных:
“Дыр бул щил убещур...”²

Спустя некоторое время в поле моего зрения показывается поэт, руководитель одного из творческих семинаров, Николай Старшинов, машет рукой знакомым, мол, скорее идите сюда. В руках у него только что вышедший в издательстве "Молодая гвардия" сборник частушек, которые он собирает не один десяток лет, читает вслух перлы народного творчества, выбирает самые озорные из них, позабористей.

На днях прочитал воспоминания Николая Константиновича о Леониде Мартынове. И в них не обошлось без упоминания имени А.Е.Кручёных:

"Леонид Николаевич с юношеских лет (об этом он и сам писал неоднократно) уважал В.Маяковского и его друзей-футуристов. И в этой своей любви был очень последователен. Поэтому, когда я в одном из своих стихотворений неодобрительно отозвался о Бурлюке и Кручёных³:

Был фокусник Кручёных
И был фигляр Бурлюк, –

Леонид Николаевич пожурил меня за это:

– Коля, это были интересные и талантливые люди. Зачем же их трогать?"⁴.

Благородно и честно – признать свои заблуждения и неосведомлённость, извиниться перед читателями.

А мне вспомнилась встреча с незабвенным Алексеем Елисеевичем.

Было это в середине 60-х годов. На очередное заседание литературного объединения "Высота" при газете "Знамя строителей" (Даев переулоч, 2) неожиданно для всех нас, начинающих литераторов и журналистов, появился в сопровождении руководителя "Высоты", поэта Эдмунда Иодковского⁵, необычного вида человек. Одет он был крайне бедно, неприглядно. Допотопно-старомодное, потрёпанное пальто, под мышкой у гостя – ещё допотопней, ещё потрёпанней – предмет, некогда называвшийся портфелем, без ручки, замка и других атрибутов, присущих портфелю. "Вылитый Плюшкин", – грешным делом подумалось мне.

– Друзья, у нас в гостях Алексей Елисеевич Кручёных, – объявил руководитель литобъединения.

Удивлению нашему не было границ. "Как? Кручёных ещё жив?.. Тот самый, автор знаменитого "дыр бул щыра...?" – было написано на наших лицах.

– Не может быть! – воскликнул кто-то из самых недоверчивых.

Алексей Елисеевич попросил раздобыть ему стакан чаю, что и было сделано, благо рядом располагалась общественная столовая.

Мы во все глаза разглядывали человека, о котором столько были наслышаны. Ещё бы! Перед нами – живая страница истории русской поэзии начала XX века.

Удивила не по возрасту молодость Кручёных. О своей молодости наш гость хорошо знал и даже несколько бравировал этим. Он достал из "портфеля" фотографию, на которой он был запечатлён с Павлом Васильевым.

– Кто здесь, на снимке, из нас двоих моложе, кто старше? – спросил Алексей Елисеевич у присутствующих.

Мы стали рассматривать фотографию. Кто-то по-бурсацки почесал в затылке, кто-то крикнул: "М-да!.." Пятидесятичетырёхлетний Кручёных выглядел моложе двадцатилетнего Павла Васильева⁶.

После экскурсов в начало века Алексей Елисеевич стал читать свои стихи. Читал он мастерски. Перенесенная на бумагу, его "продукция", конечно же, теряла свою прелесть, не передавала фонетического богатства русского языка. Многие строки с подачи автора надолго засели в памяти (прочитать его малотиражные самиздатовские книжки в то время было делом проблематичным).

Читал Кручёных стоя, в движении, помогал себе мимикой, лицедейством, в хорошем смысле этого слова:

...закусывайте зелёной пяточкой морского водоглаза,
слизните языком в салфетке кардинальский обед!

Дороги,

Дыр-бул-щики,

Ую-юнки –

Глотайте из бобовой рюмочки душистый ИЗОТВАС!⁷

Или:

Зима уходит опостылая!
 Все церкви выпиты лужами,
 Выдувает Москву ветерок!
 Вот-вот воробей п-о-д-н-а-т-у-ж-и-т-с-я –
 И станет совсем хорошая погода^{8!}..

И др.

Чтение стихов перемежалось разговорами о поэзии, о литературе вообще, ответами на задаваемые вопросы.

Так, говоря об антологии русской поэзии от Ломоносова до Кручёных, вышедшей к тому времени в Париже параллельно на двух языках – французском и русском, Алексей Елисеевич комично и не без гордости поведал о том, в каком затруднении оказались французы, когда дело дошло до перевода его знаменитого "Дыр бул щира..."⁹, Кручёных весьма искусно изобразил с французским прононсом и грассировкой свой шедевр – слушатели чуть со стулов не попадали от смеха.

Вспомнилась строка Маяковского, отстаивавшего "неблагозвучные" для салонной поэзии звуки: "Есть ещё прекрасные литеры – эр, ша, ща..."¹⁰. Чем вам не "дыр бул щир..."?, только сказано это десятилетием позже.

Сейчас, по прошествии многих лет, трудно восстановить последовательность той беседы с Кручёных.

Вот несколько эпизодов из сохранившегося в памяти.

...Мысленно представляю такую картину (со слов самого Алексея Елисеевича).

По праву давнего знакомого и литературного оппонента с ещё дореволюционным стажем вбегает Кручёных в кабинет Корнея Чуковского¹¹ (это было в начале 20-х годов), темпераментно потрясая только что вышедшей книжкой для детского чтения "Мойдодыр", и восклицает:

– Корней Иванович, вы – плагиатор!

Чуковский привык к экстравагантным выходкам футуристов. Особенно отличался в этом плане Кручёных.

– В чём дело, Алексей Елисеевич? Не понимаю, – глядя поверх очков, пожимает плечами Чуковский, отрываясь от рукописи, лежащей перед ним на столе.

– Вы украли у меня "дыр": "Мой–до–дыр", – и Кручёных со значением, на едином дыхании выпалил своё знаменитое, "написанное на собственном языке" стихотворение, в котором "слова... не имеют определённого значения", – "дыр бул щир..."

Посмеялись удачному розыгрышу.

Кручёных ушёл от Чуковского не без того, чтобы, с разрешения хозяина кабинета, не заглянуть в корзину для бумаг – черновики, исчерканные клочки бумаг – всё интересует человека с внешностью Плюшкина, чтобы спасти их от уничтожения, предложить их за мизерную плату Литературному музею и другим архивохранилищам. Труд собирательства Кручёных ещё не оценён нами, до его собраний рукописей и автографов ещё не дошли руки исследователей. Мало того, в одном из столичных музеев, во многом наполненном материалами Кручёных, куда я обратился за фотоматериалами опального поэта для предполагаемого издания его произведений, запросили солидную сумму за право переснять эти фотоматериалы. "Этим мы и живём", – пожаловались музейные работники. Пишу об этом без претензий, просто констатирую факт.

...– Кто из вас помнит, – поднял указательный палец Алексей Елисеевич, – как звали лошадь генерала из повести Гоголя "Коляска".

Мы, те, кто "учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь"¹², классику проходили ускоренным маршем, оторопели. Никто, конечно, не знал, как звали лошадь одного из персонажей Николая Васильевича. Да и зачем, думали мы, это надо было знать, помнить? Пришлось сдать.

– Эту лошадь звали Аграфена Ивановна¹³, – подсказал нам Кручёных. – Почему именно Аграфена Ивановна, а не как-нибудь иначе?

Молчание.

– Дело в том, что у Гоголя ничего просто так не бывает. Он мастерски умел давать имена и прозвища своим героям и персонажам, клички животным. Аграфена, Груша, – продолжал развивать свою мысль наш гость, – в те времена было, в основном,

цыганским именем, а цыгане и кони, лошади – почти синонимы, в близкой связи, поэтому и кличка у кобылы генерала в данном случае такая “цыганистая”.

В чёрных, “цыганистых” глазах Кручёных горят живые, с хитринкой огоньки.

– Хорошо. А теперь кто мне скажет: что такое типический образ?

– Типический образ... – напрягает память аудитория, – это изображение типических черт... в типических обстоятельствах, – звучат имена классиков марксизма, Горького.

– Ничего подобного, – возражает Алексей Елисеевич. – А как быть с гоголевским Степаном Савельевым Неуважай-Корыто¹⁴? Ни тебе типических черт, ни тебе типических обстоятельств. Дана только одна фамилия одной из мёртвых душ. А чем вам не типический образ?

Кручёных приводит ряд других удачных имён и фамилий героев и персонажей из произведений любимого им Гоголя. В частности, он упоминает Пузатого Пацюка¹⁵, глотавшего галушки прямо из миски.

– “Пацюк” по-украински “крыса”, – поясняет Кручёных.

– “Пацюк” по-украински – “поросёнок”, – робко возразил автор этих строк.

Пацюк действительно переводится как “крыса”, но есть ещё и областное значение¹⁶, оно-то и переводится как “поросёнок”.

– Спорю с вами, – тут Кручёных вскочил на ноги, достал из кармана рубль, – ставлю свой рубль против всего, что есть у вас в карманах, что “пацюк” – это “крыса”.

В то время у меня в кармане был единственный пятак на метро, да я и не был уверен в том, что я прав. Спор не состоялся. Запомнились азарт, мальчишество, молодые огоньки в глазах нашего визави во время этого эпизода.

Было много других интересных вспышек интеллекта у нашего уважаемого гостя.

Кручёных упомянул о “Турнире поэтов”¹⁷, в котором разные поэты подбирали рифму к его фамилии.

– Кручёных – учёных! – выкрикивает кто-то из присутствующих.

– Было. “Учи учёных! – сказал Кручёных”. Маяковский¹⁸.

– Курчонок!

– Было¹⁹...

И т.п.

Под конец нашей встречи Кручёных был в хорошем настроении. Встреча удалась. Его знают, его творчеством интересуются. Многим из нас хотелось получить автограф поэта. Ни книг, ни специальных альбомов ни у кого под рукой не было. Участник литобъединения Вяч.Комиссаров держал в руках книгу, которая называлась "Леопард из Рудрапраяга"²⁰.

– Вот, напишите что-нибудь на этой книге.

– Кто автор? – спросил Алексей Елисеевич.

– Френсис Корбет, офицер английской армии²¹.

Кручёных взял книгу в руки, вычеркнул слова: "...из Рудрапраяга" – и написал, вернее, вмонтировал свой автограф в название книги: "Это я – леопард футуристической армии. Кручёных"²².

На столе редакционной комнаты, в которой мы заседали, лежал перекидной календарь. Я оторвал листок, указующий день и год нашей встречи, и попросил Кручёных написать что-нибудь. Алексей Елисеевич начертил следующие слова: "Беседовал до хрипоты о новой и старой поэзии в литобъединении при газете "Знамя строителей". Благодарю слушателей за душевный и терпеливый приём!!! А.Кручёных. 9/III–60 г."²³.

...Всё чаще и чаще имя Кручёных появляется в нашей периодике. Теперь о нём говорят в спокойных, уважительных тонах, хотя оценка его творчества не вполне устоялась. Авторы статей, рецензий, литературных обзоров и мемуаров надеются на скорейшее издание произведений поэта на его Родине. На это надеется и автор этих кратких воспоминаний о "леопарде русского футуризма".

Осень 1992, Москва

Дмитрий МОЛДАВСКИЙ

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

Я видел Алексея Елисеевича Кручёных лишь однажды – 30 октября 1962 года в Москве на квартире у Николая Николаевича Асеева.

Разумеется, к тому времени я знал многие стихотворения Кручёных, опубликованные в дореволюционных сборниках и в "ЛЕФе", читал брошюры и статьи и уж, конечно, помнил отзывы о нём Маяковского – то почтительные, то иронические, а иногда и гневные.

Как-то, ещё будучи школьником, я толкался в букинистическом магазине на Литейном¹. Пожилой продавец вынес и положил на прилавок целую охапку литографированных изданий. Среди них была книга А.Кручёных и В.Хлебникова "Игра в аду". Просматривая её, я вспомнил строки Маяковского: "Дым табачный воздух выел. Комната – глава в кручёныховском аде"². Спустя несколько дней, в другом магазине, я увидел и купил "Время – мера мира" В.Хлебникова³. Стоили эти книги очень дёшево.

Меня, воспитанного на Маяковском, прочитавшего все пять томов собрания Хлебникова⁴, имевшего представление о кубо-футуристах и даже лучистах⁵, творчество Кручёных не очень бередило. Может быть, потому, что графическое изображение его колдовских заклинаний, весь звукоряд (возникающий где-то на волне заговора и шаманства), для меня оставался немым, как остаётся немым нотный стан для человека, не обученного нотной грамоте. Ведь говоря о стихах раннего Кручёных в их печатном виде, надо всегда учитывать, что происходит, когда мы читаем текст песни, не зная мелодии или зная её. А это ведь вещи весьма разные. И хотя дома мне привили некоторые начатки музыкального образования, я не понимал, что за обозначением "та-та-та-та..." может скрываться и подражание, скажем пулемётной стрельбе, и мелодия марша или армии!

Но это я уразумел лишь после встречи с самим Кручёных, а тогда, повторяю, его стихи были для меня далеки. И просто счастье, что сохранились магнитофонные плёнки, помогающие многое понять

в этом своеобразном даровании, в чьих стихах, по словам Маяковского, – “помощь грядущим поэтам”⁶.

Итак, 30 октября я поднялся к Николаю Николаевичу. В комнате был ещё один человек – небольшой, подвижный, цепкий, с синим шарфом вокруг шеи.

Николай Николаевич познакомил нас. Я почему-то удивился, хотя и раньше знал, что Кручёных жив-здоров, бывает в этом доме.

Стихи этого “буки русской литературы”⁷, которые читал мне Асеев, были хорошо инструментованы, но с давнишним имели не много общего.

Алексей Елисеевич показался мне человеком без возраста, трудно было поверить, что ему уже под восемьдесят.

Он продолжал какой-то рассказ, поглядывая на меня, между тем как я достал блокнот и пытался набросать портрет моего нового знакомого. Как я понял, Алексей Елисеевич вспоминал о строительстве канала Москва-Волга⁸, где в агитотделе работал его старый друг Игорь Терентьев⁹ – поэт и режиссёр (это его спектакль пародировали И.Ильф и Е.Петров¹⁰, описывая “Женитьбу” в театре Колумба). Спектакли Терентьева шли в ленинградском Доме журналиста на Фонтанке. Он-то и пригласил Кручёных на работу. Начальство Терентьева любило, но к Алексею Елисеевичу отнеслось настороженно. Тот, конечно, обиделся, связи порвались... “К счастью!” – сказал Асеев и как-то невпопад прочитал стихи с концовкой “Кто старое помянет!”. Но старое они оба помнили хорошо и с величайшей ненавистью дружно ругали Леопольда Авербаха¹¹!

Речь зашла о каком-то вечере памяти Маяковского. Кручёных был тогда обижен, что его пригласили слушать чьи-то воспоминания вместо того, чтобы слушать его самого. Особенно его разозлил поэт С.¹²

– Подумайте только, – возмущался Кручёных, – и этот С. выступает так, как будто он был лучшим другом Маяковского, а не кидался на него из каждой подворотни!

Асеев, видимо, слышавший эти истории не единожды, примирительно сказал:

– Так он же всегда был дураком... А ты лучше не рассказывай, а почитай нам стихи.

Кручёных начал читать. Мне приходилось слышать заговоры деревенских колдунов. Я записывал русские песни и внимал пению таджикских гафизов. И вот то, что произошло тогда, заставило меня вспомнить всё это сразу!

Ещё в самом начале пятидесятых, в работе "Маяковский и фольклор", я написал о связях футуристов (Хлебникова) с народными заговорами и заклинаниями. Здесь же Кручёных провёл подлинный сеанс шаманства. Передо мной был самый настоящий колдун, вертевшийся, покачивавшийся в такт ритму, притопывавший, завораживающе выпевавший согласные, в том числе и шипящие. Это казалось невероятным! Это было нечто удивительное! Какое-то синтетическое искусство, раздвигающее рамки привычной словесности!

Кручёных прочитал и успокоился, будто выключился, а Асеев, невероятно довольный, поглядывал на меня с видом директора театра после удачной премьеры... Впрочем, премьера состоялась примерно за пять десятилетий до этого – здесь была лишь реставрация старого спектакля. И желая окончательно приобщить меня к далёким дням "будетлянства", Асеев с деланным недоумением спросил Кручёных:

– Зачем ты это всё придумал?

– Дыр, бул, щил?

– А я всегда думал: "дыр, бур, шир", – сказал Николай Николаевич.

– Нет, надо "щил".

– Зачем ты это написал?

– Чтоб дать новые фонемы...

– Как говорит! Как говорит! Вот Пушкин писал, Баратынский...

– Это не пушкинский стих. Это новый звукоряд. Есть несколько звукорядов...

– Сам найду, если у меня есть слух! А если нет, то ничего не поможет...

– До сих пор этот залп не забыли.

Я, конечно, понимаю, что вся эта инсценировка была затеяна Николаем Николаевичем из педагогических соображений, ну, скажем, для того, чтобы ввести меня в споры тех лет, когда создавались первые эксперименты русских "будетлян". Для меня же

Николай Николаевич расспрашивал Кручёных о некоторых фактах его биографии, которые наверняка знал и раньше.

А потом, когда мы все устали друг от друга, Николай Николаевич вдруг громко сказал:

– Оксана, проводите господина.

Кручёных молча поднялся и двинулся к дверям. Асеев сумел что-то сунуть ему. Я понял, в чём дело: Николай Николаевич подкармливал старого приятеля, забирал у него стихи и платил ему за них гонорар!

Получил задание и я: взять пачку стихов Кручёных и отнести в один из журналов. Роль почтальона была для меня не внове: как-то я уже носил в эту редакцию стихи Виктора Сосноры с предисловием Асеева, немедленно опубликованные.

Но с публикацией стихов Алексея Кручёных ничего не получилось. Через несколько дней их вернули. Впрочем, Асеев предвидел это заранее. Он мне даже сказал:

– Скорее всего, стихи вернут. Тогда возьмите их себе на память. У меня есть копии, а позднее они, наверное, пригодятся¹³. <...>

<1985-1986, Ленинград>

Евгений ЕВТУШЕНКО

НЕПОНЯТНЫМ ПОЭТАМ

Я так завидовал всегда
 всем тем, кто пишет непонятно
 и чьи стихи, как полупятна
 из полудыма-полульда.
 Я формалистов обожал,
 глаза восторженно таращил,
 а сам трусливо избежал
 абракадабр и тарабарщин.
 Я лез из кожи вон
 в борьбе
 со здравым смыслом, как воитель,

но сумасшедшинки в себе
я с тайным ужасом не видел.
Мне было стыдно.

Я с трудом
над сумасшедшинкою бился.
Единственно, чего добился, –
вся жизнь –
как сумасшедший дом.

И я себя, как пыткой, мучил –
ну чем же я недоборщил
и ничего не отчибучил
такого,
словно "дыр... бул... щыл..."?
О, непонятные поэты!

Единственнейшие предметы
белейшей зависти моей...
Я –

из понятнейших червей.
Ничья узда вам не страшна,
вас в мысль никто не засупонил,
и чьё-то

"ничего не понял..."
вам слаще мирры и вина!
Творцы блаженных непонятиц,
поверх сегодняшних минут
живите, верой наполняясь,
что вас когда-нибудь поймут...
Счастливицы!

Страшно между тем
быть понятным, но так превратно,
всю жизнь писать совсем понятно,
уйдя непонятым совсем...

<1985>

Евгений ЕВТУШЕНКО

ОН БЫЛ АВТОГРАФОМ ЭПОХИ

Есть имена в литературе, которыми отнюдь не восторгаешься, но тем не менее они существуют, независимо от отношения к ним, и вынуть их из истории литературы невозможно. К таким именам относится и имя Алексея Кручёных.

Он был знаменит хотя бы своим "Дыр... бул... щыл..." Эта талантливая бессмыслица пристала к памяти читателей, как "Режьте билеты, режьте..."¹ Но это отнюдь не означает, что само существование Кручёных было бессмыслицей. Он был неотъемлемой составной частью экспериментаторства, во главе которого стоял Маяковский, перешагнувший молодыми великанскими шагами своё окружение. Но вряд ли бы без атмосферы окружения мог бы состояться он сам – столь размахисто, противоречиво и броско.

Развитие искусства нуждается не только в "звёздах", но и в звёздной пыли. Заумь бессребренников дороже, чем умствование продажных философов. Цех непосредственного производства нуждается в завиральных, порой в алхимничающих изобретателях-выдумщиках. В их лукаво побулькивающих колбах, порой, рождаются и перлы.

"Прочтите лубочную "Дуньку-Рубиху"..." – отнюдь не с насмешкой к Кручёных писал Асеев. Многие поэты в двадцатых соревновались на рифмы к фамилии Кручёных. В памяти сохранилось чьё-то звонкое, кажется, Кирсанова²: "Балеринных икр учёных был не чужд и А.Кручёных".

Кручёных не стал крупным литературным явлением, превратился в окололитературного книготорговца, собирателя автографов.

Вместе с тем, по парадоксу времени, торгуя автографами, он сам был автографом эпохи, кляксообразно причудливым, но неповторимым – совершенно уникальным в русской поэзии.

Кручёных, пожалуй, единственный формалист в нашей литературе, увековечивший своё имя отныне и присно во всех литературных энциклопедиях.

Причина?

Неумение подстраиваться под перемены времени, неумение измениться.

Ставший ещё при жизни анахронизмом, Кручёных и выжил в качестве такового. Честность анахронизма оказывается живучей, чем бесчестность мимикрии.

Поэтому считаю издание посмертной книги Кручёных делом полезным и поучительным.

<Январь 1986, Переделкино>

Николай НИКИФОРОВ

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Мои воспоминания об Алексее Елисеевиче Кручёных связаны прежде всего с последним приездом¹ в августе 1965 года на родину "отца российского футуризма" Давида Давидовича Бурлюка с его женой, Марией Никифоровной². В один из дней, а точнее, вечеров, в московскую гостиницу "Националь", где остановилась чета Бурлюков, пришёл одетый "по-домашнему", но в своей неизменной тюбетейке, Алексей Елисеевич. Встретились бывшие соратники по "Гилее" радостно, как и положено старым добрым друзьям после столь долгой разлуки! И сразу же полились воспоминания, воспоминания, воспоминания... О Маяковском – т-е-п-л-о, с уважением. Д.Д. называл его "Володичка", а А.Е. вторил: "Маяк", "Наш Маяк".

Несмотря на преклонные годы обоих, старые друзья часто шутили, острили. Д.Д. подарил А.Е. несколько своих американских изданий с добрыми дарственными надписями. А.Е. же, в свою очередь, подарил ему книгу одного из молодых русских поэтов (жаль, сейчас не упомяну, кого именно)³ и прижизненное издание стихов Маяковского, что вызвало восторг у Д.Д. Пили чай, А.Е. читал свои

стихи, в основном, прошлых лет, и, конечно, коронные – “Дыр бул щыл...” и другие заумные, ранние, которые я тогда в первый и в последний раз слышал в исполнении автора.

Интересно, что в тот вечер речь зашла о славе, вернее, о популярности. А.Е. высказал своё желание: “Мне не нужна ни мраморная, ни бронзовая слава, – хочу бумажный памятник, чтобы мои книги, мои строки, пусть на самой плохой бумаге, на грубой, обёрточной, были читаемы и, самое главное, понятны массам”. Я хорошо запомнил эти его слова⁴.

Очень жалею, что я не сделал тогда фотоснимков. Однако кое-какие документальные свидетельства о той встрече двух гигантов русского авангарда у меня всё же имеются. В тот вечер мы обменивались рисунками и автографами. По моей просьбе, А.Е. сделал запись в моём альбоме (по типу “Чукоккалы”⁵): “Мой рекорд русской речи (фонетики) *дыр бул щыл* – 1913 [года] – ни на какой европейский язык перевести не могут, хотя пытаются. Думаю, ещё 50 лет буду единственным! 25–УШ–65 [года]. А.Кручёных”⁶. (При этом, цифру “1913” поэт подчеркнул, а цифру “50” жирно обвёл несколько раз).

...А.Е. слыл в Москве коллекционером автографов. Я бы назвал его не коллекционером, а собирателем. Комната его (как и мои комнаты!) буквально была завалена драгоценными, а вернее, бесценными рукописными кладами и книгами с дарственными автографами. Судьбы этого уникального собрания не ведаю, где оно?

А.Е. был удивительным человеком во всём, и он, я глубоко в этом убеждён, заслуживает доброй памяти нашей и потомков наших. А отмечена она должна быть прежде всего изданием его трудов, прокомментированных умным, доброжелательным человеком.

Март 1987, Тамбов

Геннадий АЙГИ

КРЧ – 80
(К 80-летию А.Е.Кручёных)

о есмь
твоя поверхность
горящая невидимо
от соприкосновения *не-есмь* –

хрустит
поэту имя создавая:
крч

крч

крч

9 февраля 1966

Борис СЛУЦКИЙ

КРУЧЁНЫХ – 1966

Кручёных – самодельный
блистательный поэт,
а также наилучший
отрицательный пример.

На тектонические сдвиги
указывают эти строфы.
Гектографические книги –
как столбики у катастрофы.

О, кто Кручёныха забудет
 истёртого, словно пятак?
 Кто раз посмотрит, вечно будет
 припоминать: бывает так.

Глазами радостно пустыми
 глядит литературный люд:
 кораблик в городской пустыне,
 хромой, отверженный верблюд.
 Непонятных, но изречённых
 сентенций мастер
 и пророк,
 непущенный через порог –
 проходит Алексей Кручёных.

<1966>

**ВЕЧЕР В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ
 АЛЕКСЕЯ ЕЛИСЕЕВИЧА КРУЧЁНЫХ
 (Москва, 31 мая 1966 г.)**

При входе в Дом литераторов – афиша. В фойе – выставка: четыре больших лежащих витрины, в двух из них – его книги. Книг очень много, на глаз – не меньше 60-ти. В одну витрину молодой человек кладёт недавно вышедшую "Антологию русской поэзии" и открывает [её] на стихотворении А.Е. Две другие витрины заполнены материалами ЦГАЛИ – автографы Пастернака, карандашные портреты работы А.Е.¹, надписи на книгах, его фото последних лет. Выставка сделана очень толково и производит внушительное впечатление.

Вечер ведёт, вместо заболевшего Кирсанова, Лев Никулин². А.Е. в одежде, соответствующей юбилею, держится таким молодцом, что никак не дашь ему этих солидных лет. Голос звучит так бодро и энергично, что, слыша его, можно сказать, что это голос человека в расцвете сил.

Юбиляр принёс с собой букетик ландышей, очевидно, не рассчитывая на щедрость даров. Под всеобщие улыбки он ставит его в стакан на столе, что на эстраде, где он занял место вместе с Никулиным и представителем от секции московских поэтов. В президиум приглашаются директор ЦГАЛИ, директор Государственного музея В.В.Маяковского и ещё кто-то.

Речь с места произносит Андрей Вознесенский: "Я люблю Алексея Елисеевича... Мы все знаем о его любви к поэзии, к слову, к букве... Я обожаю Есенина, все мы знаем, что такое для нас Пастернак и великий Маяковский... Я только что вернулся из Ташкента³... Так я хочу сказать, что в поэзии Кручёных есть что-то от землетрясения, от матери сырой земли, от гула земли..." Юбиляр в этот момент парирует: "Я в этом не виноват!"

Вообще, реплики юбиляра были удачны, публика смеялась и аплодировала. Всё было очень весело, непринуждённо, тепло, чувствовалась общая симпатия к нему. Голубенцев⁴, единственный, кто не выступал экспромтом, сказал, что Кручёных в общении с людьми не такой дикий человек, каким он ему представлялся по манифестам футуристов, наоборот, он очень доброжелателен к людям. Его, например, он научил варить кофе. Читает главу из асеевской поэмы "Маяковский начинается", посвящённую А.Е.⁵

Юбиляру преподносят адрес от Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ)⁶, сначала зачитывают. А.Е. объясняет присутствующим, что адрес читает начальник архива. Ему отвечают вежливо: "Нет, теперь директор, а не начальник". Букет красных гвоздик преподносит А.Е. директор Музея В.В.Маяковского. При этом все сотрудники музея торжественно встают – около десяти человек. На стол воодружается их внушительный подарок – бочка мёда в полпуда весом, со словами: "Пусть твоя жизнь будет сладка!"

Николай Глазков, похожий на Бармалея⁷, читет свои стихи, посвящённые юбиляру, а также пародии на "Весну с угощением" и другие стихи А.Е. под общий смех и одобрение.

Магнитофонная запись речи и стихов А.Е. в собственном исполнении мало удачна: звучит глухо, нечётко, хотя всё же некоторое представление составить можно.

Наконец, А.Е. сам читает – "Весну с угощением", "Смерть графа", "Любовь тифлисского повара", посвящённое Нико

Пиросманишвили⁸, "Зиму" и одно или два из цикла 1948-1949 годов⁹.

Жалея А.Е., Харджиев вмешивается с места:

– Довольно, он устал!

В начале девятого вечер закончен.

<1966>

Владимир РАДЗИШЕВСКИЙ

ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

С божьей помощью Алексей Елисеевич Кручёных дожил до восьмидесяти лет, и за это ему полагался вечер в ЦДЛ. Правда, не в Большом зале, а в Малом.

Слуцкий как-то обмолвился, что у советской власти есть хорошее свойство: забывчивость. В самом деле легко забывались не только обещания и обязательства, одни догмы ради других, но и, случалось, яростные вчерашние нападки и поношения. Однако забыть, кто, явно издеваясь, написал "дыр бул щыл...", было бы ещё трудней, чем понять, что это, в сущности, значит.

А скандальная "Пощёчина общественному вкусу" с одноименным манифестом, который составляли вчетвером Бурлюк, Маяковский, Хлебников и Кручёных?

"Помню, – рассказывал Кручёных, – я предложил: "Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина..."

Маяковский добавил: "С парохода современности".

Кто-то: "С б р о с и т ь с парохода".

Маяковский: "Сбросить – это как будто они там были, нет, надо б р о с и т ь с парохода..."¹

Исполненные благородного негодования, многочисленные защитники классики, чтобы не расслабляться, до сих пор на все лады повторяют эту нарочитую фразу. Только редко кто из них скажет "бросить". Но был ли хоть один серьёзный читатель, который по сигналу футуристов тот час же и отрёкся от Толстого, Достоевского, Пушкина?.. Сам грубо задетый в "Пощёчине...", Блок тем не менее

записывает год спустя: "А что если так: Пушкина научили *любить* опять *по-новому* – вовсе не Брюсов, Щёголев², Морозов³ и т.д., а... *футуристы*. Они его бранят по-новому, а он становится ближе по-новому".

Но логику жизни теснит логика выживания. Так, Андрей Белый⁴, спасая жену, пытался внушить Сталину, что был среди символистов чуть ли не большевиком. А Борис Арватов⁵ подталкивал к выводу, что и "совдеп"⁶, и "главковерх"⁷ утвердились в обиходе потому, что до них уже был "Дыр бул щыл...". Зная, однако, как прозябал Кручёных в старости на тридцатирублёвом пенсионе, нельзя не сообразить, что "совдеп" – это одно, а "Дыр бул щыл..." – это другое.

Чтобы показаться на собственном юбилейном вечере, Алексею Елисеевичу пришлось надеть чужие брюки – свои для публичности не годились. Помню в зале Лилю Брик и Н.И.Харджиева, бородатого экспансивного Николая Глазкова, опального В.Д.Дувакина⁸, поддержавшего на недавнем суде своего бывшего студента Андрея Синявского⁹ и тут же дружно выставленного с филфака учёными коллегами... Появился Андрей Вознесенский – из кармана выглядывает аккуратно сложенная газета, видимо, с сегодняшними стихами о ташкентском землетрясении. А за столом, где хватило бы места на всех москвичей-футуристов, сидел одинокий юбиляр, переживший друзей молодости, состарившийся, но не повзрослевший.

– Я только что вернулся из Ташкента, – начал Вознесенский. – Там земля рычала, как Кручёных!

И ещё раньше, чем он успел договорить, восьмидесятилетний старик, вскакивая, с притворным ужасом прокричал:

– Я в этом не виноват!

Его не печатали с 31-го года. Но ругать продолжали. Уж очень фамилия подходящая: раздражающе несолидная. Ну что это: Кручёных, Бур-люк... Другое дело – Маяковский или Хлебников, хотя, было время, и им доставалось. Но им – за самих себя, а тем – за всю футуристическую артель. Грациозно окрестив этот поток сквернословия "ложкой дёгтя", К.Чёрный передал имениннику от Музея Маяковского бочонок мёду.

Публика разошлась. Накрапывал дождь. На опустевшей улице растерянно озирался по сторонам беспомощный человек в изношенных брюках, но с дарёным бочонком в обнимку.

Он прожил ещё два года. И, если бы тогда вышла вдруг любая его книжка, пусть даже бесхитростный репринт какого-нибудь проходного издания, это стало бы событием, означая, что с имени снят запрет. Но нынешний репринт трёх кручёныховских брошюрок 20-х годов ничего особенного уже не означает. Тем более, что вступительная статья Геннадия Айги прочитана ещё три года назад в журнале "В мире книг"¹⁰ (там она предваряла подборку стихов), а примечания скудны и случайны.

"Уже двадцать лет стоит "кручёныховский бум" в европейском литературоведении, – пишет Айги, – о поэте выходят бесчисленные статьи, фундаментальные академические исследования".

Поверим на слово. И позавидуем.

<1992, Москва>

Борис СЛУЦКИЙ

КРУЧЁНЫХ

Иногда я встречал у Асеева А.Е. Кручёных. Странная и в своём роде единственная судьба у этого человека.

Весь российский авангард постоянно оглядывался на смысл, на содержание. Гневное восклицание Ходасевича¹: "Нет, я умён, а не заумен!" – могли бы повторить и Хлебников, и Маяковский, и Цветаева. Все они были умны, очень умны. Все стремились к ясности выражения, а если не всегда её достигали, то вспомните, какие Галактики пытался осмыслить хотя бы Хлебников.

Кручёных ни к чему не стремился. Изобретя слово "заумь" (оно, как и слово "бездарь"², сначала произносилось с ударением на втором слоге), Кручёных действовал за умом, не очень далеко от ума, но всё же не на его территории.

Полтора десятилетия дадаизма³ и сюрреализма⁴, труд полупоколения талантов Франции, Германии, Италии, Югославии

был выполнен в России одним человеком. Современники наблюдали его усилия с любопытством, иногда – сочувственным, чаще – жестоким. Кручёных был отвлекающей операцией нашего авангарда, экспериментом, заведомо обречённым на неудачу.

Ко времени нашего знакомства Кручёных был на самом дне. Давным-давно выброшенный из печатной литературы в литографированные издания, давным-давно лишённый и литографии, он был забыт. Не знали даже, жив ли он.

Между тем он был жив и нуждался в одеянии и пропитании. Пусть самых приблизительных.

У Асеева его всегда угощали курой.

Помню некоторые из его разговоров.

– У нас, футуристов, – у всех были двойные имена: Владимир Владимирович, Николай Николаевич, Давид Давидович (Бурлюк), Василий Васильевич (Каменский).

– А Вы?

– У меня тоже почти двойное. Я называл себя не Алексеем Елисеевичем, а Алексеем Алексеевичем.

Ещё разговор:

– Вот вышла книжка Ашукина "Живое слово"⁶. Там только два советских поэта использованы – я и Михалков⁷. У меня взято живое слово "заумь". У Михалкова афоризм: "Союз нерушимый республик свободных сплотила невски великая Русь"⁸. Правда, у меня интереснее?

Когда Кручёных стукнуло 80, была организована складчина (по пятёрке) и обед в одной из комнат Союза писателей⁹. Речи на обеде произносили, естественно, юбилейные. Внёсший свою пятёрку и немедленно напившийся Смеляков¹⁰ восстанавливал правду и поправлял ораторов:

– Значительный поэт Кручёных? Нет, ничего себе.

– Крупный вклад в литературу? Нет, ничего особенного.

Рядом со мной сидел Кудинов¹¹, которому Литфонд¹² поручил отдать Кручёных 300 рублей вспомоществования. Угнетённый собственной интеллигентностью, он мучился и не знал, как это сделать, чтобы не обидеть юбиляра.

Я ему посоветовал отдать просто, без затей.

После одной из речей Кудинов вскочил и сказал:

– Это вам на костюм от Литфонда.

– Сколько? – спросил Кручёных деловито.

– Триста.

Кручёных нетерпеливо утихомирил очередного оратора, пересчитал мелкие купюры, а потом снова стал слушать речь о своём большом вкладе в русскую поэзию.

<1970-e>

Вячеслав НЕЧАЕВ

ВСПОМИНАЯ КРУЧЁНЫХ...

“Букой русской литературы” назвал Маяковский¹ поэта, драматурга, критика, художника Алексея Кручёных. Так повелось, что знакомство с именем Кручёных начинается со “скандального” стихотворения:

Дыр бул щыл
Убешщур
Скум!
Вы со бу
Рлэз

“Дырбулщыл” Кручёных до сего времени ещё является “классическим образцом” заумной поэзии, строящейся “по логике эмоций”. Если гениальность Велимира Хлебникова в какой-то мере признана, то Кручёных до последнего времени являлся предметом насмешек. Борис Леонидович Пастернак, отмечавший двойственность мира Кручёных, писал: “Там, где иной просто назовёт лягушку, Кручёных, навсегда ошеломлённый пошатыванием и вздрагиванием сырой природы, пустится гальванизировать существительное, пока не добьётся иллюзии, что у слова отрастают лапы”².

Всё это я узнал потом; а до того имена Бурлюка, Кручёных, Зданевича были для нас, студентов, далёкой историей. Разве мог кто-

нибудь из нас предположить, что люди эти живы, и во второй половине XX века с ними можно было встретиться, поговорить.

Моё знакомство с Алексеем Елисеевичем состоялось в конце пятидесятых годов. Маленький, подвижной, худой человек, с тубетейкой на голове и с портфелем под мышкой, в котором всегда есть что-то интересное, чаще всего какая-нибудь редкая книга, с визгливым голосом, говорящий с украинским акцентом – таким я впервые увидел Кручёных. Таким он и остался в моей памяти.

Он был верен своему прошлому. И это сказывалось во всём. Прошлое во всём – в быту, в воспоминаниях, в сборе книг, рукописей – окружало Кручёных. Некоторые судили слишком поверхностно это прошлое, не понимали, а он досадовал, но никогда не оправдывался и оставался верен этому прошлому. Даже от книг Кручёных, которые он дарил знакомым (в двадцатые годы он выпускал их в несметном количестве), веяло атмосферой тех лет. На одной такой книге, или точнее брошюре, или, как значилось на титульном листе, "продукции № 134 б" – "Гибель Есенина", подаренной мне при первой встрече, он сделал следующую надпись: "Вячеславу Нечаеву. Здесь есть кое-что верное против Есенинщины. А.Кручёных. Москва. 1958 г." Другую свою книгу, "Чёрная тайна Есенина", Кручёных подарил мне со следующей надписью: "Вячеславу Нечаеву – Пусть послужит эта книжка Вам и Вашим друзьям предупреждением – **воз!** – о белой горячке у Есенина! 1926–1961 гг. А.Кручёных. Февраль 1961 г. Москва".

Он ни от чего не отрекался. Он радовался, когда его имя упоминали: значит, не забыли. Он жил этим прошлым, собирая книги и рукописи.

Он всё тащил домой. Его комната напоминала палатку по сбору утиля. Книги, папки лежали прямо на полу, на диване, на окне, на шкафу, на полках. Удивительно, как он мог находить во всём этом хаосе то или иное, что ему хотелось показать. Впоследствии, с помощью хозяина, я уже сам мог хорошо ориентироваться в этом беспорядке. Под кроватью стояла коробка с рукописями и фотографиями М.И.Цветаевой; в шкафу лежали папки с материалами А.А.Ахматовой и Б.Л.Пастернака; под столом находился большой баул, в котором хранились номерные издания футуристов; ближе к окну, на диване, лежали связки документов

Ю.К.Олеши и т.д. Лишь у самой двери не было ничего навалено – и только потому, что в противном случае нельзя было бы попасть в комнату. Слева в углу стояла железная койка, наспех застланная застиранным одеялом. Над кроватью висела работа известного польского художника Сигизмунда Валишевского³, друга Кручёных по Тифлису. Прямо на окне, вместо занавесок, – такого же неопределённого цвета тряпки; днём некоторые из них откидываются, чтобы можно было открыть форточку. Сразу же от кровати и до окна – горой книги и папки, связанные и лежащие отдельно. Вершина этой горы – посередине комнаты; просто здесь стоит высокая этажерка, вся заваленная книгами и сверху накрытая цинковым корытом. К этажерке можно только подползти по книгам. Из этой горы торчит краешек стола, покрытый пожелтевшими газетами. Здесь – область рахат-лукума, коробки медовых пряников, пачки сахара (именуемого хозяином "цукром"), двух кружек и лекарств. Обычно у этого места мы располагаемся друг против друга и начинаем "чаевничать". От чая я отказываюсь и, чтобы не обидеть хозяина, угощаюсь пряниками. Кручёных опускает пряники в кружку, заливает их кипятком и начинает есть. Чудачествам Кручёных не бывает конца. То в кипящую воду он бросит творожный сырок и только после этого, минут через пять, начинает его есть. То застаёшь Кручёных за стиркой белья: в маленькой кастрюле он кипятит бельё, на верху которого лежит кусок мыла. Кто-то из женщин, навещавших его, предложил убраться в комнате. В ответ Кручёных невнятно пробормотал что-то, но так и не дал даже стереть пыль. Думается, что эпатировать во всём было главным в его жизни, жизни футуриста.

Обычно и своему внешнему виду, костюму, Кручёных не придавал никакого значения. Как-то его пригласили выступить в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) со своими воспоминаниями. Он был польщён, пригласил на своё выступление Н.Асеева. Приехали за ним на машине. Алексей Елисеевич так и поехал в своей нижней рубашке, которую прикрыл тёплым шарфом. Это выступление Кручёных записали на магнитофонную плёнку, потом дали послушать ему, и у старика на глазах появились слёзы.

Тогда, в архиве, я впервые услышал чтение Кручёных. Он блестяще читал свои произведения. У него были хорошие голосовые данные, совершенное владение интонациями, паузами. Вот вы слышите кусок какого-то разговора, вот топот гогочущих родственников, вот поёт муэдзин:

– Алла! Алла! Велик Алла!

. . . . .
Хвала подателю тепла, Алла-а!

А вот описание стола с яствами:

Вот сфабрикованные мною фру-фру,
А кто захочет – есть хрю-хрю

. . . . .

И красные
И голубые
Ю-юйца –

. . . . .

Вот крепкий шишидрон
И сладкий наслаждец!..

Позже я прочёл у Пастернака такое описание чтения Кручёных своих стихов: "Память о смысле отмирала, как воспоминание о смешной и быстровзятой назад претензии. Чуть-чуть отдавало театром, но как отраслью цирковой. Все категории ускользали. Оставалась лишь острота общей замечательности, натуралистической, двухминутной, как у талантливых имитаторов. Беглая разорванная наблюдательность заставляла смеяться в местах, лишённых прямого комизма, и сквозь этот смех широкие типические картины природы, одна за другою, всплывали в сознание, вызванные резким, почти фокусническим движением, родственным основной очковтирательской стихии искусства"⁴. К этим словам Пастернака трудно что-либо добавить. Думается, что таких справедливых слов,

признания его труда, Кручёных никогда потом не слышал и не мог рассчитывать на похвалы и цветы.

Вспоминается такой случай. Весной 1966 года в Центральном доме литераторов с большими трудностями был организован юбилейный вечер, посвящённый восьмидесятилетию Кручёных. На крошечной сцене Малого зала усаживается президиум. Появляется Кручёных со своим знаменитым портфелем под мышкой. Вдруг он растёгивает портфель, достаёт букетик цветов и ставит его в кувшин с водой со словами: "Разве кто-нибудь из вас догадается..." Правда, потом, выступая с приветственным словом, молодая сотрудница ЦГАЛИ преподнесла ему букет красивых гвоздик, заявив ему, что такие букеты цветов он получал в прошлом, когда выступал на эстраде с Маяковским, Хлебниковым, он получает и сейчас в такой торжественный день.

Живя своим прошлым, Кручёных тем не менее не любил предаваться бесконечным воспоминаниям. Может быть, поэтому он так и не написал мемуары⁵. Кручёных многое хорошо помнил, делал специальные записи на отдельных листках, но так и не собрался сесть за стол, систематизировать свои наблюдения. Поэтому несколько моих разговоров с Алексеем Елисеевичем о Маяковском я постараюсь привести.

Вообще о Маяковском он говорил не очень охотно: то ли никак не мог привыкнуть к его посмертной славе, то ли боялся о чём-то проговориться, то ли не хотел добавить ничего лишнего к портрету поэта.

Кручёных рассказывал, что 17 августа 1921 года он приехал в Москву из Баку (в Закавказье он пробыл с декабря 1915 года до середины августа 1921 года) и в тот же день, вечером, встретился с Маяковским в Доме печати на выступлении А.В.Луначарского⁶. На следующий день Кручёных посетил квартиру Бриков в Водопьянном переулке. Тогда Маяковский и подарил ему книгу "150 000 000"⁷ с надписью. Книга теперь хранится в Библиотеке-музее В.В.Маяковского. Алексей Елисеевич не расставался с этой книгой и на полях её сделал всякие пометы, касающиеся Маяковского. Например, Кручёных записал несколько разговоров Маяковского с аудиторией.

“Маяковский. Сегодня у себя на службе перелистывал Ходасевича⁸...

Из публики. Плохо служите!

Маяковский. Моя служба – быть председателем всех муз на Олимпе”.

Или, доказывая, что оригинальность имажинистов⁹ кажущаяся, что образы их истёрты, Маяковский затеял следующую игру с аудиторией:

Маяковский. Острый как что?

Аудитория. Как бритва.

Маяковский. Правильно. “Перо острее бритвы”. Так и написано. Смирение какое?

Аудитория. Монашеское.

Маяковский. У разъярённого кота хвост...

Аудитория. Трубой.

Маяковский. Верно. Так и сказано у Мариенгофа¹⁰ и Шершеневича¹¹.

На книге была записана и реплика поэта о Мариенгофе: “Мариенгоф очень занят. Он цилиндр носит”.

Кручёных всегда отмечал находчивость, даже самоуверенность Маяковского, его ударный голос, его характер агитатора. Он считал, что все эти качества помогали Маяковскому владеть аудиторией.

Как-то разговор зашёл о Давиде Бурлюке.

“Бурлюк сделал много для Маяковского. Он хорошо знал французский язык. Читал Маяковскому французских импрессионистов. – И категорично, словно боясь, что я могу возразить, Кручёных добавил: – Первые два тома Маяковского – это же импрессионистические стихи! Посмотрите”.

В другой раз – об азбуке Маяковского¹²:

“Знайте, азбука Маяковского написана по дореволюционной азбуке. Была такая, вроде порнографической. Он знал её наизусть”.

На глаза мне попались “Сатиры” Саши Чёрного¹³ в издании “Шиповника”. Я вопросительно взглянул на Кручёных, так как знал, что есть несколько талантливых поэтов, книг которых он не держал у себя дома. Так было, например, с книгами Н.С.Гумилёва¹⁴. В ответ услышал: “Маяковский знал наизусть много из Саши Чёрного”.

Я готовил публикацию неизвестного выступления Маяковского для так и не изданного тома "Литературного наследства". Маяковский упоминал о брошюре Кручёных против Есенина. Показал это выступление Алексею Елисеевичу. Неожиданно Кручёных разговорился:

"В записках, которые посылались Маяковскому на его вечерах, часто стоял вопрос: "Почему из левовцев один Кручёных борется с Есениным?" Потом, – продолжал Кручёных, – и Маяковский начал борьбу против есенинщины¹⁵. А через несколько лет вступил в РАПП¹⁶. Возомнил. Культ. Ушёл из Лефа¹⁷, никому ничего не сказав, и вступил один, без группы. Путь в РАПП был для него (как он писал) "утомителен и длинен, как Доронин", то есть скучный, безликий. К рабочим... Помните: "Класс, он тоже выпить не дурак"¹⁸? Тоже его не устраивало. Оставалось одно – самоубийство.

В РАППе был Авербах-гнида¹⁹. Начали его затирать. Как-то на вечере ассоциации выступил и Маяковский. Зал пришёл в неопикуемый восторг. Вечер РАППа стал вечером Маяковского. Это стало ясно.

Обкладывали со всех сторон...

Когда шла "Баня"²⁰, то лозунг против Ермилова заставили снять. Мотивировка: "Вступили в РАПП, а сами подрываеете лозунгами изнутри". В предсмертном письме даже написал: "Жаль, что не доругался". А разве можно было до чего-нибудь договориться с Ермиловым²¹?! Маяковский мог одним щелчком прибить Ермилова, но за спиной того стоял Авербах, которому было всё позволено. Авербах мог даже выступить против Луначарского и публично заявить: "Мы вас ценим, но пьес ваших не любим. Бросьте эту пустую затею..." Да и не только Луначарскому. Авербах был связан с Ягодой²²... Он мог свободно притеснять и Маяковского. Оставалось либо уйти из РАППа, либо – из жизни. Выйти из РАППа он не мог. Вступил в феврале²³, а в марте уходить? Нет. Для мастера это всё равно, что в шахматной игре взять фигуру назад, то есть попросить пощады. Его перестали бы уважать. Маяковский понимал, что значит потерять авторитет. Борьба "внутри" значило быть объявленным ренегатом и быть смятым. Оставалось уйти. Что он и сделал.

Тут ещё "любовная лодка". Эта история с Татой Яковлевой²⁴. Маяковский в Москве, маркиз в Париже. У Стендаля²⁵ в трактате "О любви": девушка бросается на шею каждому встречному. Её называют переходящим орденом. В конце концов она заявляет: "Маркиз не может быть некрасивым". Всё затмил. Да и тут...

Маркиз продвигался по дипломатической линии, но вскоре затих. Теперь она в Америке, миллионерша. Якобсон роется у неё в сейфе²⁶.

Мою просьбу уточнить, что "тут", Кручёных оставил без внимания, а вскоре пришёл Н.И.Харджиев за какими-то материалами по Мандельштаму²⁷. Разговор перешёл на другую тему.

Пожалуй, с наибольшим удовольствием Кручёных вёл разговоры о языке.

К.Г.Паустовский печатал свои воспоминания в "Октябре". Неточно процитировал Пушкина. Кручёных сразу написал ему письмо. Он никак не мог успокоиться: "Как это можно Пушкина переделывать на свой лад?" Спустя какое-то время в "Литературной газете" было напечатано письмо М.Рыльского, где он указывал на эту неточность. Константин Георгиевич в ответном письме объяснил, что эти строки поэта так запомнились ему, говоря об индивидуальном восприятии²⁸. Кручёных без конца повторял: "Ведь это Пушкин! У него всё на месте, и выдумывать за него не надо. Пушкина надо знать!"

С большим удовольствием Кручёных листал книгу Ашукиных "Крылатые слова"²⁹. Однажды я был встречен вопросом: "Вы знаете, почему набирают курсивом строку у Грибоедова³⁰: *И дым отечества нам сладок и приятен?* Потому что это фраза Державина³¹: *Отечества и дым нам сладок и приятен.* И, показывая книгу, добавил: "У вас есть эта книга? Очень полезная и интересная".

В конце 1964 или начале 1965 года в "Литературной газете" была опубликована статья Н.Грибачёва³², в которой упоминалось стихотворение Кручёных "Дырбулщыл". Я не помню, что там писалось об этом стихотворении Кручёных, только он протянул мне газету и сказал: "Оно написано для того, чтобы подчеркнуть фонетическую сторону русского языка. Это характерно только для русского. Французы пробовали перевести на свой язык, да ничего не

получилось. В русском языке это от русско-татарской стороны. Не надо в нём искать описания вещей и предметов звуками. Здесь более подчёркнута фонетика звучания слов. Вот у Некрасова³³:

То заорёт: "Го-го-го! – Ту! ту!! ту!!!"
Вот и нашли – залились на следу.

(Кручёных привёл ещё один пример из поэзии Некрасова, но, к сожалению, я его запомнил).

Это есть в поэзии негров и в народной поэзии. Часто в детских считалках".

"Да и у Гильена³⁴: "Майомбэ-бомбэ-майомбэ! сенсемайя, змея..." – добавил я. – Или у детей: "Эники-бэники..."

"Пусть попробуют перевести или объяснить", – закончил Алексей Елисеевич.

О словесных турнирах поэтов Кручёных рассказывал с жаром. Недаром он выпустил на стеклографе несколько брошюр под названием "Турнир поэтов". С большим удовольствием Алексей Елисеевич поведал мне о следующем случае. Бенедикт Лившиц³⁵, когда они шли с Хлебниковым, показал какую-то звезду и назвал её. Тогда Хлебников стал называть все звёзды по-славянски. Лившиц был поражён. Кручёных рассказывал так, как будто не Хлебников, а он сам назвал все звёзды.

Кручёных поведал мне о своём вступлении в Союз писателей. Было это в 1942 году. На одном из отчётов Ильи Эренбурга в Доме литераторов Кручёных встретился с Ильёй Григорьевичем. Разговорились. Эренбург, узнав, что Кручёных еле-еле сводит концы с концами и всё время с первого дня войны находился в Москве, написал ему рекомендацию³⁶, по которой Кручёных и был принят в Союз писателей.

Будет справедливо, если я отмечу ещё одну особенность Алексея Елисеевича – постигать сегодняшний день через прошлое. Как бы с позиций своего прошлого Кручёных интересовался и молодой поэзией. Из многих имён поэтов, чьи книги появились в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, он выделял особо Николая Глазкова, Андрея Вознесенского, Виктора Соснору. И они отвечали ему взаимностью.

В качестве примера приведу одну надпись А. Вознесенского на его книге "Ахиллесово сердце"³⁷. Эта книга попала ко мне в руки случайно, но уже после смерти Кручёных. Вот текст надписи:

"Эта книга – лучшее моё избранное. Эти стихи входят в американское издание *Basic Book*. 1967.

Андр. Вознесенский.

Примите мой подарок.
Ах, сердце последнее моё...
Андр. Вознесенский.
30 ноября 1967 года.

В книге Лидии Толстой "Зелёная лампа" на с.129 – групповое фото, очень хорошо напечатано, где Марина Цветаева, Лидия Толстая, а на 1-ом плане А. Кручёных и сын Цветаевой – Мур³⁸. Я показал свою силу физиономиста, сказав: "Мур – старше А. Кручёных", а фактически Муру было 15 лет, а Кручёных – 45. Причём, оба возраста имели колоссальное значение для жизни этих людей. Оказывается, Мур был призван [в действующую армию] и погиб [на фронте] в следующем году, а Кручёных чуть не попал в ополчение, но туда брали до 44 лет...!

Милый Алексей Елисеевич, очень вас я люблю.

Андрей Вознесенский"

Однажды я попросил Кручёных прочесть мне свои стихи. Эти стихи были с помощью типографских ухищрений набраны тремя разными размерами шрифтов. Вначале надо было читать крупный шрифт, затем – средний и, наконец, – мелкий. Такие стихи назывались "симфоническими". Мастером писать подобные стихи считался Колау Чернявский³⁹. На мою просьбу Алексей Елисеевич ответил отказом, заявив при этом, что к чтению подобных стихов надо соответственно подготовиться, да он и забыл, как их надо читать.

Разговор перешёл на стихи Вознесенского. В его поэме "Оза" Алексей Елисеевич обратил внимание на часто повторяющуюся строку: "А на фига?!" и на образ чёрного ворона, заметив, что это

“Ворон” Эдгара По. А стихотворение “Сибирские бани” вызвало у Кручёных две строчки:

Стройся с Толстым⁴⁰ Ренуар⁴¹ –
Ты не видел таких пар!

Особо хочу упомянуть о страсти Кручёных к сбору материалов по истории русской и советской литературы. Он собирал по крупицам рукописи, записки, фотографии, рисунки, письма, документы (всё, что давали) – ибо ценностью это тогда не считалось. Не помню точно чья, на одном листке была следующая дарственная надпись: “Кручу – в кучу!”. Только спустя какое-то время собрание Кручёных стало богатством. Многие материалы от Кручёных поступали в Литературный музей, Библиотеку-музей В.В.Маяковского, Центральный государственный архив литературы и искусства. Но это – особый разговор. Даже моему личному собранию документов по истории театра и литературы Кручёных заложил основу. То подарит книгу с автографом Александра Блока⁴², то оттиск с автографом Анны Ахматовой, то биографию Марины Цветаевой.

Однажды, когда мне пришлось расчищать проход к окну для рабочих, которые меняли отопительную систему, Кручёных подарил мне сразу две книги. Одна из них была “Рассказы” Артёма Весёлого⁴³. На ней была дарственная надпись: “Поэту, чьё горло заткнуто. Бравствуй май.

7 + 5

1931

А р т ё м”.

Вот передо мной его фотографии, которые он дарил и которые мне удалось снять. Но, глядя на них, я вспоминаю его рассказы о Херсоне и альбомах “Весь Херсон в карикатурах”⁴⁴, о его работе на стройке Эрзерумской железной дороги, об Асееве, Давиде Бурлюке и многом другом. Сколько лет прошло! Но годы не властны стереть из памяти образ этого “дичайшего”, как его называли, футуриста.

Таким был Алексей Елисеевич Кручёных, о котором до сих пор пишут как о варваре, “отрицателе” русского языка. Этот крайне левый футурист прекрасно знал и всем своим существом любил русскую литературу. К сожалению, не всё, что он сделал как поэт и

как критик, лингвист, вернее, публицист, равноценно. Мне кажется, что собранные воедино, его книги теряют жар. Так, отдельными маленькими брошюрками, они и будут существовать.

<1980-е, Москва>

Валентин ЛАВРОВ

"ОРИГИНАЛЬНЫЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК!"

Осенним днём года шестьдесят шестого или седьмого (точно не помню), когда, казалось, все тучи, какие есть на свете, собрались над Москвой и несколько дней источали на её асфальтовую поверхность обильные и бесконечные дожди, я, верный привычке, заглянул в небольшой, существующий с незапамятных времён, букинистический магазинчик на Сретенке. (Истины ради отмечу: с той давней поры его слегка перестроили и несколько расширили).

Поскольку в магазинчик я влетел стремительно, не столько от избытка энергии, сколько спасаясь от фонтанировавшего грязной водой троллейбуса, то в дверях я едва не сбил с ног какого-то старичка. Я даже наверняка сбил бы, если бы вовремя не успел его поддержать. То ли от мокрого старомодного плаща, прикрывавшего его узкие плечи, то ли от обидного положения, в которое он попал по моей вине, а может от какой-то истрёпанной хозяйственной сумки, висевшей у него на локте и потрёпанные ручки которой я удерживал, но вероятней от суммы всех впечатлений сразу, старичок произвёл на меня удручающее впечатление. Что-то беззащитное и безвыходное было во всём его облике!

Я стал усиленно извиняться, но старичок бодрым рывком освободил из моей руки свою поклажу и храбро шагнул в хлябь и мглу. Он не произнёс ни звука, так что диалога не было – был лишь мой монолог. Это очень обидно, ибо этим обиженным мною старичком был сам Кручёных.

Об этом я узнал через несколько мгновений, когда моя добрая знакомая-товаровед с шутливой укоризной произнесла, благо стала свидетельницей этой сцены:

– Ведь вы едва с ног не опрокинули Кручёных! Ай-ай-яй!

Этот человек меня очень заинтересовал, и я пожалел, что не познакомился с ним. Старичка этого я встречал и прежде – то на Мясницкой (как мы, коренные москвичи, по-старинке называли улицу Кирова, где и жил Кручёных, а я по соседству – у Красных ворот), а чаще в букинистических магазинах. Знал в лицо, но не знал, кто это – обычный случай у книжников.

– Оставил на комиссию книги, – продолжала товаровед. – Хотел, чтоб я сразу оплатила, да его брошюрки, боюсь, затоварятся. Без этого плачем от излишков.

Не буду этот специфичный разговор переводить на язык общеупотребительный – суть, думаю, и так ясна. Перейдём же к делу.

– Посмотреть хотите? – спросила она. И тут же достала целую гору тоненьких книжечек Кручёных. Я с интересом стал перекидывать их, читая давно знакомые названия: "Ирониада. Лирика. Май-июнь 1930", "Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица. Уголовный роман" 1925 года, "Четыре фонетических романа... Продукция № 142" 1927 года, "Рубиниада. Лирика. Август-сентябрь 1930. Продукция № 178"...

Все эти книги встречались в букинистических магазинах действительно часто и спроса на них не было. Но нашёл я интересное для себя – "Возропщем" (1913 год) с рисунками Розановой и Малевича и ещё что-то, иллюстрированное крупными художниками. Но купить их не пришлось.

– Здесь шестьдесят книг, Алексей Елисеевич хочет продать все сразу – для этого и положил несколько редкостей...

Она назвала смехотворно невысокую сумму – для сегодняшнего дня, но в то время она показалась мне слишком большой. Я отказался. И потом, конечно, много лет жалел об этом.

Но это уж такая судьба книжников – быть умным задним числом. (Впрочем, не только книжников).

Теперь я знал, как выглядит Кручёных, и мне хотелось познакомиться с ним, поговорить, разбудить его воспоминания – столь богатые, что их хватило бы на нескольких деятелей культуры.

Но – увы! Больше я его не встретил. И мне осталось одно: удовлетворить своё любопытство к этому незаурядному человеку

косвенным способом: собрать о нём хоть несколько воспоминаний тех, кто его знал.

Я отлично сознаю, что эти воспоминания кратки и отрывочны, но и мозаика составляется не из единого монолита!

Забегая вперёд, скажу: все, кто знал Кручёных и кого я спрашивал мнение о нём, сообщали самые противоречивые сведения. Причину этого понять мне нетрудно. Возможно, это проистекало оттого, что сам Кручёных был человеком противоречивым? Быть может...

Но в одном все мнения сходились: был он человеком ни на кого не похожим. И ещё: он очень любил книгу, рукописный листок, даже если он принадлежал не Пушкину или Гоголю, а посредственному современному литератору. Он умел глядеть вперёд: для истории культуры в конце концов оказывается важным многое такое, чему первоначально не придаётся никакого значения.

В семидесятые годы я довольно часто виделся с народным художником СССР, Героем Социалистического Труда Порфирием Никитичем Крыловым¹. Он тогда жил на улице Чкалова, в том самом доме, где жили многие выдающиеся деятели нашей культуры – Давид Ойстрах², Константин Юон³, Самуил Маршак⁴, а также Валерий Чкалов⁵ и другие легендарные люди.

Бывал и в мастерской Крылова (точнее, художников–Кукрыниксов, одним из которых являлся Порфирий Никитич) – это на улице Горького⁶, на самом верхнем этаже дома номер восемь.

Впервые о Кручёных мы разговорились именно здесь, у широкого окна, откуда открывалась прекрасная перспектива на город с его древними церквями, новостройками, с бесконечным муравейником людей,двигающимся по улицам гигантского города.

– О, это был великий собиратель! – воскликнул Крылов. – Он частенько приходил к нам сюда... Приходил не бескорыстно, хотя эта корысть нам была, признаюсь, скорее всего приятна, ибо вызывалась интересом к нашему творчеству.

Далее следовали рассказы о чудаковатом, но интересном человеке. К этой теме мы возвращались несколько раз, позже – уже на квартире Порфирия Никитича.

Однажды я спросил:

– Как было бы хорошо, если бы вы хоть кратко записали эти свои воспоминания...

– Эх, Валечка, где мне взять время? Работать надо – это самое главное... Ведь и Кручёных был, насколько его понимаю, тружеником.

И всё же однажды появилась на свет рукописная страничка. Это совсем немного из наших разговоров, но зато самое главное.

Алексея Елисеевича Кручёных мы, Кукрыниксы, знали много лет, примерно, с двадцатых годов. Это был интересный, увлечённый человек. Он часто приходил к нам в мастерскую на улицу Горького и просил разрешения унести с собой черновые наброски. Порой он извлекал их прямо из мусорной корзины. Если они оказывались рваными, склеивал их, приводил в порядок.

Кстати, по образованию он сам был художник⁷. Помнится, в популярном дореволюционном журнале "Солнце России" появился целый разворот работ Кручёных⁸. Хорошо помню их. Это были написанные маслом этюды с натуры – под Москвой, в Кузминках. Интересно, что они никакого отношения не имели к зауми, которую так усиленно разрабатывал Кручёных в литературе. Это была вполне добротная реалистическая живопись.

Алексей Елисеевич нередко оказывал нам книжные услуги, приносил художественные издания и другие нужные нам книги.

Жизнерадостным, остроумным, страстно влюблённым в искусство и собирательство, – таким мы запомнили этого человека⁹.

**Народный художник СССР, Герой
Социалистического Труда П.КРЫЛОВ .**

Я показал Крылову самодельную машинописную книжечку Кручёных (несколько таких хранится у меня). В ней датировано 1946 годом его стихотворение "Кукрыниксам"¹⁰:

Острей громовой спаржи
Ваши рисунки и шаржи
Плывут на бессмертной барже.

Порфирий Никитич рассмеялся и размашистым почерком рядом написал: "Было дело! П.Крылов".

Позже он показал мне номер только что вышедшей газеты, кажется, "Литературной России". Уж не помню по какому случаю, в нём были опубликованы портретные наброски Кручёных, которые он сделал с известных писателей¹¹ – Михаила Исаковского¹², Александра Твардовского, Всеволода Иванова, Николая Асеева, Михаила Светлова.

– Что ж, очень хорошо сделано! – одобрил академик, который никогда слов на ветер не бросал.

Эти же рукописные книжечки-тетради Кручёных стали поводом для добрых отношений, возникших у меня с А.А.Жаровым¹³. Я показал надпись в книжечке, авторство которой принадлежало ему: "Должен сознаться: это действительно я! Похож, хотя и приукрашен на 1,5%. 1941 г., апрель. *А.Жаров*".

– Ну, это Кручёных меня действительно изобразил: показать показал, а портрет не отдал, – улыбнулся Александр Алексеевич. – Я говорил ему: "Если бы вы все силы отдали занятиям живописью, большой художник вышел бы из вас, Алексей Елисеевич!" На это он отвечал мне: "Но тогда бы не было нынешнего Кручёных!" И был, безусловно, прав. Я не могу представить его в роли художественного мэтра.

В этой самой книжечке мы нашли "стихотворное подношение" Жарова Кручёных:

Чудной апрель пришёл ко мне,
Рычит весна-пророчица.
Сейчас о безмятежном дне
И думать ей не хочется.

Апрель 1941 г., Москва.
А.Жаров.

Без особых хлопот я уговорил Жарова написать несколько строк воспоминаний о старом друге. Однажды я вышел из подъезда дома и наткнулся на нашего почтальона. Он протянул мне конверт. В нём лежали эти воспоминания:

С Алексеем Елисеевичем Кручёных я действительно довольно часто встречался. Пожалуй, можно сказать, что у нас с ним была своеобразная дружба, в основе которой лежало не единство взглядов, а тихие, улыбчивые разногласия. Да, я – убеждённый противник формализма в поэзии, любил по-дружески побеседовать с ним на темы, поднимавшиеся им в его "наобумных" и "заумных" книжечках начала двадцатых годов и более поздних.

Он приносил их в обмен на мои книжки или любопытные письма, получаемые мной, которые я дарил ему, а он, как потом выяснилось, – музейным организациям. С музеями и хранилищами был у него контакт, приносивший ему благодарность и маленький заработок.

Кручёных был очень беден. Плохо одет. В этом отношении он, как мне казалось, старался походить на Велимира Хлебникова.

Среди нас тоже богатых не было. Но все, с кем дружески общался Кручёных, помогали ему, чем могли. Я по наивности хотел помочь ему, предложив штатную или внештатную работу в одном из журналов. Он решительно отказался, заявив: "За кого ты меня принимаешь?"

Кручёных мне и другим тоже помогал, отыскивая книги, нужные по ходу творческих работ. Он хорошо знал русскую и мировую классику. Даже с Маяковским и Асеевым он делился этим знанием. А Кирсанов без него никак не мог обходиться¹⁴.

Однажды признался Алексей Елисеевич мне в том, что Маяковский поручал ему работу по подбору всякого рода ляпсусов в поэзии, предназначенных для осмеяния на выступлениях.

Оказывается, это Кручёных преподнёс Маяковскому стихотворный "перл" молодого автора, где Семён Михайлович Будённый проскакал на рыжей кобыле.

Оказывается, примеры словесных "сдвигов" в стихах больших и малых поэтов, которыми Маяковский смешил публику Политехнического музея, были взяты из теоретикоподобной работы Кручёных "Сдвигология"¹⁵.

Отсюда и ЧЕМОДАН, выловленный из пушкинской "Песни о вещем Олеге" в строке: "Незримый хранитель могуЧЕМУДАН".

Сдвигологические находки Кручёных забавны и в какой-то мере полезны поэтам. Но я откровенно говорил, что трактат о них, названный ТРАХТАТОМ да ещё ОБИЖАЛЬНЫМ и ПОУЧАЛЬНЫМ, трудно назвать научным.

Странно, что Кручёных не обижался на меня, когда я называл его словотворчество фокусничеством.

– Пусть фокусничество! – отвечал он, – однако оно не бесцельно...

– Какая же у него цель?

– Разрушать каноны, стимулировать новаторство в поэзии...

– Новаторство формы?..

На эту тему мне вспоминается интересный разговор с Алексеем Елисеевичем в пору наших переживаний в связи с развенчанием культа личности.

– Я патриот своей Отчизны, – сказал Кручёных, – но, будучи беспартийным, не берусь сформулировать свою точку зрения в этом вопросе. Обращаюсь за помощью к поэзии.

– К кому-нибудь из поэтов-новаторов?

– Вот именно... К Пушкину!

И тут, к великому моему удивлению, Кручёных наизусть прочитал вот такой отрывок¹⁶:

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют...*

Оригинальный был человек, Алексей Кручёных!

А.ЖАРОВ. 17.XI.1979.

С Яковом Захаровичем Шведовым¹⁷, автором легендарного "Орлёнка"¹⁸, судьба сводила нас постоянно и неожиданно. То на выступлении в профтехучилище перед будущими строителями или слесарями, то на улице, а однажды – да простится мой прозаизм! – в Центральной бане. Но именно здесь, в конце октября семьдесят восьмого года, сидя рядышком после очередного захода в парильное отделение и попивая квасок, я попросил его написать для меня воспоминания о Кручёных.

– Ну, хорошо! Напишу, только не обещаю быстро... Как говорил вам, я мало его знал, да и отношения наши были своеобразно-казёнными.

Не знаю: то ли от дел Шведов неожиданно освободился, то ли размягчился характер от банного пара, но уже дня через три я вынул из почтового ящика письмо. Яков Захарович писал:

<..> С Алексеем Елисеевичем я не дружил, был лишь его знакомым. Когда являлся первым замом председателя Московского отделения Литфонда, я заботился о нём, т.е. выписывал ему два раза в год по 500 рублей, сегодняшних – пятьдесят рублей. В то время я жил в одном доме с Н.Асеевым. Забегая к Асееву, Кручёных иногда не заставал его дома, а Оксана¹⁹ не разрешала, вернее, не принимала его без Николая. Тогда он спускался – я жил этажом ниже – ко мне. Он ко мне заходил запросто.

С Кручёных я познакомился ещё до войны. Он отлично знал книгу, чувствовал, на какое издание будет повышен спрос, покупал сразу по десять-двенадцать экземпляров и продавал нам по чуть им завышенной цене, обычно полтора или два номинала. Недоставало у меня томика О'Генри²⁰, я сказал об этом Кручёных, он через два дня добыл его мне, но не за деньги, он их особо не ценил, а взял у меня два или даже три томика Бальзака²¹, томички-двойники.

Вы помните детскую выхваль: много ль вас на фунт сушёных? И пошли потом "дразнилки": много ль вас на фунт кручёных, не кручёных, а верчёных, не верчёных, а печёных.

Как-то при мне в столовой ЦДЛ что-то в рифму про Кручёных сказал Сергей Васильев²². Тот сразу ответил ему:

*Васильев Серёжа –
Пароди - стая рожжа!*

В поисках новой рифмы на фамилию Кручёных и явился экспромт, уже известный Вам.

Вот всё, что я могу сказать о своём знакомстве с этим человеком – Алексеем Елисеевичем Кручёных. С уважением – Яков ШВЕДОВ.

Одним из самых близких людей Алексея Елисеевича был Николай Глазков²³. Много общего было у них: "нестандартность" характеров, необычность творческих приёмов, затянувшееся на годы творческое молчание – публиковали обоих очень мало...

С Глазковым у меня сложились самые милые отношения: он часто писал мне, присылал свои стихи, самодельные книжечки – рукописные, своеобразно оформленные, порой даже павлиньими перьями. На мою просьбу написать воспоминания о Кручёных, он сначала прислал мне письмо Алексея Елисеевича, датированное апрелем 1958 года и сугубо бытового содержания.

Затем пришла от него машинописная статья – "Левее сердца". В ней, в частности, Николай Иванович писал: "<...> Асеев и Кирсанов, Кручёных и Хлебников, да и сам Маяковский занимали определённую позицию, которая тем и замечательна, что находилась левее сердца!..

Была ли эта литературная позиция ошибочна? Исторически футуристы-лефовцы были правы, как революция. Революционные крайности могут показаться, спустя полвека, нелепыми, дикими, никому не нужными, но в своё время они были закономерны.

А как вы думаете, Коляда,
Что, если ямбом прикажут писать?

– обращается Маяковский к Асееву. И для Маяковского, и для Асеева [читай: и для Кручёных. – В.Л.] писать ямбом или не ямбом было небезразлично. Ямб воспринимался как своего рода наследие буржуазной культуры – ему противопоставлялся свободный, революционный стих. Формальные поиски совершались во имя революции. Будетляне-лефовцы чувствовали себя людьми будущего – и это их мироощущение было прекрасно..."

Всё это было интересно, но это не были воспоминания. Ещё немного позже я получил по почте стихотворение Н.Глазкова "Кручёных" ("На сегодняшнем экране / Торжествует не старье...").

Стихотворение на трёх машинописных страницах было столь выразительно, что, видимо, Николай Иванович решил: "Чем это хуже прозаических мемориев?" и был, конечно, прав. Впрочем судите сами.

КРУЧЁНЫХ

*На сегодняшнем экране
Торжествует не старьё.
Футуристы-будетляне
Дело сделали своё.
Раздавался голос зычный
Их продукции²⁴ или книг,
Чтобы речью стал привычной
Революции язык.*

*Стал прошедшим их футурум:
Время всякое течёт,
Но умельцам-балагурам
Честь, и слава, и почёт!*

*Был средь них отважный витязь,
Распахнувший двери в мир,
Математик и провидец
Гениальный Велимир.
И оставил Маяковский
Свой неповторимый след.
Это был великий, броский
И трагический поэт.*

*И мне памятен Кручёных
Елисеич Алексей –
Архитектор слов точёных
И шагающий музей!*

*Приходил он рановато:
К девяти часам утра.
Говорил, что спать не надо,
А стихи слагать пора!
Подымал меня с постели,
Отрывал от одеял,
Полагая, что безделье –
Не высокий идеал!*

*Я тогда вставал послушно
И трудился, как мастак.
Понимал, что важно, нужно
Сочинить примерно так:*

*"Кручёных всеми признанный поэт
И в долголетию достиг высот.
Он прожил семьдесят прекрасных
лет,
А проживёт семьсот!
Он пьёт вино, валяясь на траве,
И любит милых женщин, –
потому
В день юбилея говорю ему:
Кручёных, хай живе²⁵!"*

*Тут сквозила радость жизни,
И Кручёных-юбиляр
Забирал машинописный
Самый первый экземпляр.
А потом вино сухое
Я в честь гостя открывал –
И над газовой плитой
Футурист держал бокал,*

*Чтобы было подогретым
Виноградное вино:
Горло ведь зимой и летом
Простудить немудрено!*

*А Кручёных, он отлично
Тембром голоса владел –
И утратить голос зычный
От простуды не хотел,
Потому что зычный голос –
Это бодрость, оптимизм,*

*Историческая гордость,
Молодость и футуризм!*

*Не волченок, не граченок²⁶ –
Будетлянин удалой –
Удивительный Кручёных
Заходил ко мне домой.*

*Скажет кто, грозит откуда
Беспросветной ночи мгла?
Будетлянина простуда,
Как зануда, стерегла.*

*И звенит заупокойка
В заключительных строках:
Так же, как на свадьбах горько,
Грустно на похоронах!*

...“Архитектор слов точёных”! Хорошо сказано.

<1980-е, Москва>

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЙ – ВСЕХ ПОЭТОВ СЛОВОСЕЙ!

Алексея Елисеевича Кручёных я помню столько же, сколько помню самое себя. Он познакомился с моей матерью – поэтом, прозаиком – Татьяной Владимировной Толстой¹ (её литературный псевдоним – Татьяна Вечорка) за несколько лет до моего рождения, в 1918 году, в Тифлисе. Там они встретились в литературных кафе “Фантастический кабачок” и “Химериони”, участвовали в литературных вечерах, печатались в тифлисских газетах и журналах, дружили с замечательной группой грузинских поэтов “Голубые роги” – поэтами Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Валерианом Гаприндашвили², Георгием Леонидзе³, с художниками Владимиром Гудиашвили,

Ильёй Зданевичем, актрисой Верой Мельниковой⁴ и другими представителями грузинской и русской творческой интеллигенции, составившей ядро так называемого "тифлисского авангарда".

Впоследствии, когда наша семья в 1924 году переехала из Баку в Москву, Алексей Елисеевич к тому времени уже жил в Москве, и круг его литературных знакомств и связей был чрезвычайно широк. Кручёных стал нашим ежедневным гостем. Впрочем, это не совсем точно, ибо он появлялся в нашем доме по нескольку раз в день и не просто приходил, а буквально прибегал. Кручёных всегда бежал – по улице, по двору, по коридору, по комнате. Сидеть на месте для него, очевидно, было мучением, потому что даже пил и ел он стоя.

В нашей семье к гостям всегда относились с кавказским гостеприимством, им отдавалось и отдаётся всё лучшее, но Кручёных угощали редко, видимо, не считали за гостя. Но когда он оставался отобедать или отужинать, то это была целая церемония. Хлеб он предварительно обжигал на газе, а в те времена, когда газа ещё не было, – на керосинке; посуду протирали ваткой, намоченной в марганцовке. А от чая требовал, чтобы тот кипел ключём и крышка на чайнике обязательно прыгала. У нас в доме так и говорили: "Кипит по-кручёныховски!"

В морозные дни, чтобы не разговаривать на улице и не застудить горло, он выходил из дома, держа во рту глоток горячей воды и не заглатывал её до тех пор, пока не оказывался снова в тёплом помещении.

Я знала, что Кручёных – футурист и друг Маяковского и Хлебникова, которых очень чтили в нашем доме, и относилась к нему с опаской и уважением. Мама рассказывала, что в молодости Кручёных носил жёлтую кофту⁵ и морковь в петлице. Это мне очень нравилось, и я в тайне души жалела, что он сменил свой наряд на обычный серый костюм.

Под мышкой у Кручёныха всегда был потёртый портфель, с которым он не расставался ни на минуту, время от времени раскрывал его, доставал какие-то листочки или что-то укладывал обратно. В детстве я даже думала, что он ночью спит с портфелем под мышкой. На голове он носил пёструю тубетейку, которая с годами от носки и стирки выцветала и теряла яркость красок.

Мне очень нравились его стихи "Дыр–бул–шил", мы, дети, даже превратили их в считалочку. О другом его стихотворении – "Хлюстра упала на лысину хилого графа..." – я знала, что написано оно было про моего деда, Дмитрия Евгеньевича Толстого⁶. И хотя самого деда помнила плохо, гордилась тем, что дед удостоился попасть в поэзию.

Кручёных читал вслух свои странные стихи, потом они вместе с мамой правили их, переписывали, и он, спрятав их в портфель, так же стремительно убежал, чтобы через несколько часов появиться снова.

Всю жизнь Кручёных прожил холостяком и к детям относился с осторожным любопытством. Ещё в 1914 году он впервые в России собрал и издал "Собственные рассказы, стихи и рисунки детей". У нас была эта книга, напечатанная на разноцветной плотной бумаге: рисунки – на оранжевых листах, тексты – на голубых. Но мне больше нравилось второе издание. Оно вышло в свет в 1923 году и, как все издания первых лет революции, не отличалось роскошью полиграфического исполнения: серые тонкие листы, мелкая узкая печать, мягкая грязно-серая обложка. Но зато там было написано и про меня, правда, одна строчка: "Лида Толстая, двух лет, называет сахар – "мазарган". А обложка была исполнена по рисунку трёхлетнего Никиты Фаворского⁹ и изображала, как утверждал в подписи к ней юный художник, "людей, цыплят и огород". Люди, цыплята и огород были почти одного роста, а на огороде росли какие-то экзотические растения. Но была в этих треугольных человечках и остроугольных цыплятах такая наивная загадочная прелесть, что я подолгу разглядывала их и даже сочиняла про них весёлые истории.

Часто Кручёных появлялся не один, и всегда с ним приходили интересные люди. Так он привёл к нам в дом Юрия Олешу, Артёма Весёлого, которые потом стали друзьями нашей семьи, позже – Павла Васильева. В те годы телефонов в Москве было мало, и потому во многих домах назначались специальные дни недели, когда "принимали". Это означало, что хозяева в этот вечер всегда были дома, готовилось какое-нибудь нехитрое угощение, и гости могли прийти без приглашения и предупреждения. У нас такой день был – четверг. Пили чай с бутербродами, читали стихи, обсуждали их, а иногда играли в преферанс, обычно это случалось, когда Кручёных приходил с Николаем Асеевым. Тогда Кручёных усаживал меня подле

себя, говорил, что я приношу ему счастье, а из его небольшого выигрыша мне выдавалось двадцать копеек на мороженое.

Но самым большим праздником становился день, когда в Москву приезжали грузинские поэты. Накануне отец приводил извозчика, и нас с бабушкой отправляли в Охотный ряд закупать провизию для праздничного стола. А на следующий день к вечеру меня посылали во двор встречать гостей. На улицу выходить строго запрещалось, чтобы не попасть случайно под колёса проезжавших ломовых и других извозчиков, и я с замиранием сердца слушала из-за железной калитки, когда, наконец, раздастся повелительное "тпр-ру-у!" и калитка со скрипом отворится, пропуская дорогих гостей. Первым вбегал, словно бы танцуя, стройный и лёгкий Паоло Яшвили, он хватал меня на руки и весело кружился со мной. Потом вплывал величественный Тициан Табидзе, он клал мне руку на голову, словно благословляя, сзади гудел бас Бориса Пастернака, пожуравлиному шагал Сергей Городецкий и, наконец, всё с тем же портфелем под мышкой, появлялся Кручёных, он даже замедлял шаг, понимая всю ответственность, возложенную на него, – доставить гостей из Грузии в целости и сохранности. Потом бывали удивительные весёлые и красивые застолья, с обязательным чтением стихов, с грузинскими песнями и речами-тостами. И Тициан, и Паоло обращались к Кручёныху с уважительной нежностью, произносили в его адрес добрые слова, называя его талантливим экспериментатором.

На меня Кручёных лет до десяти не обращал никакого внимания и порою даже раздражался, когда я отвлекала маму совершенно ненужными, с его точки зрения, просьбами или расспросами. А потом мы с ним очень подружились. Я рано начала писать стихи, и хотя стихи были очень плохие, Кручёных заинтересовался ими, всегда внимательно слушал меня, делал серьёзные замечания, некоторые стихи даже просил переписать для него и куда-то уносил. Он много рассказывал мне о Маяковском, которым мы все тогда очень увлекались, о Есенине. Однажды, узнав, что мы с моими друзьями ездим весной на могилу Есенина и возим туда охапки черёмухи, вдруг принёс маленький букетик ландышей и словно бы между прочим торопливо сказал: "Это от меня положите..." Но потом, когда я пыталась рассказать ему, что мы исполнили его просьбу, слушать не стал и никогда потом об этом не вспоминал.

Я всегда очень любила свой день рождения, с нетерпением ждала его, радовалась гостям и подаркам. И помню, как однажды вдруг почему-то подумала: "А как же Алексей Елисеевич? Ведь живёт совсем один, кто же ему празднует его день рождения?" А когда он пришёл, спросила его об этом. Мой вопрос удивил его и даже смутил. В ответ он пробормотал что-то невнятное. И тогда я очень твёрдо и решительно сказала ему: "Алексей Елисеевич, теперь я буду каждый год праздновать ваш день рождения, и в этот день вы можете приводить кого хотите!"

Итак, с конца тридцатых годов и до самой смерти Алексея Елисеевича, – а в первые годы и после его смерти, – в этот день, 21 февраля, у нас накрывался стол и собирались все, кто с любовью и уважением относились к новорожденному. А так как Кручёных вставал очень рано – часов в семь-восемь утра, и, соответственно, рано ложился спать – в 9 вечера к телефону он уже не подходил, – то гости собирались к трём часам пополудни, к обеду. Правда, подчас обед переходил в ужин, но сам герой дня, чтобы не нарушать привычного для себя режима, сразу после семи откланивался и уходил домой. Кого только не перебивало на этих обедах! Но были и постоянные посетители, приходившие из года в год. Так, начиная с военных лет и до самого последнего дня, завсегдатаем на обедах был Сергей Владимирович Михалков. Он всегда очень сердечно приветствовал новорожденного и приносил ему "полезные" и дорогие подарки. Помню, как он принёс ему прекрасный тёплый свитер, что в послевоенные годы казалось неслыханной роскошью. Приходила с ним и Наталья Петровна Кончаловская¹⁰. Таким же постоянным гостем был и Михаил Аркадьевич Светлов¹¹, всегда сопровождавший свои тосты шуточными стихами, в роде таких:

Как свежий огурец среди огурцов мочёных,
Так между нами выгядит Кручёных!

Помню с какой гордостью Алексей Елисеевич попросил меня 21 февраля 1946 года, когда ему исполнилось 60 лет, огласить за обедом поздравительные стихи Бориса Пастернака: "Я превращаюсь в старика...". А записочку, адресованную мне в тот день, Борис

Леонидович заканчивал словами: "Мысленно присутствую у вас на праздновании Алёшиных именин...".

Я уже писала о том, что круг литературных связей Кручёных был необычайно широк, поэтому в день его рождения собирались самые разные люди – Лев Никулин и Сергей Васильев, Вениамин Каверин и Ярослав Смеляков, Семён Кирсанов и Александр Дейч, Вера Инбер и Иосиф Игин¹². Всех перечислить просто невозможно! Особенно запомнился мне день, когда Алексей Елисеевич пригласил Анну Андреевну Ахматову¹³. Она вошла, царственная, в большой шёлковой шали, её усадили в центре стола. Когда были произнесены первые тосты за именинника, Анну Андреевну попросили почитать стихи, и она так же величественно, не заставляя себя упрашивать, много и охотно читала. Кроме Кручёных, из собравшихся за столом она хорошо знала только Льва Никулина, потому между ними завязался свой, особенный разговор, в котором мелькали для них привычно знакомые имена: Николай (Гумилёв), Марина (Цветаева), Владимир (Маяковский), Борис (Пастернак). Они произносили эти имена буднично, как нечто само собой разумеющееся, а все мы, кто был младше, с благоговением прислушивались к их разговору.

На память об этом дне у меня осталась надпись, сделанная Анной Андреевной на скатерти, где оставляли шуточные строчки гости, бывавшие в нашем доме. Но Ахматова, верная себе и здесь, не снизила до шутки, а написала строчку своих стихов: "В то время я гостила на земле..." И слова эти с каждым годом обрстают всё более глубокий смысл...

Когда Алексею Кручёных должно было исполниться 80 лет, нам, его друзьям, хотелось особенно торжественно отметить этот день, и мы решили устроить обед в Доме литераторов. Мне поручили собрать деньги. И как охотно откликнулись на это предложение самые разные люди: Илья Эренбург¹⁴ и Виктор Шкловский, Андрей Вознесенский и Семён Кирсанов, Лиля Юрьевна Брик¹⁵ и Василий Катанян. Короче говоря, в гостиной Дома литераторов, на втором этаже, 21 февраля 1966 года собралось человек сорок писателей, любящих Алексея Кручёных, понимающих роль и место его в литературе, по достоинству ценящих то, что сделал он во имя развития русской поэзии. Как говорится в официальных отчётах, "обед прошёл в тёплой и дружеской обстановке". Сам юбиляр был необычайно

торжественен: чисто выбрит и даже надел белоснежную рубашку и повязал тёмный галстук. А вот тубетейка и портфель были всё те же. С достоинством выслушивал он благодарные слова, обращённые в его адрес, но мне казалось, что он был несколько растерян и пышностью стола, и составом собравшихся – ведь здесь присутствовал цвет нашей литературы.

А через несколько месяцев, весной 1966 года, Секция поэтов московской городской организации Союза писателей СССР устроила официальный юбилейный вечер, посвящённый восьмидесятилетию Алексея Кручёных. Вечер состоялся в Малом зале ЦДЛ, народу собралось очень много. С большой речью выступил Андрей Вознесенский, выступали Николай Глазков, Семён Кирсанов. Всех выступавших не помню. Но зато хорошо запомнилось, как вышел на трибуну юбиляр. На этот раз никакой торжественности в нём не было: клетчатая "ковбойка", помятый пиджак, на голове – выцветшая тубетейка, а под мышкой – неизменный портфель. Поднявшись на трибуну, он привычным жестом расстегнул портфель и достал маленький смятый букетик цветов.

– На юбилее должны быть цветы, – сказал он. – А так как никто из вас цветов, конечно, принести не догадался, я принёс их сам! – и с этими словами сунул букетик в стакан с водой, приготовленный для ораторов.

Речь его была, как всегда, сбивчива, но в ней то и дело звучали имена друзей юности: Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Давида Бурлюка, Василия Каменского, Николая Асеева. Цветы ему всё-таки дарили и довольно много. А после вечера мы, несколько его друзей, пригласили Кручёных в ресторан, заказали шампанское, а он потребовал стакан крутого кипятку и доливал его в шампанское, хотя вечер был тёплый, весенний.

Последний раз мне пришлось побывать у Алексея Кручёных дома осенью 1966 года. Приехал в Москву из Америки Роман Яacobсон и захотел встретиться с Кручёных. К тому времени Кручёных уже сильно постарел, убирать комнату ему было трудно, и принимал он Яacobсона у своего соседа по квартире, скульптора Андрея Древина¹⁶.

Когда Роман Яacobсон ушёл, Кручёных провёл меня в свою комнату. Она всегда производила странное впечатление. Обстановки

там, по существу, никакой не было: железная кровать, небольшой квадратный стол, заставленный бутылками из-под кефира и посудой, два стула, а по стенам, до самого потолка, груды книг и папок, прикрытые какими-то серыми тканями. Как он разбирался во всём этом хаосе книг и рукописей – ума не приложу, но всегда, когда требовалась какая-нибудь книга, он, тем не менее, находил её. Лампочка над столом была обёрнута газетным прогоревшим листом. Но в этот раз комната показалась мне особенно грустной и заброшенной. Я предложила Алексею Елисеевичу свою помощь – приду на днях и наведу в его комнате хотя бы относительный порядок. Но он категорически воспротивился:

– Пусть всё будет так, как есть, мне так удобно! У каждой вещи своё место.

Последние два года он редко появлялся на людях, в Доме литераторов почти не бывал. Часто заходил к художнику Иосифу Игину, который жил рядом с ним, у Кировских ворот, просиживал у него часами, наблюдая, как тот рисует, разговаривая с людьми, приходившими позировать ему. Кручёных собирал и уносил черновики его шаржей. Однажды, запутавшись в длинном телефонном шнуре, он уронил телефон и тот вдребезги разбился. Кручёных был очень смущён, пытался всучить деньги за разбитый аппарат, но Игин ласково сказал ему:

– Что вы, Алексей Елисеевич, я сохраню этот разбитый аппарат как величайшую драгоценность и буду его всем показывать и говорить: "Его разбил сам Кручёных, наш знаменитый поэт!"

И Кручёных, сам по природе своей страстный коллекционер, понимающе заулыбался и успокоился.

Летом 1968 года я вернулась из длительной поездки по Югославии. Поездка была интересной, насыщенной, всё время нас сопровождала прекрасная солнечная погода, а потому и настроение было соответствующее – весёлое, приподнятое. Раздался телефонный звонок, и всё в том же радостном настроении я сняла трубку. Говорила соседка Кручёных по квартире:

– Сегодня в больнице скончался Алексей Елисеевич, от воспаления лёгких. Пожалуйста, сообщите об этом в Союз писателей...

Сам Кручёных всегда был и навсегда останется звонкоголосым речарём в русской поэзии XX века. Потому всё растёт и растёт интерес к его поэзии.

Январь 1985,
Москва.

ПИСЬМО О.Н.СЕТНИЦКОЙ К О.Ф.КРУЧЁНЫХ

27 июня 1968 г.
[Москва]

Дорогая Ольга Фёдоровна!

Получила Ваше письмо от 24-го¹. Конечно, жаль, что вы не смогли приехать, но ничего не поделаешь, и это ничему не помогло бы. На похоронах я мало что соображала, но слышала, что кто-то говорил, что какой-то молодой человек приехал из Одессы². Завтра справлюсь у соседей А.Е. Думаю, что Вам нет оснований беспокоиться о сыне, может быть, он познакомился с кем-нибудь из знакомых А.Е. Я уверена, что с ним всё в порядке.

Спасибо Вам за хорошее письмо.

Напишу Вам обо всём, т<ак> к<ак> Вам всё дорого, что касается А.Е.

С этой осени он стал слабеть, стала кружиться голова, поэтому [ему] труднее [стало] выходить на улицу. Зимой ему пришлось получить новый паспорт взамен утерянного – понадобился для получения пенсии с 1 января. 23 мая он, вероятно, уснул на полу и когда проснулся, ему показалось, что он в холодной ванне, позвал соседей. После этого они вызвали докторов – терапевта, невропатолога, [которые] взяли анализ крови. Терапевт прописал сердечные лекарства. Невропатолог не нашёл ничего, кроме старости, склероза. Вечером 25 [мая] меня поразили его обмётанные губы, но температуры не оказалось. Соседка звонила в Литфонд³, договорилась, чтобы ему дали путёвку в Дом творчества, что вызвало новые волнения – в чём ехать, кто будет обслуживать, как вырвать его из привычной среды и

т<ому> п<одобное>. Он был против поездки, т<ак> к<ак> был слишком слаб. Соседка из квартиры напротив⁴ весь последний месяц готовила для А.Е. еду, она же говорила, что ему будет трудно в Доме творчества. 15-го [июня], в субботу, вечером я пришла к А.Е. Он встал, мы пошли на кухню. Вид [у него] был очень больной и дыхание тяжёлое. Но говорил он всё вполне разумно, как всегда. Когда пришла Вероника, соседка, она тоже сказала, что он плох. Мы решили вызвать неотложку. Врач из неотложки сделал укол и вызвал скорую. Скорая увезла А.Е. в ин<ститу>т Склифассовского⁵, т<ак> к<ак> там лучше, чем в др<угих> больницах.

В воскресенье я поехала в больницу, меня сразу <же> пропустили к нему. <У него> вид был лучше, дыхание спокойное, только глаза – отсутствующие, ушедшие. Он понимал своё состояние и как бы прощался, говорил: "Были хорошие страницы". Но рассуждал вполне разумно, пообедал, поел клубники и был бодрее вчерашнего, так что я сказала, что мы ещё посидим с ним в садике. Что с ним – сказать никто [из докторов] не мог, т<ак> к<ак> было воскресенье. Я побыла часа два с половиной, он уснул, и я уехала.

На следующий день, часам к 12, я была в больнице. Он был без сознания, дыхание хриплое. Врач сказал, что очень неладно с лёгкими, организм слаб и не может сопротивляться, дело очень серьёзное; оставаться мне незачем, т<ак> к<ак> А.Е. ничего не сознаёт. Я уехала на работу, а около 4-х мне позвонил врач...

Литфонд всё организовал, сосед Андрей⁶ везде звонил и много беспокоился, чтобы всё было, как следует. Было объявление в "Вечерней Москве"⁷.

На похоронах было много народу, большинство я не знаю. Были мои близкие подруги, хорошо знавшие и чтившие А.Е. Был писатель Харджиев, поэт Глазков, поэт Слуцкий, Либединская, Лиля Юрьевна Брик с мужем⁸, поэт Вознесенский, который, можно сказать, является его поэтическим внуком, служащие музея Маяковского и лит<ературного> архива (ЦГАЛИ). Не меньше 50 человек. Масса была цветов. Говорил речь Слуцкий и ещё двое. Пришли все, кто любили его, не по обязанности, а по сердцу.

Причина смерти – воспаление лёгких с отёком. Повидимому, он не отдавал себе отчёта, что болен, или же не хотел ни за что попасть в больницу. Заметить же, что у него неладно с лёгкими, было нельзя.

Ещё 14-го июня он весь день провёл в квартире у соседки, сидел на балконе, был в хорошем настроении и ни на что не жаловался. Во всяком случае, можно сказать одно: он всю жизнь прожил по-своему и был самим собой – ни от кого не зависел. Поэтому он так не хотел вмешательства в его привычки; как Вы верно сказали, – он был горд. Это большое достоинство. Когда он понял, что сам не может себя обслуживать, – подошла болезнь. Ужасно было думать, как бы он жил беспомощный в своей комнате, не допуская никого к себе. Почти целый месяц эти мысли не давали мне уснуть. Тут никакой Союз писателей не мог бы помочь и никакая сиделка. Как ни печален его конец, всё-таки есть утешение: он недолго мучился и остался верен себе до конца.

Последние 3-4 года в его жизни было много радостного: включение его стихотворения в антологию русской поэзии на французском языке, статьи в польской⁹ и итальянской газетах, встречи с чехами¹⁰, польскими, итальянскими, английскими журналистами, уважающими его, издание на чешском языке книги о Хлебникове с факсимиле листов его книг 1912-14 гг. В "Зелёной лампе" Л.Либединской есть о нём¹¹. В газете "Московский комсомолец" за этот год его материалам в архиве посвящена целая страница¹². В журнале, кажется, "Наука и знание", тоже было о его коллекциях-альбомах¹³. В ЦГАЛИ его голос записали на магнитофон – лекцию¹⁴.

Последний раз он выступал в Клубе строителей, разошёлся, говорил два часа. После этого [у него] стало болеть горло.

Если у меня будут копии его стихов, постараюсь прислать Вам.

Что касается его книг и бумаг, то, по всей вероятности, будет комиссия от Союза писателей. Сам А.Е. был совершенно безразличен к судьбе своих сокровищ.

Деньги у него были, т<ак> к<ак> он получал в архиве за свои материалы¹⁵, затем Литфонд раз в год помогал, и от Вас, как он говорил, свалились на него деньги; тратил очень мало (всё осталось на книжках и пошло [в доход] государству). Греточке¹⁶ я писала, т<ак> к<ак> не была уверена в Вашем адресе – Вы собирались переезжать, кажется.

Не верится, что А.Е. нет, очень без него пусто¹⁷.

Если случится быть в Москве – позвоните мне на работу: 46-59-53.

До свидания.

Ольга.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ У НАС ДОМА

Вы знаете, как доживал Кручёных последние оставшиеся годы?

Ежеминутно делая открытья, неведомым предметам и явлениям давал свои он наименованья; свободно разнимал слова на слоги и произвольно свинчивал обратно. Он видел мир, каким нам не увидеть, знал языки, каких не существует. Для тонких книжек в несколько страничек собственноручно делавший картинки, наивно, как наскальные рисунки, и издававший их на чём придётся, – на оборотной стороне обоев¹, на выцветшей обёрточной бумаге. Тираж нисколько не имел значенья, он был согласен на сто экземпляров, предложат двести, что же – двести лучше².

Ценя моей жены гостеприимство, бывал у нас в Лобковском переулке, где рядом с нами размещалось зданье, чей рахитичный портик и колонны ему давали право называться торжественно и пышно "Колизеум", – бывало, там ещё артист Ильинский³, перебегая уличный булыжник и старомодно поднимая шляпу, встречался с продавщицей "Моссельпрома"⁴.

Кручёных появлялся незаметно, в какой-нибудь кепчёнке затрапезной, носков при этом не существовало, как будто мир ещё их не придумал. Наш скромный гость довольствовался малым: я доставал из старого планшета пяток или десяток фотографий, заснятых на Втором на Белорусском корреспондентом Славою Шаровским; да ветхий номер фронтовой газеты, где вместо слов, для нас привычных с детства, как будто бы решение трибунала, стояло: "Смерть немецким оккупантам".

Ещё он собирал странички писем, листки из серых фронтовых блокнотов, случайные походные заметки, – незрелые плоды газетной

Музы. Всё это он буквально за копейки сдавал Литературному музею и этим, представляете, кормился⁵.

Потом у нас был суп с перловой кашей, всё тот же суп всё с той же самой кашей, а иногда, случалось, и котлеты, которые по карточкам лимитным нам выдавал товарищ Поликарпов⁶. Из вежливости посидев немного и добрые слова сказав хозяйке, он уходил в туфлях на босу ногу, забытый всеми, тихий, одинокий...

Не бойтесь, люди, если слов не хватит, он ими вас в достатке обеспечит. Свидетель исчезающего века, участник всех скандальных выступлений, афиш, где крупно набрано: "КРУЧЁНЫХ"; за много лет до нынешних поэтов сумевший превосходно обходиться без надоевших знаков препинанья; однажды, вероятно, побывавший в туманном языковом зазеркалье, слова при всём народе извлекавший из потайного, видимо, кармана...

Случилось так, что я и сам, хвораю, провёл всю зиму с воспалением лёгких. Мне рассказал служитель из Литфонда, заведовавший погребальной частью, умевший в этом деликатном деле учитывать малейшие нюансы: кому писать в газетном некрологе "прославленный", "известный" и "народный", кому – без всех эпитетов: "писатель"; кому – достаточно букет гвоздики, кому – венок от секретариата; над кем должны исполнить марш Шопена, кто обойдётся и без музыкантов, – когда Кручёных умер, не нашлось рубахи, в шкафу на полке не нашлось рубахи, чтобы собрать покойника в дорогу. Да помогли соседи по квартире, и, говорят, что всё прошло, как надо...

<1987-1990, Москва>

Николай ХАРДЖИЕВ

ОН УМЕЛ БЫТЬ ДРУГОМ

С Алексеем Кручёных меня связывала почти 40-летняя дружба. Он умел быть другом и протягивал мне руку в самые трудные моменты моей жизни.

Мы встречались очень часто, а по телефону перекликались ежедневно.

Я написал множество посвящённых ему шуточных стишков¹. Он их собрал и озаглавил: "Кручёныхиада".

Писать же о нём воспоминания я не могу. Для меня это задача невыполнимая. Потому что и сейчас, через 20 лет после смерти поэта, я ощущаю живое его присутствие и мысленно с ним беседую. <...>

Ко мне позвонил Кручёных² и на вопрос о состоянии его здоровья ответил: "Учусь умирать".

Через месяц я увидел его в крематории.

В гробу лежал худенький не то юноша, не то подросток, с задорно вздёрнутым носиком и почти весёлым выражением лица, как бы свидетельствующим о том, что умирать совсем нестрашно.

<1988–1989, Москва>

Виктор СОСНОРА

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

Шипящий гусь, он пил воду с бульком из железной кружки – через ноздри. Кружку он держал двумя руками.

Пел он! –

"В степи под Херсоном высокие травы, в степи под Херсоном курган. Лежит под курганом, заросший бурьяном, матрос, железняк, партизан!"

И это с слезами, поддельными.

– Гениальный амфибрахий! Кто поэт¹?

Я не знал.

– Обо мне! Поют, я везде слышу, войду – запевают. Правдоподобно! Лежит под курганом, заросший бурьяном, матрос, железняк, партизан. Автора! На сцену! Вы вслушайтесь в отбор: матрос, железняк, партизан. Я!

Я не разочаровывал, что песня о матросе по имени Железняк²; тогда весь смысл гиб. Ведь Кручёных из Херсона. Второго под курганом он не потерпит. Он отбулькается, погладит кружечку и воркует, исходя дискантом: "Пей же, пей, паршивая сука, пей со мной!" А московской молве – нечестно о нём. Если поэт, назначенный из молодёжи, смеётся над заплатами великого³, – тут конец цеху, поэтическому.

Алексей Кручёных высок, а сутул. Годики! – он умер в 82, в свои цифры (86 – 68).

Всегда! – вымыт с волос до ногтей ног, чистюля, бритый дважды в день, владел иглой и ставил заплаты с виртуозностью О.Уайльда⁴. Он же из денди 10-х годов, живописец, артист, полиграфист. Не москвич. Руки не пачкал колбасой. Гонораров не имел с 1917 г. (и до!). 124 книги издал за свой счёт. Автор либретто первой в мире арт-, фут- и поп-оперы⁵. Жил на хлебе и воде. Эстет! Единственный поэт в истории, который все книги свои сделал сам. До шнуровки их! Единственный в искусстве, кто не взял за поэтику ни гроша.

За новую!

Комната в коммуналке (не чулан, как пишут!), широкая, музейная от книг, клочки стихотворений в папочках, на местах, на окне занавески – стиранные, ветхие, как суворовские⁶ знамёна. Пылинки нет. Депо поэзии великого. Педант, сборщик.

О да! У него ж и шумный успех у дам! Он их гонял.

Они ставили кресло на 0,3 см юго-восточнее предела. А кресло стояло 30 лет под углом А.Кручёныха. Жизнь вместе невозможна.

– Возможна, возможна! – кричала девушка, лиясь. – Возможна жизнь!

Кручёных, вводя в воздух палец, гневно:

– Выйдите вон!

– Я выйду, а потом опять возьму и войду! – ревёт девушка.

– А вы! – кричит Кручёных (мне). – Вы одобряете ту Жеманну, что за дверью дурит?

Я одобрял.

– Вы ведёте себя, как Антон Чехов! Я видел в Ялте, – кричит фальцетом Кручёных, – как себя вёл Чехов при женщинах!

– Как? – говорю я.

– Недопустимо!

– Но как?

– Недопустимо вяло. Как велосипедист, согнувшись вдвое!

– Ревёт? – спрашивает он, вытаращившись голубым.

Я смотрю в коридор – редела.

– Ничего, реёт – проветрится! – и шёпотом спрашивает: – Мелкими слёзками чешет, губами дуется?

Я смотрю.

– Крупные слёзы, в рот не влезают. Головой плачет, Алексей Елисеевич.

Он вставал и звучно:

– Да! Войдите!

Та входит с ужасом, серая. Кручёных горделиво посматривает на меня, подбородок вскинут. Шипит.

Серый таракан в углу, был он душой громовержец. Ни капли страха! Ни при Сталине⁷, ни после Сталина. Одинокий, дошедший до дна, имел он вид гусиный, непобедимый. Сидя с товарищем по скале⁸, всегда готовым к шёпоту, актёрству, крику и прыжку, – Кручёных любил Асеева и верил при нём в свою сохранность.

Где нет жизни и реальны стихи, я видел ещё этих последних, клекочущих свои пиесы, один – как гусь степной, ощипанный, в бородавках, нищий и сидящий в пиджаке, растопырив глаза, и поющий звонко в синеву, и второй – хищный, солнечный, командующий, с гетьманским хохлом на большой башке, горбоносый орёл, столичный. Так сидят они и поют – обо мне – о две головы! Этой породы уже нет, и нечего делать на этой земле.

Когда нет товарищества, а молодёжь неталантлива, то кодекс власти листают одни подонки. Ноги он мыл 6 раз в день. Про поцелуй он говорил – это треугольник. Его нашли на скатерти на столе, в сером костюме, в галстукке, в чищенных башмаках, брито-мыт, руки на груди, в них листок, как цветок. На листке записка: "ПРИШЁЛ – УШЁЛ. АЛЕКСАНДР⁹".

<1985-1986>

Николай ГЛАЗКОВ

БУДЕТЛЯНЕ

Памяти А.Е.Кручёных

На сегодняшнем экране
Торжествует не старьё.
Футуристы-будетляне
Дело сделали своё.

Раздавался голос зычный
Их продукции или книг,
Чтобы речью стал привычной
Революции язык.

Стал прошедшим их футурум¹,
Ибо времечко течёт,
Но умельцам-балагурам
Честь, и слава, и почёт!..

Первым был отважный витязь,
Распахнувший двери в мир,
Математик и провидец
Гениальный Велимир.

И оставил Маяковский
Свой неизгладимый след.
Это был великий, броский
И трагический поэт.

И, взыскательный художник,
Третий их наставник, друг,
Соучастник дней тревожных, –
Третьим был Давид Бурлюк².

А четвёртым был Кручёных
Елисеич Алексей –
Архитектор слов точёных
И шагающий музей!..

И на том, незнамом свете
Нынче встретились они,
Как двадцатого столетья
Неугасшие огни.

Вместе с ними там Асеев,
Их товарищ Пастернак³...
Будетлянская Рассея
О своих скорбит сынах.

1968

Евгений РЕЙН

АВАНГАРД

Это всё накануне было,
почему-то в глазах рябило,
и Бурлюк с раскрашенной рожей¹
Кавальери казался пригожей.
Вот и Первая мировая...
Отпечатана меловая
символическая афиша,
бандероль пришла из Парижа².
В ней туманные фотоснимки,
на одном – Пикассо³ в обнимку
с футуристом Кусковым Васей,
на других натюрморты с вазой.
И поехало, и помчалось –
кубо, эго и снова кубо,

начиналось и не кончалось
от Архангельска и до юга,
от Одессы и до Тифлиса,
ну, а главное, в Петрограде –
все как-будто бы заждались:
“Начинайте же, Бога ради!”
Из фанеры и из газеты
тут же склеивались макеты,
теоретики и поэты
пересчитывали приметы:
“Начинается... вот он... прибыл...
послезавтра, позавчера, сегодня!”
А один говорил “дырцилбыр”
в ожидани гнева Господня.
Из картонки и из клеёнки
по две лесенки в три колонки,
по фасадам и по перилам
Казимиром⁴ и Велимиром⁵.
И, когда они всё сломали
и везде не летал “Летатлин”⁶,
догадались сами едва ли
с гиком, хохотом и талантом
в Лефе, в Камерном на премьере,
среди наркомов, речей, ухмылок,
разбудили какого зверя,
жадно дышащего в затылок.

<1980-e>

П Р И М Е Ч А Н И Я

Настоящий сборник является первым опытом издания разножанровых материалов – свидетельств о жизни и творчестве Алексея Кручёных. Основу его составляют собственно воспоминания, однако задача книги вряд ли была бы выполнена, если бы в её состав не вошли некоторые стихи и очерки, мемуарная проза, высказывания, письма. Все вместе они позволяют проследить основные этапы жизненного и творческого пути поэта от начала футуризма, в котором он принимал самое активное участие, и до конца его жизни, узнать о нём много нового, по разным причинам ранее неизвестного.

Нельзя сказать, что мемуарная литература о Кручёных обширна. Пожалуй, в нашем сборнике содержится большинство из всего того, что написано о нём в России. Правда, о поэте писали и за рубежом, особенно в последние годы его жизни, когда Запад вторично открывал для себя феномен русского формализма, и, конечно, можно было бы собрать имеющиеся в Европе и Америке не публиковавшиеся мемуары и стихи о поэте, однако мы решили ограничиться только свидетельствами литераторов и вообще авторов из России, сделав исключение только для выдающегося филолога, а в начале века – молодого футуриста и сподвижника Кручёных – Романа Якобсона.

Многие материалы, вошедшие в этот сборник, ранее печатались в книгах, альманахах, журналах, газетах: мемуары Б.Лившица, А.Мгеброва, А.Вознесенского, Дм.Молдавского, Л.Озерова, стихотворения Г.Айги, Н.Глазкова, Евг.Евтушенко, И.Терентьева, С.Бобкова, отрывок из повести В.Катаева, глава из романа В.Сосноры, отрывок из эссе Н.Коржавина, статьи Б.Пастернака и другие. Однако большую половину из помещаемых текстов читатель видит впервые. Собранные воедино, дополняя друг друга, нередко споря в оценках Кручёных, так или иначе взаимодействуя, они многогранно раскрывают важную, до последнего времени малоизвестную страницу в истории русской литературы. И это тем более интересно и значимо, что речь в них идёт не только о бесстрашном поэте-экспериментаторе. Индекс литературных имён, встречающихся на страницах сборника, содержит многие и многие десятки фамилий писателей разных судеб, разных масштабов дарования, кто так или иначе пересекались с человеком, до конца своей жизни оправдывавшем определение, данное ему Маяковским: *бука русской литературы*.

Фигура Кручёных никогда не была на особом виду в нашей литературе, у критики, литературоведения, не породила и потока мемуаристики о себе (обратный пример – Маяковский, соратник по футуризму и Лефу). Однако было бы ошибочно утверждать, что его имя во все годы социализма да и "перестройки" в СССР совсем затерялось и не было на слуху хотя бы у части специалистов и московской и ленинградской литературной элиты. Другое дело, что отдельно, специально о нём почти не писали, – как почти не писали объективно об отечественном авангарде вообще, – а упоминали преимущественно в контексте работ о ком-либо или о чём-либо другом. Если не брать во внимание как бы внежанровых, "диалогических" (принимая определение-характеристику их Л.Озерова) статей Б.Пастернака, специально написанных им в середине 20-х годов по просьбе самого Кручёных, то, начиная с жёлчной "Охоты на гиен" Н.Асеева, посвящённой "разоблачению" ненавистных ему "литых мещан" нового времени, среди публикаций в различных советских и самого последнего времени, постсоветских, изданиях почти невозможно встретить отдельных, и прежде всего мемуарных работ, посвящённых

Кручёных. Счастливое исключение составляют лишь публикации Б.Слущкого, Дм.Молдавского, Н.Старшинова, Л.Озерова и немногих других.

Тексты в сборнике располагаются условно-хронологически, по основным этапам биографии поэта. В виду того, что не все материалы имеют строго хронологическое повествование и посвящены не одному какому-либо отдельно взятому автором периоду или событию, а охватывают события и факты сразу нескольких периодов, в сборнике, при соблюдении принципа хронологии, сделаны некоторые тематические объединения.

В примечаниях обязательно оговариваются основные источники, по которым печатаются тексты, однако, как правило, не указываются все публикации этих текстов, если они были. Делается это лишь в тех случаях, когда имеются важные текстологические разночтения в вариантах или же когда такие сведения дают читателю дополнительные знания об их авторах и затронутой теме вообще. Для текстов, впервые публикуемых по рукописям, обязательными являются ссылки на государственное архивохранилище или указание на частное собрание. Примечания к текстам составлены таким образом, чтобы разъяснить читателю трудные для понимания места, строго указывать литературные источники, сообщать различные сведения из не вошедших в сборник материалов для сопоставления и лучшего понимания как отдельных частей, так и всего текста. В некоторых случаях в примечаниях кратко даётся канва творческих взаимоотношений Кручёных с некоторыми из авторов работ о нём.

В настоящий сборник включены 70 текстов, принадлежащих перу более чем 50 авторов. Среди них самые разные люди: соратники Кручёных по футуризму и Лефу, литераторы, творившие в такие непохожие эпохи в жизни страны и исповедывающие порой совсем несхожие эстетические взгляды, соседка по квартире, друзья, ученики и последователи, свидетели последних лет жизни поэта, когда "дружившая с его юной порой" слава снова стала возвращаться к нему (правда, сначала усилиями западных учёных и журналистов).

Несмотря на внушительный (во всех смыслах) список авторов сборника, нельзя сказать, что помещаемые работы полностью исчерпывают заявленную в названии тему. Более того, можно не сомневаться, что со временем в печати будут появляться новые и новые мемуары и другие свидетельства о жизни и творчестве удивительного поэта и человека Алексея Кручёных.

Борис ПАСТЕРНАК. *ВЗАМЕН ПРЕДИСЛОВИЯ*

Печатается по тексту издания: Кручёных А. Календарь. Продукция № 133. М., 1926, с.3-4. Первоначальная редакция этой статьи, имеющая незначительные расхождения с публикуемым здесь текстом, впервые была помещена в машинописном альбоме: Кручёных А. Бюро злых надписей. Чрево Пастернака. (Проект книги). М., 1933, л.3-4 (ЦГАЛИ, ф.1604, оп.1, ед.хр.1204). В настоящей редакции статья была позднее опубликована в издании: Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах, том 4. М., 1991, с.373-374.

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960) - поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Входил в московскую футуристическую группу поэтов "Центрифуга". Его знакомство с Кручёных произошло в начале 20-х гг., после возвращения лидера российских поэтов-заумников с Кавказа. Взаимоотношениям Б.Пастернака и Кручёных посвящены статьи: Christopher Barnes. Boris Pasternak and the "Bogeyman of Russian Literature". - "Russian Literature", Amsterdam, 1978, VI, p.47-68; Сухопаров

С. "Дорогий Альшо!.." (Борис Пастернак і Олексій Кручоних). – "Укрводбудівець", Каховка, 1987, №№ 96-99; 1988, №№ 1, 2, 4-7, 11, 14, 15, 17, 18 (на украинском языке). В последней статье опубликованы и, в основном, прокомментированы большинство стихотворений Кручёных, посвящённых Б.Пастернаку, и все стихи Б.Пастернака, посвящённые Кручёных. См. в письме В.Каверина к С.Сухопарову от 21 мая 1988 г. (в ответ на посланную статью "Дорогий Альшо!.."): "<...> Мне кажется, что Вы вообще переоцениваете значение Кручёных в жизни Пастернака. Зная довольно близко и самого Пастернака, и его круг, я никогда ни от кого имени Кручёных не слышал. Возможно, что эта близость относится к очень раннему периоду, когда Пастернак, почти всегда не любивший принадлежать к какой-либо литературной группе, всё-таки принадлежал одной из них вместе с Кручёных. Короче говоря, я не знаю ничего об их отношениях <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

В 1942-1943 гг. Кручёных написал много стихов (в основном, к случаю), посвящённых Б.Пастернаку, которые включил в три отдельных машинописных "тетради". Критик и литературовед А.К.Тарасенков так писал об одной из этих "тетрадей" их автору, Кручёных, с фронта в письме от 25 февраля 1943 г.: "Дорогой Круч! Получил сегодня твою открытку от 14/II-43 [г.] и книжку стихов, посвящённую Пастернаку. Спасибо. Стихи прочёл. От них пахло на меня нашим милым и сумбурным московским литературным бытом, который издали кажется мил и дорог. Больше всего мне понравились доделки к стихам Ахматовой и "Борис, не злись, не ропщи...", "Прощаемся, ледышкой ручкой машем...". А вообще хорошо, что ты так же молод, буен и неканоничен, как и в былые годы. И хорошо, что стихи радостные. Это их особая заслуга, тем более, что оптимизм не деланный, не искусственный... <...>" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед.хр.52, л.17об. Публикуется впервые). В 1933 г. Кручёных выпустил в стеклопечати, на правах рукописи, библиографическое издание "Книги Бориса Пастернака за 20 лет". В том же году Кручёных составил машинописную книжечку "Бюро злых надписей. Чрево Пастернака. (Проект книги)", в которую включил шуточный манифест, провозгласив в нём бессмертье Б.Пастернака, первоначальный вариант статьи "Взамен предисловия", полный текст стихотворения "Пока мне рифмы были впервоучину..." и неполный текст авторского предисловия к нему, привёл тексты всех дарственных надписей Б.Пастернака на книгах его стихов и переводов, подаренных им Кручёных в разные годы, а также полный текст не публиковавшегося тогда стихотворения Б.Пастернака 1923 г. "Маяковскому" ("Вы заняты нашим балансом...").

¹ См. запись Л.В.Горнуна в своём дневнике от 21 января 1926 г.: "Неожиданно пришёл Алексей Кручёных, сразу же вытащил из кармана несколько экземпляров своей новой брошюры о Есенине и раздал нам. Потом читал свои стихи металлическим пронзительным и неприятным голосом. <...> Борис Леонидович, который не стеснялся Кручёныха, от души хохотал, слушая его..." (цит. по кн.: Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах, том 4. М., 1991, с.842).

² Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) – поэт. Входил в группу кубо-футуристов "Гилея". В первое десятилетие советской власти возглавлял Левый фронт искусств СССР, был редактором его печатных органов – журналов "ЛЕФ" и "Новый ЛЕФ". О его взаимоотношениях с Кручёных см. в воспоминаниях А.Чичерина "Кручёных и Маяковский", Г.Бебутова "Человек-легенда", В.Нечаева "Вспоминая Кручёных...".

³ О Н.Асееве см. в примечаниях к отрывку из его статьи "Охота на гиен".

Сергей БОБКОВ. СПБ., ПРОГУЛКА

Печатается по изданию: Бобков С. Сегодня или никогда. (Стихотворения). М., 1987, с.29-30.

Сергей Филиппович Бобков (род. 1948) – поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР (1986). Автор документального телефильма о Велимире Хлебникове (1985).

Бенедикт ЛИВШИЦ. МАНИФЕСТ

Печатается по тексту издания: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1933, с.136, 139. Название публикуемого отрывка дано составителем.

Бенедикт Константинович Лившиц (1887–1938) – поэт, переводчик, эссеист, мемуарист, искусствовед. Входил в группу кубо-футуристов "Гилея". Период пребывания Б.Лившица в футуризме отмечен сборником его стихов "Волчье солнце" (Херсон, 1914), куда вошли стихотворения, в основном, никак не связанные с теориями и практикой этого литературного течения. Случайность вхождения Б.Лившица в "Гилею" неоднократно отмечалась как его соратниками (см., напр., фельетон М.Матюшина 1920-х гг. "Памяти Елены Гуро. Ретроспективная картинка футуризма с натуры". – ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед.хр.323), так и писателями и литературоведами Н.Харджиевым, Н.Степановым, П.Антокольским, А.Урбаном, М.Гаспаровым и др. См. об этом замечание современного американского исследователя Джона Э.Боулта: "Как заметил однажды Чуковский, "парнасец" Лившиц гораздо больше имел общего с Гумилёвым и акмеистами, чем с компанией Бурлюка. Иногда действительно задумываешься, не заглядывался ли Лившиц одним глазом на Запад – и лишь косил полглазом на Восток – несмотря на его заверения в обратном?".

¹ Улица в Петербурге, где жили поэтесса и художник *Елена Генриховна Гуро* (наст. имя и фамилия: Элеонора Генриховна фон Нотенберг, 1877–1913), входившая в группу "Гилея", и её муж, М.Матюшин (сведения о нём см. в примечаниях к его воспоминаниям "Мне были близки его идеи").

² Первый сборник под названием "Садок Судей" вышел в Петербурге в середине мая 1910 г. тиражом 300 экземпляров и был отпечатан на обратной стороне дешёвых обоев. Его участниками были В.Хлебников, Е.Гуро, В.Каменский, Д. и Н.Бурлюки, Е.Низен, С.Мясоедов, А.Гей (Городецкий), М.Матюшин, которые формально не были объединены тогда в группу (см.: Малевич К., Матюшин М., Харджиев Н. К истории русского авангарда. Stockholm, 1976, с.143). Напротив, сборник "Садок Судей II", вышедший в Петербурге в конце февраля – начале марта 1913 г. тиражом 800 экземпляров, стал вторым программным коллективным изданием членов группы кубо-футуристов "Гилея" (после сб. "Пощёчина общественному вкусу", декабрь 1912 г.). Сборник открывал манифест из 13 пунктов, подписанный Д. и Н.Бурлюками, Е.Гуро, В.Маяковским, Е.Низен, В.Хлебниковым, Б.Лившицем, А.Кручёных.

³ *Николай Давидович Бурлюк* (1890–1920) – поэт, прозаик, теоретик футуризма, член группы "Гилея". О нём см.: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь, т.1. М., 1989, с.369-370; Сухопаров С. Проза Миколи Бурлюка. – "Клуб

літераторів", Херсон, 1990, 18 серпня (на українском языке; опубликованы переведенные С.Сухопаровым на украинский язык прозаические вещи: "Смерть легкомысленного молодого человека", "Король Гугон", "Тишина Эллады"); Сухопаров С. Судьба Николая Бурлюка. – "Народна трибуна", Нова Каховка, 1991, № 19, 27 травня–2 червня; № 20, 2–8 червня (на русском языке).

⁴ О М.Матюшине см. в примечаниях к его воспоминаниям "Мне были близки его идеи".

⁵ О Д.Бурлюке см. в примечаниях к его статье "Злобен и ядовит", а также в воспоминаниях Н.Никифорова "Что вспомнилось" и примечаниях к ним.

⁶ Ср. с пунктом 1-ым манифеста к "Садку Судей II": "Мы перестали рассматривать словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам, став видеть в буквах лишь **н а п р а в л я ю щ и е р е ч и**. Мы расшатали синтаксис".

⁷ См. пункт 3-й манифеста: "Нами осознана роль приставок и суффиксов".

⁸ См. пункт 6-ой манифеста: "Нами уничтожены знаки препинания, чем роль словесной массы выдвинута впервые и осознана".

⁹ См. пункт 11-й манифеста: "Мы считаем слово творцом мифа, слово, умирая, рождает миф и наоборот".

¹⁰ *Александр Александрович Потебня* (1835–1891) – филолог, лингвист; первым разработал природу мифа (см. его исследование "Из записок по теории словесности").

¹¹ В то время, – с 31 декабря 1912 г., – Кручёных служил "учителем графических искусств" Тёсовского Высшего начального училища Смоленской губернии (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед.хр.231, л.1, 10б).

¹² Примечательно, что в период футуризма, в своей статье "Копролитический монумент", Б.Лившиц отзывался о Кручёных благосклонней: "Автор "дыр–бул–щыл" – поэт небезинтересный, с довольно острым пониманием момента" (Первый журнал русских футуристов, № 1-2. М., 1914, с.102).

¹³ Ср. с пунктом 12-ым манифеста: "Мы во власти новых тем: ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности – воспеты нами".

¹⁴ Ср. с пунктом 13-ым манифеста: "Мы презираем славу: нам известны чувства, не жившие до нас. Мы новые люди новой жизни".

¹⁵ См. в воспоминаниях Б.Лившица "Полутораглазый стрелец": "<...> Тем удивительнее показалась мне теплота, с которой и она, и Матюшин говорили о Кручёных, доведившем до абсурда своим легкомысленным максимализмом (вот уж кому, поистине, терять было нечего!) самые крайние наши положения. Только равнодушие к стихии слова (у Гуро, вероятно, подсказанное пренебрежением к нему как рудиментарной форме проявления внешне человеческого "я", у Кручёных – должно быть, вызванное сознанием полной беспомощности в этой области) могло, на мой взгляд, породить эту странную дружбу: во всём остальном у них не было ничего общего" (с.133-134).

¹⁶ В целом, манифест к "Садку Судей II" провозглашал общую теоретическую платформу группы, во многом ориентированную на переосмысление в поэтической практике достижений новой живописи. Н.Бурлюк подчёркивал в этой связи, что многие положения манифеста "меняют взгляд не только на цели искусства, но и на понятие времени" ("Союз молодёжи", СПб., 1913, № 3, с.84).

Михаил МАТЮШИН. МНЕ БЫЛИ БЛИЗКИ ЕГО ИДЕИ

Печатается по тексту: Матюшин М. Русские кубо-футуристы. – К истории русского авангарда, с.147-153. Название публикуемого отрывка из этих воспоминаний дано составителем.

По свидетельству Н.Харджиева, он был инициатором написания М.Матюшиным воспоминаний "Русские кубо-футуристы" (1932-34 гг.), а также их редактором, вследствие чего они, по его словам, "совершенно свободны от фактических ошибок" (там же, с.133). В Государственном музее истории Ленинграда (ГМИЛ) хранится рукопись неизданной книги М.Матюшина "Творческий путь художника", стиль которой заметно отличается от стиля опубликованного Н.Харджиевым отрывка из неё (см.: Матюшин М. Русский кубо-футуризм. (Отрывок из неизданной книги "Творческий путь художника"). – "Наше наследие", М., 1989, № 2, с.130-133).

Михаил Васильевич Матюшин (1861–1934) – музыкант (1882 по 1913 гг. скрипач придворного оркестра), композитор, художник, критик, теоретик новой живописи, меценат-издатель некоторых основных сборников кубо-футуристов ("Садок Судей", 1910; "Садок Судей II", 1913; "Трое", 1913; "Рыкающий Парнас", 1914), всех трёх книг Е.Гуро ("Шарманка", 1909; "Осенний сон", 1911; "Небесные верблюжата", 1914), книг В.Хлебникова "Новое учение о войне" (1914) и "Время – мера мира" (1916), единственного опыта живописца Филонова в области художественной прозы "Проповень о проросли мировой" (1915) и первой декларативной статьи К.Малевича "От кубизма к супрематизму" (1915); кроме того, Матюшин издал под своей редакцией в переводе Екатерины Низен книгу А.Глеза и Ж.Метценже "О кубизме" (1913) (см.: К истории русского авангарда, с.131). "С 1910 г. квартира Матюшина и его жены Елены Гуро стала местом собраний петербургских и московских футуристов, разрабатывавших планы совместных боевых выступлений" (К истории русского авангарда, с.131; подробнее об этом см. статью: Повелихина А. "С.П.Б. Песочная, 10". – "Наше наследие", М., 1989, № 2, с.117-121).

¹ Группа "Гилея" образовалась в начале 1910 г., окончательно оформилась в декабре 1911 – феврале 1912 гг. (тогда же получила своё название) и просуществовала до весны 1914 г. (последнее коллективное печатное выступление – расширенное по составу участников и дополненное второе издание сборника "Дохлая луна", М., 1914). В неё входили: В.Хлебников, Е. Гуро, В. Маяковский, Д. Бурлюк, А.Кручёных, В.Каменский, Н. Бурлюк, Б. Лившиц.

² Общество художников-новаторов, существовавшее в Петербурге в 1910-1914 гг.

³ Одноименный с учредившим его Обществом журнал "Союз молодёжи" выходил дважды – в апреле и июне 1912 г. Третий (и последний) его номер, вышедший в конце марта 1913 г., был наиболее радикальным и существенно отличался своей направленностью от первых двух номеров-выпусков. Его открывала не имевшая заглавия совместная декларация Общества художников "Союз молодёжи" и группы поэтов "Гилея", входившей в общество на правах секции:

"Общество художников "Союз молодёжи", имея своими задачами поддержку и развитие принципов нового искусства, радо на страницах своего журнала запечатлевать всё молодое и талантливое.

Наиболее молодая группа поэтов "Гилея" ("Hilaea") решила, что настало время совместного труда – живописи и поэзии для единения и выявления их ценных различий.

С своей стороны "Союз молодёжи" всегда стремился выказывать своё сочувствие и доверие к поэзии наиболее существенных и прозорливых из поэтов. Как результат этого, явилось образование группой "Гилея" автономной поэтической секции при Обществе художников "Союз молодёжи" и совместные труды в этом журнале.

Выступая на защиту и развитие принципов новой поэзии – секция "Гилея" указывает следующие положения, определяющие её путь, содружественный с художниками:

1. Определение философии прекрасного.
2. Установление различий между творцом и созидателем.
3. Борьба с механичностью и временностью.

И затем постулаты, как единящие, так и разнящие:

1. Расширение оценки прекрасного за пределы сознания (принцип относительности).
2. Принятие теории познания как критерия.
3. Единение так называемого "материала".

Общество Художников "Союз молодёжи".
Секция "Гилея"

(цит. по: "Союз молодёжи", СПб., 1913, № 3 (март), с.5).

В третьем номере журнала были опубликованы стихи Д. и Н.Бурлюков, Б.Лившица, А.Кручёных, В.Хлебникова, проза Е.Гуро, статья М.Матюшина, программная статья В.Хлебникова "Учитель и ученик. О словах, городах и народах. Разговор", искусствоведческое эссе Н.Бурлюка о творчестве художника Владимира Давидовича Бурлюка (1886–1917), входившего в "Гилею" и иллюстрировавшего все её сборники, др. материалы.

4 Вышел в конце февраля – начале марта 1913 г.

5 Екатерина Генриховна Низен (Гуро; 1874–1972) – сестра Елены Гуро.

6 Михаил Фёдорович Ларионов (1881–1964) – выдающийся художник-новатор, один из зачинателей русского художественного авангарда, создатель теории лучизма в живописи и возглавитель этого течения. См. его кн. "Лучизм" (М., 1913) и статью: Ф.М. [Ларионов М.Ф.]. Лучисты. (В мастерской Ларионова и Гончаровой). – "Московская газета", 1913, 7 января.

7 Наталия Сергеевна Гончарова (1881–1962) – художник-новатор, одна из первых российских художников, освоивших кубизм, жена и соратник М.Ф.Ларионова.

8 Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942) – владелец парчовой фабрики, меценат, председатель "Союза молодёжи", впоследствии – искусствовед.

9 Казимир Северинович Малевич (1878–1935) – выдающийся художник-новатор, создатель супрематизма.

10 Напечатано в сборнике "Садок Судей II", с.74.

11 "Первый всероссийский съезд баячей будущего (поэтов-футуристов)" состоялся в дачном посёлке Усикирко, под Петербургом. "Из поэтов-"будетлян" на "съезде" присутствовал один А.Кручёных, так как ни Д.Бурлюку, занятому изданием "Доходной луны", ни Хлебникову, находившемуся в Астрахани, не удалось приехать в Усикирко" (Харджиев Н. Из материалов о Маяковском. – "30 дней", М., 1939, № 7, с.83).

12 Привожу пункт 6-ой декларации: "Будут поставлены дейма: Кручёных "Победа над солнцем" (опера), Маяковского "Железная дорога", Хлебникова

"Рождественская сказка" и др.." (цит. по: "30 дней", М., 1939, № 7, с.83; см. также: "За семь дней", СПб., 1913, № 28, с.605-606).

¹³ В своей статье "Судьба Алексея Кручёных", написанной в 1965 г., специально к 80-летию поэта, Н.Харджиев подчёркивает, что "мотивы грядущего освобождения пронизывают ряд реплик "положительных" персонажей", а также отмечает то обстоятельство, что "царская цензура не обратила внимания ни на эти реплики, ни на антимилитаристские тенденции пьесы, ни на резкий выпад против цензурных запретов: "Место ограничено // Печать молчать..." (Svantevit Dansk tidsskrift for slavistik. Arhus, 1975, № 1, с.37-38).

¹⁴ См. письмо К.Малевича к М.Матюшину за июнь 1916 г. в сб. "Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с.190-191.

¹⁵ Текст её нам неизвестен.

¹⁶ *Гавриил Романович Державин* (1743–1816) – поэт и прозаик, реформатор русского стиха.

¹⁷ См. примечание 18 к воспоминаниям М.Скуратова "Неугомонный речетворец".

¹⁸ *Михаил Матвеевич Херасков* (1733–1807) – поэт и прозаик, представитель русского классицизма.

¹⁹ Стихотворение опубликовано в сборнике "Садок Судей II", с.63-64.

²⁰ В своей рецензии – "Футуризм в Петербурге" – на постановку оперы Кручёных М.Матюшин с негодованием отмечал, что футуристические постановки "оставили всю петербургскую печать в полном незнании и непонимании важности происшедшего", что "взбег нашего глубокого русского творчества оплёван невежеством отсталой передовой печати" (Первый журнал русских футуристов, № 1-2, М., 1914, с.153, 154). Там же он подчеркивал своеобразие, непохожесть нового русского театра, его независимость от западных влияний: "<...> наша, русская, молодёжь, не зная никаких попыток нового театра за границей, у нас, в Питере, показала на сцене в оперном спектакле полный разлом понятий и слов, разлом старой декорации, разлом музыкальной гармонии, дала новое, свободное от старых условных переживаний творчество – полное в самом себе, в кажущемся бессмыслии слов – рисунке-звуке – новые знаки будущего, ведущего в вечность и дающие радостное сознание силы тому, кто благоговейно к ним прислушивается и, вглядываясь, озарится радостью нашедшего драгоценность <...>" (с.154-155).

²¹ Либретто оперы "Победа над Солнцем" – с прологом В.Хлебникова, иллюстрациями К.Малевича и Д.Бурлюка, фрагментами музыки М.Матюшина – вышло отдельным изданием в Петербурге в конце декабря 1913 г. тиражом в 1000 экземпляров.

Александр МГЕБРОВ. СМЕЛЫЙ ВЫЗОВ

Печатается по тексту: Мгебров А.А. Жизнь в театре. Том 2. М.–Л., 1932, с.271-274, 280-284.

Александр Авельевич Мгебров (1884–1972) – актёр, театральный режиссёр.

¹ *Всеволод Эмильевич Мейерхольд* (1874–1940) – актёр, режиссёр, основоположник нового русского театра.

² Трагедия В.Маяковского "Владимир Маяковский" была показана 2 и 4 декабря 1913 г. См. в воспоминаниях Кручёных:

"<...> Летом 1913 г. мне и Маяковскому были заказаны пьесы. Надо было их сделать к осени. <...> В Кунцеве Маяковский обхватывал буфера железнодорожного поезда – то рождалась футуристическая драма!

Когда Маяковский привёз в Питер написанную им пьесу, она оказалась убийственно коротенькой – всего одно действие, на 15 минут читки. Этим никак нельзя было занять вечер. Тогда он срочно написал ещё одно действие. И всё же (забегая вперёд) надо отметить, что вещь была так мала (четыреста строк!), что спектакль окончился около 10 часов (начавшись в 9). Публика была окончательно возмущена.

Маяковский до того спешно писал пьесу, что даже не успел дать ей название, и в цензуру его рукопись пошла под заголовком: "Владимир Маяковский. Трагедия". Когда выпускалась афиша, то полицмейстер никакого нового названия уже не разрешил, а Маяковский даже обрадовался: "Ну и пусть трагедия так и называется – "Владимир Маяковский"!" (Кручёных А. Наш выход. К истории русского футуризма. Воспоминания. Материалы. М., 1932. (Неизданная рукопись). – Отдел рукописей Государственного музея В.В.Маяковского, Москва. К-84, л.66-67).

³ Правильное название оперы: "Победа над солнцем". Она была поставлена 3 и 5 декабря 1913 г. Кручёных вспоминал: "<...> У меня от спешки тоже получились некоторые недоразумения. В цензуру был послан только текст оперы (музыка тогда не подвергалась предварительной цензуре), и потому на афише пришлось написать: "Победа над Солнцем. Опера А.Кручёных".

М.Матюшин, написавший к ней музыку, ходил и всё недовольно фыркал:

– Ишь ты, подумаешь, композитор тоже – оперу написал!

Художник Малевич много работал над костюмами и декорациями к моей опере. Хотя в ней и значилась на афише одна женская роль, но в процессе режиссёрской работы и она была выброшена. Это, кажется, единственная опера в мире, где нет ни одной женской роли! Всё делалось с целью подготовить мужественную эпоху, на смену женоподобным Аполлонам и замызганным Афродитам" (Кручёных А. Наш ваход, л.67-68).

⁴ *Вера Фёдоровна Комиссаржевская* (1864–1910) – драматическая актриса.

⁵ См. оценку трагедии "Владимир Маяковский", данную М.Матюшиным в его рецензии "Футуризм в Петербурге": "<...> Трагедия Маяковского представляет огромное выявление импрессионизма в символике слова. Но он нигде не отрывает слово от смысла, не пользуется самоценным звуком слова. Я нахожу выявление его пьесы очень важным и значительным, но не ставящим новые последние грани или кладущим камни в трясину будущего для дороги будетлянского искусства. Тем самым, нисколько не умаляя значения его пьесы, считаю постановку его вещи много ниже его творчества" (Первый журнал русских футуристов, № 1-2. М., 1914, с.157).

⁶ 3 декабря 1913 г.

⁷ Роль будетлянина, читавшего Пролог, исполнял Кручёных. См. в его письме от 10 июля 1929 г. к ленинградскому литературоведу *Арсению Георгиевичу Островскому*: "<...> В *Победе* я играл п р о л о г пьесы замечательно: 1) ликари были в противогазах (полное сходство!); 2) благодаря проволоко-картонным костюмам, двигались к<a>к машины; 3) поразительна была песня из о д н и х г л а с н ы х – [её] пел оперный актёр. Публика требовала повторения, но актёр испугался...; 4) главный администратор Фокин, когда стали после *победы*

вызывать автора, заявил из ложи: *Его увезли в сумасшед<ший> дом!* Всё же я протискался сквозь кулисы и занавеси и раскланялся. Тот же Фокин и др<угие> опричники шептали мне: *Не выходите, это провокация, публика устроит вам гадость.* Но я не послушался, и гадости не было, вперди рукоплещущих я заметил Илью Зданевича, худож<ника> Ле Дантю и студенч<ескую> молодёжь – в её среде были наши горячие поклонники <...>” (Wiener Slawistischer Almanach, 1978, Band 1, S.9).

Роман ЯКОБСОН. “ОДНОЙ ГОРЧИЦЕЙ СЫТ НЕ БУДЕШЬ”

Печатается по тексту: Якобсон Р. Воспоминания о Велимире Хлебникове. – “Независимая газета”, 1992, 9 сентября, с.5. (См. также в кн.: Якобсон–будетлянин. Сборник материалов. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии Бенгта Янгфельдта. Stockholm, 1992, с.19-20). Название публикуемого отрывка из этих воспоминаний дано составителем.

Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – выдающийся русский и американский языковед и литературовед; один из основателей Московского (1915), Пражского (1926) и Нью-Йоркского лингвистических кружков; один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. С 1920 г. в эмиграции. О нём см.: Иванов Вяч.Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона. – В сб.: Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985, с.5-29; Иванов Вяч.Вс. Поэтика Романа Якобсона. – В сб.: Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987, с.5-22; Будагов Р.А. Р.О.Якобсон: теория языка и поэтика. – В его кн.: Портреты языковедов XIX–XX вв. Из истории лингвистических учений. М., 1988, с.262-285.

¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа. Собр. И.Сахаровым. Т.1. Кн. 2. Русское народное чернокнижие. СПб., 1841.

² См. в поэме “Ночь в Галиции”:

Русалки

(держат в руке учебник Сахарова и поют по нему)

Между вишен и черешен
Наш мелькает образ грешен.
Иногда глаза проколет
Нам рыбачья острога,
А ручей несёт и холит,
И несёт сквозь берега.
Пускай к пню тому прильнула
Туша белая овцы
И к свирели потянула
Обнажённые резцы.
Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац.

³ Сборник В.Хлебникова “Ряв! Перчатки!”, с иллюстрациями Д.Бурлюка и К.Малевича, был выпущен Кручёных в его петербургском издательстве “ЕУЫ” в конце декабря 1913 г. тиражом 1000 экземпляров.

⁴ Опубликован в кн.: Хлебников В. Собрание произведений в 5-ти тт., т. 5. Л., 1933, с.248-249. Датирован 1913 г. В манифесте суммируются достижения поэтов-будетлян в создании, совместно с художниками-новаторами, книги принципиально нового типа – рукописной: "<...> слово, написанное одним почерком или набранное одной свинцовой, совсем не похоже на то же слово в другом начертании. <...> должно поставить вопрос о письменных, зримых или просто осязаемых, точно рукою слепца, знаках. Понятно, не обязательно, чтобы речар был бы и писцом книги саморунной, пожалуй, лучше, если бы сей поручил это художнику. Но таких книг ещё не было. Впервые даны они будетлянами, именно: "Старинная любовь" переписывалась для печати М.Ларионовым, "Взорваль" – Н.Кульбиным и др.<ругими> [художниками], "Утиное гнёздышко..." – О.Розановой. Вот когда можно наконец сказать: "Каждая буква – поцелуй свои пальчики". Странно, ни Бальмонт, ни Блок, – а уже чего, казалось бы, современнейшие люди, – не догадались вручить своё детище не наборщику, а художнику... Вещь, переписанная кем-либо другим или самим творцом, но не переживающим во время переписки себя, утрачивает все те свои чары, которыми снабдил её почерк в час "грозной вьюги вдохновенья". В.Хлебников. А.Кручёных".

⁵ В статье Н.Харджиева "Полемичное имя" приводится отрывок из письма Р.Якобсона к Кручёных за февраль 1914 г., в котором он "сделал ряд тонких замечаний о литературной генеалогии" изобретенного Кручёных приёма смещения сюжетных эпизодов во времени, названного им "мирсконца": "Знаете, "мирсконца" до вас никто из поэтов не сказал, чуть-чуть лишь почувствовали Белый и Маринетти, а между тем этот грандиозный тезис научен вполне (хотя вы и заговаривали о поэзии, противоборствующей математике) и ясно очерчен в принципе относительности" ("Памир", Душанбе, 1987, № 2, с.164).

⁶ "Заумная гнига" Кручёных и Алягрова (псевдоним Р.Якобсона), в оформлении О.Розановой, вышла в середине августа 1915 г. тиражом 140 экземпляров. В ней были помещены заумные стихотворения Р.Якобсона. Ещё одно его заумное стихотворение – *кт. вестъ мгл зл ль яс...* – Кручёных поместил в коллективном сборнике "Заумники" (Пг., 1922, с.15). Его текст приводится и в сб. "Якобсон-будетлянин" (с.115). См. там же пояснения к нему самого Р.Якобсона: "<...> Это были стихи такого почти что пропагандно-рекламного характера: "величайшет" и "грандиозарь" Кручёных, и так далее. <...>" (Указ. соч., с.24).

Александр ДЕЙЧ. "НАСЧЁТ КОРОВЫ ПУСТЬ ГОВОРИТ"

Печатается по тексту: Дейч А. Арабески времени. – В его кн.: День нынешний и день минувший. (Литературные впечатления и встречи). Изд. 2-е, дополненное. М., 1985, с.288-290. Название публикуемого отрывка из этих воспоминаний дано составителем.

Александр Иосифович Дейч (1893–1972) – литературовед, критик, переводчик. (О нём см. предисловие поэта И.Драча и послесловие искусствоведа Л.Танюка в кн.: Дейч А. По ступеням времени. (Воспоминания и статьи). К., 1988).

¹ См. оценку художественной деятельности *Николая Ивановича Кульбина* (1866–1917), данную Н.Харджиевым: "Кульбин – характерная фигура переходного периода. Статский советник и приват-доцент Военно-медицинской академии, художник-дилетант и модернист 90-х гг., он выступил против гегемонии группы

"Мир искусства" и возглавил группу петербургских художников, пытавшихся разрабатывать новые приёмы живописной выразительности. В то же время Н.Кульбин был сторонником "художественного соглашения" и, по верному замечанию Д.Бурлюка, "верил, что новое искусство и академистов можно связать вместе". Не случайно поэтому, что на первой организованной Н.Кульбиным (при участии А.Лентулова и Д.Бурлюка) выставке "Современные течения в искусстве", открывшейся 25 апреля 1908 г., были представлены "группа академических течений", и "группа неореализма", и "архитектурная группа", и "группа прекрасной линии" (Л.Бакст, А.Бенуа, И.Билибин, А.Остроумова-Лебедева), и московская авангардистская группа участников выставки "Стефанос" ("Венок"), устроенной М.Ларионовым (В.Бурлюк, Д.Бурлюк, А.Лентулов, Людмила Бурлюк) и, наконец, "художественно-психологическая группа", возглавляемая самим организатором выставки" (К истории русского авангарда, с.29).

М.Матюшин считал, что Н.Кульбину "безусловно принадлежит честь первого в Петербурге выступления с молодыми художниками, которым он проложил дорогу" (К истории русского авангарда, с.140).

В марте 1910 г. Н.Кульбин издал декадентский в целом сборник "Студия импрессионистов", в котором были напечатаны первые стихотворные опыты русского поэтического авангарда (Д. и Н.Бурлюки, В.Хлебников).

² Кубо-футуристами российские газеты окрестили поэтов группы "Гилея" за их творческое сотрудничество с художниками-кубистами. Нео-импрессионист Н.Кульбин никогда не примыкал ни к кубистам, ни к группе "Гилея", почему ни на каком этапе становления этого течения не мог являться его "вождём".

³ *Бродячая собака* – литературно-художественное кабаре, существовавшее в Петербурге с 1911 по 1915 гг. Н.Кульбин был одним из его соучредителей (см.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы "Бродячей собаки". – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985, с.160-257).

⁴ Весной 1909 г. в Петербурге прошла вторая выставка группы Н.Кульбина под названием "Импрессионисты". Кручёных дебютировал на ней в качестве художника-новатора. Впоследствии он сохранил самые добрые отношения с лидером петербургских "дивизионистов" (определение Н.Харджиева).

⁵ Приводится первое в русской литературе заумное стихотворение, опубликованное в сборнике Кручёных "Помада" (М., 1913).

⁶ В отличие от мемуариста, сам Кручёных никогда не применял к собственным стихам определения "поэзы" – неологизма, изобретенного его постоянным литературным оппонентом, лидером эго-футуристов *Игорем Северяниным* (наст. имя и фамилия: Игорь Васильевич Лотарёв, 1887–1942).

⁷ Приводится пересказ основных положений декларации Кручёных "Слово как таковое" (1913), в которой впервые была предпринята попытка теоретического обоснования нового поэтического языка – зауми. Декларация вышла в виде листовки, там же была опубликована небольшая декларация Н.Кульбина "Новый цикл слова".

⁸ Выступление Кручёных и Н.Кульбина в Киеве состоялось 22 февраля 1914 г.

⁹ В рамках многомесячного рекламного турне кубо-футуристов – Д.Бурлюка, Маяковского, В.Каменского – по городам России, 28 и 31 января 1914 г. в Киеве, в помещении Второго городского театра, состоялись их выступления, не принёвшие им особо большого успеха. Оценивая первый вечер, обозреватель газеты "Киевская мысль" писал, что "ничего оригинального на этом вечере, в

сущности, не было", а закончился он "скучной лекцией о живописи" (1914, 29 января).

10 См. стихотворное пояснение самого Кручёных в его письме к литературоведу А.Г.Островскому от конца июня – начала июля 1929 г. (Wiener Slawistischer Almanach. Band 1. Wien, 1978, S.7):

1913 год
 От лебезящих штампов
 обалдел я до того,
 что стал рифмовать
     театр и корова!
 Это меньший вздор,
 чем *сны – весны*
     любовь и кровь –
     сплошная у музы борода!..
 А.Кручёных
 (1928 г.)

11 Приводим текст Т.Никольской "А.Кручёных и Н.Кульбин в Киеве", содержащий факты и оценки, не во всём совпадающие с некоторыми утверждениями мемуариста:

"Исследователями футуризма отмечалась склонность Кручёных "к совместной работе с другими поэтами и художниками", среди которых был фанатично преданный новому искусству Н.Кульбин, иллюстрировавший книги Кручёных "Взорваль", "Бух лесиный", "Старинная любовь", "Тэ ли лэ". По совету Кульбина, Кручёных в апреле 1913 г. выпустил "Декларацию слова как такового", ряд положений которой совпадало с декларацией Кульбина "Новый цикл слова". 29 ноября 1913 г. Кручёных и Кульбин выступали с докладами о футуризме в зале "Соляного городка" в Петербурге. 22 февраля 1914 г. они повторили свои доклады в Киеве, где прошедшие 28 и 31 января выступления В.Маяковского, Д.Бурлюка и В.Каменского вызвали резко негативные отклики прессы и недоброжелательный приём у публики. Видимо, учитывая местную ситуацию, Кручёных и Кульбин не включили в программу чтение стихов кубофутуристов, представив "новых поэтов" стихами И.Северянина, Д.Крючкова, Р.Ивнева.

"Вечер нового искусства", устроенный импрессарио Ящевским, прошёл в помещении Киевского театра на Ларингофской улице. Доклады "Грядущий день и будущее искусства" Кульбина и "О людях будущего" Кручёных сопровождалось "световыми картинками и демонстрацией картин и эстампов". Главной сенсацией вечера было заявление Кручёных о том, что Пушкин, Гоголь и Достоевский являлись предтечами нового искусства: "Оказывается, футуристы вовсе не оплёвывают Пушкина, напротив: Пушкин, Гоголь – были провозвестниками футуризма", – писала 24 февраля "Южная копейка". Заинтересовало критиков и рассуждение Кручёных о гамме гласных, возможно, связанное с музыкальным ключом тональности гласных Г.Елачича, опубликованным в январе 1914 г. в сб. "Рыкающий Парнас". Одобрение прессы получил и доклад Н.Кульбина. Газеты с удивлением отмечали, что выступление футуристов было восторженно принято публикой. После отъезда Кручёных и Кульбина из Киева местный журнал "Музы" (1914, № 5) опубликовал статью И.Палея "Быть или не быть?", в которой Кручёных и Кульбин противопоставлялись друг другу как носители больного и здорового начал в футуризме" (цит. по сб.: Поэзия русского и украинского авангарда: история,

поэтика, традиции. (1910-1990). Тезисы Всесоюзной научной конференции. Херсон, 1990, с.63-64).

Татьяна ВЕЧОРКА. *НЕЧАЯННО (ЖИЗНЬ А.КРУЧЁНЫХ)*

Печатается по тексту сб.: Кручёных А. Замауль I. М., 1921.

Татьяна Владимировна Толстая (литературный псевдоним: Вечорка, 1892–1965) – поэтесса, прозаик, активный деятель литературной жизни Тифлиса 1918-1920 гг., где издала три поэтических сборника (Магнолии, 1918; Беспомощная нежность, 1918; Соблазн афиш, 1920). Её знакомство с Кручёных относится, предположительно, к концу 1917 – началу 1918 гг. Тогда же началось их творческое сотрудничество, продолжавшееся до начала 30-х гг. (участие в стеклографированных сборниках "Турнир поэтов"). Кроме сборника "Замауль I", Т.В.Толстая-Вечорка участвовала и в других совместных с Кручёных изданиях: Кручёных А., Толстая-Вечорка Т., Хлебников В. Мир и остальное. Баку, 1920; Толстая-Вечорка Т. Воспоминания о Хлебникове. – Кручёных А. Записная книжка Велимира Хлебникова. М., 1925, с.21-30. Кручёных посвятил Т.Толстой-Вечорке стихотворения: "Душа русская непреклонна..." (в его сб. "Цветистые торцы". Баку, 1919) и "Теплонос..." (в его сб. "Замауль III". М., 1921). Т.Толстая-Вечорка посвятила творчеству Кручёных статью "Слюни чёрного гения" (1920-1922), в которой, в частности, писала: "<...> главное у Кручёных – его подсознательная суспензия (студенистая сущность) угадыванья за каждым звуком особого значенья, за каждой оговоркой и сдвигом – целого ряда образов, скрытых порою для самих авторов, секретов, тайных желаний, задушенных эмоций. <...>" (в сб.: Жив Кручёных! (Сборник статей). М., 1925, с.28).

¹ См. в мемуарах жены грузинского поэта Тициана Табидзе М.Макашвили: "Все мы там [в тифлисской студии поэтов "Фантастический кабачок". – С.С.] собирались <...> Молодая талантливая Верико Анджапаридзе приходила в закрытой зелёной кофте и в шляпе с зелёным пером <...>" (Никольская Т. Муза футуристов. – Ново-Басманная, 19. М., 1990, с.592).

² См. в сб. Кручёных "Учитесь художники". Т., 1917.

³ Аллюзия на сб. Кручёных "Лакированное трико. (Юзги А.Кручёных, замечания Терентьева)". Т., 1919.

⁴ *Музка* – так называется цикл стихотворений Кручёных в сб. "Софии Георгиевне Мельниковой – "Фантастический кабачок". Т., 1919, с.97-120.

⁵ Раскраска лиц была неотъемлемым атрибутом участников раннего футуризма.

⁶ В ноябре 1917 г., в здании тифлисской консерватории, Кручёных прочёл лекцию "О женской красоте", в которой утверждал, что "футуристы не обожествляют и почти перестали воспевать женщину и поют машину <...> футуристы женщину считают машиной для сгорания запаса любви, но это сгорание – полное!" (цит. по кн.: Кручёных А. О женской красоте. Баку, 1920).

⁷ Неологизм Кручёных.

⁸ В коллективный сб. "Мир и остальное" (Баку, 1920) Кручёных включил цикл "Баллады о яде корморане", состоящий из одиннадцати стихотворений.

⁹ Т.е. стихи (неологизм Кручёных).

¹⁰ См. в стихотворении Кручёных из цикла *Музка*:

Я поджарил свой мозг на железном пруте,
 Добавляя перцу, румян и кислот,
 Чтобы он понравился, музыка, тебе
 Больше, чем размазанный Игоря Северянина
 торт...

¹¹ См. в стихотворении И.Терентьева:

Его Зиятельство
 Зударь земли
 Вождь заумцев
 Алексей Кручёных
 З – з – з – з!..

(цит. по сб. Кручёных "Зудесник. Зудутные зудеса". М., 1922, с.9). См. также примечание 1 к стихотворению И.Терентьева "О Зудеснике" и примечание 4 к статье Б.Пастернака "Кручёных".

Юрий ДОЛГУШИН. ОН БЫЛ ДЕЯТЕЛЕН

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Воспоминания взяты из текста письма Ю.Долгушина к С.Сухопарову за февраль 1987 г. Название дано составителем.

Юрий Александрович Долгушин (1896–1989) – поэт, участник "Цеха поэтов" при обществе "Кольчуга"; впоследствии – журналист, автор научно-фантастических произведений. О нём см. в стихотворениях (с одинаковым названием "Фантастический кабачёк") активных участников литературной жизни Тифлиса тех лет *Нины Николаевны Васильевой* (1889–1979):

Здесь погубил себя Долгушин
 Рощеньем рыжей бороды,
 Чем с музой был союз нарушен,
 И на Долгушина обрушен
 Тяжёлый гнёт её вражды.

и поэта *Александра Порошина*:

Затем Долгушин, наш поэт
 (Прошу не смешивать с Семейко),
 Прелестной рифмой-чародейкой
 Привычным рифмам кинет вслед.
 Академических конфузов
 Давно его не знает муза

(оба стихотв. цит. по сб.: *L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982, p.311, 318*).

¹ Группа грузинских поэтов-символистов "Голубые роги" была образована в Кутаиси в 1915 г.

² *Григол Робакидзе* (1884–1962) – поэт, прозаик, драматург, критик.

³ *Тициан Табидзе* (1895–1937) – грузинский поэт.

4 *Паоло Яшвили* (1895–1937) – грузинский поэт.

5 *Владимир Ладо Гудиашвили* (1896–1980) – грузинский художник.

6 Братья художник *Кирилл Михайлович Зданевич* (1892–1969) и поэт, драматург, теоретик заумного футуризма *Илья Михайлович Зданевич* (1894–1975) были соратниками Кручёных по тифлисским литературным группировкам “Синдикат футуристов” (1917–1918) и “41°” (1918–1919).

7 *Николай Николаевич Черепнин* (1873–1945) – композитор, дирижёр; в 1918–1921 гг. был директором тифлисской консерватории, в помещении которой Кручёных и другие поэты-новаторы выступали со своими лекциями и чтением стихов.

8 *Сергей Митрофанович Городецкий* (1884–1967) – поэт, критик, председатель тифлисского “Цеха поэтов”.

9 *Сергей Львович Рафалович* (1873–1944) – поэт, драматург, театральный критик.

10 *Юрий Евгеньевич Деген* (1896–1924) – поэт, прозаик, критик; председатель тифлисского “Цеха поэтов” при художественном обществе “Кольчуга”; редактор журнала “Феникс” и соредактор альманаха “Фантастический кабачок. Альманах поэтов”, вышедшего один раз в Тифлисе в 1918 г.

11 *Борис Иванович Корнеев* (1896–1958) – критик; редактор журнала “Куранты”; впоследствии журналист.

12 *Николай Корнилович Семейко* (1896–1947) – поэт, мастер стихотворных экспромтов.

13 *Василий Васильевич Каменский* (1884–1961) – поэт, мемуарист, рисовальщик; член группы кубо-футуристов “Гилея”; вместе с Кручёных издал в Тифлисе альбом “1918” (1917).

14 См. в воспоминаниях племянника Велимира Хлебникова – художника-графика М.П.Митурича-Хлебникова: “Фаворский присутствует в самой ранней памяти моего детства, во Вхутемасовском доме на улице Кирова, против Главного почтамта. Там запомнился мне Древин, гулявший с огненно-рыжим Милордом – ирландским сеттером <...> Бегущей походкой, нервно поддёргивая на ходу штаны, промелькивал Кручёных. Как-то, когда я уже был подростком, Кручёных, обгоняя, дёрнул меня за рукав, приговаривая: “Как похож! Как похож!” – и дальше, с неизменным пухлым портфелем под мышкой <...>” (цит. по сб.: В.А.Фаворский. Воспоминания о художнике. М., 1990, с.214).

15 В Тифлисе Кручёных печатался в журналах “Куранты”, “Феникс”, газете “Тифлисский листок”, альманахе “Фантастический кабачок”.

16 В общей сложности, с ноября 1917 г. по август 1919 г. Кручёных прочитал в Тифлисе 22 доклада, хронологизированный список которых был помещён в сб. “Софии Георгиевне Мельниковой – “Фантастический кабачок” (Т., 1919, с.179-183).

17 См. в “Воспоминаниях о Хлебникове” Т.Вечорки (написаны в ноябре 1921 г.): “<...> Кавказская “интеллигенция” в массе вяло знакома с современной литературой. До сих пор многие радуются на Тургенева и Надсона. Символистов знают больше понаслышке. Бальмонта, например, за звучную фамилию, а о футуристах отзываются как о забавниках. Поэтому, когда в 1919 г. организовался “Цех поэтов”, то на него потянуло, как на кислую капусту, и на открытых заседаниях бывало до 500 человек. Приехавший в Баку Кручёных почти еженедельно выступал, и каждое его выступление производило переполох: и пугались, и, главным образом, удивлялись, что “такой славный молодой человек” целыми вечерами толкует о буквах да о сдвигах и во всём умеет отыскать либо тайное неприличие, либо такой смешной недостаток, что

трудно было возвращаться к тем авторам, [которых] он разбил. Его публичные выступления до сих пор в памяти, и русский футуризм для кавказцев – Кручёных. – Новая литература? Кручёных! Знаем, знаем...” <...>” (Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных). М., 1925, с.27).

18 Кручёных А. Язвы Аполлона. – “Феникс”, Тифлис, 1919, № 1, с.7-9.

19 Поэт-символист Александр Александрович Блок (1880–1921) в поэме “Двенадцать” (1918) сочувственно отнёсся к Октябрьскому перевороту.

20 Фёдор Кузьмич Сологуб (наст. фамилия: Тетерников, 1863–1927) – поэт-символист. См. в тексте статьи: “<...> За последнее время выявили своё лицо и другие поэты. Желают, например, прославить и воспеть родину – и пишут гимн на мотив кэк-уока: <...>”.

21 Пушкин А.С. Гаврилада. (Полный текст). Вступительная статья и критич. примеч. В.Я.Брюсова. М., “Альциона”, 1918. См. в тексте статьи: “<...> Принимается “академик” В.Брюсов за издание Пушкина – и коверкает его: на поэта, строки которого мы заучили наизусть, в определённом виде и порядке слов и букв, напяливают новое, американизированное (сокращённое) правописание. Пушкин без “і”, “ѣ” и “ъ” то же, что Венера в пенснэ и американских башмаках. Слишком модно! Нестерпимо! Уж лучше сразу “пальни в святую Русь”! И Пушкин – только начало. Мы уже слышали, что к памятнику Петра Великого хотят приделать голову не то Стеньки Разина, не то Троцкого. Смещение стилей и языков равно смещению понятий. И смещение покамест нелепое, рябое! Но мы придём к тому, что все краски исчезнут, превратятся в одну защитно-серую <...>”.

22 См. в стихотворном цикле Кручёных “Весна металлическая”:

Сестёр не будет – и не надо! –
Кану сменилися снавьём
Ынасом дыбо-гласным
мы в новом климате
дюбяво расцветём.

(Цит. по сб. Кручёных “Зудесник. Зудутные зудеса”. М., 1922, с.6).

23 В этом номере были помещены два этюда женской головы (оба – 1909) и портрет редактора “Курантов” Бориса Корнеева (1918).

24 Герои романа Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) “Преступление и наказание” (1866).

25 См.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, с.25-27.

26 Зданевич К. А.Кручёных как художник. – “Куранты”, Т., 1919, № 3-4, с.12-14.

27 На самом деле, в апреле 1918 г., в редакции тифлисского журнала “Ars”, была устроена “Выставка картин и рисунков московских футуристов” (17 участников, некоторые заочно), где Кручёных выставил 30 своих работ, в основном, наклеек (см.: “Ars”, 1918, № 2-3, s.136).

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ. АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту кн.: Кручёных А. Ожирение роз. О стихах Терентьева и других. Т., 1918.

Игорь Герасимович Терентьев (1892–1937) – поэт, драматург, критик, теоретик заумного футуризма, режиссёр театра. С Кручёных он познакомился, вероятно, в конце 1917 – начале 1918 гг. Как пишут Т.Никольская и М.Марцадури, об участии Терентьева “в литературной жизни Тифлиса до 1918 г. достоверных сведений не имеется. Первое упоминание о Терентьеве в тифлисской прессе относится к 3 апреля 1918 г. В этот день Кручёных прочёл в студии поэтов “Фантастический кабачок” доклад “Неизданные произведения футуристов (Шершеневич, Розанова, Маяковский, Терентьев)”; 3-м апреля помечен и разговор Терентьева с Кручёных о книге “Малахолия в капоте” (Терентьев И. Собрание сочинений. Вологна, 1988, с.15). Терентьев не участвовал в тифлисской авангардистской группе “Синдикат футуристов” (Кручёных, И. и К.Зданевичи, Н.Чернявский, В.Гудиашвили, Кара-Дарвиш, С.Валишевский), официально заявившей о своём существовании в ноябре 1917 г. В феврале 1918 г. из неё выделилась группа “41°” (И. и К.Зданевичи, Кручёных, Н.Чернявский), к которой весной 1918 г. присоединился Терентьев (см.: Никольская Т. “Синдикат футуристов”. – “Russian Literature”, Amsterdam, 1987, XII, p.91, 94).

Первым публичным выступлением Терентьева в рамках “41°” был его доклад “А.Кручёных – грандиозарь” (4 мая 1918 г.), текст которого вскоре вышел отдельным изданием. По мнению Т.Никольской, не исключено, что сам Кручёных принимал участие в написании этой книги, как участвовал и в написании рецензии на неё (см.: Терентьев И. Собрание сочинений, с.478).

Кручёных небезосновательно считал Терентьева своим учеником и последователем: тот энергично работал в области заумной поэзии, а также критики, испытывая заметное влияние “отца зауми”. Терентьев много и положительно писал о творчестве Кручёных, при этом нередко выступая против Маяковского, В.Каменского и даже Хлебникова (см., например, его книгу “Трактат о сплошном неприличии”. Т., 1920). Так, в книге “Миллиорк. Стихи Алексея Кручёных, примечания Терентьева” (Т., 1919) он сделал своеобразный обзор поэзии Кручёных последних, “кавказских”, лет. Тот же аналитически-эссеистский приём обзора и комментариев он применил и в сборнике “Лакированное трико. Юзги А.Кручёных, запримечания И.Терентьева” (Т., 1919).

В 1920-е гг. Терентьев, не примкнув к Лефу Маяковского, тем не менее поддерживал творческие отношения с Кручёных: резкой статьёй, направленной против противников зауми, принял участие в подготовленном им сб. “15 лет русского футуризма” (М., 1928, с.61-67); предлагал Кручёных “возродить старое кавказское содружество, поднять знамя “зауми”, встать во главе художественного авангарда в Ленинграде” (Т.Никольская); надеялся на скорейшую постановку пьесы Кручёных “Колхоз”, специально написанной для его театра.

Кроме публикуемого в настоящем сборнике стихотворения, Терентьеву принадлежит ещё одно, обращённое к Кручёных:

КРУЧЁНЫХ
(анал. 1918 г.)

Вы не проморгали
Когда я натужился
Взять балтийскую ноту

Передёрнулись ваши брюки
 Вот новое льют за ворот
 Щенок не любит купаться
 Кто пишет давнописью
 А я делаю на сцене
 И то и другое
 Срам на экране и
 Бегу пропастью кы
 Столбовой книге
 Обострять отношения с вами

(цит. по сб. И.Терентьева "Факт". Т., 1919, с.26-27). В свою очередь, Кручёных посвятил Терентьеву такие свои стихи: *И.Терентьеву на локоны мозга (В кудри мозга моего...)* – в кн.: Терентьев И. А.Кручёных – грандиозарь, с.15; *"Игорь помнишь..."* – впервые опубликовано в кн.: Терентьев И. Собрание сочинений, с.467-469.

¹ *Юньте* – усечённое "плюньте"; *юница* – неологизм Терентьева.

² Ср. с неологизмом Кручёных в его стихе:

Надо прыгом урвать
 у немахи-судьбы
 её замотанные в тряпьё четыре слова...

³ Разорванное имя индийского писателя, композитора, художника *Рабиндраната Тагора* (1861–1941).

Василий КАТАНЯН. "ОБ УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ!"

Печатается по рукописи неизданной книги В.Катаняна "Не только воспоминания" (М., 1974; собрание Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна). Подготовка текста С.Сухопарова, публикация В.В.Катаняна. Название дано составителем. Помещаемый фрагмент был опубликован в сб.: *L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982, p.263-266.*

Василий Абгарович Катанян (1902–1980) – поэт, литературовед, биограф В.Маяковского.

¹ Клуб в Тифлисе, где встречались футуристы, читали свои стихи, выступали с лекциями. Первоначально назывался "Студия поэтов". Открытие состоялось 12 ноября 1917 г. в доме по проспекту Руставели в помещении бывшей столярной мастерской. "Фантастический кабачок" представлял собой длинную узкую комнату с низкими потолками и неглубокими нишами, расписанными футуристической живописью. По воспоминаниям Н.Макалашвили, жены поэта Т.Габидзе, там "не было стульев, только пни и табуретки, а единственный стол был покрыт циновкой" (Никольская Т. Муза футуристов. – Ново-Басманная, 19. М., 1990, с.592). Стены и перекрытие "Фантастического кабачка" были расписаны по штукатурке художниками В.Гудиевым, К.Зданевичем и А.Петроковским в сотрудничестве с Ю.Дегеном, И.Зданевичем и др." ("Ars",

Тифлис, 1918, с.2-3). Подробнее его историю см. в статье: Никольская Т. "Фантастический кабачок". – "Литературная Грузия", 1980, № 11, с.208-212.

² Лекция "Любовное приключение (приключель) Маяковского" была прочитана Кручёных в феврале 1918 г. в помещении "Фантастического кабачка", а в № 1 тифлисского журнала "Куранты" за 1918 г. была напечатана статья Кручёных под таким же названием (с.15-18). См. также: Сухопаров С. Письма Алексея Кручёных к Лиле Брик. – "Клуб літераторів", Херсон - Нова Каховка, 1993, вип. 4, 2 березня, с.3 (на русском языке; вступительная статья и подготовка текста С.Сухопарова, публикация В.Катаняна).

³ Цитируется начало стихотворения Маяковского "Несколько слов о моей жене" (1913).

⁴ *Тесситура* (итал.) – ряд тонов в диапазоне любого певческого голоса, являющийся как бы характерным для данного голоса и определяющим его регистр.

⁵ *Модуляция* (латинск.) – переход из одной тональности в другую.

⁶ *Легатто* (итал.) – безотрывный, связный переход от ноты к ноте при музыкальном исполнении.

⁷ *Стакатто* (итал.) – противоположное легатто.

⁸ Общество художников, возникшее в Москве по инициативе М.Ф.Ларионова (выставка 10 декабря 1910 г. под таким названием), вскоре отошедшего от него. Первая выставка общества "Бубновый валет" открылась 23 января 1912 г. Членами общества были П.Кончаловский, А.Лентулов, Р.Фальк, М.Машков, А.Экстер и мн. др. Просуществовало до 1926 г. См также "Устав общества художников "Бубновый валет", опубликованный в журнале "Творчество" (м., 1989, № 2, с.18-19).

⁹ *Яков Александрович Тугендхольд* (1882–1928) – художественный критик, историк искусства.

¹⁰ *Константин Дмитриевич Бальмонт* (1867–1942) – поэт-символист.

¹¹ См. примечание 10 к воспоминаниям Ю.Долгушина "Он был деятелем".

¹² Театр-кабаре в Петербурге, существовавший с 1911 по 1919 гг.

¹³ Постановка гоголевской "Женитьбы" планировалась в оформлении Марка Шагала (см. "Памятные книжные даты". М., 1987, с.268). Впервые роль Яичницы Маяковский исполнил в декабре 1912 г., когда гостил у Д.Бурлюка в главной экономии Чернодолинского имения князя А.Мордвинова в Херсонской губернии (теперь Херсонская область), где отец Д.Бурлюка служил управляющим. За не имевшей никакого официального названия экономией закрепилось поэтическое название находившегося рядом села – Чернянка, однако располагавшегося на т.н. государственных землях). Пьеса ставилась в домашних условиях, зрителями были жители Чернянки и близлежащих деревень. См. в воспоминаниях секретаря группы кубо-футуристов "Гилея" Антона Безваля: "<...> Во время святок был устроен домашний театр. Играли "Женитьбу" Гоголя. Маяковский играл Яичницу. Подложил громадную подушку, реплики подавал зычным голосом. Правда, текст знал плохо, я суфлировал. Но Яичница получился занятный и вызвал шумные одобрения зрителей" (цит. по кн.: Катанян В.А. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 4-е, дополненное. М., 1961, с.43). См. также: Сухопаров С. Херсонские страницы русского авангарда. Херсон, 1989, л.76-77. [Неизданная рукопись].

¹⁴ Цитата из кн. Кручёных "Стихи В.Маяковского. Выпыт" (М., 1914, с.29).

¹⁵ *Фёдор Иванович Тютчев* (1803–1873) – поэт.

16 В.А.Катанян также принимал участие в сборнике "Софии Георгиевне Мельниковой – "Фантастический кабачок" (Т., 1919).

17 Цитируется стихотворение Кручёных "Любовь фармацевта" (1932).

18 Намёк на нашумевшее т.н. "Уотергейтское дело" бывшего президента США Р.Никсона, произошедшее в начале 1970-х гг.

Велимир ХЛЕБНИКОВ. *АЛЁШЕ КРУЧЁНЫХ*

Печатается по тексту кн.: Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных). М., 1925, с.7. Опубликовано в сб. В.Хлебникова "Стихи" (М., 1923, с.31) с оговоркой: "Вернее, что грыз я один!" Сам Кручёных так прокомментировал её: "Это посвящение напечатано в сборнике "Заумники", а также, в искажённом виде, в книге "Стихи Хлебникова" с позднейшей задиричивой припиской, что было обычно при его почти маниакальном самолюбии и мнительности, проявлявшихся, впрочем, лишь в болезненные периоды жизни. В данном же случае, приписка скорее шутливая, чем серьёзнобрюзжающая..." (Записная книжка Велимира Хлебникова, с.8).

О *В.Хлебникове* см. в примечании к его стихотворению "Кручёных".

¹ Намёк на его совместную с Кручёных поэму "Игра в аду" (1912).

² См. толкование этого слова языковедом В.П.Григорьевым в сб. В.Хлебникова "Творения" (М., 1987, с.670): "*Хорошеука* – неологизм в значении "наука о хорошем" или "хорошая наука".

³ Надпись на кресте императора Константина Великого (IV в. н.э.).

Велимир ХЛЕБНИКОВ. *"КТО-ТО ДИКИЙ, КТО-ТО ШАЛЫЙ..."*

Печатается по тексту книги: Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных). М., 1925, с.18. См. комментарии Кручёных к этому стихотворению: "<...> В Баку, в 1920 г., Сергеем Городецким была поднесена мне "Завертиль. Убил Ейная книга" (ко дню моего 10-летнего [творческого] юбилея) <...> На другой странице, возле рисунка, где изображён я в очень нервном виде, идущим по городской улице: [далее следует текст стихотворения "*Кто-то дикий, кто-то шалый...*" – С.С.] <...>" (указ. соч., с.18).

О *В.Хлебникове* см. в примечаниях к его стихотворению "Кручёных".

¹ Вероятно, намёк на всегдашнюю оппозицию С.Городецкого к футуристам.

² По свидетельству Кручёных, в тот день праздновался 10-летний юбилей его литературной деятельности. Хлебников воспринял это торжество как "праздник лжи".

Велимир ХЛЕБНИКОВ. *"ЗАМОРОЖЕННЫЙ ОЗИРИС..."*

Печатается по тексту книги: Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных). М., 1925, с.18-19.

О *В.Хлебникове* см. в примечаниях к его стихотворению "Кручёных".

Судьба будетлянина. München, 1992, с.37-81); организатор и участник многих российских и зарубежных выставок нового искусства; с 1920 г. в эмиграции.

¹ См. оценку этой статьи противника футуризма, киевского профессора психиатрии А.Закржевского в его книге "Рыцари безумия" (К., 1914): "<...> Удивительно хороша и тонко-ядовита его брошюра "Чёрт и речетворцы" <...> Здесь он подложил мину под всю русскую литературу, начиная с Гоголя и кончая Сологубом. Это больше, чем сатира, и никто, кажется (кроме разве В.В.Розанова), на нечто подобное не отважился бы!.. Тут все наши "неприкосновенные" авторитеты и старцы осмеяны, и осмеяны зло, с бешенством вызова, с огнём и злобой. Никого не пощадил бесстрашный будетлянин!.. Особенно пострадали Л.Толстой, Достоевский и Сологуб!.. Читая эту замечательную книжку, я простил А.Кручёных все его "Бухи лесиные" и "Взорвали"!.. Ведь это же именно то, что так нужно в наше рабски-бездарное время!.. Ведь это же та самая пощёчина, в которой так нуждается наша заплесневевшая "литературщина"! Нет, я вижу, что и Кручёных нужен!"

Велимир ХЛЕБНИКОВ. КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту издания: Хлебников В. Творения. М., 1987, с.165.

Велимир Хлебников (наст. имя и отчество: Виктор Владимирович, 1885–1922) – поэт, мыслитель, теоретик новой русской литературы; входил в группу кубо-футуристов "Гилея".

Знакомство Кручёных с Хлебниковым состоялось, по свидетельству первого, в феврале 1912 г.: "<...> В одну из первых [наших] встреч, кажется, в неряшливой и студенчески голой комнате Хлебникова, я вытащил из колленкоровой тетрадки (зампортфеля) два листка – наброски, строк 40-50, своей первой поэмы "Игра в аду". Скромно показал ему. Вдруг, к моему удивлению, Велимир уселся и принялся приписывать к моим строчкам сверху, снизу и вокруг – собственные. Это было характерной чертой Хлебникова: он творчески вспыхивал от малейшей искры. Показал мне испещрённые его бисерным почерком странички. Вместе прочли, поспорили, ещё поправили. Так неожиданно и непроизвольно мы стали соавторами. <...>" (Кручёных А. Наш выход. К истории русского футуризма. Воспоминания. Материалы. М., 1932. [Неизданная рукопись]. – Рукописный отдел Государственного музея В.В.Маяковского (РО ГММ), К-84, л.45).

Кручёных приводит любопытные сведения о своих творческих взаимоотношениях с Хлебниковым, в которых невольно характеризует и себя самого: "<...> Моя совместная с Хлебниковым творческая работа продолжалась. Я настойчиво тянул его от сельских тем и "древлего словаря" к современности и городу. "Что же это у вас? – укорял я. "Мамоньки, уже коровоньки ревя ревут". Где ж тут футуризм?" – "Я не так написал! – сердито прислушиваясь, наивно возражал Хлебников, – у меня иначе: "Мамонько, уже коровушки ревя ревут, водиченьки просят сердечные..." ("Девий бог"). Признаться, разницы я не улавливал и прямо преследовал его "мамонькой и коровонькой". Хлебников обижался, хмуро горбился, отмалчивался, но понемногу сдавался. Впрочем, туго. <...> Такой же спор возник у нас из-за названия его пьесы "Оля и Поля". "Это – "задушевное слово", а не футуризм! – возмущался я и предложил ему более меткое и соответствующее пьеске, – "Мирсконца", которым был озаглавлен ещё

наш сборник 1912 г. Хлебников согласился, заулыбался и тут же начал склонять: "Мирсконца, мирскондой, мирсконцом". Кстати, вспоминаю, как в те годы Маяковский острит: "Хорошая фамилия для испанского графа – Мирсконца" (ударение на "о"). Если бы не было у меня подобных стычек с Хлебниковым, если бы я чаще подчинялся анахроничной певучести его поэзии, мы, несомненно, написали бы вместе гораздо больше. Но моя ерошливость заставила ограничиться только двумя поэмами. Уже названной "Игрой в аду" и "Бунтом жаб", написанной в 1913 г. (напечатана во II-ом томе Собрания сочинений Хлебникова). Правда сделали совместно также несколько мелких стихов. <...> Гораздо теснее мне удалось сработать с Хлебниковым в области декларативно-программной. Мы вместе долго бились над манифестом о слове и букве "как таковых". Плоды этих наших трудов увидели свет лишь недавно в "Неизданном Хлебникове". Помимо этого, Велимир живо отозвался на ряд других моих исследовательских опытов. Мою брошюру "Чёрт и речетворцы" мы обсуждали вместе. Просматривали с ним уже написанное мною, исправляли, дополняли. Интересно, что здесь Хлебников часто оказывался отчаяннее меня. Например, я рисовал испуг мещанина перед творческой одержимостью. Как ему быть, скажем, с экстатическим Достоевским? И вот Хлебников предложил здесь оглушительную фразу: "Расстрелять, как Пушкина, как взбесившуюся собаку!" Многие вставленные им строчки блещут остротой издевки, словесным изобретательством. Так, моё нефтевание болот сологубовщины Хлебников подкрепил четверостишием о недотыкомке:

Я вам внимаю, мои дети,
воссев на отческий престол.
Душ скольких мне услышать Нетти
позволит подданных глагол?

Здесь замечательна "Нетть" – имя смерти. Не меньше участие Хлебникова в моей работе "Тайные пороки академиков". Эта вещь также обсуждалась мною с Велимиром, и там есть несколько его острых фраз. <...> (Указ соч., л.47-50).

Совместно с Хлебниковым Кручёных написал поэму "Игра в аду" (М., 1912; 2-е, дополненное, издание вышло в 1914 г.); выпустил сборники "Мирсконца" (М., 1912), "Бух лесиный" (СПб., 1913), "Старинная любовь. Бух лесиный" (СПб., 1914), "Тэ ли лэ" (СПб., 1914), а также их совместную статью-декларацию "Слово как таковое" (М., 1913). В начале 1920-х гг. Кручёных участвовал в совместных с Хлебниковым сборниках "Мир и остальное" (при участии Т.Вечорки-Толстой; Баку, 1920), "Заумники" (при участии Г.Петникова; М., 1922); издал "Записную книжку Велимира Хлебникова" (М., 1925); при поддержке и помощи друзей-лефовцев (прежде всего В.Маяковского и Н.Асеева) подготовил и издал 24 выпуска художественных текстов и различных комментариев к ним "Неизданный Хлебников" (М., 1928-1934); опубликовал статьи: "Велимир Хлебников. К 10-летию со дня смерти" (совместно с Н.Асеевым; "Литературная газета", 1932, 29 июня) и о поэме Хлебникова "Невольничий берег" ("Литературная газета", 1931, 4 апреля). Кроме того, Кручёных издал книгу Хлебникова "Битвы 1915-1917. Новое учение о войне" (со своим предисловием; Пг., 1914) и отдельно его поэму "Зверинец" (со своим предисловием и фрагментами воспоминаний о нём; М., 1930), а также опубликовал свою статью "Азеф–Иуда Хлебников" (в газете "41°", Тифлис, 1919, 14-20 июля). В 1950 г. Кручёных написал стихотворение "Велимир Хлебников в

1910-1916 гг." (по ошибке, впервые опубликовано как стихотворение Н.Асеева в томе 93 "Литературного наследства", М., 1983, с.514-515).

¹ Намёк на отмечавшуюся многими современниками молодость Кручёных. В своей статье "Полемичное имя" Н.Харджиев связывает эту особенность поэта с его всегдашней творческой молодостью: "<...> Велимир Хлебников, создавший стиховой портрет своего литературного соратника, "портрет-биографию" рембрандтовской силы, называет Кручёных "мальчишкой в 30 лет". Хлебников ошибся: в 1921 году Алексею Кручёных было уже 35. Ему удалось продлить поэтическую молодость до конца своей жизни. Несокрушимость творческой энергии Кручёных тем более удивительна, что его литературная судьба ни в какой мере этому не благоприятствовала" ("Памир", Душанбе, 1987, № 2, с.168).

² По мнению профессора В.П.Григорьева, Хлебников, вероятно, имел в виду одно из областных названий обыкновенной птицы каменки – "кручёнок".

³ Имеются в виду исконно сибирские фамилии с конечной флексией чёных.

⁴ *Энглиза* – англичанина.

⁵ См. примечание 47 к воспоминаниям Г.Бебутова "Человек-легенда".

⁶ Д.Д.Бурлюка.

Андрей ШЕМШУРИН. СЛИШКОМ ЗЕМНОЙ ЧЕЛОВЕК

Печатается по тексту: Шемшурин А.А. Биографические заметки о моих корреспондентах. – Отдел рукописей Государственной Библиотеки России (ОР ГБР), ф.339, картон 6, ед.хр.11, л.6-6об. Публикуется впервые. Название дано составителем.

Андрей Акимович Шемшурин (1872–1937, по другим данным – 1939) – московский купец-меценат, литературовед; член Императорского Московского Археологического Общества (избран 28 марта 1914 г.), почётный член-корреспондент Московского Румянцевского музея; в 1920-х гг. работал в Отделе рукописей Румянцевского музея (ныне: ОР ГБР). О нём также см.: Биографический словарь членов Императорского Русского Археологического Общества. М., 1915, том II, с.406; Краткий указатель архивных фондов Отдела рукописей ГБЛ. / Государственная Библиотека СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукописей. Под редакцией П.А.Зайончковского, Е.Н.Коншиной. М., 1948, с.211-212. См. в статье Р.Циглер "Поэтика А.Е.Кручёных поры "41"". Уровень звука": "<...> Во время пребывания на Кавказе Кручёных до конца 1916 г. ориентировался духовно и художественно на Петроград и Москву, где он проводил время летних отпусков и работал с О.Розановой и К.Малевичем, с которыми он издавал и готовил разные публикации. В Москве как постоянную опору и как доверенное лицо он имел кроме того А.А.Шемшурина, снабжавшего его на протяжении всего кавказского периода до 1919 г. важными литературными новинками. Такой же опорой в Петрограде был Михаил Матюшин. <...>" (L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982, p.231).

¹ Ср.: "<...> В эти же годы, 1910-1912, предчувствуя скорую гибель живописи и замену её чем-то иным, что впоследствии оформилось в фото-монтаж, я заблаговременно поламал свои кисти, забросил палитру и умыл руки, чтобы с чистой душой взяться за перо и работать во славу и разрушение футуризма – прощальной литературной школы, которая тогда только загоралась своим

последним (и ярчайшим) огнём. <...>” (Кручёных А. Автобиография дичайшего. – Кручёных А. 15 лет русского футуризма. 1912-1927 гг. Материалы и комментарии. М., 1928, с.59). В сохранившихся письмах Кручёных к А.Шемшурину с Кавказа много говорится и о живописи. Так, в письме от 29 октября 1915 г. встречаем такие важные для понимания творчества этого поэта его собственные толкования о визуализации стиха: “Многоуважаемый Андрей Акимович! Ваше обстоятельное письмо получил, и мне стало даже стыдно так отрывать у Вас рабочее время. Но я рад, что Вы так ясно выражаетесь, п<отому> ч<то> когда услышал [прочитал], что меня надо [отправить] в [психиатрическую] больницу, – сознаюсь, не понял тогда Вас. Многие уже замечали, гений внешней красоты всего выше, так что если кому-либо больше всего нравится, как написано, напр<имер>, “ТЭ ЛИ ЛЭ” (с живописной стороны), а не смысл его (беззубый смысл, к<ото>рого, кстати, в заумных [стихах] и нет) и не практическая сторона (таковой в зауми тоже нет), – то, кажется, такой любитель прав и совсем не хулиган. Конечно, слово (буква) тут потерпело большое изменение, может быть, оно даже подтасовано живописью – но какое дело “пьянителю рая” до всей этой прозы? И я уже встречал лиц, которые покупали “ТЭ ЛИ ЛЭ”, ничего не понимая в “дыр – бул – щыл”, но восхищаясь его живописью... <...> Обе книги получил. Вермель – пустяк. Бобров пишет скучнее “стрекозы”, но тема хорошая – пожую. Мне больше всего нравятся книги беллетристически-критические. Много работаю над живописной стороной новой книги и, отчасти, над “Женск<ой> красотой”... <...>” (ОР ГБЛ, ф.339, картон 4, ед. хр.1, л.9-9об. Публикуется впервые).

² Искусствовед Н.Гурьянова считает, что супрематизм К.Малевича, возникший в 1913 г. в оформлении оперы Кручёных “Победа над солнцем”, оказал огромное влияние на живописца, графика, поэтессу *Ольгу Владимировну Розанову* (1886–1918), которая была второй, вслед за Н.Гончаровой, кто обратился в России к искусству коллажа, а позднее создала “абсолютно новый вариант футуристической книги: в графике, иллюстрации она ищет эквивалент слову, а в цвете – звуку” (Гурьянова Н. На пути к новому искусству. Ольга Розанова. – “Искусство”, 1989, № 1, с.28). Кручёных стал последователем О.Розановой и также разрабатывал этот вид живописи. О месте и значении искусства коллажа у Кручёных говорится в статье художника-авангардиста К.Зданевича “А.Кручёных как художник” (“Куранты”, Тифлис, 1919, № 3-4, с.12-14). По утверждению автора статьи, Кручёных создал “до тысячи картин и цветных наклеек”. В последних он варьировал не только фактуру, цвет и плоскости бумаги, но и сопоставлял при этом элементы различных художественных культур: “например, персидский орнамент и фигуры с украинскими [орнаментами]”, а в этот “взрывной контраст” направлял ещё и “косоугольник лучистого золота!...” (с.13). К.Зданевич также систематизировал цветные коллажи Кручёных: “<...> из них первый: художник берёт рисунки, фотографии, этикетки и, комбинируя их по внутренним законам композиции линий и пятен, дополняя кусками цветной бумаги, вызывает новые колебания, превращающиеся в заумный концерт. Другой приём состоит в комбинировании цветных кусков (а не картин), где форма подчинена их цвету и наоборот. Третий вид даёт сочетания цветной наклейки и летающих линий, дополняющих общий ансамбль кусков цветной бумаги. В целом от наклейки остаётся впечатление стройной системы <...>” (с.14; см. также: Sergej Suchoparov. Alexej Krutschonuch als Maler. – “Bildende Kunst”, Berlin, 1988, № 11, S.495-498). В апреле 1918 г. Кручёных принял участие в “Выставке картин и рисунков московских футуристов”, проходившей в Тифлисе в помещении редакции журнала “Ars”,

где выставил 30 произведений, в основном, цветных коллажей-наклеек (см.: [Б.п.]. Футуризм. – "Ars", Тифлис, 1918, № 2-3, с.136). О коллажах Кручёных восхищённо писал его ученик, И.Терентьев в своей книге "А.Кручёных – грандиозарь" (Т., 1919, с.9-10).

³ Кручёных А. Вселенская война. Ъ. Цветная клей. Пг., 1916. Книга вышла в конце февраля – начале марта 1916 г. тиражом 100 экземпляров. Н.Гурьянова утверждает, что издателем этой книги-альбома, в которой Кручёных моделировал "войну... 1985 года, не земную – космическую, вселенскую", был А.Шемшурин (см.: Гурьянова Н. "Цветная клей". – "Творчество", 1989, № 5, с.28). По её определению, эта книга "стала вехой, непосредственно закрепившей последовательность новаторских поисков авангарда и закономерность его перехода к беспредметности" (там же). Подступами к этой, "лучшей у Кручёных" (Н.Гурьянова) книге была и его совместная с Алягровым (Р.Якобсоном) "Заумная гнига" (август 1915 г.), оформленная О.Розановой в технике коллажа. Вероятно, именно её имел в виду литературный оппонент футуристов, акмеист *Георгий Владимирович Иванов* (1894–1958), писавший в своём традиционном обзоре под рубрикой "Стихи в журналах, издательства, альманахи, кружки в 1915 г.": "<...> Футуристы, как "кубо", так и "эго", приумолкли. Время от времени продолжают появляться какие-то склеенные из обрезков и цветной бумаги брошюры со стихами Кручёных, Хлебникова и др<угих>, но в них уже нет даже очарования новизны <...>" ("Аполлон", Пг., 1916, № 1, с.61). В 1917 г., при участии В.Каменского, Кручёных издал в Тифлисе книгу-альбом "1918", куда включил и свои художественные коллажи.

⁴ Знакомство Кручёных и А.Шемшурина можно отнести к началу бурного развития футуризма в России, то есть, к рубежу 1912-1913 гг. А.Шемшурин был одним из первых, кто стремился научно исследовать феномен русского футуризма, причём, как в литературе, так и в живописи, а также и в их взаимосвязи (см. его фундаментальное исследование "Футуризм в стихах В.Брюсова". М., 1913, которое во многом не устарело и сегодня).

⁵ Ср.: "<...> А.Кручёных прибегал к различным необычным для книги техникам печати – гектографу, линогравюре, коллажу, литографии – по другим причинам. Ему как поэту и писателю хотелось как можно скорее выпустить своё слово в печать, неважно даже, что тираж такого издания был невелик, а иллюстрации раскрашивались от руки акварелью... <...>" (Лаврентьев А.Н. Графика визуальной поэзии в творчестве Варвары Степановой. – "Interpress Grafick", Budapest, 1982, № 1).

⁶ См. в неизданной работе Кручёных "Наш выход. К истории русского футуризма. Воспоминания. Материалы": "<...> Какого труда стоили первые печатные выступления! Нечего и говорить, что они делались за свой счёт, а он был вовсе не жирен. Проще – денег не было ни гроша. И "Игру в аду", и другую свою измывательскую книжечку "Старинная любовь", я переписывал для печати сам литографским карандашом. Он ломок, вырисовывать им буквы неудобно. Возился несколько дней. Рисунки Н.Гончаровой и М.Ларионова были, конечно, дружеской бесплатной услугой. Три рубля на задаток типографии пришлось собирать по всей Москве. Хорошо, что типограф посчитал меня старым заказчиком (вспомнил мои шаржи и открытки, печатанные у него же!) и расщедрился на кредит и бумагу. Но выкуп издания прошёл не без трений. В конце-концов, видя, что с меня взятки гладки и напуганный моим отчаянным поведением, дикой внешностью и содержанием книжек, неосторожный хозяйчик заявил: "Дайте расписку, что претензий к нам не имеете. Заплатите

ещё три рубля и скорее забирайте свои изделия!" Пришлось в поисках трёшницы снова оббегать полгорода. Торопился. Как бы типограф не передумал, как бы дело не провалилось... <...>" (РО ГММ, К-84, л.46-47).

7 Из соратников Кручёных по "Гилее" "саморунную" книгу – первую свою – выпустил только В.Маяковский: Я! (Рис. В.Чекрыгина и Л.Шехтеля. Обл. В.Маяковского). М., 1913. Тираж этого литографированного издания составил 300 экземпляров.

8 С лета 1914 г. по лето 1921 г. Кручёных издал свыше 80-ти своих книг (в том числе, некоторые из них в соавторстве).

9 Книги, направленные против поэта, лидера группы имажинистов *Сергея Александровича Есенина* (1895–1925) Кручёных выпускал в 1926 г.: Гибель Есенина (пять изданий); Есенин и Москва кабацкая (три издания); Чёрная тайна Есенина; Новый Есенин; На борьбу с хулиганством в литературе; Прodelки есенистов; Хулиган Есенин. Суммарный тираж этих книг составил несколько десятков тысяч экземпляров. Кручёных также принадлежит направленная против С.Есенина статья "Псевдо-крестьянская поэзия", опубликованная в сб. Пролеткульта "На путях искусства" (М., 1926, с.143-179).

10 На Кавказ Кручёных уехал в надежде избежать отправки на фронт, однако, как ратник второго разряда, всё же был призван на военную службу в тылу в качестве чертёжника на строительстве Эрзерумской военной железной дороги – с 1 апреля 1916 г. по 1 февраля 1918 г. (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.231, л.3).

11 Находясь в Тифлисе, Кручёных писал А.Шемшурину 2 марта 1916 г.: "<...> Здесь о футуризме никакой литературы нет, а неск<олько> человек встретил, что искренно интересуются, – я и дал им кое-что для просвещения <...>" (РО ГБР, ф.339, картон 4, ед. хр.1). Он же был инициатором создания первой тифлисской футуристической группы "Синдикат футуристов", возникшей в ноябре 1917 г., а его самого "в тифлисской печати называли "вождём московских будетлян" (Никольская Т. "Синдикат футуристов". – "Russian Literature", Amsterdam, 1987, XXI, p.89). Вскоре из этой группы выделилась новая группа – "41°" (географическая широта Тифлиса), в которую вошли И.Зданевич, И.Терентьев и Кручёных. Окончательно группа оформилась весной 1918 г. и просуществовала до конца 1919 г. (см.: R.Zigler. Группа "41°". – "Russian Literature", Amsterdam, 1985, XVIII, p.71-86). И.Терентьев считал себя учеником Кручёных, который оказал большое влияние и на молодых поэтов Кавказа: Т.Вечорку, *Александра Михайловича Чачикова* (Чачикашвили, 1894–1941), поэта и учёного-востоковеда *Юрия Николаевича Марра* (1894–1935), Н.Семейко, Ю.Дегена и некоторых других.

12 См. в информации "Футуризм в Москве": "<...> В магазинах Москвы появились издания футуристов на Кавказе: И.Зданевич – пьесы ("дра"). И.Терентьев – Факт; [А.] Кручёных [–] грандиозарь; [Трактат] О сплошном неприличии <...>" (Кручёных А., Петников Г., Хлебников В. Заумники. М., 1922, с.24).

Алексей ЧИЧЕРИН. КРУЧЁНЫХ И МАЯКОВСКИЙ

Печатается по тексту: Чичерин А.Н. О Владимире Владимировиче Маяковском. – ЦГАЛИ, ф.336, оп.7, ед. хр.63, л.31. Публикуется впервые. Название отрывка из главы этих воспоминаний – "Отношение Маяковского к "собратьям" – дано составителем.

Алексей Николаевич Чичерин (1889–1960) – поэт, член Литературного Центра Конструктивистов (ЛЦК), теоретик этого течения. См. "Автобиографию" А.Чичерина от 18 сентября 1950 г., хранящуюся в ЦГАЛИ (ф.2212; частично опубликована в сб.: *Забытый авангард. Россия, первая треть XX столетия. Сборник справочных и теоретических материалов.* Wien, [1990], с.190). Портрет А.Чичерина привела писательница и переводчик *Рита Райт* (наст. имя и фамилия: Раиса Яковлевна Райт-Ковалёва, 1898–1989) в одной из глав своей книги "Только воспоминания": "<...> Однажды на улицах [Харькова] появились афиши. Поэт-футурист Алексей Чичерин обещал "бархатным благовестом голоса" прочесть поэму Владимира Маяковского "Человек".

Мы пошли большой компанией, заняли весь первый ряд, по каким-то контрамаркам.

Трудно было настроиться серьёзно, когда на эстраду вышел высокий человек с неправдоподобно раскосыми дикими глазами под великолепным размахом бровей, в дамском белом кимоно с узорами и большим бантом на груди.

Но он нахмурился в ответ нашим улыбкам, скрестил на груди полуголые мускулистые руки, набрал воздуха, и низкий, действительно бархатный, прекрасно поставленный голос, как орга'н, зарокотал <...>" (цит. по сб.: *Маяковский в воспоминаниях современников.* М., 1963, с.237-238).

¹ См. в производственной автобиографии В.Маяковского "Я сам" (1922-1928; главка "Пощёчина"): "<...> В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом. Здесь же вился футуристический незумт слова – Кручёных. <...>" (Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, том 1. М., 1955, с.21).

² После семи лет пребывания на Кавказе и в Баку (1915-1921), 17 августа 1921 г. Кручёных снова поселился в Москве.

³ Вячеслав Павлович Полонский (наст. фамилия: Гусин, 1886–1932) – критик, литературовед; редактировал журналы "Печать и революция", "Новый мир", "Красная нива"; был организатором и председателем Дома печати в Москве (1919-1923).

⁴ См. информацию в журнале "Печать и революция" (1922, кн. 1, январь): "Дом печати. <...> 16-го [декабря 1921 г.] А.Кручёных выступал с докладом "Приёмы современной поэзии" и читал новые стихи" (с.329).

⁵ В своих программах и практике конструктивисты не только "коренным образом" отличались от футуристов-лефовцев, но и враждовали с ними. См., например, выдержки из выступлений некоторых членов ЛЦК из "Протокола заседания" этой группы от 17 июня 1925 г.: "<...> СЕЛЬВИНСКИЙ: Конструктивистам следует блокироваться с МАПП'ом, указав его представителям на возникновение борьбы между ЛЕФ'ом и конструктивистами; на неизбежное замещение ЛЕФ'а [на] ЛЦК: по законам смены литературных групп. АКСЁНОВ: Борьба с ЛЕФ'ом нужна группе; расхождения ЛЦК и ЛЕФ'а в том, что идеология ЛЕФ'а, группы, организовавшейся из коммерческих целей, – идеология прислужников. ЗЕЛИНСКИЙ: Борьба с ЛЕФ'ом нужна, но не следует упрощать его недостатков; за ЛЕФ'ом есть достоинства, не позволяющие огульного его отрицания. Вернее, надо бороться не с ЛЕФ'ом, а с футуризмом. АГАПОВ: Надо осторожнее подходить к борьбе с ЛЕФ'ом. Надо выяснить свои силы, прежде, чем начинать борьбу. ИНБЕР: ЛЦК сильнее ЛЕФ'а, поэтому борьбы бояться нечего. Приёмы ЛЕФ'а чужды приёмам ЛЦК, поэтому не может быть и речи о трудности отрицания приёмов ЛЕФ'а. СЕЛЬВИНСКИЙ: ЛЕФ не

может выставить теоретиков, способных парировать нападение ЛЦК. Поэтому Карфаген должен быть разрушен. **АГАПОВ**: Борьба необходима потому, что ЛЦК должен отъединиться от ЛЕФ'а. Нужен доклад о мерах борьбы с ЛЕФ'ом. Нужно прежде всего выяснить, как нужно бороться. **СЕЛЬВИНСКИЙ**: О внутренней организации группы: теперешняя организация хаотична. Докладчик предлагает организовать внутри группы секции: 1. Административную. 2. Статистическую. 3. Информационную. **СЕЛЬВИНСКИЙ**: О значке конструктивистов. <...>" (ЦГАЛИ, ф.1095, оп.1, ед. хр.3, л.6-6об).

6 12 февраля 1924 г. в Москве, тиражом 1500 экземпляров, вышел первый, программный, сборник группы ЛЦК "Мена всех" (участники: К.Зелинский, А.Чичерин, И.Сельвинский). Сущность полемической направленности сборника была обозначена уже в самом его названии (ср. приведенный выше тезис И.Сельвинского: "<...> неизбежное замещение ЛЕФ'а [на] ЛЦК: по законам смены литературных групп"). Сборнику был предпослан коллективный манифест "Знаем. (Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов)", в котором, в частности, утверждалось:

"<...> Подготовка и разрешение в фокусе без стороннего (неумышленного) заданию элемента достигается посредством **ЛОКАЛИЗОВАННОГО ПРИЁМА**.

ЛОКАЛИЗОВАННЫМ ПРИЁМОМ мы называем центростремительную организацию материала.

Организованный **ТАКИМ** образом материал мы называем **КОНСТРУКЦИЕЙ**, организатора – **КОНСТРУКТИВИСТОМ**, а принцип организации – **КОНСТРУКТИВИЗМОМ**.

КОНСТРУКТИВИЗМ ЕСТЬ ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОЕ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА (СВЕДЁННОГО В ФОКУС) В ПРЕДУСТАНОВЛЕННОМ МЕСТЕ КОНСТРУКЦИИ.

Принцип **КОНСТРУКТИВНОГО** распределения материала – максимальная нагрузка потребности на единицу его, т.е. – коротко, сжато, в малом – многое, в точке – всё. <...>" (с.7-8).

Этот манифест подписали А.Чичерин, И.Сельвинский, К.Зелинский.

В "Мене всех" А.Чичерин опубликовал ряд своих программных стихотворений, теоретических этюдов и, главное, визуальных стихотворений, предварив подборку кратким перечнем "Основных приёмов":

"**ЭНАНТИОСЕМИЯ**. Энантиосемией я называю стилистический ход, подвергающий знак выражения многим полярным, забронированным толкованиям.

Знак выражения – материал, организованный тождественно потребности конструктивиста.

АМФИБОЛИЯ. Амфиболией я называю стилистический ход, ставящий знак выражения в нейтральное или многочисленное положение.

РУССКИЙ РИТМ. ИНТОНАЦИЯ. СИСТЕМА КООРДИНАТ. ДУГИ. АККОММОДАТИВНЫЙ ДРЕНАЖ. ТАВТОЛОГИЧЕСКОЕ КОЛЕСО" (с.43).

О новаторстве А.Чичерина см. также в фундаментальной статье С.Сигова "Краткая история визуальной поэзии в России" (цит. по первой публикации в газете "Авангардисты в Херсоне", Херсон, 1991, часть II, 2 февраля, с.2): "<...> Через шесть лет после первых картинных стихов-страниц Зданевича, в Москве вышел сборник поэтов-конструктивистов "Мена всех" (1924) – несомненное торжество основополагающих идей визуальной поэзии. Этот сборник демонстрировал планомерный отказ от вербальных элементов в пользу "картинного" стихотворчества. Задолго до возникновения современного

концептуализма с его идеей замены изображения словом в живописи, Алексей Чичерин выдвинул идею замены слова в литературе живописным или графическим изображением. "Мена всех" полностью оправдывает своё название и показывает идею в развитии: от первых превращений массы стиха в сложный чертёж произносительных ходов (сонорных партитур) до постепенного торжества графической бессловесности ("Авэки викоф", "Квадратный сказ", "Без названия") и, наконец, живописно-изобразительному замещению текста, как сделано это в поэме "Звонок к дворнику" (А.Чичерин просто-напросто поручил Борису Зименкову сделать иллюстрации к гипотетическому её тексту. В результате именно иллюстрации стали "поэтическим текстом"). Чичерин не только первый в этой области поэт, но и первый теоретик, причём, теория, им созданная, актуальна по сей день, поскольку он не ограничивает себя визуальным на бумаге, полагая, что его конструкции обязаны иметь пространственное продолжение, должны функционировать в реальности. Такова поэма "Авэки викоф", существовавшая не только как первоначальный чертёж, но и как пряничная доска. Сам пряник, испеченный в 15 экземплярах, был продан в "Моссельпроме" и был съеден тогдашними потребителями поэзии. Чичерин впервые вводит в сферу поэзии понятие *материала*: это уже делает его поэтом нашего времени. До сих пор первостепенная роль материалов, использованных при изготовлении визуального стихотворения, чаще всего, только лишь обсуждается, и существует не так много авторов, рискующих создавать стихи не из слов, а из заменяющих эти слова "веществ" (соединение – один из основных инструментов превращения материалов или элементов в действующий язык). Вот что писал Чичерин в своей книжке "Кан-фун" (М., 1926): "Для знака Поэзии годен всякий материал, способный <...> предстать в кратчайшей обозреваемости в значащем виде <...> Для знака Поэзии годны: камни, металлы, дерево, тесто, материя, красящие вещества и пр<очие> мн<огие> материалы". Уехав в конце 20-х. гг. из Москвы, Чичерин продолжал создавать материальные "знаки поэзии", которые заменили ему вербальные ряды. Изучив опыт изготовителей пряничных досок, он использовал деревянную основу для резьбы, как когда-то в начале своего творчества использовал бумагу. Долгие годы ни один русский поэт не мог конкурировать с гениальными прозрениями Чичерина. <...>".

Место же Кручёных в истории визуальной поэзии в России С.Сигов видит в начале русского футуризма, когда он и Хлебников "указали путь к созданию визуальной поэзии, обратившись в 1912 г. к Михаилу Ларионову, который, переписывая их стихи литографским карандашом, утвердил отрицание жёсткого характера типографских литер. В первых футуристических книжках возникла неременная тенденция к мягкому написанию букв. Противопоставление руки и почерка строгой упорядоченности типографского набора оказалось первым шагом к превращению стихотворения в нечто, подвластное художнику".

⁷ Ср. в заметке "Футуризм в Москве": "Литературный сезон 1921-22 года открылся большим вечером А.Кручёных 14 сентября в зале Политехнического музея. А.Кручёных читал о магните поэзии, яде Корморане, камне Корборунде и пр<очем>. Предварительную экскурсию по Кручёных присутствующие совершали под руководством В.Маяковского. Вечер прошёл очень содержательно и шумно. (В подражание ему, в "Кузнице" устраивали экскурсию по Маяковскому)" (в сб.: Кручёных А., Петников Г., Хлебников В. Заумники. М., 1922, с.23-24).

Николай СОКОЛОВ. 60 ЛЕТ СПУСТЯ

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Название дано составителем.

Николай Борисович Соколов (1904–1990) – архитектор, художник-конструктивист, сотрудник журнала “Юго-ЛЕФ”. О нём см. в хронике “Инструктаж и последние выступления” (“ЛЕФ”, 1924, № 2 (6), с.140): “<...> 15 сентября [1924 года] на 29-ом открытом вечере Юго-Лефа состоялся доклад т.Соколова о быте, вызвавший горячие прения. <...> Были также продемонстрированы работы т.Соколова: эскизы киосков, книжные обложки, рекламы ларька и проч<ие>”.

¹ *Юго-Леф* – литературно-художественная группировка “левого фронта искусств”, возникшая в Одессе в апреле 1924 г. Издавала журнал “Юго-ЛЕФ” (1924, №№ 1-4), ответственным редактором которого был литератор *Леонид Недоля* (настоящие имя и фамилия: Лукьян Владимирович Гончаренко, 1897–1968). См. также в тексте “Выступления на первом московском совещании работников Левого фронта искусств” В.Маяковского, проходившего 16 и 17 января 1925 г. в Москве: “<...> возникают молодые группировки Лефа, например, с удовольствием констатирую возникновение одесской литературной части Лефа, которая сможет заняться этой самой организационной работой и вести дальнейшую агитацию <...>” (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 12. М., 1959, с.283). Сведения об истории возникновения и деятельности Юго-Лефа, а также о его печатном органе, журнале “Юго-ЛЕФ”, см. в информации: П[ётр] Н[езнамов]. “Юго-Леф”. – “ЛЕФ”, 1925, № 3 (7), с.139-142.

² “*ЛЕФ*” – орган одноименной литературно-художественной группы, возглавлявшейся В.Маяковским, также бывшим и ответственным редактором журнала. Его главную задачу он определял так: “Цель журнала – способствовать нахождению коммунистического пути для всех родов искусства” (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 13. М., 1961, с.204). Издавался в 1923-1925 гг. (№№ 1-7). Преемником “ЛЕФа” стал выходивший в 1927-1928 гг. журнал “Новый ЛЕФ”, главным редактором которого Маяковский оставался до августа 1928 г., после чего на этом посту его сменил участник раннего футуризма (входил в группу “Центрифуга”), поэт, прозаик, эссеист, теоретик новой литературы *Сергей Михайлович Третьяков* (1892–1937). В “ЛЕФе” и “Новом ЛЕФе” Кручёных опубликовал девять стихотворений.

³ В.Каменский входил в редколлегии “ЛЕФа” и “Нового ЛЕФа”.

⁴ Вероятно, прежде всего имеется в виду ярко выраженное антирелигиозное стихотворение Кручёных “Мароженица богов” (“Бох попочка овощь!..”), опубликованное в № 1 “ЛЕФа”, 1923, с.49-51. Маяковский так определял практику работы Кручёных в Лефе (в совместной с О.Бриком статье-декларации “Наша словесная работа”, 1923): “Опыт использования жаргонной фонетики для оформления антирелигиозной и политической тем” (“ЛЕФ”, 1923, № 1, с.41).

⁵ *Семён Исаакович Кирсанов* (1906–1972) – поэт; будучи одним из руководителей Юго-Лефа, печатался в московском журнале “ЛЕФ”. В 1925 г. был приглашён Маяковским в Москву для работы в Лефе (см.: [Кирсанов С.] Curriculum vitae младчайшего из футуристов Семёна Кирсанова. – Кручёных А. 15 лет русского футуризма. 1912-1927 гг. Материалы и комментарии. М., 1928, с.42-44).

⁶ В кратком письме к С.Сухопарову от 29 декабря 1984 г. Н.Соколов сообщал: "<...> Гослитмузей в Одессе провёл вечер в честь 60-летия Юго-Лефа. Выступая на вечере, я обратил внимание докладчика и аудитории на роль Кручёных в поэзии Кирсанова <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

⁷ В последнем, четвёртом, номере "Юго-ЛЕФа" была опубликована рецензия на книгу Кручёных "Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова" (М., 1925), а также письмо Кручёных, обращённое к юголефовцам: "Привет моим землякам-одесситам и друзьям! Здорово вы пишете! Русская литература покрыта нами, и если СЕГОДНЯ это не всем ясно, то ЗАВТРА увидят в оба! Москва, 3/ХІІ – 1924 г. А.Кручёных" (с.15).

⁸ Александр Михайлович Родченко (1891–1956) – художник-конструктивист, фотограф; оформил несколько книг Кручёных: Мятаж. Кн. ІХ. Козёл-американец (Баку, 1920), Ззудо (М., 1921), Цоца (М., 1921), Заумь (М., 1921).

⁹ Цитата из поэмы Маяковского "Облако в штанах" (1915): "...вижу идущего через горы времени...".

Борис ПАСТЕРНАК. КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту сб.: Жив Кручёных! (Сборник статей: Борис Пастернак, Сергей Третьяков, Давид Бурлюк, Татьяна Толстая, Сергей Рафалович). Обложка Густава Клуциса. М., 1925, с.1-2. Позднее эта статья была опубликована в пятитомном Собрании сочинений Б.Пастернака (т.4, М., 1991, с.372-373), где в комментариях В.М.Борисова и Е.Б.Пастернака сравнивается общий "серьёзный фон" статей участников сборника "Жив Кручёных!" с "ироническим подтекстом" в статье Б.Пастернака, "который противопоставляет полемическую запальчивость Кручёных фальшивой пустоте современной поэзии" (Указ. соч., с.841).

О *Б.Пастернаке* см. в примечаниях к его статье "Взамен предисловия".

¹ Аллюзия на пьесу Льва Николаевича Толстого (1828–1911) "Плоды просвещения" (1890), ставившуюся в те годы во МХАТе.

² О нём. см. в примечаниях к его стихотворению "Кручёных".

³ Жан-Артюр Рембо (1854–1891) – французский поэт-символист; оказал большое влияние на поэтов российского "исторического авангарда" (термин Р.Дёринг и И.Смирнова).

⁴ Неологизм Кручёных, имеет ряд производных (см. в его сб. "Зудесник. Зудутные зудеса". М., 1922). "Злой" звук "z" – один из наиболее часто применявшихся Кручёных в его словотворчестве и поэзии вообще. Подробнее об этом см. в его книге "Фактура слова" (М., 1923), где приводится таблица "словонов (неологизмов) на "z" с объяснением механизма словообразования и толкованием полученных "словонов".

⁵ Термин *физиология* в применении к литературному образу или жанру впервые был введён представителями так называемой "натуральной школы", существовавшей в русской литературе в 1840-1850-е гг.

⁶ Имеется в виду разработка теории "сдвига" в русском стихе, которую Кручёных проводил, начиная с 1918 г.: в выпущенной тогда в Тифлисе его книге "Малахолия в капоте" содержится немало "комичных" примеров из поэзии Пушкина. Впоследствии Кручёных продолжил эту работу в своих исследованиях

"Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. (Трактат обижальный и поучальный)", М., 1922 и "500 новых острот и каламбуров Пушкина. (Собрал А.Кручёных)", М., 1924. Подробнее об этом см.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, с.98-100, 112.

⁷ О В.Брюсове см. примечание 8 к воспоминаниям М.Скуратова "Неугомонный речетворец". В стихах В.Брюсова Кручёных находил большое количество "сдвигов", почему обвинял его (и других поэтов-символистов) в "поэтической глухоте": "Что символисты потеряли голос и выдохлись, – это заметили даже... "Литературные записки", называя Брюсова потерявшим голос премьером, а Горнфельд там же замечает, что Андрей Белый подпал в лирике под влияние футуристов (это же в своё время заметил у Кузмина Свентицкий, а у Пильняка – Львов-Рогачевский). Что Брюсов потерял голос, это не совсем точно, вернее сказать – он никогда не имел его. Вот что Брюсов пишет теперь ("Дали", 1922): "Ей в грядущие ль дни, в Илион ли ей" – строчка совершенно не выговариваемая, попробуйте произнести её залпом!? <...>" (Сдвигология русского стиха, с.6). Ответу на эту критику Брюсов (а мы привели лишь совсем малую часть претензий Кручёных к нему) посвятил часть своей статьи "Среди стихов" ("Печать и революция", 1923, № 1, с.76-78), где, в частности, утверждал: "<...> Ново в книжке А.Кручёных ["Сдвигология русского стиха"] одно: как он легко и охотно усматривает такие "сдвиги" везде. <...> В теории "зауми" есть здоровое зерно, поскольку поставлен вопрос о технике поэтического искусства, об обработке поэтического языка. Но когда заумники идут к отвержению смысла в стихах, хотят видеть в них только сочетание произносимых звуков (а это – конечный вывод "сдвигологии"), "заумь" перестаёт быть техническим приёмом, становится теорией, показать нелепость которой надо. Пусть книжка А.Кручёных не обманет никого; не она, но самая идея поэзии как исключительно звукового искусства уже соблазнила многих. К счастью, соблазнённые, хотя и "малые сии", не из тех, о ком приходится жалеть очень. И прежде всего защищены от такого соблазна пролетарские поэты уже тем, что их основная задача – выразить определённую идеологию" (с.76, 78). См. также: Сухопаров С. Брюсов против Кручёных. (К истории одной полемики). – IX Брюсовские чтения. 24-28 октября 1989 года. Приглашение и программа. Ставрополь, 1989, с.4.

⁸ *Лидия Николаевна Сейфуллина* (1889–1954) – прозаик, эссеист. См. в сб. Кручёных "Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс.Иванова, Леонова, Бабеля, И.Сельвинского, А.Весёлого и др." (М., 1925): "<...> Сейфуллина <...> бродит, как в потёмках, по зарослям русской литературы и отбирает то, что ей "нравится" <...> Спасает её рассказы разнообразие словаря – установка на фоно-заумь, которая, как цветные ситцы, пестрит каждую страницу, переходя в новшества словаря и областные слова. <...> Только заумь, хотя и в зачаточном виде, спасает и выводит на правильную дорогу Л.Сейфуллину. А с нею и других подобных" (с.16-17).

⁹ См. примечание 6.

Борис ПАСТЕРНАК. А.Е.КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту издания: Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах, том 2. М., 1989, с.535. Впервые частично опубликовано в сб.: Турнир поэтов. (Примечания А.Кручёных). М., 1928, с.8. Полный текст стихотворения впервые был помещён в машинописном сб.: Кручёных А. Бюро злых надписей. Чрево

Пастернака. (Проект книги). М., 1933. – ЦГАЛИ, ф.1604, оп.1, ед. хр.1204, л.5-5а. Там его публикацию предваряло частично опубликованное предисловие Б.Пастернака (в "Турнире поэтов" о нём есть только упоминание), полный текст которого приводим здесь по второму тому его Собрания сочинений:

"Ответ на предложенье участвовать в конкурсе рифм на имя Кручёных, выставленное самим его обладателем.

Если считать рифмою ассонанс, то все решительно животные в молодости с ним рифмуются (волчонок, верблюжонок, собачёнок и т.д.) и только в зрелости утрачивают эту способность. Таким образом, эти рифмы, вероятно, исчисляются сотнями и не представляют никакого труда. В произведенном наблюдении нет намёка и не заключено никакой обиды: ещё большее множество глупостей рифмуется с моим именем, воплощённо смешным и в отдельности, без всякой рифмовки" (с.656).

О *Б.Пастернаке* см. в примечаниях к его статье "Взамен предисловия".

¹ См. примечание 3 к стихотворению В.Хлебникова "Кручёных".

² А.С.Пушкин.

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ. К ПРЕДИСЛОВИЮ ПАСТЕРНАКА

Печатается по тексту: Турнир поэтов. (Примечания А.Кручёных). М., 1930, с.9. (Перепечатано в кн.: Терентьев И. Собрание сочинений. Bologna, 1988, с.167). И.Терентьев принял участие в "конкурсе рифм" на фамилию Кручёных, объявленном на страницах "Турнира поэтов" Валентином Катаевым. Полемически прочитывая наоборот фамилии своего учителя и соратника и Б.Пастернака, он, несомненно, отталкивался от "Экспромта" И.Сельвинского, помещённого в том же "Турнире..." (с.5) и заканчивавшемся таким пассажем:

...Но я, локальности хирург,
С тобой рифмую
ХЫНЕЧУРК!

(См. также стихотворение Б.Пастернака "А.Е.Кручёных" и примечания к нему).
В разделе "Турнира..." – "Подарки и отдарки участникам конкурса", Кручёных поместил два своих экспромта, обращённых к И.Терентьеву:

Не ругайте зло Терентьева –
Всё равно вам не стереть его!

• • •

Дам в кулак тебе по ренте –
Награжу тебя, Терентьев!

Об *И.Терентьеве* см. в примечаниях к его стихотворению "Алексею Кручёных".

Гарегин БЕБУТОВ. ЧЕЛОВЕК–ЛЕГЕНДА

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Гарегин Владимирович Бебутов (1904–1987) – литературовед, эссеист, прозаик. Публикуемые воспоминания он начал писать по нашей просьбе в сентябре 1985 г.: "Уважаемый Сергей Михайлович, получив Ваше письмо и ещё раз всё обдумав, решил писать о Кручёных, но строго держаться моих встреч и контактов с ним, не уклоняясь в сторону общих рассуждений. <...>" (письмо от 19 сентября 1985 г. Собрание С.Сухопарова).

А 1 ноября того же года Г.Бебутов писал свердловскому литератору Е.Зашихину: "<...> Вы спрашиваете, над чем сейчас работаю? Пишу заказанные мне воспоминания об Алексее Елисеевиче Кручёных. <...>" ("Урал", Свердловск, 1989, № 5, с.188).

Посылая готовый текст своих воспоминаний о Кручёных, Г.Бебутов сопроводил его письмом (от 5 декабря 1985 г.): "Уважаемый Сергей Михайлович, я уже дома, но выходить врачи не разрешают. Посылаю заметки о Кручёных. Старался не выбиваться за пределы воспоминаний. Признаюсь – писал без душевного подъёма, но строго по фактам. Может быть, тема вообще ещё не созрела? Напишите мне о своём впечатлении: только о том, что не понравилось. Спасибо за вырезки из газеты о Хлебникове. Празднование на родине поэта, конечно, погоды не делает. Ведь о Хлебникове в газетах не было ни одной серьёзной статьи" ("Известия" дали читательский отклик, "Правда" обошла молчанием, а "Литгазета" поместила пасквиль Ваншенкина). А что выпадет на долю Кручёных в его столетие? <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

Определённый интерес представляет и текст письма Г.Бебутова к С.Сухопарову от 1 февраля 1986 г., в котором он ответил на замечания по своим воспоминаниям о Кручёных: "Уважаемый Сергей Михайлович, спасибо за обстоятельное письмо. <...> Постараюсь ответить на Ваши замечания по воспоминаниям о Кручёных. 1. Вы нашли "несколько подчёркнутое беспристрастие и холодок". Это верно, но не подчёркнутое, а вытекающее из реальности. Я не люблю комплиментарностей, которыми сейчас перенасыщены аналогичные книги воспоминаний о современных писателях. Хотя я участвовал в одном таком сборнике, об Ольге Форш, но писал также строго по фактам, однако с несколько большей эмоциональностью, к которой располагал материал. 2. Вы предлагаете "добавить теплоты", но, право же, её достаточно. Иначе получатся балластные фразы. 3. Вы взываете к "большим обобщениям" и просите сказать "что-либо о зауми". Но это не моя область. Разбор поэтики может сделать более сведущий человек, хотя бы тот же Евтушенко. Я только дал определение зауми и подчеркнул, вот тут я действительно подчеркнул, что он, выступая в 1925 году со старых позиций, разошёлся во взглядах с издававшим его Союзом поэтов. В этом, пожалуй, было начало его трагедии как поэта. 4. Вы спрашиваете, почему я на странице 6-ой привёл именно эти дарственные надписи Пастернака, а не другие, и почему считаю их характерными? Потому что приведенные надписи показывают, как Пастернак изнемогал ("я начинаю робеть") от настойчивости Кручёных при "отбирании подписей". Во-вторых, Пастернак совершенно точно назвал его "коллекционером глупых положений", в которые попадал сам в этих случаях. Разве это не характерно? 5. Вы правильно заметили, что Кручёных "нередко предстаёт как меркантильный, очень даже практичный человек". Эта его сторона мне больше раскрылась. Он таким и был в силу условий жизни, когда приходилось ему извлекать из книг и рукописей гроши на пропитание, а не "скупать" их, как это цинично пишет Вознесенский. Бедность не порок. И Вы, наверное, заметили, что я тактично оберегаю

Кручёных от принижения его анекдотическими эпизодами, вроде истории с желтком из разбитого яйца в статье Асеева. Об интересе Кручёных к литературе и искусству я тоже пишу в меру моих впечатлений. 6. Теперь о странице 13-й. Если хотите, зачеркните последний абзац с фразой Шкловского. Я хотел показать, что "друзья по Лефу", от имени которых Кручёных издавал "Живого Маяковского", относились к нему неоднозначно. Они и к Маяковскому в конце его жизни относились неоднозначно. Беседа Шкловского, которого я очень люблю, стенографировалась, хотя и в домашней обстановке. В [его] фразе о Кручёных – если не жестокость, то жёсткость, но это было. У меня, правда, не дано обоснование, и потому абзац можно снять. 7. О конце. Можно зачеркнуть слова: "Май 1964 года, а в 1968-ом он умер". И тогда абзац будет заканчиваться лучше и значительнее: "Это уже завершение пути, большой легендарной жизни". Я думал, что Вы возразите против помещения дарственной надписи на книжке "Гибель Есенина", но Вы прошли мимо и правильно. Что было, то было, и это самый большой грех Кручёных, и обходить его стороной не стоит. Мы, конечно, можем продолжить обмен мнениями, но хочу сказать, что я несколько не рассчитываю на помещение моих воспоминаний в каком-либо издании, а приложу их к моему архиву при его передаче в ЦГАЛИ. Вам же я горячо признателен за то, что Вы раскачали меня на их написание. Желаю Вам успеха в трудных усилиях по проведению столетия Алексея Елисеевича. *Г.Бebutov*" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

¹ Кручёных А. Автобиография дичайшего. – В его сб.: 15 лет русского футуризма. 1912-1927 гг. Материалы и комментарии. М., 1928, с.59.

² Пастернак Б. Взамен предисловия. – В сб.: Кручёных А. Календарь. (Продукция № 133). М., 1926, с.3.

³ В своём обозрении "Литературная Москва" (1922) О.Мандельштам писал: "<...> Что же происходит в лагере чистого изобретенья? Здесь, если откинуть совершенно несостоятельного и невразумительного Кручёных, и вовсе не потому, что он левый или крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда (несмотря на это, у Кручёных безусловно патетическое и напряжённое отношение к поэзии, что делает его интересным как личность) <...>" (цит. по сб.: Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987, с.196).

⁴ Об этом см. в воспоминаниях А.Чичерина "Кручёных и Маяковский" и примечаниях к ним.

⁵ В 1925 г. ВСП издал семь книг Кручёных: Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова; Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс.Иванова, Леонова, Бабеля, А.Весёлого и др.: Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных); Язык Ленина. Одиннадцать приёмов ленинской речи; Фонетика театра. 2-е изд.; Против попов и отшельников; Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица. (Уголовный роман).

⁶ Серию "Неизданный Хлебников" из 24 отдельных выпусков Кручёных осуществил в 1928-1933 гг.

⁷ Серию "Живой Маяковский" Кручёных выпустил в 1930-1933 гг. Известно ХИИИ её отдельных выпусков.

⁸ 24 февраля 1928 г. Кручёных обратился в Литературно-художественный отдел Государственного издательства (ГИЗ) с заявлением: "В настоящее время в моём распоряжении находится ряд неизданных рукописей Велимира Хлебникова (около 300 страниц стихов). Полагая, что наследство одного из величайших наших поэтов, родоначальника новейшей русской поэзии, Хлебникова –

представляет огромную историческую и литературную ценность, считаю своим долгом предложить это наследство Госиздату для опубликования. Издание имеющихся у меня материалов послужит фундаментом для будущего систематизированного собрания сочинений В.Хлебникова, которое представляется безусловно необходимым ввиду всеми признанного колоссального влияния творчества Хлебникова на развитие современной литературы". Далее Кручёных перечисляет имеющиеся у него произведения Хлебникова и отмечает, что они "не вошли в список намечаемых к печати "Издательством писателей" в Ленинграде". Это заявление заканчивается предложением: "В случае Вашего согласия на издание (материала около 12 печатных листов), рукописи будут представлены Вам в печатном и систематизированном виде. <...>" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.239, л.1-2. Публикуется впервые). По всей видимости, ГИЗ не согласился с этим предложением, после чего Кручёных стал издавать имевшиеся у него тексты в серии "Неизданный Хлебников" под эгидой "Группы друзей Хлебникова". Состав этой группы приведен в конце недатированного "Письма в редакцию" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.239, л.3), относящегося к 1929 или началу 1930 г. и, скорее всего, написанного самим Кручёных: Р.Абих, Н.Асеев, О.Брик, И.Ильф, В.Катаев, Ю.Олеша, С.Кирсанов, А.Кручёных, Б.Левин, В.Маяковский, Е.Петров, С.Ромов. См. также в статье Г.Весёлой "Артём Весёлый и книга": "<...> В том же [1928] году "Группа друзей Хлебникова", куда входил и Артём Весёлый, по инициативе А.Кручёных стала издавать на стеклографе, "на правах рукописи", сборники "Неизданный Хлебников", о которых В.Б.Шкловский мне сказал, что они стали мировой редкостью и конкурируют с инкунабулами (тираж выпусков – от 50 до 130 экз.). В переписке стихов и прозы Хлебникова принимали участие многие поэты и писатели: Н.Асеев, Б.Пастернак, В.Каменский, Ю.Олеша, В.Катанян, В.Катаев и другие. Артём Весёлый тоже переписывал тексты, в VII выпуске он назван переписчиком 10 и 11 страниц, где дано стихотворение "Облака казались алыми усами". В выпуске XI Артёму принадлежит переписка дневниковой записи Хлебникова – на странице 8. Сборники "Неизданный Хлебников" издавались, насколько мне удалось установить, до 1934 года и закончились XXVI выпуском. <...>" (Альманах библиофила Вып. XII. М., 1982, с.74).

⁹ *Айседора Дункан* (Irma Duncan, 1877–1927) – американская танцовщица; в 1921–1924 гг. имела собственную студию в Москве; короткое время была женой С.Есенина.

¹⁰ *Илья Ильич Шнейдер* (1892–1984) – журналист, театральный работник, близкий приятель С.Есенина.

¹¹ *Всеволод Вячеславович Иванов* (1895–1963) – прозаик, автор широко известных повестей "Партизаны" (1921) и "Бронепоезд 14-69" (1922).

¹² Ошибка мемуариста: композитор *Дмитрий Дмитриевич Шостакович* (1906–1976) в 40-е гг. был соседом Кручёных – жил этажом ниже в одном с ним доме по ул. Мясницкой (Кирова), 21. Это обстоятельство нашло своё отражение в поздравлении композитора, которое он послал поэту в день его рождения: "Дорогой Алексей Елисеевич! Поздравляю Вас с шестидесятилетием. Желаю Вам здоровья, благополучия и успехов. Ваш Д.Д.Шостакович. P. S. Я очень рад, что судьба сделала меня Вашим соседом". – Цит. по машинописному альбому: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.1 (Частное собрание.). Там же помещён экспромт Кручёных, обращённый к Д.Шостаковичу (л.17):

Дмитрий Шостакович с детства
Король роялей и оркестров.
Симфоний девять –
Чудовинная невидь!

- 13 *Виссарион Михайлович Саянов* (1903–1959) – поэт.
- 14 В те годы Б.Корнеев был директором издательства "Заккнига". См. также примечание 11 к воспоминаниям Ю.Долгушина "Он был деятелем".
- 15 *Александр Борисович Гатов* (1899–1973) – поэт, переводчик.
- 16 *Николай Семёнович Тихонов* (1896–1979) – поэт; входил в ленинградскую литературную группу "Серапионовы братья" (существовала в 1921–1927 гг.).
- 17 *Вениамин Александрович Каверин* (настоящая фамилия: Зильбер, 1902–1989) – прозаик, эссеист, мемуарист; входил в группу "Серапионовы братья".
- 18 *Пётр Андреевич Павленко* (1899–1951) – прозаик.
- 19 См. воспоминания Р.Якобсона "Одной горчицей сыт не будешь" и примечания к ним.
- 20 В эссе "Охота на гиен" (1929).
- 21 Обе характеристики принадлежат А.Вознесенскому (его воспоминания помещены в настоящем томе).
- 22 Кручёных систематизировал эти автографы и составил из них машинописный сборник "Бюро злых надписей. Чрево Пастернака. (Проект книги)". М., 1933.
- 23 Издана в стеклопечати в 1934 г. Пять лет спустя Кручёных опубликовал свою работу "Книги Н.Асеева за 25 лет" ("Литературный критик", 1939, № 4, с.199-200).
- 24 В эссе "Охота на гиен" (1929). *Наркомпрос* – народный комиссариат просвещения.
- 25 В сборнике помещены статьи Б.Пастернака, С.Третьякова, Д.Бурлюка, Т.Толстой-Вечорки, С.Рафаловича.
- 26 *Иоганн Вольфганг Гёте* (1749–1832) – немецкий поэт.
- 27 О них см. в воспоминаниях Л.Либединской "Алексей Елисей – всех поэтов словосей" и примечаниях к ним.
- 28 *Зинаида Николаевна Нейгауз* (1897–1966) – вторая жена Б.Пастернака.
- 29 См. воспоминания В.Катаняна "Об умереть не может быть и речи!" и примечания к ним.
- 30 *Семён Григорьевич Гехт* (1903–1963) – прозаик, детский писатель.
- 31 *Евгений Иосифович Габрилович* (род. 1899) – прозаик, драматург; входил в группу "Литературный Центр Конструктивистов", существовавшую в 1924-1930 гг.
- 32 *Лев Исаевич Славин* (1896–1984) – прозаик, драматург.
- 33 *Борис Матвеевич Лапин* (1905–1941) – поэт, прозаик, киносценарист.
- 34 "Фонетический роман" Кручёных "Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица. (Уголовный роман)" впервые был опубликован в № 2 (6) журнала "ЛЕФ" за 1924 г., с.24-26. "Случай в номерах" впервые был опубликован в сб. Кручёных "Четыре фонетических романа" (М., 1927).

35 *Юлия Ипполитовна Солнцева* (1901–1989) – выдающаяся киноактриса, кинорежиссёр, жена и соратник выдающегося писателя и кинорежиссёра *Александра Петровича Довженко* (1894–1956).

36 *Вячеслав Иванович Иванов* (1866–1949) – поэт-символист.

37 Пастернак Б. Стихи о Грузии. Грузинские поэты (избранные переводы). Т., 1958. Знакомство Г.Бебутова с Б.Пастернаком произошло в 1931 г., при случайных обстоятельствах: "<...> Пастернак уезжал из Тифлиса утром 16 октября. Накануне, в нерабочий день, он принёс в издательство "Заккнига" рукопись, названную "Новые стихи", и оставил её случайно оказавшемуся там сотруднику Гарегину Бебутову. К рукописи была приложена записка: "Не возьмёт ли у меня "Заккнига" сборник новых стихов размером строк 800-1000?.. Наличную часть сборника (600 строк) оставляю Вам при записке. Я уезжаю завтра утром в Москву..." Наутро Бебутов привёз на вокзал договор. Пастернак подписал его, сказав, что по приезде в Москву доработает оставшееся в черновике и вскоре пришлёт. Три стихотворения под общим заглавием "Тифлис" были вскоре напечатаны в двухнедельнике "Темпы" (Тифлис, 1931, № 10). Это: "Вечерело. Кругом куралеса...", "Пока мы по Кавказу лазаем..." и *Начало дня тридцатого апреля* – в ранних редакциях. <...>" (Пастернак Е. Борис Пастернак. (Материалы для биографии). М., 1989, с.488-489).

38 В воспоминаниях Л.Ю.Брик "Чужие стихи". – В сб.: Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963, с.344.

39 Кручёных А. Стихи В.Маяковского. Выпыт. СПб., 1914.

40 Этот эпизод описан Г.Бебутовым в его кн. "Отражения. (Воспоминания и статьи)". Т., 1973, с.43-44. *Григорий Осипович Винокур* (1896–1947) – филолог, лингвист; входил в состав ОПОЯЗа ("Общества изучения теории поэтического языка"), существовавшего в Петербурге и Москве в 1914-1923 гг.

41 *Иван Васильевич Клюн* (наст. фамилия: Клюнков, 1873–1943) – художник; последователь К.Малевича; в 1920-е гг. оформил несколько книг Кручёных. См. о нём также в статье: Харджиев Н. Полемика в стихах: Малевич против Кручёных и Клюда. – "Russian Literature", Amsterdam, XXIV, 1988, p.145-150.

42 *Николай (Колау) Черняевский* (1892–1942) – поэт; входил в тифлисскую авангардистскую группу "41°", членом которой был и Кручёных.

43 *Юрий Карлович Олеша* (1899–1960) – прозаик; был близок к Лефу.

44 См. также рецензию А.Кута [А.Кутузова] "Маяковский с точки зрения Смердякова" ("Вечерняя Москва", 1930, 7 июля) на первые два выпуска этой серии: "Вряд ли наша мемуарная литература, особенно литература последних лет, знает другой образец такой самодовольной пошлятины, как два первых (и, надемся, последних) выпуска "Разговоров Маяковского", только что выпущенных А.Кручёных. Лицемерно взывая к "будущим исследователям", для которых он хочет сохранить облик "живого Маяковского на трибуне и в быту", Кручёных в своих новых книжках спекулирует на подленьком интересе обывателя к слабостям больших людей. Достаточно сказать, что в книжках Кручёных нет ни намёка на того Маяковского, каким мы все привыкли видеть его за последние годы на трибунах рабочих клубов и в редакциях газет; "живой Маяковский" у Кручёных складывается из Маяковского в биллиардной, Маяковского за карточной игрой, Маяковского за столиком в "Кружке" и т.д. И Кручёных с подлинно смердяковским сладострастием подбирает и "сценографически" (как он заверяет) записывает всё то, что может прийти на язык человеку в его случайных, интимных и частных отношениях с людьми.

Если Маяковский когда-нибудь сболтнул: "Я имею дело с девушками от 16 лет до 60-ти, расстоянием не стесняюсь...", то Смердяков считает необходимым довести об этом до сведения "будущих исследователей". Если Маяковский скажет про свою возлюбленную: "Моя Лиля – лилипут. Моя Лиля весит пуд...", то Кручёных считает, что и эта антропометрическая деталь должна быть сохранена для потомства. А потом, как же это Смердяков может пройти мимо такого, например, диалога: "Мая: Я девушка... Маяковский: Приятно познакомиться... Отчего же вы не в музее? Таких уже давно в музей отдали. Странно, что вы на свободе ходите"... Может быть, Маяковский и мог что либо подобное сказать. В Маяковском до последних лет сохранилось многое от старой дореволюционной богемы. Но всем известно, что Маяковский боролся с этими остатками богемы, и в своём личном и общественном быту воевал с той литераторской и псевдо-литераторской мразью, которая до смерти окружала поэта и усердно тянула его в обывательское болото. "Труд" Кручёных навсегда останется показателем той тины, которая затягивала Маяковского. Совершенно непонятно только, как к этому "труду" мог приложить свою руку... Ю.Олеша. Кстати, личные комментарии Кручёных к "Разговорам Маяковского" поражают своим невежеством. Достаточно сказать, что известное стихотворение Анны Ахматовой:

Слава тебе, безысходная боль,
Умер вчера сероглазый король и т. д.

"биограф" Маяковского называет стихами... "на смерть Блока". Стихотворение это, как известно, написано Ахматовой в... 1909-1911 гг. и вошло в её первый сборник "Вечер" (1911 г.). Мы не боимся сделать "рекламу" этой пошлятине: издание отпечатано литографским способом в количестве 300 экземпляров и разошлось. И хочется думать, что продолжения этого "издания" не последует. От редакции. Кстати, что это за издательство "Группа друзей Маяковского" и кто редактирует подобные "труды"? Ждём ответа".

45 Литературоведы Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943) и Николай Леонидович Степанов (1902–1972) осуществили в 1928-1933 гг. выпуск пятитомного собрания произведений Хлебникова. Сохранились письма Н.Степанова к Кручёных (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.50), свидетельствующие о его активном содействии редакторам пятитомника: "Уважаемый Алексей Елисеевич! Спешу сразу же поблагодарить Вас за внимание и огромную помощь, которую Вы оказываете. <...> Привет от Юрия Николаевича Тынянова" (письмо от 12 апреля 1928 г.; л.1, 2об); "Уважаемый Алексей Елисеевич! Очень благодарен Вам за все Ваши посылки и сведения. <...> Надеюсь, что смогу быть Вам чем-либо полезен и смогу отблагодарить Вас за Ваши материалы. <...> Привет от Юрия Николаевича Тынянова" (письмо от 4 мая 1928 г.; л.4. Фрагменты писем публикуются впервые).

46 Книга вышла в 1930 г. с предисловием Кручёных, написанным в декабре 1929 г., где он утверждает, что "Зверинец" – "лучшее из прозы Хлебникова, послужившее образцом многим подлинным мастерам слова, и не о нём ли сказано, что "учиться прозе надо у Х<лебник>ова"?!" (с.2).

47 В 1914 г. Д.Бурлюк, без согласия на то Хлебникова, издал в Херсоне сборник его ранних стихов (дофутуристического периода) под названием "Творения". Это вызвало разное недовольство поэта, и он написал письмо протеста, в котором напоминал издателю "о скамье подсудимых". Опубликовать своё "открытое письмо" Хлебников поручил тогдашнему своему соратнику по футуризму и соавтору Кручёных, однако, в силу каких-то причин, в то время оно

опубликовано не было и появилось в печати только после смерти великого поэта-реформатора.

48 Об этом см. в воспоминаниях М.Скуратова "Неугомонный речетворец" и примечаниях к ним.

49 Неточная цитата – Маяковский называл их "дурно пахнущими книжонками".

50 См. в кн. Кручёных "Гибель Есенина". 3-е, дополненное издание. Продукция 134-б. М., 1926:

Тар-ра-эль
си-лиу-ка
Есх
Кры
чу
чок
сесенин

Перепечатано американским литературоведом В.Марковым в первом номере журнала "Russian Literature" (Amsterdam, 1971, p.5) как "шутка пародийного характера".

51 "Урал", Свердловск, 1985, № 9.

Мария СИНЯКОВА. *СТОПРОЦЕНТНЫЙ ФАНТАЗЁР*

Печатается по тексту: Синякова М. "...Это человек, ищущий трагедии". (Стенограмма беседы М.Синяковой с А.Езерской и В.Перцовым 17 ноября 1939 года). – "Вопросы литературы", 1990, № 4, с.267-268. Название публикуемого отрывка из этих воспоминаний дано составителем.

Мария Михайловна Синякова (1898–1984) – художница; одна из пяти сестёр Синяковых, чей дом "в Харькове, и в Красной Поляне, и в Москве привлекал своей открытостью, приверженностью идеям литературного и художественного авангарда, эксцентричностью и независимостью" (Алексеева Л.К. Шаржи Марии Синяковой. – "Литературная учёба", 1990, кн. 2, с.174) Л Ю Брик писала: "Синяковых пять сестёр. Каждая из них по-своему красива. Жили они раньше в Харькове, отец у них был черносотенец, а мать человек передовой и безбожница. Дочери бродили по лесу в хитонах, с распущенными волосами и своей независимостью, эксцентричностью смущали всю округу. В их доме родился футуризм. Во всех них поочерёдно был влюблён Хлебников, в Надю – Пастернак, в Марию – Бурлюк, на Оксане женился Асеев" (Альманах с Маяковским. М., 1934, с.67). Сёстрам Синяковым посвящена поэма Хлебникова "Синие оковы" (1922).

¹ *Виктор Осипович Перцов* (1898–1980) – критик, литературовед, автор многих книг и статей о творчестве Маяковского, в том числе, трёхтомной монографии о нём.

² Имеется в виду проходившая с 10 ноября 1913 г. по 10 ноября 1914 г. последняя выставка петербургского общества художников-новаторов "Союз молодёжи" (существовало в 1910-1914 гг.).

³ Здесь оговорка, надо: "в Санкт-Петербурге".

⁴ Текст письма нам неизвестен.

⁵ Ср.: "<...> Порой на футуристических вечерах поражал слушателя А. Кручёных. В его эстрадных выступлениях пресловутая "заумь" превращалась в какую-то эксцентриаду. Он довольно эффектно обыгрывал звуки и малопонятные слова, но слушатель скоро уставал. <...>" (Березарк И. Читали поэты... – "Нева", 1976, № 3, с.197).

⁶ М.Синякова иллюстрировала две книги поэта: Кручёных А. Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица. (Уголовный роман). Книга 132-я. М., 1925; Кручёных А. Четыре фонетических романа: Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица; Случай в "номерах"; Ревнючность; Дунька-Рубиха. (Вступ. замечания Б.Несмелова). Продукция № 142. М., 1927.

⁷ В 1906 г. Кручёных окончил Одесское художественное училище и ему была присвоена квалификация "учителя рисования и чистописания в средних учебных заведениях" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.230, л.5). Подробно о Кручёных как художнике и его учительской деятельности см.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. (Редакция и предисловие Вольфганга Казака). München, 1992, с.15-27, 34-36.

⁸ Вероятно, М.Синякова имела в виду выходявшие в США книги Д.Бурлюка, издававшийся им с 1930 г. в Нью-Йорке журнал "Color and Rhyme", а также, возможно, известную в те годы среди людей её круга рукопись Д.Бурлюка "Фрагменты из воспоминаний футуриста. 1929-1930" (до сих пор неизданную). Д.Бурлюк публиковал и стихи своего бывшего соратника по "Гилее", см.: Кручёных А. Лето деревенское. – Красная стрела. (Сборник, посвящённый светлой памяти В.Маяковского). Нью-Йорк, 1932, с.7.

⁹ Неточное название стихотворения "Зима" ("Мизиз... Зынь... Ицив – Зима!..") из сборника Кручёных "Календарь" (М., 1926). Названо М.Синяковой так, скорее всего, по ассоциации с его основной темой.

Валентин КАТАЕВ. *ВЬЮН*

Печатается по тексту кн.: Катаев В.П. Собрание сочинений в 10-ти томах, т. 7. М., 1984, с.40-41. Название публикуемого отрывка из романа дано составителем.

Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – поэт, прозаик, драматург, эссеист. Знакомство В.Катаева с Кручёных произошло после марта 1922 г. К этому году относится письмо В.Катаева к Кручёных о "фонетических ассоциациях", которое последний опубликовал в своей книге "Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. (Трактат обижальный и поучальный)". М., 1922, с.26-27. Несколько лет спустя В.Катаев стал первым, кто откликнулся на призыв Кручёных поучаствовать в его самобытных "турнирах поэтов". В своей повести "Белеет парус одинокий" (1936), в конце главы "Водопой", В.Катаев использовал неологизм Кручёных *наслаждец*, впервые появившийся в его стихотворении "Весна с угощением" (Кручёных А. Зудесник. Зудутные зудеса. М., 1922, с.4):

...А муж её,
Угрыз Талыблы,
Нижней педалью глотки
Добавил:
– Любахари, блюдахари,
Губайте вин сочливое соченье;
Вот крепкий шишидрон

И сладкий наслаждец!..

В небольшом письме к автору этих строк В. Катаев пояснил: "<...> С лёгкой руки А. Кручёных в своё время слово *наслаждец* стало ходить в наших поэтических кругах как забавный неологизм, откуда оно и попало в мою повесть, что очень нравилось А. Кручёных, и он даже гордился этим. <...>" (письмо от 3 января 1986 г. Собрание С. Сухопарова. Публикуется впервые).

31 марта 1986 г. в Херсоне состоялся юбилейный вечер, посвящённый 100-летию А. Е. Кручёных. За день до него, 30 марта, пришла телеграмма от В. Катаева: "С большим удовольствием приветствую празднование выдающегося поэта и литературного деятеля Кручёных, с именем которого [в] советской литературе связано так много значительного. Обстоятельства не позволили мне приехать [в] Херсон. Прошу считать меня участником нашего общего торжества - *Валентин Катаев*" (Собрание С. Сухопарова. Публикуется впервые). А через две недели, 12 апреля 1986 г., писателя не стало.

¹ Эти два восьмиэтажных корпуса сохранились и по сей день. В одном из них, в квартире № 51, жил Кручёных. См. в статье Н. Харджиева "Полемика в стихах: Малевич против Кручёных и Ключа": "<...> Приехав в 1921 году в Москву, Кручёных поселился на пятом этаже дома Вхутемаса на Мясницкой, в комнате-мастерской И. В. Ключа (в этой комнате Кручёных жил до конца своей жизни) <...>" ("Russian Literature", Amsterdam, 1988, XXIY, p. 146).

² Летом 1984 г. в телефонной беседе с автором этих строк В. Катаев сказал примечательную фразу: "Кручёных вертелся в литературе, как штопор!"

³ Намёк на отмечавшуюся многими мемуаристами всегдашнюю молодость Кручёных. Ср. в стихотворении В. Хлебникова "Кручёных" (1921):

...Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный, юркий...

⁴ Ср. с такими строками из стихотворения В. Хлебникова "Кручёных" (1921):

...Лицо англизга, крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги...

⁵ Велимир Хлебников.

⁶ Владимир Маяковский.

Николай АСЕЕВ. ПОРТ-РЕТ А. КРУЧЁНЫХ

Печатается по изданию: Турнир поэтов. (Примечания А. Кручёных). М., 1930, с. 11-12. На это стихотворение Кручёных ответил следующим экспромтом:

От времени Моисеева
сотни рифм на Асеева.
Рекордное: *asseyez vous*
подарила судьба Асееву.

(Там же, с. 16).

О Н.Асееве см. в примечаниях к отрывку из его статьи "Охота на гиен".

Николай АСЕЕВ. ОХОТА НА ГИЕН

Впервые опубликовано в журнале "Молодая гвардия", 1929, № 12. Здесь печатается по тексту в кн.: Асеев Н.Н. Собрание сочинений в 5 томах, т.5. Проза 1916-1963. М., 1964, с.22-27.

Николай Николаевич Асеев (1889–1963) – поэт, эссеист; входил в футуристическую литературную группу "Центрифуга", существовавшую в 1914-1917 гг.; в 1920-е гг. входил в Леф, был членом редколлегии журналов "ЛЕФ" и "Новый ЛЕФ".

В письме от 6 мая 1985 г. к автору этих строк литературовед Г.Бебутов писал: "<...> Вас удивляет статья Асеева "Охота на гиен" о Кручёных, а ведь тот же Асеев расточал дифирамбы ему. Кручёных же, "легко" переварив статью "Охота...", стал издавать альбомы Асеева, а когда Асеев умер, он снял с полки эти альбомы и цинично произнёс: "Пришло время!" <...>" (Собрание С.Сухопарова). Как отмечают в этой связи комментаторы пятитомного Собрания сочинений Б.Пастернака В.М.Борисов и Е.Б.Пастернак, "иронический тон Пастернака сменялся утешительным, юмор соседствовал с поддержкой всякий раз, как Кручёных оказывался объектом уничтожающей печатной критики. После статьи Н.Асеева "Охота на гиен" ("Молодая гвардия", 1929, № 12) Пастернак писал А.Кручёных по поводу его лирических книжек "Ирониада" и "Рубиниада": "Меня трогает твой приход к лирике, когда всё пришло к очередям, – что-то вроде Фета по несвоевременности. И как твой заумный багаж засверкал вдруг и заиграл! Точно это ему, а не тебе затосковалось, и он ударился во что-то лакейски-сафическое в отсутствие хозяина, почти что с жалобой, что раньше ему не позволяли. И какие-то ранние Володиные ноты вдруг ни с того ни с сего местами. Очень мило. И только корморанские реминисценции пополам с Фрейдом в этой связи мне не по душе. Твой Б." (Указ. соч., т.4, с.841).

Кроме резко негативной оценки Кручёных в "Охоте на гиен", известны и другие, уже положительные высказывания Н.Асеева о нём, а также документы, подтверждающие его заботливое отношение к товарищу по поэтическому цеху. Так, именно благодаря обращению Н.Асеева 7 сентября 1933 г. в Главлит, центральный орган тогдашней советской цензуры, был спасён 24-й выпуск "Неизданного Хлебникова", вышедший в следующем году: "Прошу разрешить выпуск в свет "Неизданного Хлебникова", вып<уск> 24, как содержащий весьма ценные произведения Хлебникова, необходимые всем изучающим его наследство. Это издание Хлебникова – весьма культурная и необходимая работа" (ЦГАЛИ, ф.28, оп.1, ед. хр.179, л.1: Публикуется впервые).

Три года спустя, 20 ноября 1936 г., Н.Асеев пишет обращение "В группком издательства "Советский писатель": "Поэт и критик А.Кручёных, имеющий 24-летний стаж, в настоящее время много работает по розыску и обработке материалов, связанных с биографиями и творчеством Вел.Хлебникова и В.Маяковского. Самостоятельных произведений за последние годы не выпустил; поэтому нахожу нужным и наиболее целесообразным оставить его при этом же группкоме" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.238, л.3. Публикуется впервые). Благодаря поддержке прежде всего Н.Асеева (а подобное обращение писал и С.Кирсанов), Кручёных мог сносно существовать в те годы, вплоть до начала Великой Отечественной войны.

8 декабря 1936 г. в московском Доме Печати состоялось широкое обсуждение поэмы Н.Асеева "Маяковский начинается" (неполная его стенограмма находится в ЦГАЛИ, ф.28, оп.1, ед. хр.132, 43 лл.). Среди выступавших был и Кручёных. Он поддержал поэму, однако был негативно воспринят другими выступавшими – С.Васильевым, А.Роховичем, И.Уткиным, Н.Гульбинской, Г.Захаровым и другими писателями. Н.Асеев защитил своего друга и соратника от незаслуженных нападков, отметив, в частности: "<...> Замечательно сказал т.Захаров, что Кручёных тогда [в период раннего футуризма. – С.С.] взрывал общество, у него выработался рефлекс, он остался одиночкой с этим рефлексом, что в зале большинство идиотов и что нужно полемизировать. Он до сих пор не может почувствовать, что большинство вовсе не дураков сидят [аплодисменты] <...> Я убеждён, что если Кручёных показать по-настоящему, то вы увидите замечательного мастера, замечательного знатока <...>" (Литературное наследство, т.93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с.478-479).

В начале 1966 г. Кручёных получил приглашение принять участие в подготовке книги воспоминаний о Н.Асееве, которое подписал председатель Комиссии по литературному наследию Н.Асеева поэт С.Васильев. (Собрание С.Сухопарова). Планировавшийся сборник вышел лишь спустя четырнадцать лет, и в нём нет каких-либо материалов, принадлежащих перу Кручёных. Можно предположить, что он никак не откликнулся тогда на приглашение любезного С.Васильева.

¹ Московское коммунальное хозяйство.

² Персонажи повести *Николая Васильевича Гоголя* (1809–1952) "Мёртвые души" (1842).

³ *Адельберт фон Шамиссо* (Шамиссо, 1781–1838) – немецкий писатель и учёный-натуралист.

⁴ *Эрнст Теодор Амадей Гофман* (Гоффманн, 1776–1822) – немецкий писатель.

⁵ *Эдгар Аллан По* (Пое, 1809–1849) – американский писатель.

Елена ВЯЛОВА–ВАСИЛЬЕВА. *ВАСИЛЬЕВ И КРУЧЁНЫХ*

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Воспоминания составлены по текстам двух писем Е.Вяловой-Васильевой к С.Сухопарову – от 21 декабря 1986 г. и 20 января 1987 г. – с необходимой правкой и минимальными текстологическими изменениями. Название дано составителем.

Елена Александровна Вялова-Васильева (1910–1990) – жена выдающегося русского поэта *Павла Николаевича Васильева* (1910–1937). О её знакомстве и жизни с поэтом см.: Вялова-Васильева Е.А. С Павлом Васильевым на Иртыше. (Из воспоминаний). – "Омская правда", Омск, 1985, 26 декабря; Ламм А. "Я вглядываюсь в мир без страха..." – "Московская правда", 1990, 7 января. В "Слове прощания", некрологе на смерть вдовы П.Васильева, подписанного, в частности, С.Михалковым, В.Цыбиным, Ал.Михайловым и другими русскими писателями, говорится: "<...> После реабилитации Е.А.Вялова-Васильева вернулась в Москву. Трудилась на заводе, в музее, принимала активное участие в пропаганде поэзии П.Васильева; работая в архивах, публиковала его стихи в столице, в Сибири, в Казахстане. Совсем недавно, будучи очень больной, она отважно полетела в Павлодар на празднование 80-летия со дня рождения поэта. Этот последний её

поступок невольно воскресил в памяти образы русских женщин, жён каторжников, которые почитались многими поколениями наших соотечественников. <...>” (“Литературная Россия”, 1990, № 7, 16 февраля).

- 1 Сведений об этом вечере обнаружить не удалось.
- 2 Неточная цитата из стихотворения Кручёных “Весна с двумя угощениями” (1925, окончательная редакция).
- 3 Одно из положений декларации Кручёных “Слово как таковое” (1913).
- 4 О взаимоотношениях двух поэтов см. в воспоминаниях М.Скуратова “Неугомонный речетворец”.
- 5 Стихотворение П.Васильева и Кручёных “От ревности девушки хорошеют...” было написано ими в мае 1934 г.
- 6 В собрании О.Ф.Кручёных хранится фотокопия этого снимка, судя по карандашным пометам, ранее принадлежавшего Н.И.Харджиеву. С обратной стороны – дарственная надпись рукой поэта: “Павел Васильев и я – А.Кручёных. Февраль 1934 г. Москва. Племянникам на память! А.Кручёных. 26/ХІІ–57 [года]” (Публикуется впервые).
- 7 См.: Ламм А. “Я вглядываюсь в мир без страха...” – “Московская правда”, 1990, 7 января.
- 8 Об архиве Кручёных в ЦГАЛИ см.: Королёва Н.Г. Сто альбомов. (Коллекция А.Е.Кручёных). – Встречи с прошлым. Вып. 3. Изд. 3-е. М., 1986, с.274-284; Rozemarie Ziegler. Materialien zum Schaffen von A.E.Kručenych in Archiven der Sowjetunion (1928-1968) Zeitlicher Überblick. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Band 27. Wien, 1981, S.103-122.

Павел ВАСИЛЬЕВ. ЕЙ И АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту сборника: Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.221-222 (публикация С.Сигова).

О П.Васильеве и его взаимоотношениях с Кручёных см. в воспоминаниях Е.Вяловой-Васильевой “Васильев и Кручёных” и М.Скуратова “Неугомонный речетворец”, а также в примечаниях к ним.

Кручёных и П.Васильев создали несколько совместных стихотворений, некоторые из них опубликованы. Так, стихотворение “Обращение” (как “перевод из Мухана Башметова”) было помещено литературоведом Г.Тюриным в подборке материалов “Неистовый детёныш Иртыша” (“Казахская правда”, Алма-Ата, 1986, 19 января).

Ещё одно стихотворение, помеченное 19 июля 1933 г., – “Зюле Злонцевой” – и обращённое к Ю.Солнцевой (о ней см. в примечании 35 к воспоминаниям Г.Бебутова “Человек-легенда”), опубликовано С.Сиговым в его статье “Алексей Кручёных и другие” (“Приазовские степи”, Ейск, 1987, № 50, 28 марта).

Шесть совместных стихотворений Кручёных и П.Васильева содержатся в неизданной в полном виде машинописной книге стихов “Ирине Горлицинной (Нине Голицинной), тетрадь первая” (М., 1934). Их публикатор, С.Сигов, так характеризует этот уникальный сборник в своей статье “Фирма по изготовлению стихов”: “<...> Она включает в себя 15 стихотворений, написанных частью совместно, частью же принадлежащих то Васильеву, то Кручёных. Друзья создают и третьего автора – Мухана Башметова, пишущего на

"казакском языке". К сожалению, оригиналы этой "языковой" поэзии в тетради отсутствуют, но стихи Мухана даны в "переводах" – всё это вполне в духе времени, плодившего армаду фальшивомонетчиков "национальных" поэзий.

Читала ли сама Голицина эту книжку – неизвестно, но так же неизвестно – умела ли она вообще читать.

Исчерпывающую характеристику сей особы содержит воспоминание Н.И.Харджиева: "Н.Голицина (мнимая княжна) – московская дива того времени. Когда Круч меня с ней познакомил, она была женой бровастого милиционера (очередной супруг). Потом ей удалось выскочить замуж за итальянского аристократа (!) и уехать в Рим. Она была длинная, с маленькой головой, как бы изваянной из льдины. С ледяным самообладанием она хищно поджидала свою удачу и дождалась. А в общем – чёрт с ней! Просто – яды!" (письмо от 25 мая 1987). <...>

Остаётся только сказать, что фирма по изготовлению стихотворных подношений просуществовала недолго, но не была случайностью в общеевропейском (даже!) культурном контексте – можно вспомнить и фирму по изготовлению портретов, выдуманную гениальным Виткацы.

Внутренним побуждением и в том и в другом случае было острое желание авторов к коммуникации и контакту с публикой. Кручёных уже тяготился положением "проклятого поэта" и до конца своих дней пытался выработать стилистику, с помощью которой можно было бы "въехать в рай" официальных публикаций.

Всё-таки он не сумел, стоя на горле собственной песни, придушить себя окончательно, – остался Алексеем Кручёных" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.216-217).

Скорее всего, "фирма по изготовлению стихов" Кручёных и П.Васильева прекратила своё существование незадолго до начала Первого съезда советских писателей, открывшегося 17 августа 1934 г. и закончившего свою работу 1 сентября того же года. Сентябрём же помечено "Открытое письмо" П.Васильева к Кручёных, написанное по свежим ещё впечатлениям первого из них от этого крупнейшего в те годы культурно-идеологического события. Характер письма, даже учитывая определённую намеренную его стилизацию "под время", отражал наступившую новую эру в развитии советской литературы, кроме всего прочего, ещё больше разделившую двух друзей-поэтов: П.Васильев был принят в новоиспеченный ССП, а неисправимый "заумник" Кручёных ещё больше отдалился от официальной литературы. Призывы П.Васильева к старшему товарищу, разумеется, не могли иметь желаемого воздействия. "Фирма по изготовлению стихов" не могла "функционировать" в дальнейшем и по обстоятельствам судьбы П.Васильева, на которого уже в 1934 г. начались гонения и травля критики. К чести Кручёных, он не принимал в этом никакого участия, а также не подписывал известное "письмо 20-ти" писателей (среди которых на первом месте – по алфавиту только? – стоял Н.Асеев), требовавших в 1935 г. "изолировать" поэта. После того, как с таким же требованием выступил М.Горький, судьба П.Васильева практически была решена.

"Открытое письмо" публикуется по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф.1334, оп.2, ед. хр.34, л.1. Публикуется впервые):

" Дорогой Кручёных!

Только что прошедший Всесоюзный Съезд писателей замечателен тем, что подчеркнул рост советской литературы как вширь, так и вглубь. Теперь стало особенно ясным то обстоятельство, что мы стоим на этапе, в котором советская литература стремится и приобретает максимум разнообразных творческих направлений, оставляя в своём сердце единственный смысл – работу на социализм. Этот этап объединяет самых разнообразных подлинных художников под знаменем страны социализма и отрицания всякой халтуры, бездарности и творческого кретинизма. Соревнуясь и "враждуя" в смысле творческих методов, мы все стремимся к одной цели.

Именно поэтому мне кажется странным то, что Вы – подлинный революционер слова, неугомонный словотворец, фантаст слова, поэт, элементы творчества которого благотворно вошли в революционную литературу нашей страны, начиная с самого В.Маяковского и кончая таким прозаиком как Артём Весёлый, – Вы молчите и не выступаете на трибунах наших газет и журналов, в то время, как на них часто находит себе место самая отвязанная профанация искусства, – поэзия в частности.

Лично мне, поэту, как раз стоящему очень далеко от Ваших творческих принципов, кажется очень странным распространяемое различными литературными недомерками мнение о том, что Вы, дескать, голый фокусник, голый заумник, которого не поймут массы, который этим массам не нужен и т.д. и т.д.

Я знаю, что Вы – гордец и, пожалуй, сами не захотели бы стать в один ряд с подобными "реалистами" и сплетниками от литературы.

Лучшая часть советской литературы помнит Ваши первые выступления вместе с Хлебниковым, Бурлюком и Маяковским, Ваши злобные и откровенные плевки в морду "мещуры", Ваши опустошительные набеги на Северянина и К-о.

Многие Ваши открытия и мнения стали аксиомами в творческой практике современной поэзии.

Мы также знаем Ваши прекрасные стихи, как, например, Зима, Весна с угощениями, Корморан и поэму Игра в аду, написанную совместно с Хлебниковым.

Наша поэтическая молодёжь должна знать эти блестящие образцы Вашего мастерства, по крайней мере, наряду с Пастернаком, о котором, кстати, как о художнике можно спорить гораздо больше, чем о Вас.

Не от своего лица, а от лица целого ряда выдающихся литераторов выражаю удивление по поводу того, что Вы не доведены до станка молодого автора.

Развивайте активность, Кручёных, всходите на светлую трибуну социалистической литературы, укрепляйте размах своего творчества.

В наше время, если художник поймёт свой народ, этот народ наверняка поймёт его.

Жду Вашего ответа.

Павел Васильев.

1934 г., сентябрь".

Приводим одно из последних выявленных нами документальных свидетельств о взаимоотношениях Кручёных и П.Васильева – шуточную "расписку" последнего, впрочем, написанную вполне в его стиле и духе (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.138, л.1. Публикуется впервые):

" Расписка и доверенность.

В случае, если Ал<ексей> Кручёных застанет меня за выпивкой водки, поручаю ему выбить рюмку из [моих] рук и ударить меня в правое ухо.

Павел Васильев.

16-18 мая

1935 г.

Москва.

Срок [–] полгода.

[Подпись]”.

¹ “От ревности девушки хорошеют” – автоцитата из совместного стихотворения Кручёных и П.Васильева “От ревности девушки хорошеют...”, написанного ими в мае 1934 г. и помещённого в той же книге стихов – “Ирине Горлицыной (Нине Голицыной), тетрадь первая” (М., 1934).

² Цитата из “Слова о полку Игореве” (1185-1187).

Михаил СКУРАТОВ. НЕУГОМОННЫЙ РЕЧЕТВОРЕЦ

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Михаил Маркелович Скуратов (1903–1989) – поэт, переводчик, эссеист. О нём см.: Скуратов М. Мой путь. – В его кн.: Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1985, с.3-14; Шевелев А. “Сибирью упоённый...” – “Звезда”, 1987, № 6, с.200-202.

Воспоминания о Кручёных были написаны М.Скуратовым специально для несостоявшегося в 1980-е гг. сборника воспоминаний и статей о поэте (см. нашу вступительную статью к настоящему тому). Приступая к работе над ними, М.Скуратов сообщал в письме к С.Сухопарову от 11 июля 1987 г.: “<...> Это будет бедное и бледное отражение моих встреч с ним и совсем не то, что Вы ожидаете! Это будут непосредственные мои воспоминания о нём, не столько как о поэте-новаторе, сколько о живом человеке, так, как сохранила моя память о нём... Может, это будет совсем Вам “не ко двору”, идущее несколько вразрез с тем, что Вы сообщили и открыли мне в дарственной брошюре. Но ничего порочащего я не скажу об Алексее Кручёных, – только несколько беглых зарисовок как о живом человеке, но совсем не в том духе, как принято говорить о чествуемых юбилярах, особенно почивших и отошедших к праотцам... Недавно поэт Н.Старшинов <...> дал о нём живую зарисовку “Последний из футуристов” <...> Она тоже подстёгивает меня что-то сказать об Алексее Кручёных, но – своё... Ещё более подтягиваете меня к этому Вы <...> Несмотря на то, что меня постигли душевные и житейские невзгоды, – и где он, *дух бодр?*.. – я должен пересилить себя и засесть за моё слово об Алексее Кручёных. Не знаю, как получится! Уж не обессудьте. Сгодится – буду рад, не сгодится, что же сделать?.. Но право же, Ваше появление на моём жизненном горизонте может быть для меня живительным ливнем, толчком к этим воспоминаниям. Подстёгивайте же меня. Даю Вам такое право. Мне нужна палочка-погонялочка... Надо обложиться всё же кое-какими дополнительными достоверными материалами, а не только полагаться на свою память, которая часто подводит человека... <...>” (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

- 1 С.Городецкий был автором первой рецензии на поэму Кручёных и Хлебникова "Игра в аду" (1912) с покровительственным названием "Непоседы" ("Речь", 1912, № 269, 1 октября).
- 2 М.Скуратов родился "в семивёрстном сибирском селе с бурятским названием – Уян", но с детства и до августа 1924 г. жил, учился, начинал литературную деятельность в Иркутске.
- 3 *Иосиф Павлович Уткин* (1903–1944) – поэт.
- 4 *Джек Алтаузен* (наст. имя и отчество: Яков Моисеевич, 1907–1942) – поэт.
- 5 *Иван Иванович Молчанов-Сибирский* (наст. фамилия: Молчанов, 1903–1958) – поэт.
- 6 *Валерий Павлович Друзин* (1903–1988) – критик, литературовед.
- 7 Иркутский псевдоним М.Скуратова до середины 1924 г.
- 8 ВЛХИ был основан в 1921 г. поэтом-символистом *Валерием Яковлевичем Брюсовым* (1873–1924), имел трёхгодичный курс и готовил поэтов, переводчиков, прозаиков, критиков, литературоведов. Имя В.Брюсова было присвоено институту в 1924 г. в честь 50-летия поэта, являвшегося также его ректором и ведущим преподавателем.
- 9 Московская литературная группа, существовавшая в 1923-1932 гг. и объединявшая литераторов, не принявших как ортодоксальных марксистских позиций других групп ("Октябрь", "Молодая гвардия" и др.), так и крайне новаторских (Леф, конструктивисты и др.). В группу входили: М.Пришвин, П.Павленко, Дж.Алтаузен, Э.Багрицкий, И.Катаев и мн. др.
- 10 *Артём Весёлый* (наст. имя и фамилия: Николай Иванович Кочкуров, 1899–1939) – прозаик. Из "Перевала" вышел в 1926 г., тяготел к Лефу и экспериментаторству в прозе. См.: Кручёных А. Артём Весёлый. – В его сб.: Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс.Иванова, Леонова, Бабеля, И.Сельвинского, А.Весёлого и др. М., 1925, с.50-53. (То же см. в сб. Кручёных "Новое в писательской технике", М., 1927, с.50-53).
- 11 *Семён Яковлевич Надсон* (1862–1887) – поэт, певец декаданса.
- 12 Выражение поэта Н.Старшинова. См. примечание 13.
- 13 "<...> Подвижный, сухонький, с разросшимися бровями старичок, необыкновенно внимательный ко всему молодому и новому <...>" (Старшинов Н. Последний из футуристов. – "Литературная Россия", 1987, № 27, 3 июля, с.6).
- 14 Инициатором издания первого "боевого" сборника группы поэтов кубофутуристов "Гилея" был её лидер Д.Бурлюк. Кручёных участвовал в написании одноименного манифеста к этому сборнику. Ему и Маяковскому принадлежит центральный тезис манифеста: "Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности" (см. "День поэзии-83". М., 1983, с.159). По свидетельству Кручёных, то был "только один случай", когда Хлебников, Маяковский, Д.Бурлюк и он "писали все вместе одну вещь". Примечательно и такое его признание: "<...> По написании манифеста мы разошлись; я пошёл обедать и съел два бифштекса сразу – так устал от совместной работы с великанами <...>" (Кручёных А. О Хлебникове и других. – Хлебников В. Зверинец. М., 1930, с.13,14).
- 15 См. воспоминания А.Шемшурина "Очень земной человек" и примечание 9 к ним.
- 16 *Вивиан Азарьевич Итин* (1894–1945) – поэт, прозаик, эссеист.

17 Ежемесячный литературно-художественный журнал, основан в 1922 г. в Новосибирске, где издаётся по настоящее время.

18 *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711–1765) – учёный, поэт, создатель теории русского силлабо-тонического стихосложения (1739); по его инициативе был основан Московский университет (1755).

19 *Чалдон* (диалектн.) – коренной житель Сибири.

20 В своих многочисленных автобиографиях и мемуарах Кручёных указывал, что родился в селе Ольговке неподалёку от Херсона. Как мне удалось установить в 1981 г., такого села в Вавиловской волости Херсонского уезда Херсонской губернии не существовало. Вероятнее всего, поэт родился в небольшом, всего на 20-30 дворов, посёлке Оливском (см.: Список населённых мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. Херсон, 1896, с.402). Посёлок этот не сохранился; он находился, примерно, на территории сегодняшнего Музыковского сельсовета Белозёрского района Херсонской области. Однако, считаю, необходимо более тщательно исследовать вопрос о месте рождения Кручёных, учитывая при этом и недавно обнаруженные архивистом Е.А.Марушак в Государственном архиве Херсонской области материалы купчей крепости на земельный и усадебный участки с постройками, принадлежавшими отцу поэта, *Елисею Петровичу Кручёных* (1860?–1913?). В них, относящихся к 1911 г., деревня, где родился поэт, именуется Оливка (в переводе на русский это название должно звучать: Ольговка).

21 О взаимоотношениях П.Васильева и Кручёных см. в воспоминаниях Е.Вяловой-Васильевой "Васильев и Кручёных" и примечаниях к ним, а также в примечаниях к стихотворению П.Васильева "Ей и Алексею Кручёных". См. также воспоминания М.Скуратова о П.Васильеве "Человек он был!.." – "Литературная Россия", 1986, 10 января, с.10.

22 *Александр Сергеевич Пушкин* (1799–1837) – поэт, прозаик.

23 *Никита Всеволодович Всеволожский* (1799–1862) – водевилист, переводчик.

24 *Николай Алексеевич Клюев* (1887–1937) – поэт; принимал участие в движении сектантов.

25 *Фёдор Михайлович Достоевский* (1821–1881) – писатель.

26 *Варнак* (диалектн.; сиб.) – каторжный, каторжник.

27 *Максим Горький* (наст. имя и фамилия: Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) – прозаик, драматург, эссеист.

Михаил СКУРАТОВ. АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ.
(Дополнение к моим воспоминаниям о нём в виде
письма-ответа литературоведу С.М.Сухопарову)

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

О *М.Скуратове* см. в примечаниях к его воспоминаниям "Неугомонный речетворец".

"Дополнение..." к основному тексту своих воспоминаний М.Скуратов написал в ответ на просьбу автора этих строк, изложенную в письме к нему от 27 июля 1987 г.: "<...> Могли бы Вы, и для дальнейшей работы и для ближайшей – комментариев Ваших воспоминаний, ответить на ряд моих вопросов? Дайте, пожалуйста, максимально полный подробный портрет Кручёных (с указанием

года). Если можно, выскажите своё отношение к брошюркам Кручёных о Есенине, а также – были ли у Вас с ним разговоры на эту тему? Может быть, Вы обсуждали их со своими соратниками? <...> М.б., Вы дали бы свои уточнения, которые и были бы приведены в комментариях? <...>”

¹ См. примечание 6 к воспоминаниям Е.Вяловой-Васильевой “Васильев и Кручёных”.

² См. примечание 1 к воспоминаниям В.Катаева “Вьюн”. В Москве Кручёных жил по адресу: ул.Кирова, дом 21, квартира 51.

³ Строка Н.Асеева из его стихотворного посвящения Кручёных.

⁴ Все свои многочисленные книги о С.Есенине Кручёных выпустил в 1926 г.

⁵ Оценка книг Кручёных о С.Есенине содержится в статье В.Маяковского “Как делать стихи?”: “<...> и кончая дурно пахнущими книжонками Кручёных, который обучает Есенина политграмоте так, будто сам Кручёных всю жизнь провёл на каторге, страдая за свободу, и ему большого труда стоит написать шесть (!) книжек об Есенине рукой, с которой ещё не стёрлась полоса от гремящих кандалов. <...>” (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти тт., т.12. М., 1959, с.97).

⁶ В статье “Как делать стихи?” (1926) В.Маяковский писал: “Стихи Кручёных: аллитерация, диссонанс, целевая установка – помощь грядущим поэтам” (указ. соч., с.88).

⁷ См. в сб. Кручёных “Зудесник. Зудутные зудеса” (М., 1922, с.10): “Кручёных – БУКА русской литературы... Истинный поэт... разрабатывающий слово! В.Маяковский”.

⁸ Ср. в воспоминаниях Вяч.Нечаева “Вспоминая Кручёных...”.

⁹ *Аввакум Петрович* (1620–1682) – глава старообрядчества и идеолог раскола в православной церкви, протопоп, писатель; был сожжён по царскому указу.

¹⁰ Кручёных никогда не был женат. Однако в статье авторитетного искусствоведа А.Н.Лаврентьева “Графика визуальной поэзии в творчестве Варвары Степановой” утверждается, что женой Кручёных была художница и заумная поэтесса *Ольга Владимировна Розанова* (1886–1918): “<...> Розанова представляла себе развитие беспредметной поэзии ещё в жанре литературы, подобно тому, как это делал её супруг, поэт Алексей Кручёных <...>” (“Interpress grafick”, Budapesht, 1982, № 1).

Николай АСЕЕВ. ОТЦЫ И ДЕТИ

Часть главы из поэмы Н.Асеева “Маяковский начинается”, печатается по тексту издания: Асеев Н. Н. Собрание сочинений в 3-х томах, т.3. М., 1964, с.416-419.

О *Н.Асееве* см. в примечаниях к его статье “Охота на гиен”.

В авторских пояснениях, которыми на самом начальном этапе работы над поэмой Н.Асеев предполагал предварить каждую главу в отдельности, к главе “Отцы и дети” он писал: “Эта глава – об общепринятых мнениях, о кружащемся граммофонном заводе общественного организма, который тянул бы без конца один и тот же мотив, если бы не лопалась движущая его пружина. Старая стёртая пластинка его отбрасывала вращательной силой всё, что препятствовало её однообразному движению. Время её завода исчислялось столетиями. Но

внутри вала налипали пылинки в глубине провинциального захолустья, нарастал скептицизм и недоверие по отношению к повторности движения. Мы были этими пылинками, микроскопическими задерживателями её кружения. Но были и другие – жирным маслом смазывавшие её завод. Между этими и теми шла борьба невиданная и упрямая. Борьба вкусов и симпатий, борьба осознания нового и привычки к старому” (Литературное наследство, т.93. М., 1983, с.460).

Как пишет литературовед А.Крюкова в своей статье “К творческой истории поэмы “Маяковский начинается”, “после публикации 1940 г. поэма выходила при жизни поэта ещё шесть раз. Каждое из этих изданий автор заново редактировал. В процессе этой работы поэт вносил ряд сокращений. Их можно рассматривать как результат своего рода “автоцензуры”, которая, безусловно, ухудшила произведение. Самым неудачным вариантом из названных изданий было издание 1951 г.: здесь впервые была снята нумерация глав, изменён подзаголовок, произведены значительные изъятия текста: исключена полностью глава XII “Хлебников”; изъятые части текста, посвящённые А.Е.Кручёных и содержащие упоминание о Хлебникове, сняты строфы о Художественном театре, о Левитане и др. В поэму были введены главы, написанные в 1950 г.: “Знаменосец революции” и “Открытие Америки”. Главы эти, очевидно, не удовлетворили самого автора, так как уже в следующем издании поэмы (1953), в котором сохранились все изъятия текста 1951 г., он исключил эти главы из состава поэмы и никогда более к ним не возвращался” (Литературное наследство, т.93, с.448).

Среди стихотворных фрагментов, не вошедших в поэму, сохранился относящийся к главе “Отцы и дети”:

Вы все с каждым годом становитесь глаже:
Работать, мол, легче и жить веселей;
Кручёных же лишней рубахи не нажил
На прочности вкусов своих и целей.

(Цит. по изд.: Литературное наследство, т.93, с.467).

Важная оценка Н.Асеева, данная им Кручёных и Хлебникову, содержится в стихах его незаконченной “поэтической панорамы” под названием “Повесть временных лет”, работать над которой он начал в 1940 г.:

Ещё Хлебников и Кручёных
были в поэтах полузапрещённых.

А критическим нашим раззявам
всё равно ведь с кем воевать:
формализм, футуризм или заумь,
было бы только что пожевать!

(Цит. по изд.: Литературное наследство, т.93, с.516).

¹ Подразумевается лекционное турне футуристов Д.Бурлюка, В.Каменского и В.Маяковского по городам России, начавшееся 14 декабря 1913 г. в Харькове и закончившееся 29 марта 1914 г. в Баку. Кручёных участия в нём не принимал.

² “Уголовные романы” Кручёных 1920-х гг.

³ Джеймс Джойс (1882–1941) – ирландский писатель-модернист.

Михаил ВЕРШИНИН. В ГРОЗНУЮ ПОРУ МОСКВЫ

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Михаил Максимович Вершинин (1923–1987) – журналист, литератор.

¹ *Лев Абрамович Кассиль (1905–1970) – прозаик, автор книг для детей и юношества; в 20-е гг. примыкал к Лефу.*

² *Осип Максимович Брик (1888–1945) – литературовед, писатель, драматург; идеолог Лефа.*

³ См. в статье "Окна ТАСС": "27 июня, в 4 часа дня, на Кузнецком мосту были вывешены "Окна ТАСС" – своеобразная форма изо-бюллетеня, созданная ещё в годы гражданской войны В.В.Маяковским и группой художников. <...> Боевая поэзия Маяковского, созданная в первые годы гражданской войны, остаётся и сейчас острым оружием. Под большим живописным рисунком, изображающим поимку диверсантов, – стихи Маяковского:

Товарищи, бдительны будьте,
О происке врагов не забудьте.

<...> По инициативе оргкомитета Союза советских художников созданы бригады художников и поэтов. Над "Окнами ТАСС" работают поэты: Кирсанов (бригадир), Адуев, Раскин, Слободской и др.; художники: Денисовский (бригадир), Черемных, Савицкий, Христенко, Бубнов, Радаков, Мальков и др. Отдельные "Окна ТАСС" будут размножаться до 300 экземпляров и расклеиваться на улицах Москвы. Лучшие "окна" предполагается отпечатать в больших тиражах для распространения по всему Союзу" ("Советское искусство", 1941, 29 июня).

⁴ *Павел Петрович Соколов-Скала (1899–1961) – художник.*

⁵ См. в статье Кручёных "О войне" (1944): "<...> Из стихов, написанных мною о войне и немцах в наши дни, могу указать на помещённые в <...> тетрадах: "Борису Пастернаку" в 1, 2 и 3-й (1942-1943 гг.), а также в тетради "Московские встречи" (1943). Есть [стихи] на эту тему и в тетрадах "Встречи с Мариной Цветаевой" (1943-1944 гг.). Привожу некоторые из них.

Брось, Адольф, ломать комедию –
божьи мельни мелют медля,
но быстрее, чем стая фурий,
скачет брюхом в бездну фюрер.

31.ХИИ–42 г.
("Б<орису > Пастернаку. Тетрадь II". 1942) <...>

Скорей гони
дубиной в домовину
фальшиста-висуна
горбатую свасти'ну...

1943

("Московские встречи". М., 1943)

(Цит. по: ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.3, л.5-6).

⁶ *Сергей Владимирович Михалков* (род. 1913) – поэт, драматург, эссеист; соавтор – совместно с поэтом Габриэлем Аркадьевичем Эль-Регистаном (1899–1945) – текста Государственного Гимна СССР (1943).

⁷ *Василий Дмитриевич Захарченко* (род. 1915) – поэт, эссеист; долгие годы (начиная с 1949) являлся редактором популярного в СССР журнала “Техника молодёжи”.

⁸ *Михаил Валентинович Кульчицкий* (1919–1943) – поэт.

⁹ *Николай Фёдорович Денисовский* (1901–1981) – график, педагог.

¹⁰ *Демьян Бедный* (наст. имя и фамилия: Ефим Алексеевич Придворов, 1883–1945) – поэт.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ. *НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АЛЕКСЕЕ КРУЧЁНЫХ*

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Леонид Николаевич Вышеславский (род. 1914) – русский поэт, живущий на Украине, эссеист, мемуарист; лауреат Государственной премии Украины им. Тараса Шевченко в области литературы (1989). В 1962 г. выпустил книгу стихов “Звёздные сонеты”, предисловие к которой написал первый космонавт планеты *Юрий Алексеевич Гагарин* (1934–1968). О нём см. также: Фрадкин И., Штейн А. Русские поэты на Украине. – “Литературное обозрение”, 1936, № 5, с.12; Вышеславский Л. Мой путь. – В его кн.: Стихотворения. М., 1974; О Леониде Вышеславском. Литературно-критические материалы. К., 1974; Куприянов И.Т. Леонид Вышеславский. Очерк жизни и творчества. К., 1984.

¹ *Григорий Николаевич Петников* (1894–1971) – поэт; участник сборника “Заумники” (М., “ЕУЫ”, 1922 – совместно с Хлебниковым и Кручёных, оформление художника А.Родченко). В октябре 1963 г. он завещал свой “титул” “Председателя Земного Шара–2”, присвоенный ему В. Хлебниковым в 1920-ом г., Леониду Вышеславскому (см. воспоминания последнего в журнале “Радуга”, Киев, 1988, № 7, с.108).

² Ошибка памяти мемуариста. Речь идёт о стихотворном сборнике Кручёных “Календарь” (М., 1926), вступление к которому, под названием “Взамен предисловия”, написал Б.Пастернак (текст его см. в настоящем издании).

³ Творческий вечер Б.Пастернака состоялся 15 декабря 1942 г.

⁴ Книга стихов Б.Пастернака “На ранних поездах” вышла в Москве в середине 1943 г. Один из экземпляров книги Кручёных послал находившемуся на фронте поэту, критику и библиофилу *Анатолию Кузьмичу Тарасенкову* (1909–1956), несколько раз до того просившего его в письмах прислать это издание. В письме от 29 июня 1943 г. А.Тарасенков радостно сообщал: “Милый Круч! Получил только что твою открытку и книжечки Пастернака и Суркова. Благодарности моей нет предела. На днях напишу тебе большое письмо и пришлю всяких наших новинок. А пока крепко обнимаю и сажусь упиваться стихами Бориса [Пастернака]. Открытка, на которой пишу, до некоторой степени историческая. Обнимаю, *Анатолий*” (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.52, л.27. Публикуется впервые).

⁵ *Лев Владимирович Рубинштейн* (1905–1980) – прозаик, автор нескольких книг для детей.

⁶ Александр Михайлович Лейтес (1899–1976) – критик, литературовед.

⁷ Этот фрагмент, в дополненном виде, позднее вошёл в мемуарный очерк Л.Вышеславского о Б.Пастернаке "Сквозь годы" (в его сб. "Наизусть. (Воспоминания)". М., 1989, с.45-46).

⁸ Николай Николаевич Ушаков (1899–1973) – поэт, переводчик, эссеист. Свои стихи печатал в "Новом ЛЕФе". В рецензии на третий сборник Н.Ушакова "Тридцать стихотворений" (1931) Д.Бурлюк подчёркивал, что поэт перебрасывает мост между Лефом и классическими традициями, против которых Леф восставал (см.: Бурлюк Д. Это не стекло, а бриллианты. – "Русский голос", Нью-Йорк, 1931, 22 ноября. – Здесь цит. по статье: Адельгейм Евг. Николай Николаевич Ушаков. – В сб.: Ушаков Н. Стихотворения и поэмы. ("Библиотека поэта. Большая серия"). Л., 1980, с.6).

⁹ Вышеславский Л. Уроки живой поэзии. – В сб.: О Николае Ушакове. (Статьи, очерки, воспоминания). К., 1977, с.44-73; Вышеславский Л. Уроки мастера. – В его кн.: Наизусть. (Воспоминания). М., 1989, с.144-152.

¹⁰ Собственные рассказы и рисунки детей. (Собрал А.Кручёных). СПб., "ЕУЫ", 1914.

¹¹ Единственная рецензия на уникальный сборник "Собственные рассказы и рисунки детей" появилась спустя три с половиной года после его выхода в свет в тифлисской газете "Кавказское слово" (29 октября 1917 г.). Её автор, Ю.Деген, писал: "Искание новых приёмов, эта постоянная забота каждого художника, закинувшая в своё время Гогена на нестерпимо красочные острова Таити, заставившая Пикассо выйти из круга понимания публики, обратила особое внимание русских футуристов на произведения детей. Долгое время покойный Н.Кульбин, а с ним и многие другие, самым кропотливым и внимательным образом собирали и изучали эти произведения, попадающиеся почти во всякой детской. В результате получилась преинтереснейшая коллекция произведений детского творчества, способных не только удивлять увидавшего их, но даже затронуть самые сокровенные струны в душе взрослого поэта и взрослого художника. Небольшая книжка рассказов и рисунков детей, собранная А.Кручёных, настолько интересна и поучительна в этом отношении, что даже и теперь, через три года после её издания, хочется об ней рассказать, тем более, что она очень мало известна как публике, так и писателям, а благодаря небольшому количеству экземпляров, в котором была отпечатана, она теперь является почти библиографической редкостью. В книжке напечатаны произведения 10 детей, причём, подбор произведений настолько удачен, что мы не встречаем здесь ни повторений, ни даже одинаковых темпераментов – сколько авторов, столько и лиц. <...>"

¹² Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) – прозаик, эссеист; первым в русской литературе писал стихотворения в прозе.

¹³ Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881) – писатель, драматург.

¹⁴ Речь идёт о втором, дополненном издании поэмы: Кручёных А., Хлебников В. Игра в аду. (Обложка и рисунки К.Малевича, О.Розановой). СПб., "ЕУЫ", 1914. Книга вышла в середине февраля 1914 г. тиражом 800 экземпляров.

¹⁵ См.: Гарбуз А.В. Карнавальная природа поэмы Хлебникова и Кручёных "Игра в аду". – Фольклор народов РСФСР. Песенные жанры, их межэтнические отношения, фольклорно-литературные связи. (Межвузовский научный сборник). Уфа, 1988, с.131-140.

16 Кручёных А. Взрваль. (Рисунки Н.Кульбина, Н.Гончаровой, О.Розановой, К.Малевича). СПб., "ЕУЫ"; 1913. Книга вышла в начале июня 1913 г. тиражом 350 экземпляров. Второе, дополненное её издание вышло в двадцатых числах декабря того же года тиражом 450 экземпляров. (См., например, резко отрицательный отклик на эту книгу: [Б.п.]. Обзор печати. – "Херсонские новости", 1913, № 22, 5 августа).

17 Имеются в виду стеклографированные сборники "Турнир поэтов" и "Литературные шушу(т)ки", вышедшие в 1928 г.

18 Под такой издательской маркой в 1929 г. в Москве вышло 2-е издание "Турнира поэтов".

19 Имеется в виду сб.: Турнир поэтов. (Примечания А.Кручёных; обложка К.Зданевича; портрет А.Кручёных – рис. И.Терентьева). М., 1929. Далее Л.Вышеславский рассматривает это издание.

20 *Вера Михайловна Инбер* (1890–1972) – писательница; входила в группу Литературный Центр Конструктивистов (ЛЦК).

21 *Илья Львович Сельвинский* (настоящее имя: Карл, 1899–1968) – поэт; лидер литературной группы конструктивистов (ЛЦК).

22 Приводится в сокращении.

23 *ЧОН* – части особого назначения, существовавшие в советской России в 1918–1924 гг.

Яков ШВЕДОВ. "НЕ ЗНАЯ СНА И ТИШИНЫ..."

Печатается по тексту машинописного альбома: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.3. (Частное собрание).

Яков Захарович Шведов (1905–1980) – поэт. Кручёных принадлежит одна из первых критических работ о его стихах: Кручёных А. Новейшие поэты: Яков Шведов. – "Жизнь искусства", Л., 1925, № 39, с.7-9. О взаимоотношениях Я.Шведова и Кручёных см. в воспоминаниях Н.Я.Гончаровой-Шведовой "Воспоминания детства", статье В.Лаврова "Оригинальный был человек!" и примечаниях к ним.

В ЦГАЛИ хранится портрет Я.Шведова работы Кручёных (бумага, графический и цветной карандаши). Под ним надписи, сделанные рукой Я.Шведова:

Бодрый –
Без особых примет,
Не чувствуя 42-х лет.

Яков Шведов,
г.Мариуполь – Москва,
апрель 1947 г.
Рисовал ученик Р<емесленного>
у<чилища> № 8 г.Мариуполя, правил
и раскрасил А.Е.Кручёных, Москва.
Я.Шведов.

(ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.29, л.1-1об).

Борис ПАСТЕРНАК. АЛЕКСЕЮ КРУЧЁНЫХ. (ВМЕСТО ПОЗДРАВЛЕНИЯ)

Печатается по тексту издания: Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2. М., 1989, с.541. Написано в честь 60-летия Кручёных. Впервые текст стихотворения был помещён в машинописном сборнике: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.4 (Частное собрание).

О *Б.Пастернаке* см. в примечаниях к его статье "Взамен предисловия".

Кручёных посвящено ещё одно стихотворение Б.Пастернака:

А.Е.КРУЧЁНЫХ

Вместе с Алёшей
В обществе муз
Жизнью хорошей
Не нахвалюсь.

И под руку с Морозовым –
Вергилием в аду, –
Всё вижу в свете розовом
И воскресенья жду.

8 августа 1943

(цит. по изд.: Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2, с.540). Это стихотворение было написано вскоре после возвращения Б.Пастернака из эвакуации в Москву. *Михаил Михайлович Морозов* (1897–1952) – переводчик, литературовед, театровед, редактор пастернаковских переводов В.Шекспира.

Виктор ШКЛОВСКИЙ. ПИСЬМО О ЛЮБВИ

Печатается по тексту машинописного альбома: День Рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.6. (Частное собрание).

Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – литературовед, критик, прозаик, киносценарист, эссеист; входил в Леф; был членом редколлегии "Нового ЛЕФа". В своей первой книге, посвящённой выявлению сущности русского литературного футуризма, В.Шкловский так характеризовал творчество Кручёных: "<...> И вот теперь, сегодня, когда художнику захотелось иметь дело с живой формой и с живым, а не мёртвым словом, он, желая дать ему лицо, разломал и исковеркал его. Родились "произвольные" и "производные" слова футуристов. Они или творят новое слово из старого корня (Хлебников, Гуро, Каменский, Гнедов), или раскалывают его рифмой, как Маяковский, или придают ему ритмом стиха неправильное ударение (Кручёных). Созидаются новые, живые слова. Древним бриллиантам слов возвращается их былое сверканье. <...> Слишком гладко, слишком сладко писали писатели вчерашнего дня. Их вещи напоминали ту полированную поверхность, про которую говорил

Короленко: "По ней рубанок мысли бежит, не задевая ничего". Необходимо создание нового, "тугого" (слово Кручёных), на видение, а не на узнавание рассчитанного языка. И эта необходимость бессознательно чувствуется многими. Пути нового искусства только намечены. Не теоретики, – художники пойдут по ним впереди всех. <...>" (Шкловский В. Воскрешение слова. СПб., 1914, с.13, 15).

Тридцать три года спустя, как бы продолжая эту тему, В.Шкловский записал в альбом Кручёных: "Круч! "Запасливый лучше богатого". Ты запасся "буквой как таковой" на тридцать три года вперёд. Смотри отсталую Францию. Доехали, а место уже закручено. (Смотри статью А.Лейтеса в "Литературной Газете"). Виктор Шкловский. 1 января 1947 г." (цит. по машинописному альбому: Новогодка 1947. Собрал Е.Лунёв. М., 1947, л.4. – Частное собрание).

Отдельная работа В.Шкловского посвящена изобретенному Кручёных заумному языку: Шкловский В. О поэзии и заумном языке. – Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916, с.1-16.

В составленном Кручёных машинописном альбоме "Встречи друзей" (1943) есть шутивная запись В.Шкловского: "Прибыл в распоряжение А Кручёных 25 января 1943 г. из Алма-Аты. Топить из меня сало и автографы нельзя. Виктор Шкловский, 50 лет" (цит. по публ. в газете "Литературная Россия", 1974, 18 января).

Сохранилось стихотворное посвящение Кручёных В.Шкловскому. Оно было написано в качестве "отдарка" на "Письмо о любви":

Это знает всяк:
Шкловский – мудрый остряк,
крепкий товарищ, добряк.
Когда же преградой
лицемерка скупая,
он –
бешенством вскипает!

(Цит. по: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.18. – Частное собрание).

¹ Михаил Петрович Погодин (1800–1875) – историк, писатель, журналист; ректор МГУ, академик. Собрал коллекцию исторических памятников: рукописей, книг, оружия, утвари, монет и др., которую в 1850-х гг. купило у него правительство России.

Михаил СВЕТЛОВ. ЗАСТОЛЬНЫЕ ШУТКИ

Печатается по тексту машинописного альбома: Новогодка. Собрал Е.Лунёв. М., 1947, л.6-7 (Частное собрание).

Михаил Аркадьевич Светлов (наст. фамилия: Шейнкман, 1903–1964) – поэт, драматург, эссеист.

Известны и другие стихотворные посвящения М.Светлова Кручёных:

Нет, ты не Байрон, ты другой –
Любимый, близкий, дорогой.

(Цит. по машинописному альбому: День рождения А.Кручёных. 22 февраля 1944 года: Телеграммы. Поздравления. Приветствия. Собрал Е.Лунёв. М., 1944, л.16. – ЦГАЛП, ф.1334, оп.2, ед. хр.63).

• • •

В смысле выпивки,
мы – Учёных!

• • •

Как свежий огурец среди огурцов мочёных,
Так между нами выглядит Кручёных.

(Оба экспромта цит. по машинописному альбому: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.5, 10. – Частное собрание).

¹ *Джокер* (англ.) – в некоторых карточных играх особая дополнительная карта в колоде.

² *Пилав* (тюркск.) – плов.

Леонид МАРТЫНОВ. "О НЕТ, КРУЧЁНЫХ НЕ ЗАЧАХ..."

Печатается по тексту машинописного альбома: Урожайный год. Сборник экспромтов и стихотворений Аль-Алисы, Ф.Буки, Л.Кассиля, С.Кирсанова, А.Кручёных, Е.Лунёва, Л.Мартынова, С.Михалкова, Н.Никодимова. Собрал Е.Лунёв. М., 1947, л.14. – Рукописный отдел Государственного Литературного музея (РО ГЛМ), ф.106, оф.7792.

Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980) – поэт. О его отношении к творчеству Кручёных см.: Старшинов Н. "Столкнуться с целым человечеством..." – Воспоминания о Леониде Мартынове. М., 1989, с.135-136.

Виссарион САЯНОВ. ВЕЧНО В ДВИЖЕНИИ

Печатается по тексту машинописного альбома: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.2. (Частное собрание).

Виссарион Михайлович Саянов (наст. фамилия: Махлин, 1903–1959) – поэт, прозаик, критик. В том же машинописном альбоме, откуда взято обращение В.Саянова к Кручёных, помещен ответный, обращённый к нему, стихотворный экспромт Кручёных без названия (л.22):

Вершины синего Сиона
влекут Саянова Виссариона.
Ликуй во всю, Виссарион Саянов,
любовью нашей осиянный!

¹ Термином *натуральная школа* обозначается существовавшая в 1840-1850-е гг. разновидность русского реализма. Главным идеологом этого направления (*школы*) являлся критик В.Белинский.

² То есть, с соратниками-футуристами.

Николай СТАРШИНОВ. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ФУТУРИСТОВ

Печатается по тексту: Старшинов Н. Что было, то было. Последний из футуристов. – "Литературная Россия", 1987, № 27, 3 июля.

Николай Константинович Старшинов (род. 1924) – поэт. О его отношении к творчеству Кручёных см. также: Старшинов Н. "Столковаться с целым человечеством..." – Воспоминания о Леониде Мартынове. М., 1989, с.135-136; Старшинов Н. "Ну, что поделаться с вами..." – В его сб.: Ранний час. (Стихи). М., 1977, с.38-39.

¹ *Дмитрий Борисович Кедрин* (1907–1945) – поэт; убит при ограблении.

² *Юлия Владимировна Друнина* (1924–1992) – поэтесса; покончила жизнь самоубийством.

Наум КОРЖАВИН. ОПЫТ ПОЭТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Отрывок из одноименного мемуарного очерка печатается по тексту журнала "Континент", München, Изд.: Континент, 1975, № 2, с.242-246.

Наум Коржавин (наст. имя и фамилия: Наум Моисеевич Мандель, род. 1925) – поэт, эссеист, драматург. Подробней его творческую биографию см.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988, с.385-387.

¹ См. в воспоминаниях поэта Н.Старшинова "Сороковые-роковые" и следующие годы": "Совершенно непонятная история связана с Наумом Коржавиным, тогда Эммануилом Манделем или Эмкой, как мы называли его в ту пору. Он появился в 1944 году в литературном объединении при издательстве "Молодая гвардия" совсем ещё мальчишкой – незастёгнутый будёновский шлем, изношенная шинель без хлястика, стоптанные валенки; большоголовый, возбуждённый, постоянно читающий стихи и в аудиториях, и в коридорах, и на улице. Фигура его из-за остроконечного шлема-будёновки и распахнутой шинели без хлястика была треугольной. Поэт и художник Виктор Гончаров сделал тогда очень удачный дружеский шарж... Наум читал стихи, которые всем, в том числе и мне, очень нравились, хотя я не совсем понимал их и даже считал, что он во многом заблуждается, честно, но заблуждается. В первую очередь это относилось к стихам о репрессиях 1937 года и о Сталине, к которому в ту пору я, как и многие, относился благоговейно. Читал он их не только в коридорах, но и с трибун. Одному Богу известно, почему сразу же после этих выступлений автора не отправили в края не очень отдалённые. Правда, его не принимали в Литературный институт как идеологически невыдержанного да ещё человека рассеянного – потерявшего свои документы. <...>" ("Литературная Россия", 1989, № 40, 6 октября, с.22).

² Неизвестный ранее эпизод, характеризующий отношения Кручёных и Н.Коржавина в те годы, см. в воспоминаниях В.Корнилова "Лицо запоминающееся" и примечании 6 к ним.

³ Подробнее о вызове Н.Коржавина на Лубянку и том, что произошло впоследствии, см. в воспоминаниях Н.Старшинова "Сороковые роковые" и последующие годы".

⁴ В Литературный институт им. Горького Н.Коржавин был принят в 1945 г.

⁵ *Гавриил Сергеевич Федосеев* (1893–1946) – директор Литературного института в первый послевоенный год.

⁶ *Фёдор Васильевич Гладков* (1893–1946) – прозаик. С 1945 по 1948 гг. был ректором Литературного института.

⁷ *Константин Георгиевич Паустовский* (1892–1968) – прозаик, мемуарист; в те годы вёл семинар в Литературном институте (см. в сб.: Воспоминания о Литинституте. М., 1983, с.316-318 и др.).

⁸ *Константин Фёдорович Телегин* (1899–1981) – генерал армии, участник гражданской, советско-финской и Великой Отечественной войн; после 1945 г. находился на военно-политической работе.

⁹ Ф.В.Гладков (см. примечание 6).

ЛИЦО ЗАПОМИНАЮЩЕЕСЯ. (ПИСЬМО ПОЭТА ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА)

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Название дано составителем.

Владимир Николаевич Корнилов (род. 1928) – поэт, прозаик; в 1945-1950 гг. учился в Литературном институте им. Горького, много лет состоял в СП СССР. Подробнее его творческую биографию см.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988, с.388-389.

¹ Об отношении Б.Слуцкого к Кручёным см. в его воспоминаниях "Кручёных", и примечаниях к ним. В письме к С.Сухопарову от 15 сентября 1988 г. В.Корнилов уточнял: "<...> Слуцкий считал себя футуристом. Бывало говорил: "Из футуристов там был только я...". Это было полушутливо-полусерьёзно. К тому же, он был очень добрый человек, всем помогал. Ходил почти на все похороны. Наверное, и Кручёных хоронил. Я на похоронах Кручёных не был. В разговорах со Слуцким я вряд ли упоминал Кручёных, зная, что тот нравится Слуцкому. <...> Дружбы между Кручёным и Слуцким не было. <...> Впрочем, Слуцкий был человек широкий. В душе, очевидно, не слишком, и самому себе не простил выступления против Пастернака. <...>" (Собрание С.Сухопарова. Эта и последующие приводимые выдержки из писем В.Корнилова публикуются впервые).

² См. дополнение В.Корнилова в его письме к С.Сухопарову от 15 сентября 1988 г.: "<...> В 1945 году я поступил в Литературный институт при Союзе писателей. Бывал в писательском Клубе довольно часто. В 1946-47 гг. студенты были прикреплены к писательской столовой (до декабря 1947 г. в стране была карточная система). Не было случая, чтобы, войдя в Клуб, я не встретил там Кручёных. Аппетита он мне не портил, но за стол к нему я не садился. И потом я часто встречал его в Клубе, но никогда не разговаривал. <...>".

³ Речь идёт об эссе Наума Коржавина "Опыт поэтической биографии", опубликованном в № 2 парижского журнала "Континент" за 1975 г. В этом же номере "Континента" было опубликовано окончание повести В.Корнилова "Без рук, без ног" (начало печаталось в № 1 журнала за 1974 г.).

⁴ В письме к С.Сухопарову от 16 августа 1988 г. В.Корнилов уточнил рост Кручёных: "<...> Думаю, в нём было 168-171 см, в этих пределах. <...>".

⁵ *Рогожин* – купец-убийца, один из главных героев романа Ф.Достоевского "Идиот" (1868).

⁶ В письме к С.Сухопарову от 16 августа 1988 г. В.Корнилов сообщал: "<...> Думаю, такая "развесистая" речь у него могла появиться из-за новой профессии маршана (продавца, коробейника). "Поэт издали заводит речь..." – это не о нём. Видимо, он с юности был говорлив, как почти всякий русский человек, а нужда продавать книги и прочее сделала его заправским купцом. Помню, что о Манделе (Коржавине) в апреле 1945 года он говорил медленно, с паузами, словно подбирал слова, короче, не показался оратором. Вообще, его речь напоминала речь второго человека, человека на подхвате, не лидера. Воспроизвести не могу, но существенных мыслей он не высказывал <...>".

К этому надо добавить, что Кручёных никогда не торговал своими книгами.

⁷ *Михаил Александрович Дмитриев* (1796–1866) – поэт, скандально известный своими полемическими выступлениями в 1824-1825 гг. против предисловия П.А.Вяземского к поэме А.Пушкина "Бахчисарайский фонтан" и комедии А.Грибоедова "Горе от ума".

⁸ Газета "Московская правда" – до конца августа 1991 г. была органом бывшего Московского городского комитета КПСС, сейчас – "ежедневная газета".

⁹ См. дополнение В.Корнилова в его письме к С.Сухопарову от 15 сентября 1988 г.: "<...> Фотография Пастернака у меня сохранилась, должна была сохраниться. Покупал её не я, а один из моих товарищей. Он уже умер. Нас было трое. Вообще, идея пойти к Пастернаку и попросить [его] надписать фотографии принадлежала не мне. Думаю, что меня взяли третьим потому, что за три фотографии Кручёных брал денег столько же, сколько за две или почти столько же, а денег у студентов всегда было не густо <...>". Об этом же см. и в воспоминаниях В.Корнилова "Борис Пастернак": "<...> В столовой Дома литераторов, где днём по карточкам обедали студенты, часто появлялся Алексей Кручёных. Он вытаскивал из портфеля разные старые книжонки или снимки и заламывал за них баснословные цены. Так, за три фотографии Пастернака он требовал сто рублей. Двое моих приятелей предлагали ему семьдесят за две штуки, но он упёрся и сказал: берите хоть одну, но меньше, чем за сотню, не отдам. Вот тогда-то они решили взять меня третьим. Я долго отнекивался: денег не было, к тому же мне казалось бестактным идти к Пастернаку просить, чтобы он надписал совершенно незнакомым людям свою карточку. Читать же ему стихи я, как уже сказал, не хотел. Неделю до самой стипендии два моих друга уламывали меня и в конце концов дожали. <...> Борис Леонидович завершил свой монолог, взял наши фотографии, полюбопытствовал, где мы их достали, и при слове "Кручёных" как-то скорбно помотал головой, что могло означать – такое блестящее начало и такой финал. <...>" ("Смена", М., 1990, № 4, с.103, 105).

¹⁰ Об отношениях Б.Пастернака и Кручёных см. в статьях: Christopher Barnes. Boris Pasternak and the "Bogeyman of Russian literature". – "Russian Literature", Amsterdam, 1978, VI, p.47-68; Сухопаров С. "Дорогий Альшо!.." (Борис Пастернак

і Олексій Кручоних)”. – В газете: “Укрводбудівець”, Каховка, 1987, №№ 96-99 и 1988, №№ 1, 2, 4-7, 11, 14, 15, 17, 18 (на украинском языке).

11 В.Корнилов дополнил это свидетельство в письме к С.Сухопарову от 16 августа 1988 г.: <...> Дело было в 1959 году, 31 декабря. Пастернак был уже исключён и освистан, а Асеев ругал его, так сказать, вслед. Ругань была полу-политическая-полукухонная. Прочтите статью (вторую) Асеева о Вознесенском в “Л<итературной> г<азете>”. Увидите, каким был Асеев. (Там он хвалит Хрущёва как пейзажиста!..) <...>”.

12 *Булат Шалвович Окуджава* (род. 1924) – поэт, прозаик, бард.

13 Обиходное сокращённое название “Литературной газеты”.

14 Скорее всего, речь идёт о профессоре славистики Венского университета Rosemarie Ziegler.

15 Неточная цитата первой строки первого заумного стихотворения Кручёных “Дыр бул щыл...”.

Наталья ГОНЧАРОВА-ШВЕДОВА. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Воспоминания составлены по текстам двух писем автора к С.Сухопарову от 23 сентября 1986 г. и 15 сентября 1992 г. Название дано составителем.

Наталья Яковлевна Гончарова-Шведова (род. 1947) – дочь поэта *Якова Шведова*. О взаимоотношениях Кручёных и Я.Шведова см. в примечаниях к стихотворению последнего *Не зная сна и тишины...* и в статье В.Лаврова “Оригинальный был человек!”

1 См. также в воспоминаниях Ю.С.Сенькиной-Тутовой “Сосед”.

2 *Эдуард Георгиевич Багрицкий* (наст. фамилия: Дзюбин, 1895–1934) – поэт.

3 *Александр Трифонович Твардовский* (1910–1971) – поэт, редактор журнала “Новый мир” в 1950-1954 и 1958-1970 гг.

4 *Алексей Иванович Фатьянов* (1919–19159) – поэт.

5 *Михаил Семёнович Голодный* (наст. фамилия: Епштейн, 1903–1949) - поэт.

ПИСЬМО С.Г.СТЕПАНОВОЙ К В.А.РОДЧЕНКО

Собрание В.А.Родченко. Публикуется впервые.

Светлана Георгиевна Степанова (род. 1921) – радиожурналист, автор стихов, пьес; двоюродная сестра В.А.Родченко (см. примечание 1).

1 Домашнее прозвище *Варвары Александровны Родченко* (род. 1925) – графика, дочери выдающегося советского художника-конструктивиста *Александра Михайловича Родченко* (1891–1956).

2 *Николай Сергеевич Лаврентьев* (род. 1921) – художник, фотограф, график; муж В.А.Родченко.

3 Ср. в воспоминаниях Л.Озерова “Селёдка в компоте”: “<...> Конец войны. Обедаем в Центральном Доме литераторов, в Дубовом зале. Приносят закуску и компот, начальное и конечное. Алексей Елисеевич нетерпелив. Он кладёт селёдку в компот. “Что вы делаете?” – не столько спрашиваю, сколько восклицаю.

"Делаю правильно: в животе они всё равно перемешаются – селёдка и компот. Я опережаю события. Это опережение – долг каждого уважающего себя художника. Ещё точнее: я пред-вкушаю. Вдумайтесь в слово, попробуйте дёрнуть его за корень. Выдернуть с корнем! Этим мы и занимались в юности. <...>" ("Смена", М., 1990, 3, с.54).

4 "Ревизор" (1835) – комедия Николая Васильевича Гоголя (1809–1952).

5 Лабардан – свежепросольная треска. См. в комедии "Ревизор" (действие III, явление 5 и 6):

Хлестаков. Я люблю поестъ. Ведь на что живёшь? Чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (подбегая). Лабардан-с. <...>

Хлестаков. Вздор: отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. (С декламацией.) Лабардан! Лабардан! <...>".

6 Варвара Фёдоровна Степанова (1894–1959) – живописец, график, театральный художник-конструктор, педагог; жена А.М.Родченко.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ. УТРЕННИЙ РОЖОК РОССИЙСКОГО ФУТУРИЗМА

Печатается по тексту второй, окончательной, редакции: Вознесенский А. Мне четырнадцать лет. – В его сб.: Прорабы духа. М., 1984, с.18-22. Название публикуемой главы дано составителем (с согласия автора).

Андрей Андреевич Вознесенский (род. 1933) – поэт, прозаик, эссеист. Воспоминания "Мне четырнадцать лет" впервые были опубликованы в журнале "Новый мир", 1980, № 9. Первая и вторая редакции имеют некоторые, незначительные, текстовые расхождения.

1 Впервые опубликовано в сб.: Асеев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1967, с.405-406. *Гитана* – испанская цыганка.

2 Асеев Н. Как быть с Вознесенским? – "Литературная газета", 1962, 4 августа.

3 В поэме Н.Асеева "Маяковский начинается" (1936) дана панорама жизни и творчества В.Маяковского.

4 Впервые стихи А.Вознесенского – *Земля (Мы любим босыми ступать по земле...)*, *Лирическое отступление (Наступила новая эра...)*, *Россия (Мы писали историю...)* – были опубликованы в "Литературной газете", 1958, 1 февраля.

5 В первой редакции: *цыплака* (с.160).

6 Несомненно, что в своих характеристиках Кручёных мемуарист идёт вслед за Н.Асеевым (см. отрывок из его эссе 1929 г. "Охота на гиен").

7 Первое издание книги стихов М.Цветаевой за 1916 год "Вёрсты" вышло в 1921 г. в Москве.

8 Ср. в заметке Юрия Нагибина "Ответ на ответ": "<...> Я хорошо знал старика [Кручёных], он загонял мне втридорога старые книги <...>" ("Советская культура", 1990, 17 ноября).

9 Об этом см. в воспоминаниях Л.Озерова "Селёдка в компоте".

10 Слово "заумь", изобретенное Кручёных, не только "встречалось в литературе" в те годы, но также было канонизировано в качестве афоризма в сб.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. (Литературные цитаты. Образные

выражения). М., 1955, с.203; 2-е издание – М., 1960, с.227: "ЗАУМНЫЙ ЯЗЫК. ЗАУМЬ. Термины, созданные поэтом и теоретиком футуризма А.Е.Кручёных. В "Декларации слова как такового" (1913) сущность "зауми" определена так: "Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком... но и личным... не имеющим определённого значения... заумным". На основании этой надуманной ложной теории поэты-футуристы создавали слова, лишённые всякого предметно-смыслового значения, писали, например, такие стихи: *Сержа мелепта сенял ок ризум мелева алик*. Поэтому термины "заумь", "заумный язык" стали употребляться в значении: язык, непонятный широким массам, вообще – бессмыслица". Сам Кручёных, понимая необходимость ритуальных ругательств в адрес зауми для её легализации, с гордостью сообщал в письме своей племяннице: "<...> Я уже писал (?), что в "Крылатых словах", собранных П.Ашукиным (Гиз, 1955), есть мои – конкурирую с Иоанном Златоустом!" (от 15 февраля 1956 г. Частное собрание).

11 Этот абзац в первой редакции отсутствует.

12 См. примечание 3 к статье Б.Пастернака "Кручёных".

13 Ср. со словами Б.Пастернака в письме к Кручёных от 10 октября 1934 г. по поводу данной ему рекомендации для поступления в Союз советских писателей: "<...> Уж ты не взыщи, сам виноват. Слишком давно и долго чуждался ты всего потного, капитального и почтенного, чтобы теперь вдруг стать претендовать на маститую солидность. <...>" (Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990, с.516).

14 Цитата из стихотворения Кручёных "Забыл повеситься..." (из его сб. "Взорваль", СПб., 1913).

15 Неточное название стихотворения Кручёных "Весна с двумя угощениями" из его сб. "Календарь" (м., 1926).

16 Персонаж стихотворной сказки А.Пушкина "Сказка о золотом петушке" (1834).

17 См. это место в стихотворении:

...Вот на столе пасхальном
Блюдоносном
Рассыпан щедрою рукою
Сахарный сохрун, мохнатенький мухрун,
Кусочки зользы
И сладкостный мизюль (мизюнь)
– Что в общежитьи называется ИЗЮМ!..

18 *Мизгирь*, торговый гость из посада царя Берендея, и *Девушка-Снегурочка* – персонажи оперы *Николая Андреевича Римского-Корсакова* (1844–1908) "Снегурочка. (Весенняя сказка)", написанной им в 1880-1881 гг.

19 *Л.С.Мизинова* – близкая знакомая русского писателя *Антон Павловича Чехова* (1860–1904).

20 "Дом с мезонином. (Рассказ художника)" – рассказ А.Чехова (1896).

21 *Мисюсь* – домашнее прозвище Жени Волчаниновой, одной из героинь рассказа "Дом с мезонином".

22 В первой редакции: "Он продал всех и вся, свою жизнь, друзей, стал воришкой, спекулянтом" (с.161).

²³ Ср. в статье Н.Харджиева "Полемика в стихах: Малевич против Кручёных и Клюна": "Как известно, "заумный" период Кручёных кончился в 1922 году. Дальнейшие этапы его поэтического развития были не менее плодотворны <...>" ("Russian Literature", Amsterdam, 1988, XXIY, p.145).

²⁴ Литературовед В.Перцов находил прямую переключку стихов А.Вознесенского 1970-х гг. с экспериментами Кручёных. В своей статье "Стихи не пишутся – случаются. (Штрихи к портрету Андрея Вознесенского)" он раздражённо отмечал: "<...> Не могу не сказать о цикле, названном "Мемориал Микельанджело", в недавно вышедшей вслед за "Дубовым листом..." второй большой книге – "Витражных дел мастер". На мой взгляд, такие, скажем, миниатюры, как "Истина", "Любовь", "Утро", "Гнев", "К Данте", "Творчество", никак не восходят к той школе основоположников советской поэзии, во главе которой непреложно ставим Маяковского, и заставляют вспомнить, что поэзия Вознесенского родилась в лоне архитектуры и шире – искусства изобразительного. Как совмещается эта классичность Вознесенского с произвольной невнятицей ряда его образов, которая сближает некоторые его стихи со словесными эпатажами Кручёных, что делает какую-то, пусть небольшую часть творчества Андрея Вознесенского явлением литературно вторичным?.. Кручёных был человеком односторонне талантливым, его односторонность как-то совмещалась в то время с духом протеста против застоя в русской жизни, но сегодня Вознесенский порой совершенно незакономерно возвращается к давным-давно пройденному русской поэзией. В интересном по художественному решению стихотворении "Гангстеры" поэт рассказывает, как он был ограблен в Риме. В тонком по юмору эпизоде стиха содержится совершенно ни с чем не связанная, но вполне сочувственная характеристика зауми <...> Не пора ли многоопытному мастеру стиха Андрею Вознесенскому полноценно утвердиться в своей яростной духоподъёмности и решительно отказаться от подражания заумникам? Мода проходит, искусство остаётся <...>" (Перцов В.О. Современники. Избранные литературно-критические статьи в 2-х томах, т. 2. М., 1980, с.378-380).

Юнна ТУТОВА-СЕНЬКИНА. *МОЙ СОСЕД*

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Этот текст был положен в основу выступления Ю.Тутовой-Сенькиной на вечере из цикла "Друзья поэта" в Государственном музее В.В.Маяковского, посвящённом 100-летию со дня рождения Кручёных (см.: "Литературная газета", 1986, 14 мая, с.7).

Юнна Сергеевна Тутова-Сенькина (род. 1920) – архивист; дочь художника-конструктивиста и фотографа *Сергея Яковлевича Сенькина* (1894–1963).

¹ Муж и жена *Александр Давидович Древин* (1889–1938) и *Надежда Андреевна Удальцова* (1886–1961) – художники-авангардисты. См. в посвящённой им статье искусствоведа М.Яблонской фрагмент о Кручёных начала пятидесятых годов и атмосфере коммунальной квартиры, где он жил: "<...> 1952 год. Дом ВХУТЕМАСа на улице Кирова. Издавна он был обиталищем многих выдающихся представителей русской дореволюционной и советской художественной культуры. Позднее, по чьей-то досужей идее, этот дом был превращён в скопище душных коммуналок. Так случилось и с квартирой 51. Помнится довольно тёмный, хотя и высокий, потолок общей кухни,

выщербленные бело-чёрные плитки пола, чистота и одновременно какая-то необжитость. Седой, худощавый и сутулый старик с ватой в ушах и в неизменной тюбетейке. Он склоняется над чем-то в булькающей маленькой кастрюльке и, помешивая в ней, непрерывно ворчит. Это глава футуризма, ныне пробавляющийся торговлей книгами, знаменитый в своё время бунтарь и новатор, яростный разрушитель косности, поэт, художник, библиофил Алексей Кручёных. Время от времени на кухне появляется некто пьяный, матерящийся, в незастёгнутом нижнем белье. Реже приходит небольшого роста женщина в тёмном, опрятном, видимо, единственном платье. Она сильно хромает, опираясь на клюку. <...>” (“Огонёк”, 1988, № 25, с.25).

² Кручёных был автором либретто “оперы” “Победа над солнцем”, написанной и поставленной в Петербурге в 1913 г. (“Пролог” В.Хлебникова, музыка М.Матюшина, костюмы и сценография К.Малевича). См. в тексте либретто:

“<...> Шум пропеллера за сценой. Вбегает молодой человек, поёт, испуганный, мещанскую песню:

ю ю юк
 ю ю юк
 гр гр гр
 пм
 пм
 др др рд рд
 у у у
 кн кн лк м
 ба ба ба ба”.

³ В группу кубо-футуристов “Гилея” входили братья Давид и Николай Бурлюки.

⁴ Об этом см. в письме бывшего левовца, кинорежиссёра *Сергея Иосифовича Юткевича* (1904–1985) к С.Сухопарову от 22 января 1984 г.: “<...> у нас [с Кручёных] была слишком большая разница в годах, у Бриков встречал его лишь издали и ближе узнал лишь в последние годы, и то как библиофила – Кручёных любил книги, и при его помощи я пополнил свою библиотеку – он доставал мне нехватящие полные собрания сочинений. Как поэта его значение, конечно, несравнимо с гениальным Хлебниковым, но я (вслед за Маяковским) ценил его эксперименты над обновлением слова... <...>” (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

⁵ В этом была заслуга И.Эренбурга (см. в воспоминаниях В.Нечаева “Вспоминая Кручёных”).

⁶ *Марина Ивановна Цветаева* (1892–1941) – поэтесса; с 1922 г. находилась в эмиграции, в 1939 г. вернулась в СССР. Б.Пастернак познакомил её с Кручёных, который был одним из немногих, кто открыто общался с ней в 1939-1941 гг. Об этом см. в книге воспоминаний Л.Либединской “Зелёная лампа” (М., 1966, с.120-133).

⁷ Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц*. М., 1963. (Собрание Ю.С.Туговой-Сенькиной).

⁸ Исследование Камиллы Грэй.

⁹ Д.Д.Бурлюк дважды приезжал в СССР: в 1956 г., по приглашению Союза писателей, и в 1965 г., по приглашению Н.А.Никифорова и Союза писателей.

¹⁰ Лев Никулин.

¹¹ См. запись в дневнике О.Н.Сетницкой от 29 мая 1968 г.: "Позвонила ему в субботу. Он взял трубку и упал на пол. Были врачи и психиатр, щупали, мяли суставы, взяли кровь [для анализа]. Лекарства от сердца не принимает. Соседка (Анна Васильевна Сенькина, вдова художника) варит ему кашу" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.195).

¹² Эту премию А.А.Ахматова получила в 1964 г.

¹³ Кремация тела поэта была произведена 21 июня 1968 г.

¹⁴ См. примечание 10 к статье "Вечер в честь 80-летия Алексея Елисеевича Кручёных. 31 мая 1966 г."

¹⁵ По рассказам очевидцев, на городскую свалку было вывезено много вещей и книг Кручёных.

**Андрей ЧЕРНОВ. ГЕНЕЗИС ПРОЗЫ И СТИХА.
(ТРАКТАТ И В ПРОЗЕ И В СТИХАХ)**

Печатается по тексту: Чернов А. Генезис прозы и стиха. (Трактат и в прозе и в стихах). – "Литературная учёба", 1982, № 3, с.215.

Андрей Михайлович Чернов (род. 1951) – поэт, эссеист.

Лев ОЗЕРОВ. СЕЛЁДКА В КОМПОТЕ

Печатается по тексту журнала "Смена", М., 1990, № 4, с.53-59.

Лев Адольфович Озеров (род. 1914) – поэт, переводчик, литературовед, доктор филологических наук, профессор Литературного института им. Горького (Москва).

¹ Из поэмы Н.Асеева "Маяковский начинается" (1936-1939).

² *Бекеша* – мужское пальто в талию со сборками.

³ Ср. в стихотворении Кручёных кавказского периода:

Надо прыгом урвать
у немахи-судьбы
замотанные в тряпье четыре слова...

⁴ В № 2 "ЛЕФа" за 1924 г. была опубликована небольшая поэма Кручёных "Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица", форму которой он обозначил как "уголовный роман". В 1927 г. Кручёных издал на собственные средства книгу "Четыре фонетических романа", куда вошли четыре небольшие поэмы, до того обозначавшиеся им как "уголовные романы".

⁵ Впервые роман *Всеволода Вячеславовича Иванова* (1895–1963) "У" был издан на Западе (Lausanne, 1982), а в СССР – только в годы т. н. "перестройки".

⁶ Повесть А.Вознесенского "О" была напечатана в журнале "Новый мир", 1982, № 11.

⁷ *Ксения Михайловна Асеева-Синякова* (1900?–1985) – жена Н.Асеева.

⁸ См. примечания к стихотворению Н.Асеева "Отцы и дети".

⁹ Книга Кручёных "Стихи В.Маяковского. Выпуг" вышла во второй половине февраля 1914 г. тиражом 1000 экземпляров. Она заканчивалась следующим пассажем (с.29):

"Время настало!

Люди, полюбившие кино, Танго и Линдера-трансформатора, полюбят и Маяковского.

Эй, иди!

Время настало!!!"

¹⁰ В предисловии ко второму изданию своей книги о языке В.Ленина Кручёных писал: "<...> Настоящая работа является первым шагом по пути создания науки о ленинском языке. <...>" (с.2). Одновременно Кручёных исследовал особенности языка ещё одного вождя революции, Л.Троцкого. 29 декабря 1924 г. заведующий московским издательством "Всероссийского союза поэтов" И.Грузинов направил письмо в центральный цензурный комитет, Главлит, с просьбой "дать разрешение на печатание прилагаемой рукописи книги Кручёных "Язык Троцкого". Тираж 3000 экземпляров" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.235). Книга издана не была.

¹¹ См. примечание 1 к воспоминаниям Н.Старшинова "Последний из футуристов".

¹² Александр Кочетков – поэт.

¹³ Генрих фон Клейст (1777–1811) – немецкий поэт, драматург, новеллист.

¹⁴ Николоз Мелитонович Бараташвили (1871–1845) – грузинский поэт.

¹⁵ Владимир Евграфович Татлин (1885–1953) – живописец, график, художник-конструктор, театральный художник, педагог; автор "Летатлина" – конструкции из двух соединённых между собой гигантских крыльев, предназначенной для полётов человека.

¹⁶ Сталактит – известковый нарост на потолке пещеры, образованный просачивающимися каплями (С.И.Ожегов). Применительно к комнате Кручёных, грудам книг, высившихся почти до потолка, Л.Озеров, вероятно, хотел использовать другой термин – сталагмит (противоположное сталактиту).

¹⁷ Из стихотворения Кручёных 1950-го г. Велимир Хлебников в 1910-1916 гг. (первоначальное название: Велимиру Хлебникову). Впервые было опубликовано в томе 93 "Литературного наследства" (М., 1983, с.514-515), где его авторство ошибочно приписывалось Н.Асееву. Вариант этого стихотворения, любезно предоставленный нам Г.Айги, опубликован в херсонской газете "Надніпряньська правда" (1986, 21 февраля. Публикация С.Сухопарова).

¹⁸ Текст этого стихотворения см. в кн.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, с.131. Стоит сравнить приём зачина этого и предыдущего стихотворений Кручёных (на что особо обращает внимание Л.Озеров) с началом стихотворения Е.Гуро 1913 г.:

Ветрогон, сумасброд, летатель,
создатель весенних бурь,
мыслей взбудораженных ваятель,
гонящий лазурь!..

(Цит. по сб.: Садок Судей II. СПб., 1913, с.74).

19 "Родной край", Херсон, 1909, 4 сентября, с.3.

20 *Зинаида Николаевна Гиппиус* (1869–1945) – поэтесса; принадлежала к лагерю символистов.

21 Речь идёт об экспромте Кручёных, обращённом к поэту и переводчику *Давиду Григорьевичу Бродскому* (1899–1966):

Хлёсткий, броский,
книголюбец
Давид Бродский.
Добродушный эрудит,
никому не повредит.

(Цит. по машинописному альбому: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.23).

22 См. в "Автобиографии дичайшего" Кручёных: "<...> В 1908-1910 гг., посетив многообразно прихварывающий Херсон, издал там 2 литографированных альбома "Весь Херсон в карикатурах", сильно взбаламутивших мою родину. Помню такой случай: встречает меня в магазине один из пострадавших дворян в жёлто-гусарском "околыше" и угрожает: "Если вы не изымете карикатуру на меня, то будете избиты". На что я скромно: "В чём дело? Бейте!" – "Нет, я вас повстречаю в тёмном переулке и там..." – "Ну, такие не бьют, которые обдумывают, как бы встретить в тёмном переулке!" Так меня и не побили... Я и не жалею... <...>" (Кручёных А. 15 лет русского футуризма. 1912-1927 гг. Материалы и комментарии. М., 1928, с.58).

23 В данном случае автор остановился на самых видных деятелях Лефа, отвечавших рапповцам такой же взаимностью.

24 24 ноября 1935 г. Л.Ю.Брик написала письмо И.Сталину, в котором выражала обеспокоенность за судьбу творчества Маяковского и памяти о нём: "<...> Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованность и сопротивление – и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского" ("Дружба народов", 1989, № 3, с.221). Вскоре на этом письме появилась резолюция И.Сталина, где были и такие слова: "<...> Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление. <...>" (Там же, с.224). В дальнейшем произошло то, что Б.Пастернак жёстко охарактеризовал в своём мемуарном очерке "Люди и положения" (1956-1957): "Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен".

25 *Павел Григорьевич Антокольский* (1896–1978) – поэт.

26 Цитата из поэмы "Игра в аду" (1912).

27 Дарственная надпись от 20 апреля 1944 г., сделанная поэтом, переводчиком, прозаиком *Викентием Викентьевичем Вересаевым* (наст. фамилия: Смидович, 1867–1945) на книге его переводов "Гомеровы гимны".

28 В 1928 г. Кручёных выпустил книгу своих стихотворных кинорецензий "Говорящее кино. 1-я книга стихов о кино" (авторское издание).

29 См. примечания к стихотворению Е.Евтушенко "Непонятым поэтам".

Борис СЛУЦКИЙ. ТАКАЯ КНИЖЕЧКА

Подлинник текста стихотворения хранится в фонде Б.Слуцкого в ЦГАЛИ. Текст для публикации предоставлен Ю.Л.Болдыревым. Публикуется впервые. Дата написания стихотворения не установлена, предположительно – середина 1960-х гг.

О *Б.Слуцком* см. в примечаниях к его эссе "Кручёных".

¹ *Парнас* – в греческой мифологии место обитания покровителя искусств бога Аполлона и муз.

Юрий ДЕНИСОВ. ЛЕОПАРД ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ АРМИИ

Публикуется впервые.

Юрий Васильевич Денисов (род. 1936) – поэт и переводчик, автор сборников стихов "Этажи" (1971), "Повседневье" (1982), "Теперь" (1990), а также книг переводов стихов и прозы, в основном, с украинского языка. Воспоминания "Леопард футуристической армии" написаны специально для настоящего сборника. В письме к С.Сухопарову от 21 октября 1992 г. Ю.Денисов сообщал: "<...> Воспоминания я написал. Много забылось. Кое-что можно было бы восстановить по памяти с помощью тех, кто присутствовал на той встрече. Она незабываема. У нас в те годы перебивала уйма письменников, поэтов, отечественных и зарубежных, но одной из самых памятных и интересных встреч была встреча с Алексеем Елисеевичем. Помнится, он тогда сильно ругал Хрущёва, видимо, за его кампанию, направленную против абстракционистов. Этого я не помню, но на это мне указал мой товарищ В.Комиссаров, у которого хранится автограф Кручёных" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

¹ В основу тома "Избранного" Кручёных, выходу которого в свет Ю.Денисов отдаёт много сил и времени, была положена рукопись первого – двухтомного – Собрания произведений поэта (стихи, проза, критика, теория, манифесты, предисловия, письма), подготовленная С.Сухопаровым для московского литературного агентства "Гилея" (об истории подготовки и неиздания этой рукописи см.: Стенограмма "квадратного стола". – В газете: "Авангардисты в Херсоне", Херсон, 1991, вып. 2, 9 февраля; Сухопаров С. "Всё ощутимее света уход..." (Три недели в Западной Германии). – "Народна трибуна", Нова Каховка, 1992, № 26, 22-27 червня). Ю.Денисов дополнил эту рукопись рядом стихов Кручёных, частично дорабатывал примечания, по требованию издательства "Алиса" перерабатывал уже готовую рукопись, организовал её редакцию (которую осуществил литератор Борис Романов), взял на себя печатные работы.

² Из стихотворения *Евгения Михайловича Винокурова* (1925–1993) *Абсурд* (Винокуров Е. Собрание сочинений в 3-х томах, т.1. М., 1983, с.477). Ср. в стихотворении Н.Глазкова "Ночь легла в безжизненных и чёрных..." (1939):

Ночь легла в безжизненных и чёрных,
Словно стёкла выбил дебошир...
Но не ночь, а – как сказал Кручёных –
Дыр – Бул – Щил...

³ Из стихотворения Н. Старшинова "Ну что поделатъ с вами?.." (1975):

...А мы не из учёных,
Но тоже знаем, друг,
Был фокусник Кручёных
И был фигляр Бурлюк.

Как бы смеясь над вами,
Они в свой шумный час,
Жонглируя словами,
Опередили вас.

Вот слава им досталась,
Вот было торжество!..
А что от них осталось?
Да в общем – ничего...

Ср. последнюю строфу с высказыванием поэта *Александра Андреевича Прокофьева* (1900–1971) в его статье "Мы – солдаты партии": "<...> рядом с Маяковским "искали" Бурлюк и Кручёных. Что осталось от них? Что осталось, например, от словесной зауми Кручёных, от его "Дыр-бул-щыл", от немислимых анекдотических словосочетаний и звуков? Конечно, Кручёных и такие, как он, рассчитывали на вкусы снобов. Все их нелепости были направлены на ошарашивание околотитературного обывателя. <...>" ("Литературная газета", 1963, № 30, 9 марта).

⁴ Старшинов Н. "Столковаться с целым человечеством..." – Воспоминания о Леониде Мартынове. М., 1989, с.135-136.

⁵ *Эдмунд Феликсович Иодковский* (род. 1932) – поэт, переводчик; в настоящее время – редактор-издатель московского ежеквартальника "Литературные новости" (первый номер его вышел 22 февраля 1992 г.).

⁶ Об этом фото см. в воспоминаниях М. Скуратова "Неугомонный речетворец" и в примечаниях к ним, а также в его приложении "Алексей Кручёных. (Дополнение к моим воспоминаниям о нём в виде письма-ответа литературоведу С.М. Сухопарову)" и в примечаниях к нему.

⁷ Цитата из стихотворения *Воронья осень* из сборника Кручёных "Заумь" (М., 1921).

⁸ Цитируется отрывок из стихотворения Кручёных *Весна с двумя угощениями* из его сборника "Календарь" (М., 1926).

⁹ Об этом см. также в воспоминаниях Н. Никифорова "Что вспомнилось" и в примечании 4 к ним. Иная точка зрения у литературного критика *Станислава Борисовича Рассадина* (род. 1935), которую он изложил в своей статье "Разве ж французы могут?": "В самом конце 50-х я несколько раз захаживал к старику Асееву: томило любопытство, какими они были, люди Маяковского (томило недолго). Однажды, придя, застал Николая Николаевича играющим в карты – даже не со стариком, а старичком вполне затрапезного вида. Асеев был зол: проигрывал; тем не менее, завидя меня, вскричал фальцетом:

– Смотрите, Станислав! Играют два последних футуриста!

Партнёр запротестовал: "последний" показалось обидным. Асеев его успокоил, объяснив, что это – в смысле их возраста, и немногим спустя тот (оказалось – Кручёных) сообщил мне с отчётливой гордостью:

– Французы наконец-то перевели *дыр бул щил...*

(Произнёс, впрочем, "щыл" – мягкое "щ" подпёр грубым и толстым "ы").

– ...Но разве ж они могут? Что у них за язык? Получилось – он с отвращением протянул-програссировал: – ди-иг... бю-юль... чи-иль...

Как все беспричинные и бессмысленные воспоминания, это тоже кажется исполнены сразу множества смыслов: тут вроде бы и *sic transit* словесного авангарда, его поистине *транзитная* роль, и застарелая наша гордость – "что русскому здорово, то немцу смерть", и, при такой повышенной гордости, странная её зависимость: ОНИ признали тебя. ТЕ. Которые ТАМ. <...>"

Великая литература, великая страна (не супердержава – Россия), и такой постоянный комплекс неполноценности. <...>" ("Литературная газета", 1991, № 48, 4 декабря, с.9).

10 Неточная цитата из стихотворения В.Маяковского "Приказ по армии искусств" (1918):

...Громоздите за звуком звук вы
и вперёд,
поя и свища.
Есть ещё хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ща.

11 *Корней Иванович Чуковский* (наст. имя: Николай Васильевич Корнейчук, 1882–1969) – поэт, переводчик, критик, журналист. В 1910-е гг. одним из первых стал писать о русских футуристах. Позднее издал сборник статей "Футуристы" (Пг., 1922), где писал о Кручёных: "Но пусть другие смеются над ним, для меня в нём пророчество, апокалипсис, перст, для меня он так грандиозен и грозен, что всю предреволюционную нашу эпоху я готов назвать эпохой Кручёных!" (с.32).

12 Неполная цитата из пятого стиха первой главы романа в стихах А.Пушкина "Евгений Онегин" (1833):

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

13 См. в тексте повести: "<...> Между тем из конюшни выпрыгнул солдат, послышался стук копыт, наконец, показался другой, в белом балахоне, с чёрными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдруг подняв голову, чуть не подняла вверх присевшего к земле солдата вместе с его усами. "Ну ж, ну! Аграфена Ивановна!" – говорил он, подводя её под крыльцо. Кобыла называлась Аграфена Ивановна <...>" (Гоголь Н.В. Собрание сочинений, т.3. М., 1977, с.149).

14 Персонаж повести Н.Гоголя "Мёртвые души" (1842).

15 *Пузатый Пацюк* – персонаж повести Н.Гоголя "Вечера на хуторе близ Диканьки" (1831-1832). Примечательно, что в одной из сцен он изображён поедающим пищу из миски на манер свиньи, то есть, соответственно своему прозвищу – *Пацюк*.

16 *Пацюк*: 1) крыса; (серая) пасюк; 2) *обл.*: поросёнок. – Цит. по изд.: Українсько-російський словник. К., 1971, с.549.

17 О "Турнире поэтов" см. в воспоминаниях Л.Вышеславского "Несколько слов об Алексее Кручёных" и примечаниях к ним.

18 Этот экспромт В.Маяковского впервые был приведен Кручёных в его предисловии к первому "Турниру поэтов" (М., 1928, с.2). Беловой автограф экспромта, датированный 23 декабря 1922 г., находится в Отделе рукописей Государственного музея В.В.Маяковского в Москве (см.: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т.13. М., 1961, с.146, 359).

19 См. экспромт поэта-лефовца С.Кирсанова:

Был у курицы курчонок
под названием Кручёных.
Вой поднялся у курчат,
те орут, а те кричат:
– Бить хлыстом, стегать бичом!
А курчёнку – нипочём!

(Цит. по: Турнир поэтов. М., 1930, с.4).

20 Корбет Дж. Леопард из Рудрапраяга. М., 1959.

21 *Джим Корбетт* (1875–1955) – охотник, натуралист, писатель, полковник английской армии. Книга "Леопард из Рудрапраяга" была написана им в 1948 г.

22 В письме к С.Сухопарову от 5 января 1993 г. В.Г.Комиссаров сообщал:

"<...> Запомнилось довольно неприязненное отношение Кручёных к тогдашнему главе партии и государства. Я имею в виду Никиту Сергеевича [Хрущёва]. Он даже прочитал несколько своих едких эпиграмм, адресованных всеильному ещё тогда Хрущёву. Признаться, смелость суждений поэта о нашей советской действительности многих из нас потрясла. Но ершистый футурист оставался самим собой.

Когда встреча подходила к концу, мы потянулись к Алексею Елисеевичу за автографами. У меня под рукой оказалась книга английского писателя и охотника Джима Корбетта "Леопард из Рудрапраяга". Поэт раскрыл её, нисколько не задумываясь, перечеркнул слова "из Рудрапраяга" и написал: "Это я – леопард футуристической армии". Поставил дату и учинил свою подпись <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

23 Собрание С.Сухопарова. Ср. с записью в дневнике О.Н.Сетницкой от 13 марта 1960 г.: "<...> А<лексей> Е<лисеевич> экзаменовал: у Гоголя какие отрицательные персонажи названы именами животных и какое животное – человеческим именем (лошадь Аграфена Ивановна в "Коляске"). О сдвигах в "Незнакомке". Все провалились на этом экзамене. <...>" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.183).

Дмитрий МОЛДАВСКИЙ. АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту журнала "Нева", 1986, № 11, с.202-204.

Дмитрий Миронович Молдавский (1921–1987) – критик, фольклорист, художник, искусствовед. В письме к С.Сухопарову от 5 марта 1986 г. Дм.Молдавский писал о судьбе своих воспоминаний о Кручёных (помещаемых здесь): "<...> У нас пока Кручёных боятся: "Звезда" и та не взяла... Дал в "Неву". Что будет – не знаю. И

там и там меня печатают охотно, но предрассудки сильны... <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые). См. также фрагмент воспоминаний о Кручёных: Молдавский Дм. Поэзия и фольклор. – Воспоминания о Николае Асееве. М., 1980, с.220-221.

¹ Проспект в центральной части Санкт-Петербурга.

² Цитата из стихотворения В.Маяковского "Лиличка! (Вместо письма)".

³ Хлебников В. Время – мера мира. Пг., 1916.

⁴ Пятитомное собрание произведений В.Хлебникова, под редакцией Ю.Н.Тынянова и Н.Л.Степанова, вышло в 1928-1933 гг. в Ленинграде.

⁵ См. примечание 6 к воспоминаниям М.Матюшина "Мне были близки его идеи".

⁶ См. в статье В.Маяковского "Как делать стихи?" (1926): "Стихи Кручёных: аллитерация, диссонанс, целевая установка – помощь грядущим поэтам" (Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т.12. М., 1959, с.88).

⁷ Характеристика Кручёных, данная Маяковским.

⁸ *Беломоро-Балтийский канал имени И.В.Сталина* соединил Белое море с Онежским озером. Его строительство началось в конце 1930 г., а закончилось 2 августа 1933 г. См. сб.: *Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства.* Под. ред. М.Горького, Л.Л.Авербаха, С.Г.Фирина. М., 1934.

⁹ Об И.Терентьеве см. в примечаниях к его стихотворению "Алексей Кручёных". По сведениям Т.Никольской и М.Марцадури, "в 1931 г. И.Терентьев был арестован. Провёл в тюрьме один год, затем был приговорён к пяти годам лагерей и отправлен в Карелию на строительство Беломорского канала. Здесь И.Терентьев организовал театральную труппу, Повенецкую агитбригаду, известность которой вышла за пределы лагеря. Работал он также на строительстве канала Москва-Волга и, наконец, получив различные награды, был в 1935 году освобождён. <...>" (Терентьев И. Собрание сочинений. Вологда, 1988, с.18-19). Подробнее об этом см. в статье С.Кудрявцева "Гулаг для футуриста". – "Новая Ганзейская газета", Таллинн, 1991, № 10, июль, с.6. См. также главу "Агитбригады" в кн.: Авербах И.Л. От преступления к труду. Под ред. А.Я.Вышинского. М., 1936, с.79-89.

¹⁰ *Илья Арнольдович Ильф* (1897–1937) и *Евгений Петров* (наст. имя и фамилия: Евгений Петрович Катаев, 1903-1942) – писатели-сатирики, соавторы широко известных романов в этом жанре "Двенадцать стульев" (1928) и "Золотой телёнок" (1931).

¹¹ *Леопольд Леонидович Авербах* (1903–1938) – литературный критик, один из руководителей РАППа.

¹² Возможно, имеется в виду лидер литературной группы конструктивистов, враждовавшей как с Лефом, так и лично с возглавлявшим его В.Маяковским.

¹³ *Евгений Абрамович Баратынский* (1800–1844) – поэт.

¹⁴ Некоторые из этих стихотворений Кручёных были опубликованы Дм.Молдавским в журнале "Нева", 1986, № 11, с.204-205.

Евгений ЕВТУШЕНКО. НЕПОНЯТЫМ ПОЭТАМ

Печатается по тексту первопубликации в журнале "Юность", 1985, № 9, с.9.

О *Евг.Евтушенко* см. в примечаниях к его статье "Он был автографом эпохи".

Оценку этого стихотворения см. в воспоминаниях Л.Озера "Селёдка в компоте".

Евгений ЕВТУШЕНКО. ОН БЫЛ АВТОГРАФОМ ЭПОХИ

Собрание С.Сухопарова. На русском языке публикуется впервые. В переводе на украинский язык, под названием "Він був автографом епохи", этот текст публиковался в газете "Ленінський прапор", Херсон, 1986, № 22, 20 лютого. Название дано составителем (с согласия автора).

Евгений Александрович Евтушенко (род. 1933) – поэт, прозаик, эссеист.

Публикуемая статья была написана им в качестве предисловия к однотомнику стихотворений Кручёных под названием "Жизнь только начинается...", подготовленного С.Сухопаровым в конце 1985 г. для издательства "Таврия" (г.Симферополь. Официальную поддержку этому несостоявшемуся изданию, приуроченному к 100-летию со дня рождения поэта, осуществлял ответственный секретарь Херсонской организации Союза писателей Украины М.Братан). В середине января 1986 г. Евг.Евтушенко прислал письмо и своё вступительное слово к сборнику, которое не было им озаглавлено.

Два года спустя Евг.Евтушенко опубликовал в московском журнале "Огонёк", где вёл беспрецедентную поэтическую антологию "Русская муза XX века", свою окончательную оценку Кручёных, которая, впрочем, по существу мало чем отличалась от сформулированной им в статье "Он был автографом эпохи":

"Теперь начать о Кручёных главу бы..." – так писал Н.Асеев в поэме "Маяковский начинается", связывая имя и судьбу великого поэта, ставшего памятником и кораблями, с именем почти забытого его сподвижника по футуризму, ставшего на старости лет всего-навсего лишь собирателем и торговцем редкими книгами и автографами. Между тем, Кручёных сам был редким автографом истории – и не только раритетом-загогулиной, раритетом-кляксой.

Его знаменитое "Дыр... Бул... Шыл..." прочно приклеилось к его фамилии. Как будто провидчески настраиваясь на свою будущую профессию неофициального букиниста, Кручёных навывпускал огромное число малотиражных книжечек – иногда с собственными рисунками и аппликациями, ныне превратившихся в чернорыночные драгоценности.

Кручёных создавал и серьёзные, а подчас и трагически-завораживающие произведения, несмотря на зубоскальски-пренебрежительное отношение к себе со стороны литературных "пуристов". Таково это, в чём-то кафкианское стихотворение "В полночь я заметил...". Пастернак писал во вступлении к одной из книжек Кручёных: "несколько слов о последнем [об искусстве. – Е.Е.]. Ты на его краю. Шаг в сторону, и ты вне его, т.е. в сырой обывательщине, в которой больше причуд, чем принято думать. Ты живой кусочек его мыслимой границы..." Точнее не скажешь" ("Огонёк", 1988, № 18, с.9).

¹ Слова из советского шлагера 60-х годов.

² Авторство этого экспромта принадлежит С.Третьякову (см. в тексте воспоминаний Л.Вышеславского "Несколько слов об Алексее Кручёных" и примечании 19 к ним).

Николай НИКИФОРОВ. ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Николай Алексеевич Никифоров (род. 1914) – журналист, архивист, крупнейший советский коллекционер. С 1958 г. – приёмный сын Д.Д.Бурлюка. О своём знакомстве и последующей дружбе с главой русских футуристов Н.Никифоров сообщал в письме к С.Сухопарову от 29 января 1992 г.:

"<...> Лично с Давидом Давидовичем и Марией Никифоровной Бурлюками я познакомился в их приезд в Союз в 1956 году в Москве, в Музее Маяковского. Это был его первый приезд после 1918 года, когда он <...> оказался в Сибири, попал на Дальний Восток, затем в Японию, из Японии – в Америку, где в 1934 году принял подданство [США], но всё время, до самой своей смерти, оставался русским патриотом, полпредом нашего искусства в Америке. <...> В 1956 году, 31 декабря, я впервые получил коротенькое поздравление от милых Бурлюков. С тех пор между нами завязалась активная переписка: я получал от Д<авида> Д<авидовича> два-три письма в неделю, а иногда случалось, и два в день. Помимо писем, он присылал свои издания, выходившие в Америке <...> В 1958 году он очень осторожно предложил мне стать моим приёмным отцом, чтобы иметь возможность присылать мне свои архивы, свою переписку с многочисленными корреспондентами почти со всего мира. Это было вызвано тем, что, как он узнал, все посылаемые им в библиотеки Москвы и Ленинграда материалы не сохранялись, считались макулатурой. Об этом ему сообщили несколько человек, кто обращались в эти библиотеки. И с 1958 года все письма Д<авида> Д<авидовича> ко мне начинались словами: "Наш дорогой сын Коля!" <...> Д<авид> Д<авидович> познакомил меня с интересными людьми: с художниками Рокуэлом Кентом и братьями Мозисом и Рафаилом Соьерами, эмигрировавшими из России в 1911 году <...> В свою очередь, я познакомил Д<авида> Д<авидовича> с голландским писателем Тэйн ди Фризом, автором монографии о Рембрандте, у которого, по моей рекомендации, он гостил во время своего кругосветного путешествия. Д<авида> Д<авидовича> и М<арию> Н<икифоровну> я считаю своими духовными родителями. В письмах к ним я писал: "Папа и мама-Фея" (Ма-Фея). В журнале Д<авида> Д<авидовича> "Color and Rhyme", во многих номерах, есть упоминания обо мне, есть фото и рисунки с моим изображением. Д<авид> Д<авидович> хотел написать мой портрет до моего приезда в Америку, но мы с ним всё откладывали это дело... А вот вместе рисовать рисовали, и Д<авид> Д<авидович> одобрял мои рисунки: "цветы, орнаменты, пейзажи". Однажды я нарисовал обнажённую женщину, этот рисунок он не одобрил, сказал: "Неприлично". А мои автошаржи очень одобрял <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

¹ Д.Бурлюк дважды приезжал в СССР: в 1956 и 1965 гг. Последний раз – по приглашению Н.Никифорова и Союза писателей СССР. По свидетельству Н.Никифорова, чиновник из СП СССР, который должен был встречать Д.Д.Бурлюка, "уехал на курорт", и его встречал Н.Никифоров (в письме к С.Сухопарову от 29 января 1992 г.).

² *Мария Никифоровна Бурлюк* (урождённая Еленевская, 1894–1968) – жена Д.Бурлюка с 1912 г. (см.: Бурлюк Д. К 25-летию художественно-литературной деятельности. Нью-Йорк, 1924, с.44).

³ Сборник стихов Виктора Сосноры "Триптих" (Л., 1965).

⁴ В письме к С.Сухопарову от 15 ноября 1986 г. Н.Никифоров сообщал: "<...> Я запомнил рассказ Д.Д.Бурлюка (он повторял его затем не раз) о том, как он, ещё до революции, ранним утром установил себе памятник против Большого театра в Москве. Это сооружение простояло несколько часов. Бурлюк считал это озорством. <...>" (Собрание С.Сухопарова Публикуется впервые).

⁵ Знаменитый домашний альбом К.Чуковского, любовно изданный в Москве после смерти писателя.

⁶ Ср. запись Кручёных в "Книге отзывов Музея-квартиры А.М.Родченко" (Москва), сделанной им в 1963 г.:

"<...> А вот ещё "всемирная" строчка:

дыр – бул – щыл –

это 1-я строчка из моего известного пятистишия 1913 г. (сейчас – 50-летний юбилей!), и эта 1-я строчка обошла весь мир без перевода, т<ак> ч<то>, напр<имер>, французы это произносят так:

тир – пул – шиль

(См. в книге Эренбурга "Французские письма") – значит, переводу не подлежит! Ура! Ура! <...>" (Собрание В.А.Родченко. Публикуется впервые).

Геннадий АЙГИ. КРЧ – 80

Печатается по тексту издания: Айги Г. Отмеченная зима. (Собрание стихотворений в двух частях). Париж: Синтаксис, 1982, с.419. Стихотворение было написано в честь 80-летия Кручёных (датировано автором по старому стилю).

Геннадий Николаевич Айги (род. 1934) – поэт, переводчик, эссеист, художник, историк культуры. Ему принадлежит фундаментальная статья о Кручёных, впервые опубликованная в журнале "В мире книг". М., 1989, № 4, с.51-52 (перепечатана в сб.: Кручёных А. Кукиш прошлякам. М.–Таллинн: Гилея, 1992, с.3-8).

Г.Айги был одним из немногих в СССР, кто при жизни Кручёных пытался опубликовать его стихи в советской печати. См. публикацию подготовленной им в 1965 г. для журнала "Литературная Грузия" авторизованной подборки стихов Кручёных и оценку её австрийским профессором славистики Р.Циглер в альманахе: *Neue Russische Literatur. Almanach 4-5, 1981-1982. Salzburg, 1983, S. 83-95*. Об истории этой подборки см. также в кн.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, с.135-136.

Борис СЛУЦКИЙ. КРУЧЁНЫХ – 1966

Подлинник текста стихотворения хранится в фонде Б.Слуцкого в ЦГАЛИ. Текст для публикации любезно предоставлен Ю.Л.Болдыревым. Публикуется впервые. Написано в честь 80-летия Кручёных.

О *Б.Слуцком* см. в примечаниях к его воспоминаниям "Кручёных".

К Кручёных обращено ещё одно стихотворение Б.Слуцкого – *Лафа футуристам*, опубликованное, без названия, в еженедельнике "Литературная Россия" 11 октября 1985 г. (сообщено Ю.Л.Болдыревым):

Фрак старья разлазится
по всем швам.
В.Маяковский

Начинался мир с конца:
с взрыва, с катастрофы.
В старой книжке "Мирсконца"
есть об этом строфы.

Начинался ладно мир:
грозно и опасно.
В старой книжке "Ладомир"
это очень ясно.
Нет, не в розовых тонах
солнце землю греет.
Книжка "Облако в штанах"
вовсе не стареет.

Косвенно к Кручёных обращено и другое стихотворение Б.Слуцкого – *Мудрость языка* (*Язык – не дурак. Он знает, что хочет...*) – в его сб.: Сроки. (Стихи разных лет). М., 1984, с.119.

**ВЕЧЕР В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ
АЛЕКСЕЯ ЕЛИСЕЕВИЧА КРУЧЁНЫХ.
31 МАЯ 1966 г.**

ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.244, л.8-9. Публикуется впервые.

¹ Карандашу Кручёных принадлежат портреты П.Бажова, С.Михалкова, А.Прокофьева, Дм.Шостаковича, А.Довженко, И.Ильфа, Е.Петрова, Н.Асеева, А.Твардовского, Вс.Иванова, П.Тычины, Н.Бажана, Л.Первомайского, А.Безыменского, С.Васильева, Б.Казанского, Арк.Кулешова, Л.Никулина, К.Тренёва, С.Кирсанова, А.Жарова, П.Бородина, И.Эренбурга, К.Симонова, М.Светлова, Я.Шведова и других писателей, деятелей культуры и искусства.

² *Лев Вениаминович Никулин* (наст. имя: Лев Владимирович Ольконицкий, 1891–1967) – прозаик, поэт, эссеист. По случаю вечера был выпущен приглашительный билет со следующим текстом: "Бюро творческого объединения поэтов Московской писательской организации СП РСФСР, Центральный Государственный архив литературы и искусства, Государственная библиотека-музей В.В.Маяковского приглашают Вас на юбилейный вечер, посвящённый восьмидесятилетию Алексея Елисеевича КРУЧЁНЫХ. Председательствует С.Кирсанов. Вечер состоится 31 мая 1966 года в Малом зале Центрального Дома литераторов (ул. Герцена, 53) в 6 часов 30 минут вечера. В фойе *выставка* книг, документов, фотографий" (Собрание С.Сухопарова).

³ В том году Ташкент пострадал от сильного землетрясения.

⁴ *Николай Александрович Голубенцев* (род. 1900) – актёр-чтец, знакомый Кручёных с начала 1920-х гг.

⁵ Глава "Отцы и дети" из поэмы Н.Асеева "Маяковский начинается" помещена в настоящем томе.

⁶ Адрес от ЦГАЛИ, с которым Кручёных сотрудничал многие годы и где находится его обширный фонд (№ 1334), подписали 45 сотрудников, включая директора архива Н.Б.Волкову: "Дорогой Алексей Елисеевич! Недавно ЦГАЛИ праздновал своё 25-летие – этот юбилей и многочисленные приветствия [архиву в связи с ним] относятся и к Вам, Алексей Елисеевич, ибо Вы пришли к нам четверть века тому назад и сразу стали нашим другом и помощником. Через Вас в архив потекли потоки рукописей, писем, фотографий, рисунков и уникальных книг, и наши фонды пополнились ценнейшими материалами советских писателей, художников. Собранные и составленные Вами альбомы – так называемые "альбомы Кручёных" – гордость нашего архива. Сегодня, когда мы отмечаем Ваше 80-летие, мы желаем Вам и впредь оставаться таким же молодым энтузиастом, каким [мы] всегда Вас знали, и хотим верить, что и дальше – в последующие десятилетия – наша дружба с Вами будет такой же плодотворной! *Коллектив ЦГАЛИ СССР <...>*" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед.хр.244, л.7. Публикуется впервые).

⁷ *Бармалей* – отрицательный персонаж из сказки для детей К.Чуковского "Доктор Айболит. (По Гью Лофтингу)", был толстым и носил бороду. Здесь шутливое сравнение по сугубо внешним признакам.

⁸ *Нико Пиросманишвили* (1862–1918) – выдающийся грузинский художник-примитивист.

⁹ В фонде Кручёных в ЦГАЛИ хранятся автографы его стихотворений, которые он читал на вечере в ЦДЛ: "стихотворение 1918 года" – *Любовь тифлиского повара (Твой взор и ледяные бури...)*, *Встреча (Я пока ещё не статуя Аполлона...)*, написанные в 1952 г., и стихотворение 1953 г. *Роман по телефону (После встречи с одним видением в ресторане...)*. Все три стихотворения имеют одинаковые пометки автора в конце текста: "Читал на своём юбилее в ЦДЛ 31/У–1966 г. В печати ещё не опубликовано" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.1, л.3, 6-8).

Владимир РАДЗИШЕВСКИЙ. ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Печатается по тексту в: "Литературная газета", 1992, № 42, 14 октября, с.6. Название дано составителем.

Владимир Владимирович Радзишевский (род. 1938) – литературный критик. Статья "После юбилея" представляет собой рецензию на первый сборник произведений Кручёных, вышедший в России после многих десятилетий замалчивания имени поэта: Кручёных А. Кукиш прошылкам. (Фактура слова. Сдвигология русского стиха. Апокалипсис в русской литературе). / Составление С.Кудрявцева, вступительная статья Г.Айги, примечания А.Никитаева. М.-Таллинн: Гилея, 1992. 136 с.

¹ Опубликовано в альманахе "День поэзии-83". М., 1983.

² *Павел Елисеевич Щёголев* (1877–1931) – литературовед, историк, видный пушкинист.

- ³ *Пётр Осипович Морозов* (1854–1920) – историк русской литературы, театровед, видный пушкинист.
- ⁴ *Андрей Белый* (наст. имя и фамилия: Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) – поэт-символист, прозаик, эссеист, теоретик символизма.
- ⁵ *Борис Игнатьевич Арватов* (1896–1940) – критик, искусствовед, один из теоретиков Лефа.
- ⁶ *Совдеп* – аббревиатура первых лет Советской власти: Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
- ⁷ *Главковерх* – верховный главнокомандующий.
- ⁸ *Виктор Дмитриевич Дувакин* (1909–1979) – литературовед.
- ⁹ *Андрей Донатович Синявский* (псевдоним: Абрам Терц, род. 1925) – критик, литературовед; с 1971 г. в эмиграции. 8 сентября 1965 г. был арестован вместе со своим близким другом, поэтом и переводчиком *Юлием Марковичем Даниэлем* (псевдоним: Николай Аржак, 1925–1988) за публикацию на Западе своих произведений и осуждены на семь (Синявский) и пять (Даниэль) лет лагерей строгого режима. См. об этом в составленной А.Гинзбургом обстоятельной "Белой книге" (1971).
- ¹⁰ См. примечания к стихотворению Г.Айги "КРЧ - 80".

Борис СЛУЦКИЙ. КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту в газете "Экран и сцена", 1991, № 32, с.9. Сокращённый вариант этих воспоминаний опубликован в сб. Б.Слуцкого "О других и о себе" (М., 1991, с.28-29).

Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986) – поэт, мемуарист.

¹ *Владислав Фелицианович Ходасевич* (1886–1939) – поэт, критик, эссеист, историк литературы, мемуарист; с 1922 г. находился в эмиграции. О Кручёных он отзывался как о "тупом теоретике и доктринёре", а футуризм характеризовал следующим образом: "<...> Хлебнико-кручёныховская группа базировалась на резком отделении формы от содержания <...> Такое самовитое слово и было объявлено единственным, законным материалом поэзии. Тут футуризм подошёл к последнему логическому своему выводу – к так называемому "заумному языку", отцом которого был Кручёных. На этом языке и начали писать футуристы, но довольно скоро соскучились. Обессмысленные словосочетания по существу ничем друг от друга не отличались. После того, как было написано классическое *дыр, бул, щыл*, писать уже было нечего и нечему: всё дальнейшее было бы лишь повторением. К концу 1912 или началу 1913 г. весь путь футуризма был пройден. В сущности, осталось лишь замолчать <...>" (Ходасевич В. О Маяковском. – В его сб.: Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954, с.222).

² Неологизм Хлебникова.

³ См. в "Манифесте к первому вечеру дадаистов в Цюрихе" 1916 г. немецкого писателя, художника и режиссёра *Хуго Балля* (1886–1927):

"Дада – новое направление в искусстве. Об этом говорит уже то, что до сих пор никто ничего о нём не знал, а завтра о нём заговорит весь Цюрих. Слово "дада" взято из словаря. Всё ужасно просто. По-французски оно означает: конёк, любимое занятие По-немецки: адьё, прощай, будь добр, слазь с моей шеи, до

свидания, до скорого! По-румынски: да, верно, вы правы, это так, конечно, действительно, так и порешим. И так далее. Интернациональное слово. Только слово. Слово как движение. Всё просто до ужаса. Создать из этого направление в искусстве – значит предвосхитить многие затруднения. Дада – психология, дада – литература, дада – буржуазия, и вы, уважаемые поэты, творившие при помощи слов, но никогда не творившие само слово, – вы тоже дада. Дада – Тцара, дада – Хюльзенбек, Дада м', Дада мхм' дада, Дада-Хю, Дада-Тца <...> Всё дело в связях, в том, чтоб их вначале слегка разрушить. Я не хочу слов, которые изобретены другими. Я хочу совершать свои собственные безумные поступки, хочу иметь для этого соответствующие гласные и согласные. Если замах мой широк, мне нужны для этого податливые слова с широким замахом <...> Можно стать свидетелем возникновения членораздельной речи. Я просто произвожу звуки. Всплывают слова, плечи слов, ноги, руки, ладони слов. Стих – это повод для возможности обойтись без слов и языка. Этого проклятого языка, липкого от грязных рук маклеров, от прикосновения которых стираются монеты. Я хочу владеть словом в тот момент, когда оно исчезает и когда оно начинается. У каждого дела своё слово; здесь слово само стало делом. Почему дерево после дождя не могло бы называться плюплюшем или плюплюбашем? И почему оно вообще как-то должно называться? И вообще, во всё ли наш язык должен совать свой нос? Слово, слово, вся боль сосредоточилась в нём, слово, господа, – общественная проблема первостепенной важности" (цит. по сб.: Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. М., 1986, с.316-317).

Дадаизм как осмысленное и организованное явление возник с образованием в Швейцарии группы "Дада" (Т.Тцара, Г.Амп, М.Янко, Р.Хюльзенбек). См. также "Дадаистский манифест 1918 года", сочинённый немецким писателем и теоретиком дадаизма *Рихардом Хюльзенбеком* (1892–1974) от имени значительно расширившейся к тому времени группы дадаистов, насчитывавшей 21 члена (там же, с.318-320) и манифест 1919 г., написанный членами немецкого отделения Дадаистского революционного Центрального совета Хаусманом, Хюльзенбеком, Голишеффом, – "Что такое дадаизм и какие цели он ставит себе в Германии?" (там же, с.320-321).

Н Харджиев считает, что "в качестве автора [первой в мире авангардистской оперы] "Победы над солнцем" Кручёных может быть назван "первым дадаистом", на три года опередившим возникновение этого течения в Западной Европе" (Харджиев Н. Poleмичное имя. – "Памир", Душанбе, 1987, № 2, с.165).

⁴ См. "Манифест сюрреализма" немецкого писателя-модерниста *Ивана Голя* (1891–1950), который впервые был опубликован на французском языке в журнале "Surrealisme" (Paris, 1924):

"Реальность – основа любого великого искусства. Без неё нет жизни, нет субстанции. Реальность – это почва у нас под ногами и небо над головой.

Природа – источник любого художественного творения.

Кубисты в своих начинаниях поклонялись простейшим, ничтожным предметам и доходили до того, что наклеивали на полотна кусочки раскрашенной бумаги, игральные карты или этикетки спичечных коробков, нисколько не изменяя их.

Из такого перенесения действительности на более высокий художественный уровень возник сюрреализм.

Сюрреализм – концепция, вызванная к жизни Гийомом Аполлинером.

<...>

Искусство получает жизнь и человеческую природу. Сюрреализму как выражению нашей эпохи свойственны характеризующие её симптомы. Он выражает себя непосредственно, интенсивно, он отвергает средства, опирающиеся на абстрактные понятия из вторых рук: логику, эстетику, грамматические эффекты, игру слов.

Сюрреализм не удовлетворяется тем, чтобы быть средством выражения какой-то одной группы в какой-то одной стране: он интернационален. Все измы, расколовшие Европу, вберёт он в себя и от каждого возьмёт жизненно важный элемент.

Сюрреализм – далеко идущее движение нашей эпохи. Он означает оздоровление и он отразит все тенденции к разрушению и заболеванию, появляющиеся везде, где идёт процесс созидания. <...> подделка под сюрреализм, измышляемая некоторыми эксдадаистами, чтобы озадачить бюргера, исчезнет с горизонта. Она провозглашает "всевластие сна" и называет Фрейда новой музой. Как будто учение Фрейда возможно перенести в мир поэзии! Не называется ли это перепутать психиатрию с искусством?

Её психический механизм, базирующийся на сне и равнодушной игре мысли, никогда не сможет разрушить наш психический организм. Потому что последний учит нас, что жизнь истиннее, чем мысль.

Наш сюрреализм вновь открывает природу, изначальные ощущения человека и пытается творить с помощью нового художественного материала" (Называть вещи своими именами, с.321-323).

⁵ См. стихотворение Б.Слущкого, посвящённое этой теме, *Отбор по удвоенности (Николай Николаевич Асеев / вспоминал в упоении...)* в его сб. "Сроки. (Стихи разных лет)". М., 1984, с.20-21. О "двойных именах" у русских футуристов см. в воспоминаниях А.Вознесенского "Утренний рожок российского футуризма".

⁶ Вероятно, имелось в виду первое издание этой антологии афоризмов (М., 1955).

⁷ См. примечание 6 к воспоминаниям М.Вершинина "В грозную пору Москвы".

⁸ Строка из Гимна СССР.

⁹ Об этой вечеринке см. в воспоминаниях Л.Либединской "Алексей Елисей – всех поэтов словосей!".

¹⁰ Ярослав Васильевич Смеляков (1913–1972) – поэт.

¹¹ См. в письме поэта и переводчика французской поэзии *Михаила Павловича Кудинова* (род. 1918) к С.Сухопарову от 31 октября 1988 г.: "Глубокоуважаемый Сергей Михайлович! Фрагментом из Слущкого Вы меня, по правде говоря, позабавили. Ну, начнём с суммы: не 300, а 200 рублей. Но, право, это мелочь. Если Слущкому показалось, что я был "угнетён собственной интеллигентностью" и даже при этом "мучился", что тут скажешь? Показалось ему так, и теперь уже его не уверишь в обратном. Видно, когда он писал эту фразу, то просто забыл (хотя и знал об этом хорошо – мы были с ним в добрых отношениях), что до того злополучного вечера мне всякое приходилось видеть, в частности и там, где я пробыл 7 лет жизни: в сталинских спецлагерях, в небезизвестном Джекказгане. И при общении с урками как-то не приходилось испытывать комплекса "угнетающей собственной интеллигентности". И уж писательскую братию тоже мог бы перенести без излишних душевных "мучений". Правда, как я Вам уже писал, со Слущким за юбилейным столом мы сидели рядом, и помню хорошо, что он спросил меня шёпотом, как я переношу "этот балаган". А что ответил ему, ей-богу не помню. На "мучения" вроде не жаловался. Слово мне было предоставлено по всем правилам регламента, я покинул своё место и к юбиляру обращался, стоя рядом с ним: он сидел во главе стола. Поздравил его от имени

Литфонда и своего имени, пожелал всего того, что положено в таких случаях делать и уж, конечно, не произносил этой идиотичной фразы: "Вот Вам на костюм от Литфонда". Одет он [Кручёных] был плохо, и такая фраза выглядела бы двойной бестактностью. Кручёных не "утихомиривал очередного оратора", а просто встал со стула и, повернувшись спиной к присутствующим, пересчитал деньги. Когда я вернулся на своё место, меня шёпотом спросили (кажется, сам Слуцкий), на сколько раскошелился Литфонд, и я назвал сумму. М.б., Слуцкому запомнились мои слова, сказанные ему за столом, что мне не очень ловко присутствовать на их банкете: собрались они, устроив складчину, а я был послан Литфондом и в складчине участия не принимал. Отсюда, видно, и возникло у него это ощущение моей "угнетённости". А вообще-то говоря, вот Вам один из примеров, как пишутся мемуары: без всякой злонамеренности и задней мысли могут быть запросто искажены иногда ради красного словца. Я это наблюдал в жизни не раз, даже мне в лицо рассказывали о событиях, участником которых я был сам, и при этом всё начисто перевирали. В таких случаях я, как правило, не выступал с опровержениями, если только это не задевало моего самолюбия. И в данном случае поступлю так же. Печатайте этот фрагмент, как Вам угодно: у меня никаких претензий <...> Кручёных почему-то всё время вызывает к себе недобрые чувства: я Вам об этом уже писал. *С уважением М.Кудинов <...>*" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

¹² *Литературный фонд* – организация при Союзе писателей СССР, осуществлявшая различную материально-бытовую и медицинскую помощь литераторам, членам СП. Продолжал традиции основанного в 1859 г. по инициативе А.В.Дружинина "Общества для пособия нуждающимся литераторам". Среди организаторов этого общества были И.С.Тургенев, П.В.Анненков, Е.П.Ковалевский, Н.Г.Чернышевский, Л.Н.Толстой. "Общество..." просуществовало до 1918 г.

Вячеслав НЕЧАЕВ. ВСПОМИНАЯ КРУЧЁНЫХ

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Вячеслав Петрович Нечаев (род. 1923) – литературовед. Работал директором Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации. Автор статьи "Стихи... на открытках" (в журнале "Филателия в СССР", М., 1969, № 3, март, с. 46) – об армянском поэте-футуристе *Кара-Дарвише* (наст. имя и фамилия: Акоп Минаевич (Минасович) Генджян, 1872–1930), о котором см. в стихотворении Н.Васильевой "Фантастический кабачок" (1918):

И вождь восточных футуристов,
Кара-Дарвиш, гетер певец,
Друг самых крайних анархистов,
Всегда восторжен и неистов,
Пророчил грустный нам конец.

В 1990 г., в издательстве "Московский рабочий", впервые в СССР вышел подготовленный В.П.Нечаевым том прозы русского писателя-эмигранта *Василия Георгиевича Фёдорова* (1895–1959) – "Канаречное счастье".

¹ Приводим полный текст высказывания Маяковского: "Кручёных – БУКА русской литературы... Истинный поэт... разрабатывающий слово!" (цит. по кн.:

Кручёных А. Зудесник. Зудутные зудеса. М., 1922, с.10). Тогда же, в газете "Дальневосточный телеграф" (Чита, 1922, 23 июля), была напечатана статья С.Третьякова о Кручёных "Бука русской поэзии", которая спустя три года, под названием "Бука русской литературы", вошла в состав сборника статей "Жив Кручёных!" (М., 1925, с.3-17).

² Пастернак Б. Кручёных. – Жив Кручёных! М., 1925, с.1.

³ *Сигизмундт Валишевский* – польский художник, автор стихотворения "Кушай, художник / Говядину...", открывавшего сборник Кручёных "Учитесь художник" (Т., 1917).

⁴ Пастернак Б. Взамен предисловия. – Кручёных А. Календарь. М., 1926, с.3.

⁵ Мемуары Кручёных писал и даже пробовал издавать их. Так, 9 июня 1932 г. он заключил договор с издательством "Федерация" на издание рукописи "Наш выход" – "книги о русском футуризме (воспоминания)", – тираж которой был определён в 5 тысяч экземпляров (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед.хр.236, л.4, 4об). А 21 декабря 1933 г. Кручёных обратился уже в издательство "Советская литература" с требованием выплатить ему, согласно условиям договора, оставшиеся 40% гонорара за рукопись "Нашего выхода", "так как прошёл уже год со дня принятия её (в начале декабря 1932 г.) и более года со времени сдачи её (октябрь 1932 г.)": "<...> Прошу без замедления выполнить эту просьбу, так как литературные мои заработки совершенно нищенские, а здоровье моё очень плохое" (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.239, л.4). В обоих случаях рукопись Кручёных свет так и не увидела.

⁶ *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875–1933) – драматург, критик, эссеист. С 1917 по 1929 гг. занимал пост народного комиссара просвещения.

⁷ Маяковский В. 150 000 000. М., 1921. Книга вышла "анонимно", без указания имени автора.

⁸ См. примечание 1 к воспоминаниям Б.Слуцкого "Кручёных".

⁹ *Имажинисты* – литературная группа, члены которой в своей художественной практике ориентировались исключительно на образность. Существовала с 1918 по 1927 гг. В неё входили С.Есенин (лидер), А.Мариенгоф, М.Ройзман, И.Грузинов, Р.Ивнев, А.Кусиков, Н.Эрдман, В.Шершеневич.

¹⁰ *Анатолий Борисович Мариенгоф* (1897–1962) – поэт, драматург.

¹¹ *Вадим Габриэльевич Шершеневич* (1893–1942) – поэт, драматург, критик.

¹² Маяковский В. Советская азбука. М., 1919. Представляла собой литографированное издание, выпущенное за счёт средств автора.

¹³ *Саша Чёрный* (наст. имя: Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) – поэт-сатирик и детский писатель; с 1920 г. в эмиграции. Речь идёт о его сб., вышедшем в 1910 г.

¹⁴ *Николай Степанович Гумилёв* (1886–1921) – поэт, критик; в 1911 г. основал в Петербурге литературную группу "Цех поэтов", был её лидером.

¹⁵ *Борьба с "есенинщиной"* – одна из масштабных идеологических акций в области советской культуры, развернувшаяся вскоре после смерти С.Есенина, последовавшей 28 декабря 1925 г. См. материалы сборников: Против упадочничества, против есенинщины. М., 1926; Упадочные настроения среди молодёжи (есенинщина). М., 1927. См. в тексте выступления Маяковского на первом диспуте против "есенинщины", состоявшемся 13 февраля 1927 г.: "<...> Есенин не был мирной фигуркой при жизни, и нам безразлично, даже почти приятно, что он не был таковым. Мы его взяли со всеми его недостатками, как тип хулигана, который по классификации т.Луначарского мог быть использован

для революции. Но то, что сейчас делают из Сергея Есенина, это нами самими выдуманное безобразие" (Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т.12. М., 1959, с.316).

16 *РАПП* – Российская ассоциация пролетарских писателей, крупнейшая советская литературная группировка, существовавшая в 1928-1932 гг.

17 *Леф* – левый фронт искусства, литературно-художественная группировка, созданная по инициативе В.Маяковского в конце 1922 г. и возглавлявшаяся им. В неё входили: Н.Асеев, О.Брик, В.Каменский, С.Кирсанов, А.Кручёных, Вс.Мейерхольд, Б.Пастернак, Л.Попова, А.Родченко, В.Татлин, С.Третьяков, В.Шкловский, Б.Эйхенбаум, С.Эйзенштейн, С.Юткевич, Л.Якубинский, Л.Гинзбург и мн. др. Леф просуществовал до конца 1928 г. В 1929 г. Маяковский безуспешно пытался реформировать Леф в Реф (революционный фронт искусства). См. также примечание 12 к воспоминаниям Н.Соколова "60 лет спустя".

В программной статье "За что борется Леф" (1923) Маяковский особо настаивал на "революционных традициях" футуризма – предтечи Лефа: "<...> Футуристы с первых шагов, ещё во дворце Кшесинской, пытались договориться с группами рабочих писателей (будущий Пролеткульт), но эти писатели думали (по вещам глядя), что революционность исчерпывается одним агитационным содержанием, и оставались в области оформления полными реакционерами, никак не могущими спаяться. Октябрь очистил, оформил, реорганизовал. Футуризм стал левым фронтом искусства. Стали "мы". <...>" (Маяковский. ПСС, т.12. М., 1959, с.41).

18 Цитата из стихотворения Маяковского "Сергею Есенину" (1926):

Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс – он тоже
выпить не дурак.

19 См. примечание 11 к воспоминаниям Дм.Молдавского "Алексей Кручёных"

20 Пьеса В.Маяковского "Баня" (1930) ставилась режиссёром Вс. Мейерхольдом в театре его имени, постановка была поддана жёсткой критике в прессе.

21 *Владимир Владимирович Ермилов* (1904–1965) – литературовед, критик, один из руководителей РАПП.

22 *Генрих Григорьевич Ягода* (1891–1938) – советский государственный и партийный деятель. С 1924 по 1936 гг. – зам. председателя ОГПУ, генеральный секретарь госбезопасности, нарком внутренних дел СССР. Был одним из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

23 В РАПП Маяковский вступил 6 февраля 1930 г.

24 *Татьяна Алексеевна Яковлева* (род. 1906) – близкая знакомая В.Маяковского в 1928-1929 гг., жившая в Париже, которой он посвятил стихотворения: *Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви* и *Письмо Татьяне Яковлевой* (оба – 1928). *Маркиз* – титул её первого мужа, которого она предпочла влюблённому в неё В.Маяковскому. В настоящее время живёт в США.

25 *Стендаль* (наст. имя и фамилия: Бейль Анри Мари, 1783–1842) – французский писатель.

- 26 Намёк на публикацию Р.Якобсоном в "Русском литературном архиве" (Нью-Йорк, 1956) стихотворений Маяковского и других неизвестных ранее материалов, хранящихся в личном архиве Т.Яковлевой.
- 27 *Осип Эмильевич Мандельштам* (1891–1938) – поэт, критик, эссеист. Н.Харджиев был первым, кто издал его стихотворения в СССР после нескольких десятилетий замалчивания его имени: Мандельштам О. Стихотворения. ("Библиотека поэта". Большая серия). Л., 1973. В личном собрании Кручёных имелись некоторые материалы О.Мандельштама.
- 28 *Константин Георгиевич Паустовский* (1892–1968) – прозаик, мемуарист. В № 10 журнала "Октябрь" за 1960 г. была опубликована часть пятая – "Бросок на юг" – его большого автобиографического цикла "Повесть о жизни". 29 октября того же года в "Литературной газете" было опубликовано "Открытое письмо Паустовскому" украинского поэта Максима Фаддеевича Рыльского (1895–1964) по поводу высказываний К.Паустовского о деятелях украинской культуры и украинском языке. Спустя несколько дней, 3 ноября, "Литературная газета" опубликовала письмо К.Паустовского "Ответ М.Т.Рыльскому". См. запись в дневнике О.Сетницкой от 21 мая 1959 г.: "Я упомянула о К.Паустовском. А<лексей> Е<лисеевич>: "Не говори мне о нём – плохой писатель, и он два раза неверно процитировал Пушкина" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.178).
- 29 См. примечание 10 к воспоминаниям А.Вознесенского "Утренний рожок российского футуризма".
- 30 *Александр Сергеевич Грибоедов* (1795–1829) – поэт, драматург. Речь идёт о его комедии в стихах "Горе от ума" (1822–1824).
- 31 *Гавриил Романович Державин* (1743–1816) – поэт, прозаик.
- 32 Грибачов Н. С педом и пистолетом. – "Литературная газета", 1965, 1 января.
- 33 *Николай Алексеевич Некрасов* (1821–1877) – поэт.
- 34 *Николас Гильен* (полное имя: Гильен Батиста, 1902–1989) – кубинский поэт.
- 35 О нём. см. в примечаниях к его воспоминаниям "Манифест".
- 36 Текст рекомендации опубликован в кн.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, с.129–130. См. запись в дневнике О.Сетницкой от 13 июня 1952 г.: "А<лексей> Е<лисеевич> рассказывал о том, как его приняли в Союз писателей в 1942 г. Он не был членом Союза, поэтому ему не пришлось эвакуироваться [из Москвы]. Тогда не было в Москве Ф.Гладкова, которого он "разделал" в одной из своих полемических брошюр. Ф.Гладков мог бы сказать: "Или он, или я". Были И.Эренбург, Б.Лавренёв. Они голосовали за него. Л.Сейфуллина выступила против. Его приняли. Потом Сейфуллина ему сказала: "Я не знала, что вы выставите такую тяжёлую артиллерию, как Эренбург. А я, дура, выступила против вас" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.162–163).
- 37 Сб. "Ахиллесово сердце" вышел в Москве в 1966 г. См. запись в дневнике О.Сетницкой от 5 мая 1959 г.: "О "Гоие" А.Вознесенского: "Ему дали за это штукаство 400 руб." (Русский литературный авангард, с.177).
- 38 Мур – *Георгий Сергеевич Эфрон* (1925–1944) – сын М.Цветаевой.
- 39 См. примечание 42 к воспоминаниям Г.Бебутова "Человек-легенда".
- 40 *Лев Николаевич Толстой* (1828–1911) – писатель.
- 41 *Огюст Ренуар* – французский художник-импрессионист.
- 42 *Александр Александрович Блок* (1880–1921) – поэт-символист.

43 См. примечание 10 к воспоминаниям М.Скуратова "Неугомонный речетворец".

44 Об истории этих альбомов см.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба бюджетянина. München, 1992, с.34-36.

45 На строительстве Эрзерумской военной железной дороги Кручёных служил с 1 апреля 1916 г. по 1 февраля 1918 г. в качестве чертёжника (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.231, л.3). С 18 февраля по 21 июля 1919 г. он служил конторщиком на постройке Грузинских казённых железных дорог в г.Зугдиды (там же, л.4).

Валентин ЛАВРОВ. "ОРИГИНАЛЬНЫЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК!"

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые.

Валентин Викторович Лавров (род. 1935) – литературовед, эссеист, автор исследования "Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции: 1920–1953. Роман-хроника" (М., 1989 – в серии "Жизнь замечательных людей") и книги исторических рассказов "Русская сила" (М., 1990); опубликовал статью о Кручёных как художнике ("Литературная Россия", 1979, 19 января, с.24).

¹ *Порфирий Никитич Крылов* (1902–1990) – график, живописец, член коллектива художников-карикатуристов *Кукрыниксы* – по первым слогам фамилий: *Михаил Васильевич Куприянов* (род. 1903), *П.Н.Крылов*, *Николай Александрович Соколов* (род. 1903).

² *Давид Фёдорович Ойстрах* (1908–1974) – скрипач, один из основоположников советской скрипичной школы.³ *Константин Фёдорович Юон* (1875–1958) – живописец, театральный художник; в начале 1910 г. Кручёных посещал его студию в Москве (см.: К истории русского авангарда. Stockholm, 1976, с.71-72).

⁴ *Самуил Яковлевич Маршак* (1887–1964) – поэт, переводчик, детский писатель.

⁵ *Валерий Павлович Чкалов* (1904–1938) – лётчик-испытатель; в 1936-1937 гг. совершил беспосадочные перелёты по маршрутам "Москва – остров Удд (Дальний Восток)" и "Москва – Северный полюс – Ванкувер (США)" с лётчиками Г.Ф.Байдуковым и А.В.Беляковым. Погиб при испытании нового истребителя.

⁶ Теперь восстановлено историческое название этой улицы: Тверская.

⁷ См. об этом: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба бюджетянина. München, 1992, с.15-36.

⁸ Девять импрессионистических пейзажей Кручёных – под рубрикой "Живописное Подмосковье" – были воспроизведены в московском журнале "Искры" (1912, № 18, с.144). См. запись в дневнике О.Сетницкой от 14 июля 1956 г.: "Рассказывал, как купил холсты и краски в 1911 году. Жил в Кузьминках и писал пейзажи, которые покупали нарасхват. Репродукции помещены в журнале "Искры", заплатили 5 рублей золотом" (Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.170).

⁹ Ср. со свидетельством одного из членов *Кукрыниксов*, Н.А.Соколова, в его письме к С.Сухопарову от 18 мая 1985 г.: "<...> Получил Ваше письмо с сообщением о том, что Вы готовите книгу об А.Е.Кручёных и просите написать воспоминания о нём. Должен Вам сообщить, что ни у меня, ни у моих товарищей по совместной работе таких воспоминаний нет. Честно говоря, мы все трое никогда не были поклонниками его литературы. В конце жизни он раза три заходил в нашу общую мастерскую на ул. Горького. Никаких книг своих не

приносил и ничего не читал. Мог заглянуть в корзину для мусора, в которой иногда валялись разорванные неудачные черновики выброшенных нами рисунков. Никаких интересных серьёзных разговоров не вёл. Это всё. Как видите, ни я, ни мои товарищи не сможем быть полезными Вам. <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

10 В машинописном альбоме: День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв. М., 1946, л.23 (Частное собрание).

11 Графические портреты этих писателей работы Кручёных были воспроизведены в "Литературной газете" (1977, 23 февраля).

12 *Михаил Васильевич Исаковский* (1900–1973) – поэт.

13 *Александр Алексеевич Жаров* (1904–1984) – поэт.

14 См. воспоминания Н.Соколова "60 лет спустя" и примечание 5 к ним.

15 Кручёных А. Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. (Трактат обижальный и поучальный). Книга 121-ая. М., 1922.

16 Цитата из драмы А.Пушкина "Борис Годунов" (1825).

17 О Я.Шведове см. в воспоминаниях его дочери Н.Гончаровой-Шведовой и примечаниях к ним.

18 Песня "Орлёнок" была написана в 1936 г. композитором В.Белым на одноименные стихи Я.Шведова.

19 См. примечание 7 к воспоминаниям Л.Озерова "Селёдка в компоте".

20 *О'Генри* (наст. имя: Уильям Сидни Портер, 1862–1910) – американский писатель.

21 *Оноре де Бальзак* (1799–1850) – французский писатель.

22 *Сергей Александрович Васильев* (1911–1975) – поэт.

23 См. стихотворение Н.Глазкова "Будетляне" и примечания к нему.

24 Слово "продукция" Кручёных нередко выносил на титул или на обложку своих книг, выходявших в 1920-е гг. за его, авторский, счёт. Скорее всего, употребление этого слова-термина объясняется общей лэфовской установкой на "производственное искусство" и бытовавшей специфической лексикой в связи с этим.

25 См. стихотворение Б.Пастернака "А.Е.Кручёных" и примечания к нему.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ. АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЙ – ВСЕХ ПОЭТОВ СЛОВОСЕЙ!

Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые. Названием взяты слова Н.Асеева из машинописного альбома "День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв". М., 1946, л.3.

Лидия Борисовна Либединская (род. 1921) – прозаик, литературовед.

1 О ней см. в примечаниях к её стихотворению "Нечаянно. (Жизнь А.Кручёных)".

2 *Валериан Гаприндашвили* (1888–1941) – грузинский поэт.

3 *Георгий Леонидзе* (1899–1966) – грузинский поэт.

4 *София Георгиевна Мельникова* (наст. фамилия: Каплан; фамилия по мужу: Барковская, 1890–1980) – актриса тифлисского Театра Миниатюр, в 1917-1919 гг. выступала с чтением стихов Кручёных, И.Зданевича и других футуристов. Ей

посвящён сборник: Софии Георгиевне Мельниковой – “Фантастический кабачок” (Т., 1919), в котором приняли участие 20 поэтов и художников-новаторов – С.Валишевский, Т.Вечорка, Н.Гончарова, И.Зданевич, К.Зданевич, Кара-Дарвиш, В.Катанян, А.Кручёных, Г.Робакидзе, Т.Табидзе, И.Терентьев, А.Чачиков, Н.Чернявский, П.Яшвили и др. Ей посвящена статья Т.Никольской “Муза футуристов” в сб. “Ново-Басманная, 19”. М., 1990, с.590-598.

⁵ Ошибка мемуариста: жёлтую кофту носил В.Маяковский.

⁶ О нём см.: Вечорка Т. Воспоминания о Хлебникове. – Записная книжка Велимира Хлебникова. (Собрал и снабдил примечаниями А.Кручёных). М., 1925, с.29-30.

⁷ Собственные рассказы и рисунки детей. Собрал А.Кручёных. СПб., 1914. См. примечание 11 к воспоминаниям Л.Вышеславского “Несколько слов об Алексее Кручёных”.

⁸ Собственные рассказы, стихи и песни детей. М., 1923.

⁹ Сын *Владимира Андреевича Фаворского* (1886–1964) – графика, живописца, театрального художника, основоположника советской школы ксиллографии.

¹⁰ *Наталья Петровна Кончаловская* (1903–1988) – прозаик, поэт, переводчик. Жена С.Михалкова. Сохранилась её фотография с дарственной надписью Кручёных: “С Новым годом! Дорогому Алёшеньке Кручёныху от старинной подруги Натальи Кончаловской. 1/1–58 г.” (ЦГАЛИ, ф.1334, оп.2, ед. хр.260, л.6).

¹¹ См. стихотворение М.Светлова “Застольные шутки” и примечания к нему.

¹² *Иосиф Игин* – художник.

¹³ *Анна Андреевна Ахматова* (наст. фамилия: Горенко, 1889–1966) – поэтесса.

¹⁴ *Илья Григорьевич Эренбург* (1891–1967) – поэт, прозаик, эссеист, мемуарист, драматург. По его протекции и содействию в марте 1942 г. Кручёных был принят в Союз советских писателей и тем самым имел возможность в течение всего военного времени сносно питаться в столовой Центрального Дома литераторов и получать продуктовый паёк как писатель.

¹⁵ *Лиля Юрьевна Брик* (урождённая Каган, 1891–1978) – скульптор, бессменная муза В.Маяковского с 1915 г.

¹⁶ См. примечание 6 к письму О. Н.Сетницкой к О.Ф.Кручёных от 27 июня 1968 г.

¹⁷ На похоронах поэта присутствовал только его внучатый племянник Р.Н.Беспалов-Кручёных.

¹⁸ Полный текст поздравления см. в машинописном альбоме “День рождения А.Кручёных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунёв”. М., 1946, л.1.

¹⁹ Стихотворение *А вот моё credo* датировано 1 января 1960 г. (ЦГАЛИ, ф.2823, оп.1, ед. хр.44). Посылая в качестве новогоднего поздравления и подарка одновременно это стихотворение *Константину Александровичу Федину* (1892–1977), Кручёных снабдил его следующей пояснительной надписью: “Ещё в 1913 г. К.Чуковский назвал меня *свинофилом* (пародия на древних славянофилов) – см. его статьи и книги 1913-22 гг.

Тут сказать пора:
Нет худа без добра!

А.Кручёных. Январь 1960 г.” (Архив семьи Фединых).

ПИСЬМО О.Н.СЕТНИЦКОЙ К О.Ф.КРУЧЁНЫХ

Частное собрание. Публикуется впервые.

Ольга Николаевна Сетницкая (1916–1987) – библиотекарь, поэтесса-любитель. О ней и её взаимоотношениях с Кручёных см. статью Н.Харджиева "Живой Кручёных. (Вместо предисловия)", которой предваряется публикация записей О.Сетницкой за 1945-1968 гг. под названием "Встречи с Алексеем Кручёных. (Из дневниковых записей)", опубликованных в сб. "Русский литературный авангард. Материалы и исследования" (Trento, 1990, с.151-199): "<...> На одной из подаренных ей книг, 3 мая 1966 г. Кручёных написал: "Дорогой Ольге Николаевне, вдохновительнице и помощнице в моих литературных трудах". Её встречи и беседы с Кручёных продолжались почти четверть века (1944-1968). <...>" (с.149). Говоря о записях О.Сетницкой, Н.Харджиев отмечает, что ей "удалось запечатлеть живой голос поэта, взрывчатую силу его своеобразных интонаций. С поразительной точностью ею зафиксированы и проникновенные суждения Кручёных о стихах и прозе, и его воспоминания о своей молодости и боевом периоде русского футуризма, и его фантастический быт неисправимого богемца" (там же). Об О.Сетницкой-поэтессе Н.Харджиев рассказывает: "<...> Тонкая ценительница поэзии, Ольга Сетницкая сама писала стихи. Её первые стихотворные опыты были одобрены Кручёных. Он же придумал для неё сказочный псевдоним *Аль-Алиса*, навеянный "Алисой в стране чудес". Её стихотворения Кручёных помещал в своих машинописных сборниках 40-х гг., один из которых озаглавлен "Книгой Алисы". Кручёных ввёл её в круг своих литературных друзей, познакомил с Пастернаком, Асеевым и другими. О встречах с ними О.Сетницкая упоминает в своих дневниковых записях. Особый интрес представляют её записи о Пастернаке, который, подобно Кручёных, был литературным "крёстным отцом" Аль-Алисы. <...> Аль-Алиса не покидала своего друга Алексея Кручёных до последних дней его жизни, окончившейся на койке в больничном коридоре <...>" (с.149-150).

Нам известно 17 писем О.Сетницкой к племяннице поэта *Ольге Фёдоровне Кручёных* (род. 1908), впервые нами разобранных и систематизированных. Первое датировано 29 июля 1965 г., последнее – 26 апреля 1978 г. Их знакомство началось летом 1965 г., в один из приездов О.Сетницкой к своей тёте. Публикуемое письмо от 27 июня 1968 г. предваряло тревожное обращение О.Сетницкой к О.Кручёных от 9 июня того же года: "<...> Я решила написать Вам, т<ак> к<ак> следует сообщить, что Алексей Елисеевич нездоров. За последнее время он ослаб, ему трудно подниматься с места, на улицу он не выходит. Недели две с половиной назад он всполошил соседей, т<ак> к<ак> не выходил из комнаты очень долго. У него, видимо, была потеря сознания, и он не мог понять, где он, и поэтому стал звать соседей на помощь. Они вызвали врача, было несколько врачей. Невропатолог не нашёл никаких отклонений, кроме старости, и сказал, что ему нужна сиделка. Прописанные ему сердечные лекарства он не принимает. Соседка из квартиры напротив готовит ему еду. Соседи к нему хорошо относятся, но их почти не бывает дома. Из еды и из одежды у него есть всё нужное. Попытаюсь чем-то помочь ему и я, на основе долгих добрых отношений, что тоже бывает редко, т<ак> к<ак> я живу за городом, в часе езды от города. Но то, что он живёт в комнате, лишённой света и воздуха, в пыли и где нельзя повернуться, – ужасно тяжело переносить, тем более, что он не позволяет ни к чему прикасаться. Не вижу никакого выхода из

этого положения. У меня была мысль предложить Вам взять его к себе, но, говоря о сложности этого для Вас, – это может быть погибельно и для него привыкшего к своему установившемуся образу жизни. Ко мне он относится негативистски, т<о> е<сть> встречает в штыки все [мой] попытки как-то упорядочить его комнату и вообще стал нетерпим. Мне жаль, что я огорчаю Вас этим письмом, но, может быть, Вы всё-таки найдёте какой-нибудь выход, хотя я и не представляю себе – какой. Все Ваши поздравления он получил. *Ваша О Сетницкая*” (Частное собрание. Публикуется впервые).

1 Текст письма О.Кручёных к О.Сетницкой от 24 июня 1968 г. нам неизвестен (её письма к О.Сетницкой не сохранились).

2 На похоронах поэта присутствовал сын О.Кручёных, Р.Н.Беспалов-Кручёных.

3 Литературный фонд Союза писателей СССР.

4 Ю.С.Тугова-Сенькина.

5 Институт Скорой помощи в Москве, названный в честь выдающегося русского хирурга *Николая Васильевича Склифосовского* (1836–1904).

6 Сын художников-авангардистов А.Древина и Н.Удальцовой. См. примечание 1 к воспоминаниям Ю.Туговой-Сенькиной “Мой сосед”.

7 “Секретариат правления Московской писательской организации Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена Союза писателей СССР, поэта и критика Алексея Елисеевича Кручёных, скончавшегося на 83-м году жизни, и выражает соболезнование родным и близким покойного” (“Вечерняя Москва”, 1968, 19 июня).

8 С В.А.Катаняном.

9 Статья Стефана Флюковского “Бочка диогена с лифтом и телефоном”.

10 Результатом встречи стала появившаяся в одной из чешских газет статья: Miroslav Lamač. *Perničky a la Kručonych*.

11 Либединская Л. Зелёная лампа. М., 1966. На подаренном О.Кручёных экземпляре этой книги поэт написал: “Дорогой Ольге Фёдоровне и всему её семейству – с лучшими пожеланиями, будьте здоровы и счастливы! Дед юбиляр (трижды) – устраивали вечера в честь моего 80-летия в музеях трижды!! 7/VI-66 г. *А.Кручёных*” (Частное собрание. Публикуется впервые).

12 Ардов В. Силуэты двух сатириков: [И.Ильфа и Е.Петрова]; [Б.п.]. Хобби и его плоды. – “Московский комсомолец”, 1967, 1 декабря.

13 Андроников И. Сокровища ЦГАЛИ. – “Наука и жизнь”, 1962, № 12. В статье даётся оценка собирательству Кручёных: “Поэт Алексей Кручёных снабжает литературные архивы Москвы теми нечаянными документами, которые часто куда более живо и полно, нежели вежливые письма и многословные воспоминания, рассказывают об отношениях, о неповторимых человеческих характерах, о творческой атмосфере, в которой возникли собранные им эпиграммы, фотографии, шаржи” (с.58).

14 См.: Кручёных А.Е. Воспоминания о В.В.Маяковском и футуристах. Выступление в ЦГАЛИ. (Автограф и машинопись с магнитофонной записи с правкой сотрудников ЦГАЛИ). 18 декабря 1959 г. – ЦГАЛИ, ф.1334, оп.1, ед. хр.4, 85 лл.

15 Директор ЦГАЛИ, Н.Б.Волкова, рассказывала автору этих строк о том, что архив ежегодно выплачивал Кручёных за сданные им материалы полторы тысячи рублей. Поэта в архиве любили и всегда старались материально поддержать его.

16 *Грета Алексеевна Кручёных* – дочь *Алексея Фёдоровича Кручёных* (1905–1978), племянника поэта. Сохранилось письмо Кручёных к ней от 16 августа 1947 г.: “Милая Грета! Письмо твоё своевременно получил, думаю, что теперь [ты] уже вернулась из пионерлагеря, и шлю, одновременно с этим, заказной бандеролью две толстых книги и 3 тонких. Я проводил лето “так себе”, так как жил всё время в городе и только ездил (в жару) ночевать на дачу в Кусково. Но работал – очень много и, думаю, результаты скажутся к 30-летию Октября (я много читал, писал, а также собирал материалы к октябрьск<ому> юбилею для литературных музеев Москвы). В Харьков<ской>, Киевск<ой>, Полтавск<ой> области прекрасный урожай, а огурцы – 50 коп<еек> кило, – надеюсь, это отразится и на одесских ценах, и все вы расцветёте и потолстеете. Привет всем, пишите, как Ваша жизнь. У меня, в основном, всё по-прежнему! Желаю успеха детям и взрослым! *А.Кручёных*” (Частное собрание. Публикуется впервые).

17 В последующих письмах к О.Кручёных О.Сетницкая сообщала: “<...> В декабре было произведено захоронение праха А<лексея> Е<лисеевича> – в крематории. Литфонд всё это сделал – была сделана мраморная доска с фото и надписью. Если случится быть кому-либо из вас там – то сообщаю Вам его местонахождение (колумбарий 20, сектор 40, № 6, 435, ряд 1). Как тягостно писать все эти слова. Но чем больше думаю о конце А<лексея> Е<лисеевича>, тем более убеждаюсь, как верен он был себе – и хорошо, что он почти не страдал, что его беспомощность не успела причинить ему беспокойства. <...>” (начало 1969 г. – Датировано нами); “<...> Всё ещё мне плохо без Алексея Елисеевича, он так помогал мне жить, вливал в меня бодрость своей жизнерадостностью. Он был таким до самых последних месяцев. <...> В крематории почти не бываю, он внушает мне ужас, всё же обыкновенная могила – совсем другое дело, чем эти шкафчики. <...>” (от 29 апреля 1970 г.); “<...> Хочу поехать в крематорий, попросить, чтобы привели в порядок доску с надписью на захоронении А<лексея> Е<лисеевича>. Меня беспокоит то, что эти захоронения в стенах сохраняются, насколько я понимаю, не больше десяти лет. До сих пор ни с чем мне не приходилось обращаться к администрации, т<ак> к<ак> никакого ухода за доской не требовалось. Думая, что это не официально делается, т<о> е<сть> удаляются захоронения, о которых никто не заботится. Может быть, надо поговорить в Литфонде по этому поводу? Ведь как-никак, Алексей Елисеевич всемирно известен. <...>” (от 26 апреля 1975 г. Частное собрание. Выдержки из писем публикуются впервые).

Михаил МАТУСОВСКИЙ. АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ У НАС ДОМА

Печатается по тексту изд.: Матусовский М. Горечь. Книга стихотворений. М., 1982, с.156-158.

Михаил Львович Матусовский (1915–1990) – поэт. История его стихотворения в прозе “Алексей Кручёных у нас дома” восходит к 1985 г., когда составитель настоящего тома обратился к нему с просьбой написать несколько страниц о Кручёных для готовившегося тогда сборника воспоминаний, посвящений и статей о нём. М.Матусовский так ответил на это предложение (письмо от 15 марта 1985 г., по почтовому штемпелю): “Уважаемый Сергей Михайлович! Я всегда боюсь воспоминателей, не бывших близко знакомых с человеком, о котором они вспоминают. С Алексеем Кручёных я был знаком, и он иногда даже бывал у меня. Я мог бы попытаться написать какое-то эссе, этюд, что-ли, – каким мне представляется Кручёных, но ведь я не был с ним настолько близок,

чтобы решиться писать воспоминания. Это меня всегда пугает: поэтому я не взял на себя смелость писать о Твардовском, Рыльском, Кирсанове и др<угих>. Быть может, я когда-нибудь напишу странички о них, зарисовки, наброски, отдельные штрихи, но только, повторяю, не воспоминания. Вот что я считаю нужным ответить на Ваше письмо. *С уважением Мих. Матусовский*" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

На повторную просьбу прислать материал о Кручёных (к письму прилагался проспект готовившегося сборника) М.Матусовский ответил обнадеживающе (письмо от 8 апреля 1987 г., по почтовому штемпелю): "Уважаемый Сергей Михайлович! Содержание Вашей книги свидетельствует явно, что книга должна быть интересной и достойно сохранить для литературы имя Алексея Кручёных. Вы делаете важное и полезное дело. Я не обещаю написать Вам много, но тут важно, чтобы те несколько страниц получились. Попробую написать о том, что я помню. Всего Вам доброго. *С приветом Мих. Матусовский*" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

Больше писем от М.Матусовского не было. А в середине 1992 г. вышла книга его стихов "Горечь" с необычной для стиля этого поэта зарисовкой о Кручёных. В аннотации к книге, в частности, говорится: "Перед читателем – последняя книга Михаила Матусовского. Работу над ней он закончил буквально за несколько дней до своей смерти <...>".

¹ Кручёных не выпускал книг "на оборотной стороне обоев". Автор имел в виду нашумевший первый сборник группы "Гилея" (и первый сборник русского поэтического авангарда вообще) "Садок Судей", вышедший в Санкт-Петербурге в середине мая 1910 г. тиражом 300 экземпляров. М.Матюшин писал в своих мемуарах "Русские кубо-футуристы": "<...> Я помню учредительные собрания участников первого сборника "Садок Судей": Хлебников, Елена Гуро, В.Каменский, Д. и Н.Бурлюки, Екатерина Низен, С.Мясоедов, А.Гей (Городецкий). Сколько остроумных соображений, сколько насмешек над теми, кто придёт в тупик от одного вида книжки, напечатанной на обоях, со странными стихами и прозой. Тут же В.Бурлюк рисовал портреты участников сборника. Тут же рождались шуточные экспромты, возбуждавшие не смех, а грохот. Книжку никто не хотел печатать. Поэтому мы её напечатали в типографии немецкой газеты "Petersburger Zeitung". На наше первое выступление символисты почти не обратили внимания, приняв бомбу за обыкновенную детскую хлопушку. "Садок Судей" быстро разошёлся, и мы стали подумывать о втором "Садке" (К истории русского авангарда. Stockholm, 1976, с.143). На обороте жёлтой обойной бумаги, с использованием её рисунка в качестве иллюстраций, издал свою книгу "Танго с коровами. (Железобетонные поэмы)" В.Каменский. Искусствовед Ю.Молок замечает по этому поводу в статье "Типографские опыты поэта-футуриста": "Мы не знаем, случайно или намеренно были выбраны обои такого цвета. Имел ли Каменский в виду знаменитую жёлтую кофту Маяковского, которая нередко фигурирует в его ранних стихах как "Кофта фата" ("Я сошью себе ...Жёлтую кофту из трёх аршин заката") и которую современники ассоциировали с легкомысленным и модным танцем: "Смышлёный малый Маяковский, который кофтой цвет танго наделал бум из ничего". Если кофта цвета танго была метафорой жёлтой кофты, то и книжку "Танго с коровами", одетую в футуристические – по материалу, цвету и заглавию – одежды, можно назвать книжкой в жёлтой кофте" (цит. по кн.: Каменский В. Танго с коровами. (Железобетонные поэмы). Факсимильное издание. М.: Книга, 1991, с.7).

² Минимальный тираж одной книги Кручёных в первый период его футуристического творчества (1912-1915) составил 50 экземпляров (совместный с В.Хлебниковым сборник "Тэ ли лэ", 1914), а максимальный – 1000 экземпляров (Возропщем, 1913; Чорт и речетворцы, 1913; Победа над солнцем, 1913).

³ *Игорь Владимирович Ильинский* (1901–1990) – выдающийся актёр театра и кино.

⁴ *Моссельпром* – Московское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности. В 1924 г. его воспел в своих рекламных стихах В.Маяковский: "Нигде, кроме как в Моссельпроме!"

⁵ Собирательство было основным источником заработка Кручёных после 1920-х гг. См. в работе научного сотрудника ЦГАЛИ Н.Г.Королёвой "Коллекция А.Е.Кручёных. (Текст выступления на вечере 6 мая 1986 г. в Музее В.В.Маяковского в честь 100-летия со дня рождения А.Кручёных)": "<...> Уже в 1920-е годы А.Кручёных начал заниматься собирательской деятельностью. Толчком к этому послужило, очевидно, собрание рукописей Велимира Хлебникова, сразу же после смерти поэта. Позже Кручёных собрал и записал диалоги Маяковского, стихотворные экспромты советских поэтов и писателей. Итогом этой работы явились сборники "Неизданный Хлебников", "Живой Маяковский", "Турнир поэтов", в издании которых Кручёных принимал активное участие. <...>" (Собрание С.Сухопарова. Публикуется впервые).

Некоторые сведения об этом находим и в письмах поэта к его племяннице О.Кручёных: "<...> У меня, в основном, всё то же, работаю для троих музеев, доволен, душевно и телесно. Жаловаться могу только на зубы – хлопотливое дело! <...>" (от 16 августа 1950 г.); "<...> У меня всё по-прежнему, в этом году особенно много был занят с тремя Лит<ературными> архивами... <...>" (от 26 декабря 1957 г.); "<...> Половину времени провожу в Ленинской библиотеке п<отому> ч<то> готовлю материалы для 4-х Лит<ературных> музеев <...>" (от 29 декабря 1958 г.); "<...> Для Литмузеев сейчас даю разные редкости и интересные рукописи, фото и т<ак> д<алее> Артёма Весёлого, Павла Васильева, Бабеля и многих других. Словом, я завертелся, не могу даже разобраться во всём в срочном порядке, [на что] уйдут, видно, годы и годы!.." (от 30 декабря 1958 г. Частное собрание. Выдержки из писем публикуются впервые).

⁶ *Дмитрий Алексеевич Поликарпов* – в те годы был заведующим отделом культуры ЦК КПСС, курировал СП СССР. Его портрет см. в воспоминаниях О.Ивинской "В плену времени. (Годы с Борисом Пастернаком)": "Встретил меня измождённый и какой-то испуганный, преждевременно старый человек с водянистыми глазами" ([Paris], 1978, s.222).

Николай ХАРДЖИЕВ. ОН УМЕЛ БЫТЬ ДРУГОМ

Печатается отрывок из статьи: Харджиев Н. Живой Кручёных. (Вместо предисловия). – Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento, 1990, с.147-148. Название дано составителем.

Николай Иванович Харджиев (род. 1903) – выдающийся литературовед и искусствовед. О нём см. биографическую справку в: Краткая литературная энциклопедия, т.8. М., 1975, стлб. 220. См. также: Дуганов Р. Культура новатора. – "Вопросы литературы", 1972, № 2; [Сухопаров С.] От редакции. – В газете: "Авангардисты в Херсоне", Херсон, 1991, вып. 2, 9 февраля, с.4.

Знакомство Н.Харджиева с Кручёных состоялось в самом конце 1920-х гг. Ему принадлежит фундаментальная статья о поэте – “Судьба Алексея Кручёных” (1965), предназначенная для публикации в журнале “Литературная Грузия” в честь 80-летия Кручёных (Г.Айги подготовил для этого же номера авторизованную подборку стихов “отца зауми” 1940-х–1950-х гг.), однако в СССР она была опубликована лишь 22 года спустя под названием “Полемичное имя” (“Памир”, Душанбе, 1987, № 2, с.163-169) – уже к 100-летию со дня рождения поэта-новатора. См. об этом в кн.: Сухопаров С. Алексей Кручёных: Судьба будетлянина. München, 1992, s. 135.

Статья Н.Харджиева “Живой Кручёных. (Вместо предисловия)” предваряет публикацию им дневниковых записей О.Сетницкой о Кручёных, которые он расценивает как важнейший источник достоверных сведений о жизни поэта, начиная с 1945 г.

¹ Н.Харджиев – автор многих стихов, посвящённых Кручёных. Он подписывал их псевдонимом *Феофан Бука*. Эти стихи помещены не только в машинописных альбомах “Кручёныхиада” (1946, 1961), но и в большинстве других, “издававшихся” Кручёных в период после окончания второй мировой войны.

² В конце мая 1968 г.

Виктор СОСНОРА. АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

Печатается по тексту публикации: Соснора В. Дом дней. (Роман). – “Звезда”, 1990, № 6, с.43-44.

Виктор Александрович Соснора (род. 1936) – поэт, прозаик, эссеист.

Честь открытия поэтического таланта В.Сосноры принадлежит Н.Асееву, который также написал предисловие к его первой книге стихов “Январский ливень” (1962). На вопрос корреспондента “Литературной газеты”, кто, кроме Н.Асеева, выступил для него в роли “старика Державина”, В.Соснора ответил: “Стариком Державиным” был, видимо, всё-таки он один. В моём творческом воспитании не участвовал никто, я полностью автодидакт. Но помогали многие. Больше всего – Лиля Юрьевна Брик. Мы с ней семнадцать лет дружили, у меня множество писем от неё. Это человек, которому я обязан, можно сказать, всей своей судьбой. Из поэтов был пересечён с ультра-мэтрами: Кручёных, Каменским, – которых тогда не печатали. Впрочем, как и меня. Кручёных, кстати, по-настоящему не опубликован до сих пор” (“Литературная газета”, 1992, 15 января). См. полемику поэта Ю.Левитанского с последним тезисом В.Сосноры в его интервью той же газете, озаглавленном “Чёрный квадрат” искусству ничего не сулит”: “<...> Ах, вздыхает Соснора, вы подумайте, до сего времени по-настоящему у нас не издан А.Кручёных! Ещё раз повторю – каждый волен любить что угодно и кого угодно. И Кручёных, конечно, тоже нужно издавать, и пусть, кому угодно, читают его знаменитое “Дыр бул щыл...”. Но речь о пропорции, о соотношении эстетического и этического, то есть, по существу, о духовности или о бездуховности нашей культуры. <...>” (1992, 4 марта, № 10).

В предисловии к публикации романа В.Сосноры “Дом дней” критик Андрей Арьев замечает: “<...> Не имеет никакого отношения к нарочитой экстравагантности и собственно литературный сюжет книги, её культурологический мотив. Хотя нарисованные в произведении портреты Маяковского, Асеева, Каменского, Кручёных, Брик и других всем известных

личностей даны в несомненном противодвижении к школьно-академической сложившейся трактовке. На них Сосноре не потребовалось масла – речь у него идёт о формулах – творчества и судьбы. “Никто не начинал поэзию тюрьмой и Библией, в 16 лет”. Это о Маяковском – исчерпывающе. Также и о футуризме в целом: “Футуризм – это будущее, – смерть. Футурист – смертник”. Я рискнул бы даже сказать, что Соснора сам выступает в этой книге почти как педагог, как наставник, помогая нам освободить мышление от грозных и грязных штампов. <...>” (“Звезда”, 1990, № 6, с.7-8).

¹ Автор стихов песни о матросе-партизане Железняке – поэт Михаил Голодный (см. примечание 5 к воспоминаниям Н.Гончаровой-Шведовой). Её первая строфа выглядит так:

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном – курган,
Лежит под курганом,
Заросший бурьяном,
Матрос Железняк-партизан...

² *Анатолий Григорьевич Железняков* (1895–1919) – матрос-партизан, герой Гражданской войны, известный под именем *Железняк*, осуществил вызывающий побег с императорского флота, штурмовал Зимний дворец в Петрограде (октябрь 1917 г.), руководил разгоном Учредительного собрания (1918; это ему принадлежит легендарная фраза: “Караул устал!”), командовал бронепоездом. Убит в бою.

³ Имеется в виду поэт А.Вознесенский и его мемуары “Мне четырнадцать лет...” (1980). В тогдашних литературных кругах (прежде всего Москвы и Ленинграда) эти мемуары вызвали самые различные оценки, вплоть до полярных. Главой о Кручёных была крайне возмущена племянница поэта О.Кручёных, изложившая свои претензии к мемуаристу в письме на имя Президиума Правления СП СССР и его партийного комитета (по совету друзей, письмо ею не было отправлено).

⁴ *Оскар Уайльд* (1856–1900) – английский писатель, один из наиболее ценных Кручёных авторов в его дофутуристический период творчества.

⁵ “Победа над солнцем” (1913).

⁶ *Александр Васильевич Суворов* (1730–1800) – выдающийся русский полководец, генералиссимус (1799).

⁷ *Иосиф Виссарионович Сталин* (1879–1953) – руководитель СССР в течение 30 лет (1923-1953).

⁸ Имеется в виду Н.Асеев, начинавший как поэт-футурист и входивший в группу “Центрифуга” (образовалась в 1914 г.); в 1920-е гг. Кручёных и Н.Асеев входили в группу Леф.

⁹ Имя *Александр* – вместо своего имени Алексей – Кручёных иногда использовал в годы раннего футуризма (напр., в подписи к манифесту “Пощёчина общественному вкусу”, декабрь 1912 г.).

Николай ГЛАЗКОВ. *БУДЕТЛЯНЕ*

Печатается по тексту сб.: Глазков Н. Избранное. М., 1989, с.278-279.

Николай Иванович Глазков (1919–1979) – поэт. Стихотворение “Будетляне” было написано им на смерть Кручёных и прочитано на панихиде по поэту 21 июня 1968 г. В своих воспоминаниях о Н.Глазкове “И его зачислят в книгу небывалых стихотворцев...”, Л.Либединская так характеризует отношения двух поэтов: “Поэзию Николая Глазкова и его самого очень любил Алексей Кручёных. Он чувствовал в нём не только своего преемника, но и преемника всех тех, с кем входил в литературу и чьим заветам остался верен до конца своих дней, – Хлебникова, Маяковского, Бурлюка. Глазков платил Кручёных трогательной и бережной любовью и если и посмеивался над ним, как, впрочем, над всеми, то всегда по-доброму и уважительно. В день шестидесятилетия Кручёных Глазков написал ему в альбом:

Так всегда: мы раз сто болеем,
Выздоровливаем раз сто,
А по случаю юбилея
Шандарахнем Абрау-Дюрсо.

Люблю людей неприручѐнных,
Весьма похожих на Кручѐных,
И посвятить желая стих им,
В день юбилея – крученыхнем!

И во имя молодца,
Мастера искусного,
Буль-буль-бульнем мы сырца
Под кручѐхинские закуски!

(Воспоминания о Николае Глазкове. М., 1989, с.220).

В упоминаемом Л.Либединской альбоме есть и “отдарок” Н.Глазкову – экспромт Кручѐных, обращѐнный к нему:

Средь затейных голосков
Мчится спринтером Глазков.

(День рождения А.Кручѐных. Залпы поздравлений / От трёх поколений. 22 февраля 1946 г. Собрал Е.Лунѐв. М., 1946, л.24).

¹ То есть футуризм (от лат. futurum - будущее).

² В опубликованном Л.Либединской варианте стихотворения “Будетляне” (в сб. “Воспоминания о Николае Глазкове”, с.220-221) эта строфа выглядит так:

И средь футуристов старший,
Мудрый их наставник-друг,
В Нью-Йорке проживавший
Третьим был Давид Бурлюк.

³ В варианте стихотворения, опубликованном Л.Либединской (указ. соч.) эта строка выглядит несколько иначе: "Член Литфонда Пастернак". Здесь подчёркнутая ирония: во время известной хрущёвской "всесоюзной кампании" по "осуждению" Б.Пастернака за публикацию в Италии его романа "Доктор Живаго" (1956), решением Президиума Правления СП СССР поэт в 1958 г. был исключён из Союза писателей (это решение было отменено только в 1990 г.), но оставлен членом Литфонда СП СССР.

Евгений РЕЙН. *АВАНГАРД*

Печатается по тексту сб.: Рейн Е. Непоправимый день. М., 1991, с.12-13.

Евгений Борисович Рейн (род. 1935) - поэт.

¹ См. примечание 5 к стихотворению Т.Вечорки "Нечаянно. (Жизнь А.Кручёных)".

² Аллюзия на ориентацию и даже определённую зависимость раннего русского художественного авангарда от западноевропейского, французского прежде всего.

³ *Пабло Пикассо* (1881–1971) – выдающийся французский художник-авангардист.

⁴ К.Малевич.

⁵ В.Хлебников.

⁶ См. примечание 15 к воспоминаниям Л.Озерова "Селёдка в компоте".